Это одна из тех пронзительных книг, которые остаются в памяти. *Publishers Weekly*

Shortlist 2013
Man Booker Prize

ДЖУМПА ЛАХИРИ

НИЗИНА

роман

Низина
Джумпа Лахири

Аннотация
Джумпа Лахири. НИЗИНА
Часть первая
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
Часть вторая
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
Часть третья
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
Часть четвертая
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Часть пятая
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Часть шестая
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Часть седьмая
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Часть восьмая
Глава 1
Глава 2
Благодарности

Аннотация

Роман Джумпы Лахири — лауреата Пулитцеровской премии — классическая семейная сага, в центре которой два брата. Мальчишки счастливы в родительском доме на краю низины, где растут водяные гиацинты и где им знаком каждый уголок. Они не представляют жизни друг без друга. Но когда они вырастут, им предстоят разные пути-дороги и любовь к одной и той же женщине. Для младшего эта любовь станет счастьем, а для старшего — драмой на всю жизнь…

Джумпа Лахири
НИЗИНА

Посвящается Кэтрин, всегда верившей в меня, и Альберто, который прошел со мной этот трудный путь.

lascia ch'io torni al mio paese sepolto
nell'erba come in un mare caldo e pesante.
...дай вернуться мне в город родной,
что покоится средь теплой зыби трав.

Джорджо Басани. Saluto a Roma

Часть первая

Глава 1

Маленькая мечеть высится за развилкой на Дешапран-Сашмаль-Роуд, к востоку от «Толли-клаб». От нее дорога поворачивает к тихому жилому квартальчику с узкими улочками, густо утыканными домами среднего класса.

Когда-то этот квартальчик украшали два продолговатых пруда, расположенные бок о бок. А за ними на несколько акров раскинулась низина.

После муссонных дождей, когда выпадала годовая порция осадков, вода прудов заливала разделявшую их дамбу и затапливала низину фута на три или четыре.

Через короткое время затопленная равнина густо покрывалась водяным гиацинтом. Этот плавучий сорняк буйно разрастался вширь и придавал водной поверхности обманчивый вид твердой почвы. Его сочная зелень ярко контрастировала с синевой неба.

По обочинам затопленной низины были разбросаны простые убогие хижины. Бедняки бродили здесь в поисках чего-нибудь съедобного. Осенью прилетали цапли. В своем потемневшем от городской копоти белом оперении они непо-

движно стояли на одной ноге и подкарауливали добычу.

В сыром климате Калькутты влага испарялась медленно, но солнце все-таки высушивало воду, и снова оголялась вязкая земля.

Субхаш и Удаян часто пересекали эту низину — так быстрее можно было добраться до поля, где они играли в футбол. По пути мальчики старательно перешагивали через еще оставшиеся лужицы и коврики гиацинтовых листьев, вдыхая напитанный влагой воздух.

А местная живность уже вовсю готовилась к сезону засухи. Одни откладывали яйца, способные выдержать период лютого зноя. Другие, чтобы выжить, зарывались в ил и без всякой жизнедеятельности ожидали следующего периода дождей.

Глава 2

Братья никогда не бывали на территории «Толли-клаб» — только сотни раз, как и большинство местных жителей, проходили мимо его деревянных ворот и кирпичных стен.

Поверх невысоких стен их отец любил наблюдать за лошадиными бегами. Он смотрел отсюда, с улицы, вместе с другими людьми, неспособными раскошелиться на входной билет, но делавшими ставки между собой. Так было возможно до середины сороковых годов. Но после Второй мировой войны стены надстроили, лишив простой люд бесплатного зрелища. То есть высокие стены появились до рождения Субхаша и Удаяна.

Их сосед Бисмилла работал в клубе кэдди, то есть был помощником игроков, носил их снаряжение. Еще он продавал за небольшую плату кем-то потерянные или забытые на поле мячи для гольфа. Некоторые мячи потрескались от ударов клюшкой, и в прорехи виднелось розовое резиновое нутро. Бисмилла был мусульманином, оставшимся в Толлиганге после Раздела.

Сначала ребята лупили по этим порченым мячикам простыми палками. Потом Бисмилла

продал им погнутую клюшку, которой какой-то расстроенный игрок в сердцах врезал по дереву.

Бисмилла показал им правильную позу для удара и научил правильно держать клюшку. Они нарыли себе в грязи лунки и принялись загонять туда мячи. Конечно, для ударов на разные расстояния требовались разные клюшки, но они пользовались своей единственной. Гольф все-таки сильно отличался от футбола или крикета. Это не та игра, где можно здорово импровизировать.

На влажной земле их поля Бисмилла начертил план «Толли-клаб». И еще на словах объяснил, что бассейн, конюшни и теннисный корт расположены рядом со зданием клуба. А в самом здании — рестораны, где подают чай в серебряных чайниках, и специальные залы для игры в бильярд и бридж. Там из граммофонов несется музыка, и бармены в белых одеждах приготавливают напитки с чудными названиями — «дама в розовом» и «шипучий джин».

Недавно хозяева клуба дополнительно надстроили еще стены, чтобы оградить территорию от проникновения посторонних, но, по словам Бисмиллы, на западной оконечности еще осталась часть ограждения из простой проволочной сетки.

Братья дождались приближения сумерек, когда гольфисты из-за назойливых туч комаров зайдут в здание, будут там пить коктейли. Других мальчишек они в свою затею не посвящали. Ребята дошли до мечети на углу, выделявшейся среди других строений своими красно-белыми минаретами, и свернули на главную дорогу. Они несли с собой клюшку и две пустые керосиновые канистры.

Их путь лежал через территорию «Техностудии» к заливным лугам, где некогда воды реки Ади-Ганга доставляли парусные суда британцев в дельту.

Теперь на этой заболоченной местности жили индусы, бежавшие в свое время из Дхаки, Раджшайи и Читтагонга. Люди лишились родных мест, а Калькутта хоть и дала приют, но словно бы их не замечала. После Раздела, примерно десять лет назад, эти люди наводнили Толлиганг, как муссонные дожди низину.

Кто-то из государственных рабочих получил жилье по программе обмена, но остальных ждала обычная участь беженцев, оторванных от земли предков и прибывавших сюда волнообразными наплывами. Сначала это был проворный ручеек, потом — стремительный поток. Субхаш и Удаян

помнили их. Помнили мрачную вереницу людей с узлами скарба на головах и детишками, примотанными тряпьем к родительским грудям. Они напоминали бредущее понурое стадо.

Беженцы городили себе жилища с крышами из тростника и стенами из бамбуковой плетенки. Они ютились в тесноте и в немыслимой грязи, без электричества, рядом с мусорными кучами.

Собственно говоря, из-за них река Ади-Ганга, на берегу которой располагался «Толли-клаб», превратилась теперь в некое подобие канализационной трубы на юго-востоке Калькутты. Вот поэтому клуб и обзавелся дополнительными стенами.

Субхаш и Удаян не нашли никакой проволочной сетки. Они просто остановились там, где стена была пониже. Здесь через нее можно было перелезть. Карманы шорт у мальчишек оттопыривали мячи для гольфа. Бисмилла сказал, что на территории они найдут еще много таких валяющихся мячей на земле, как стручки тамариндовых деревьев.

Удаян перебросил через стену клюшку и одну из канистр. На другую канистру встал Субхаш.

— Сложи руки в замок! — сказал Удаян.

В те времена ростом он был на несколько дюй-

мов ниже брата.

Субхаш сложил руки в замок и тут же ощутил на них тяжесть ноги брата, потертую подошву его сандалии, затем вес его тела. От тяжести он даже немного присел. Удаян проворно вскарабкался на стену и уселся поперек, как в седле, свесив ноги.

— Мне постоять на стреме снаружи? — спросил Субхаш.

— Да ну, тоже мне радость…

— А что ты там видишь?

— Залезай сам и посмотришь.

Субхаш прислонил плотнее к стене канистру, встал на нее и вдруг почувствовал, как прогнулась под его весом непрочная опора.

— Ну, давай, Субхаш!

Удаян перевалился через стену, держась за край одними пальцами, потом разжал их и плюхнулся вниз. Субхашу было слышно только его пыхтение.

— Ты в порядке?

— Ну да. Давай теперь ты!

Субхаш ухватился руками за стену и, согнув колени, подтянулся. Он даже не знал, что расстраивало его больше — отвага брата или собственная трусоватость. Субхашу уже исполнилось тринадцать лет, а Удаян был на пятнадцать месяцев

младше. Но Субхаш как-то совсем не воспринимал себя отдельно от брата. Младший брат всегда, неизменно присутствовал во всех, даже в самых ранних, его воспоминаниях.

Они вдруг оказались словно бы уже и не в Толлиганге. Из-за стены по-прежнему слышался шум улицы, но ребята уже не могли видеть ее. Теперь их окружали толстенные стволы курупит и эвкалиптов, густые кусты каллистемона и плюмерий.

Субхаш никогда не видел такой травы — словно расстеленный на земле ковер. Волнистый ковер, повторявший очертания песчаных дюн в пустыне или возмущенной поверхности моря. Этот яркий ковер так идеально подстригли, что на ощупь он показался сродни мху. Земля под этим «мхом» была гладкой, как лысая голова, и на ее фоне трава казалась значительно светлее.

Подросток никогда в жизни не видел сразу столько цапель, взмывавших в воздух при его приближении. Деревья отбрасывали сумеречные тени на лужайки. Их гладкие ветви стыдливо колыхались, словно женские груди под одеждой.

Оба брата испытывали волнительную оторопь от увиденного великолепия на закрытой территории, их тут же охватил страх быть пойманными.

Но подростков не засек ни один сторож, ни один пеший или конный охранник, никто не заметил и не погнал оттуда.

Про свой страх они забыли, как только увидели множество флажков, воткнутых там и сям, и вырытые в земле лунки с покрытием внутри. Повсюду в песчаных ямках блестела вода. Своими очертаниями они напоминали каплю, если ее разглядывать в микроскоп.

Братья старались держаться подальше от главного входа, не решались приблизиться к зданию клуба, где парочки иностранцев прогуливались под ручку или сидели в плетеных креслах. Бисмилла уже несколько раз им рассказывал про день рождения ребенка из британской семьи, оставшейся жить в Индии, — про этот праздник с вкусным мороженым, катанием на пони и тортом, в котором горят свечи. Хотя премьер-министром был Джавахарлал Неру, главную приемную залу украшал портрет молодой английской королевы Елизаветы II.

В дальнем пустынном углу этих владений, где кроме братьев был еще только случайно забредший буйвол, Удаян неистово бил по мячу. Задрав руки над головой и принимая нужные позы, он размахивал клюшкой, словно боевым мечом.

Когда Удаян слегка повредил лужайку и уже утопил несколько мячиков в одном искусственном водоеме, тогда братья отправились искать мячи на поле.

Субхаш стоял на стреме и прислушивался, не раздастся ли на дорожке из битого красного кирпича приближающийся стук копыт. Но пока ему было слышно только, как дятел долбит клювом дерево и как где-то на территории человек косит траву.

Поодаль там и сям виднелись рыжевато-коричневые в серую крапинку шкуры рассевшихся на траве шакалов в ожидании наступления ночи. Некоторые животные, как только сумерки чуть сгустились, уже начали делать первые пробные вылазки в поисках добычи. Их отрывочные подвывания эхом разносились по округе, давая мальчишкам понять: час поздний и пора им возвращаться домой.

Канистрами мальчишки распорядились так: одной снаружи пометили место преодоления стены, а другую спрятали на территории в кустах.

Когда они потом приходили сюда, Субхаш собирал птичьи перья и дикий миндаль, любовался стервятниками — как они купались в лужах, а потом сушили растопыренные крылья.

Однажды он нашел яичко, выпавшее из гнезда какой-то пичужки. Он бережно отнес яичко домой и поместил его в керамическую банку из-под магазинных сладостей, на дно положил несколько прутиков. А когда из яичка никто не вылупился, зарыл его за домом в саду, под манговым деревом.

* * *

Как-то вечером ребята перебросили через стену клюшку, перелезли наружу и не нашли другую канистру. И они принялись искать пропажу практически в потемках.

— Ее, наверное, кто-то взял, — сказал Удаян.

— Не это ли ищете, ребята? — Полицейский, патрулировавший окрестности клуба, появился словно ниоткуда.

В сумеречном свете они все же сразу разглядели рослого человека в полицейской форме с канистрой в руках.

Он сделал к ним несколько шагов, заметил валяющуюся на земле клюшку, подобрал ее и стал разглядывать. Затем поставил канистру, включил фонарик, и луч осветил мальчишек с головы до ног.

— Братья?

Субхаш кивнул.

— Что у вас в карманах?

Они вынули из карманов мячики для гольфа и отдали полицейскому. Тот рассовал их по своим карманам, а один мячик начал подбрасывать в воздух и ловить.

— Откуда у вас эти мячики?

Братья молчали.

— Вас кто-то пригласил поиграть сегодня в клубе в гольф?

Они помотали головами.

— Мне вряд ли следует объяснять вам, что это закрытая территория, — сказал полицейский и, вытянув клюшку, придержал Субхаша за плечо.

— Вы сегодня первый раз здесь?

— Нет.

— Это была твоя идея? По-моему, ты достаточно большой и должен понимать, что таких вещей делать нельзя.

— Это была моя идея, — признался Удаян.

— Какой у тебя преданный брат, — сказал полицейский Субхашу. — Хочет выгородить тебя, взять вину на себя. Сегодня я закрою глаза на ваш проступок. Не пойду жаловаться в клуб при одном условии: этого больше не повторится.

— Мы больше не придем сюда, — поспешил

уверить его Субхаш.

— Вот и хорошо. А теперь скажите-ка: мне отвести вас домой к родителям, или мы закончим наш разговор здесь?

— Здесь.

— Тогда повернись-ка. Ты один!

Субхаш повернулся лицом к стене.

— Сделай один шаг вперед!

Субхаш почувствовал, как стальная клюшка ударила его по заднице, потом ниже по ляжкам. От второго удара — на самом деле только короткого прикосновения — он присел на четвереньки. Те рубцы заживали у него много дней.

Родители никогда не били их. Он сначала не почувствовал ничего — только онемение. А потом ощущение стало такое, словно ему на кожу плеснули кипяток.

— Перестаньте! — крикнул полицейскому Удаян.

Он встал на четвереньки рядом с Субхашем и одной рукой обнял его за плечи — так пытался защитить.

С опущенными головами и закрытыми глазами, обнявшись за плечи, братья стояли на коленях. Субхаша мутило от полученных ударов. Он ждал новых, но больше ничего не было. Они

слышали, как брошенная через стену клюшка упала на землю, навсегда оставшись на территории клуба. Полицейский, который больше ничего не собирался с ними делать, ушел.

Глава 3

Субхаш с детства был осмотрительным. Матери не приходилось гоняться за ним. Он все время находился на глазах, когда она хлопотала у плиты или расшивала сари и блузы для заказчиц местного дамского портного. Или же мальчик помогал отцу сажать георгины, которые тот выращивал в горшках во дворе, яркие цветочные шары — лиловые, оранжевые, розовые, иногда с белыми кончиками на лепестках. Они, казалось, пламенели разноцветным живым костром на фоне унылой стены двора.

Субхаш всегда ждал, когда на улице стихнут игры и крики. Больше всего он любил оставаться один, или когда ему казалось, что он один. Любил по утрам лежать в постели и наблюдать, как солнечный свет мечется по стене, словно беспокойная птица.

Мальчик клал под стеклянный колпак абажура насекомых и наблюдал за ними. А в небольшом пруду неподалеку от дома, где мать иногда, вместо не пришедшей домработницы, мыла посуду, он ловил в мутной воде лягушек. «Он обитает в каком-то своем мире», — говорили о нем иногда

родственники, когда им случалось собраться вместе.

А вот Удаян, наоборот, вечно где-то пропадал. Даже в доме, состоявшем всего из двух комнат, он умудрялся где-нибудь спрятаться — то под кроватью, то за дверью, то в крохотном чуланчике, где хранились зимние стеганые одеяла.

Это у него была такая игра — неожиданно спрятаться или исчезнуть. Иногда он сбегал в сад, взбирался на дерево и тихо сидел. Мать же отрывалась от своих дел и в страхе повсюду искала и звала его, но не получала от ребенка никакого отклика. А Субхаш наблюдал за матерью, пока та разыскивала Удаяна, и видел на лице ее страх, приходивший к ней вместе с мыслью, что она может не найти сына.

Когда братья подросли и им стали разрешать отлучаться со двора, то было строго-настрого наказано: не терять друг друга из виду. Они вместе бродили по извилистым улочкам квартала, отправлялись за пруды и через низину на большое поле, где собирались другие мальчишки со всей округи. Они ходили к мечети на углу — посидеть на ее прохладных мраморных ступенях, иногда послушать там трансляцию футбольного матча, доносившуюся из чьего-нибудь репродуктора;

сторож мечети никогда не гонял их.

Наконец им разрешили покидать пределы квартала и пойти в город. Ходить так далеко, пока не устанут ноги, самостоятельно кататься на трамвае и автобусе. И все же угловая мечеть — это место духовного поклонения иноверцев — продолжала оставаться главным ориентиром в походах.

В какой-то момент Удаян предложил подойти к «Техностудии», где Сатьяджит Рай снял свой «Патер Панчали» и где проводили свои дни бенгальские кинозвезды. Знакомый парень, работавший на студии, иногда проводил их на съемочную площадку — в эту гущу переплетенных кабелей и проводов, залитую ослепительным светом софитов. После окрика, призывавшего к тишине, после звука хлопушки они наблюдали, как режиссер и вся киносъемочная команда снимали и переснимали одну и ту же сцену, добиваясь совершенства, подчас тратили целый рабочий день ради одного коротенького мига на пленке.

Им доводилось мельком увидеть красавиц актрис, когда те, прикрываясь солнечными очками, выходили из гримерок и садились в автомобили. Удаян иногда просил у актеров автограф. Он не знал стеснения и скованности — как некоторые

животные, видящие мир в черно-белых цветах, не знают других. Но Субхаш всячески старался минимизировать свое видимое присутствие так же, как многие животные стремятся слиться с древесной корой или травой.

Братья были очень разные, и тем не менее их постоянно путали — когда кого-нибудь из них окликали по имени, приходилось отзываться обоим. И голоса были почти одинаковыми. Сидя за шахматной доской, они напоминали зеркальные отражения — одна нога согнута, другая вытянута наружу, кулачок подпирает подбородок, локоть уперт в колено.

Они и телосложением были схожи до того, что имели общую одежду. У обоих цвет лица имел легкий медный оттенок, доставшийся им от родителей. И пальцы их, и четкие рубленые черты, и волнистые волосы были почти идентичны.

Субхаш все гадал, не расценивают ли родители его спокойный характер как отсутствие смышлености и изобретательности или даже слабохарактерности. Родителям не приходилось из-за него переживать, но от этого он не стал у них любимчиком. Поскольку он не способен был ни удивить чем-либо, ни впечатлить родителей, его задачей было просто слушаться. А удивлял и

впечатлял родителей Удаян.

Даже во дворике отчего дома навсегда увековечилась озорная натура Удаяна-сорванца. Цепочка его следов, отпечатавшихся, когда наконец принялись мостить грязный двор. В тот день сыновьям велели не выходить из дома до тех пор, пока не застынет раствор.

Все утро мальчишки наблюдали, как рабочий месил в тачке цементный раствор и потом ровненько размазывал и разглаживал его мастерком. «Двадцать четыре часа не ходить здесь!» — предупредил их рабочий перед уходом.

Субхаш послушно смотрел в окно и не выходил из дома. Но Удаян, стоило только матери отвернуться, сразу же пробежал по длиннющей доске, которую временно перекинули от порога до улицы.

Где-то на середине доски он потерял равновесие, и на не застывшем еще цементе осталась цепочка следов его босых стоп.

На следующий день снова пришел рабочий. К тому времени раствор уже застыл вместе с отпечатками Удаяновых ног. Единственное, что можно было сделать для устранения изъяна, — это положить новый слой раствора. Субхаш гадал, накажут ли брата на этот раз.

Но отец решил оставить все как есть. Не ради сбережения сил или средств, а потому, что не хотел замазывать следы младшего сына.

Так этот изъян превратился в достопримечательность дома. Достопримечательность, на которую сразу обращали внимание гости, которая стала их первым семейным анекдотом.

Субхаш мог пойти в школу на год раньше, но ради удобства (еще посчитались с Удаяном, не пожелавшим, чтобы брат ходил в школу без него) их отдали в один класс. В бенгальскую среднюю школу для мальчиков из простых семей, находившуюся за трамвайным депо и за христианским кладбищем.

В одинаковых тетрадках они записывали новые для себя знания об истории Индии, об основании Калькутты, чертили карты, знакомились с географией остального мира.

Они узнали, что Толлиганг был отстроен на мелиорированных землях. Что несколько сотен лет назад, когда течение Бенгальского залива было гораздо сильнее, здесь была болотистая местность с мангровыми зарослями. Что пруды, заливные луга и низина — остатки того явления.

На уроках, для лучшего усвоения знаний, они рисовали мангровые деревья — их густо перепле-

тенные корни, расположенные над поверхностью воды, их специальные поры для потребления воздуха, их продолговатые, похожие на сигары черенки, называемые «пропагулами».

Они узнали, что пропагулы во время отлива пускают поросль вокруг «родителей» в зыбкой солоноватой трясине. А в период прилива они не приживаются и уплывают из родных мест и могут блуждать целый год, пока не найдут подходящих условий для укоренения.

Англичане начали осушать эти заболоченные джунгли и застраивать их жильем. В 1770 году за пределами южной окраины Калькутты они основали пригород, здесь селилось больше европейцев, нежели индийцев. В пригороде можно было встретить дикого зверя и даже такую редкую птицу, как зимородок.

Майор Уильям Толли провел углубление, расширение, выправление и очистку русла экскаваторами со специальными ковшами, от этого улучшилось течение Ади-Ганги, которая в этом месте стала называться Руслом Толли. Благодаря этим деяниям он наладил торговую речную связь между Калькуттой и Восточной Бенгалией.

Территория «Толли-клаб» изначально принадлежала Ричарду Джонсону, председателю

правления Генерального банка Индии. В 1785 году он построил здесь виллу в античном стиле. Из всех субтропических краев мира в Толлиганг свозились заморские деревья.

В начале XIX века в поместье Джонсона Британская Восточно-Индийская компания заключила под надзор вдов и сыновей султана Типу, правителя Майсура, — после того как султан Типу был убит в ходе Четвертой англо-майсурской войны.

Арестованную семью привезли сюда из Шрирангапатны, с дальних юго-западных рубежей Индии. После освобождения им были пожалованы земельные наделы в Толлиганге. А по мере того как англичане стали сдвигаться к центру Калькутты, Толлиганг постепенно становился преимущественно мусульманским пригородом.

После Раздела, снова обратившего мусульман в меньшинство, названия многих улиц остались как наследие свергнутой династии Типу: Султан Аллам-Роуд, Принц Бахтияр-шах-Роуд, Принц Гулям-Мохаммад-шах-Роуд, Принц Рахимуддин-Лейн.

Гулям Мохаммад построил в Дхарматале большую мечеть в честь своего отца. Как раз в то время ему разрешено было поселиться на вилле Джонсона. Но к 1895 году, когда шотландец Уи-

льям Крукшэнк в поисках потерявшейся на охоте собаки забрел вместе со своей лошадью в эту местность, в заросшем диким плющом огромном заброшенном доме обитали только маленькие зверьки циветты.

Стараниями Крукшэнка заброшенный особняк отреставрировали, а на месте усадьбы основали загородный клуб. Крукшэнк был провозглашен его первым президентом. Так что именно ради британцев в начале 1930-х годов трамвайные линии продлили далеко на юг. Это сделали для того, чтобы англичане легче добирались, минуя городскую сутолоку, до «Толли-клаб», где они могли вращаться в почти европейском обществе.

В старших классах братья изучали оптику и динамику, таблицу химических элементов, законы распространения света и звука. Они узнали об открытых Герцем электромагнитных волнах, об экспериментах Маркони в области беспроводных передач. Бенгалец Джагадиш Чандра Боуз на своей лекции в здании ратуши Калькутты продемонстрировал, как электромагнитные волны могут поджигать порох и на расстоянии заставляют звонить колокольчик.

Каждый вечер братья с карандашами и ластиками устраивались за домашней металлической

партой и корпели над учебниками и тетрадками, при этом не забывали о продолжающейся партии на разложенной рядом шахматной доске. Они засиживались над уравнениями и формулами до глубокой ночи, чью тишь время от времени прорезывал вой шакалов с территории «Толли-клаб». А иной раз мальчики засиживались и до вороньих свар, оповещавших о начале нового дня.

Удаян не боялся спорить с учителями о гидравлике и о тектонике земных пластов. Он спорил запальчиво, отчаянно жестикулируя, чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, чтобы привлечь внимание к своему мнению. Его оживленная жестикуляция как бы показывала, что ему хочется потрогать руками все эти молекулы и частицы. Иногда учителя даже выставляли его за дверь, говоря, что он мешает учиться своим одноклассникам. Действительно, он давным-давно уже обогнал всех ровесников в учебе.

Потом, для подготовки к вступительным экзаменам в колледж, братьям наняли платного репетитора, для чего мать стала брать на дом дополнительную швейную работу. Репетитор был абсолютно лишен чувства юмора, его немигающие глаза казались вечно вытаращенными за стеклами очков. Этот строгий дядька приходил

к ним в дом каждый вечер, чтобы еще раз погонять ребят по корпускулярно-волновой теории света, по законам преломления и отражения. С ним братья вызубрили принцип Ферма, чья формулировка гласила: луч света, проходя между двумя точками, распространяется по тому пути, который занимает меньше всего времени.

Как только Удаян начал разбираться в электрических схемах, то заинтересовался домашней электропроводкой. Он обзавелся набором инструментов, научился устранять обрывы в проводах и чинить поломанные выключатели, соединять провода, зачищать их и паять. Он подтрунивал над матерью, которая так боялась, что ее стукнет током, и до выключателя дотрагивалась, только обвернув палец подолом сари.

Когда перегорали пробки, Удаян надевал резиновые калоши и бесстрашно лез в щиток их менять, а Субхаш стоял в сторонке и светил ему фонариком.

Однажды Удаян вернулся домой с мотком электропровода и взялся устанавливать на входной двери звонок. Он подключил его к трансформатору в щитке, а рядом с дверью прикрутил черненькую кнопку и подвел провода.

Когда все было готово, Удаян сказал брату, что

теперь при помощи этого зуммера они смогут освоить морзянку. Из взятой в библиотеке книжки по телеграфии Удаян выписал знаки азбуки Морзе — точки и тире, — соответствующие буквам алфавита. В двух экземплярах — для себя и брата.

Тире было в три раза длиннее точки. После каждой точки и после каждого тире необходима была пауза. Буквы полагалось разделять между собой тремя точками, а слова — семью. Братья решили обозначить себя заглавными буквами своих имен. Буква «С» равнялась трем быстрым точкам, буква «У» — двум точкам и тире.

Они по очереди выходили за дверь, посылали и принимали зашифрованные послания, недоступные для понимания их родителей. «Киношка», — предлагал один. «Нет, трамвайное депо, сигареты», — отзывался другой.

Ребята сочиняли сценарии, представляли себя какими-нибудь шпионами или диверсантами на грани провала, тайком выходящими на связь откуда-нибудь с горного перевала в Китае, или из дремучих дебрей русской тайги, или с тростниковых плантаций на Кубе.

Готовность?

Есть.

Координаты?
Не установлены.
Выжившие?
Двое.
Потери?..

С помощью этого зуммера они сообщали друг другу все: что хочется есть, что можно пойти поиграть в футбол, что мимо их дома только что прошла симпатичная девчонка. Это был их тайный способ переговариваться — как у двух игроков, поочередными пасами ведущих мяч к воротам. Приход репетитора у них обозначался знаком SOS — три точки, три тире и опять три точки.

Братья были приняты в два самых лучших колледжа города. Удаяну предстояло изучать физику в Президенси, а Субхашу — инженерную химию в Джадавпуре. Они были единственными из квартала и из своей ничем не примечательной средней школы, кто так преуспел в учебе.

Чтобы отпраздновать поступление сыновей в колледжи, отец пошел на базар и купил орехов кешью, розового сиропа и полкило отборных креветок для приготовления пуляо. Сам отец начал работать с девятнадцати лет, чтобы поддержать семью родителей. Неполученная степень

в колледже была единственным предметом его сожаления. Он трудился на невысокой канцелярской должности в железнодорожной компании «Индиан Рэйлуэйз». Теперь, когда по округе разнеслась молва об успехах его сыновей, он говорил, что ему проходу нет на улице от поздравлений.

В этом нет никакой его заслуги, отвечал он всем этим людям. Просто его сыновья усердно трудились, и их старания были вознаграждены. Все, чего добились, они добились самостоятельно.

На вопрос родителей, что они хотят в подарок, Субхаш ответил: мраморные шахматы взамен стареньких деревянных, которыми они всегда играли. А вот Удаян предпочел обзавестись коротковолновым радиоприемником. Ему хотелось знать больше новостей о событиях в мире, нежели он мог услышать из допотопного родительского репродуктора или выудить из тонюсенькой местной газеты, которую почтальон забрасывал к ним через забор по утрам.

Радиоприемник ребята собрали сами, накупив разрозненных деталей в магазинах и на барахолках армейской амуниции. Для этого использовали инструкцию, к которой прилагалась потрепанная схема. Все это добро они разложили сначала на кровати — шасси, конденсаторы, рези-

сторы, динамик. Потом довольно долго корпели над сборкой, подсоединяли провода. Готовый приемник получился как небольшой металлический чемоданчик с ручкой.

Прием шел лучше зимой, чем летом. И сеансы успешнее проходили ночью, когда солнечные фотоны не нарушали ионосферу и когда положительные и отрицательные частицы воздуха рекомбинировались быстро.

Братья по очереди сидели перед окном с приемником в руках, перебирали различные позиции, прилаживали антенну, крутили ручки настройки, медленно и тщательно выбирали частоты.

Они искали какие-нибудь иностранные радиостанции. Выпуски новостей московского радио, «Голоса Америки», радио Пекина, Би-би-си. Сквозь ревущий океан помех братья урывками ловили информацию из самых разных уголков планеты — сводки прогноза погоды по Центральной Европе, народные песни из Греции, речь Гамаля Абдель Насера, огромное множество сообщений на различных языках, которые они могли только угадывать: финский, турецкий, корейский, португальский…

Был 1964 год. Резолюция по Тонкинскому заливу санкционировала применение американских

вооруженных сил против Северного Вьетнама. В Бразилии произошел военный переворот.

В Калькутте на киноэкраны вышла «Чарулата». Более ста человек погибло в религиозных столкновениях между мусульманами и индусами после того, как из мечети в Шринагаре была похищена реликвия. В коммунистическом движении Индии начался раскол из-за разногласий по вопросам пограничной войны с Китаем, начавшейся двумя годами ранее. Выделившаяся из общего состава группа, симпатизировавшая Китаю, назвала себя Коммунистической марксистской партией Индии — КМПИ.

Партия «Индийский национальный конгресс» по-прежнему имела влияние на централизованное правительство в Дели. После смерти Джавахарлала Неру, скончавшегося от сердечного приступа, его дочь Индира заняла пост в кабинете министров. Через два года ей предстояло стать премьер-министром.

Субхаш и Удаян теперь по утрам брились, по очереди держали другу во дворе ручное зеркальце и кастрюлю с теплой водой. Позавтракав рисом, далом и хрустящей картофельной соломкой, они выходили из дому и шли в сторону угловой мечети, родной квартал оставался у них

за спиной. Еще какую-то часть пути они шагали вместе вдоль главной дороги, а после трамвайного депо садились на разные автобусы и ехали каждый в свой колледж.

Большую часть дня, разделенные расстоянием, они проводили с разными друзьями, общались с парнями, которые раньше посещали английские школы. Курсы обучения у них были во многом схожи, но преподаватели, лабораторные занятия и расписание экзаменов разные.

Колледж Удаяна находился гораздо дальше от дома, поэтому дорога занимала у него больше времени. Удаян стал дружить и гулять со студентами из северной Калькутты, поэтому шахматная доска братьев с неоконченной партией сиротливо стояла на письменном столе. Субхаш теперь частенько играл сам с собой. И все же каждый свой день он начинал и заканчивал рядом с Удаяном.

Однажды летним вечером 1966 года они слушали на коротких волнах трансляцию футбольного матча чемпионата мира на стадионе «Уэмбли». Англия играла против Германии. Это был легендарный финал с немыслимым призрачным голом, которому суждено было стать притчей во языцех на многие годы. На листке бумаги братья делали записи и чертили диаграммы, водили

пальцем по кровати, воссоздавая движение, происходившее на поле.

Счет открыли немцы, на восемнадцатой минуте Джеф Хёрст сравнял его. Ближе к концу первого тайма, когда англичане вели со счетом 2:1, Удаян вдруг выключил приемник.

— Что ты делаешь?

— Хочу улучшить прием.

— Да и так нормально слышно. Мы же пропустим конец матча!

— До конца еще далеко.

Удаян полез под кровать, где они хранили всякое свое добро — тетрадки с записями, компасы, линейки, бритвенные лезвия для отточки карандашей, спортивные журналы. Там же хранилась и инструкция по сборке приемника. А еще всякие запасные винтики, гаечки, отвертка и плоскогубцы.

Отверткой Удаян начал разбирать приемник.

— Надо провода развести подальше или от катушки, или от переключателя, — объяснил он.

— Обязательно сейчас?

Удаян не ответил, продолжал ковыряться в приемнике. Он уже открыл корпус и теперь проворными пальцами откручивал винтики.

— Мы же несколько дней собирали его, — не

унимался Субхаш.

— Ничего. Я знаю, что делаю.

Удаян обесточил шасси и пересоединил некоторые провода, потом снова собрал приемник.

Футбольный матч еще продолжался, треска в приемнике стало существенно меньше. Пока Удаян возился с приемником, немцы сравняли счет.

Потом Хёрст забил еще один мяч в ворота немцев. Мяч попал в штангу и отлетел за линию. Когда судья засчитал этот бросок как гол, немецкая команда запротестовала. Возмущение на поле улеглось после того, как судья проконсультировался с советским судьей на линии. В результате гол засчитали.

— Англичане выиграли, — сказал Удаян.

До конца игры оставалось еще несколько минут, немцы отчаянно пытались догнать в счете. Но Удаян оказался прав — до конца матча Хёрст даже умудрился забить четвертый мяч в ворота немцев. И тогда английские болельщики, не дожидаясь финального свистка, ликующей толпой повалили на поле.

Глава 4

В 1967 году из газет и из новостей Всеиндийского радио братья все чаще стали слышать о Наксалбари — местности, о которой прежде ничего не знали.

Это была цепочка мелких деревушек в округе Дарджилинг, узким коридором растянувшаяся вдоль северных рубежей Западной Бенгалии. Приютившаяся в предгорьях Гималаев на расстоянии четырехсот миль от Калькутты, эта отдаленная местность находилась гораздо ближе к Тибету, нежели к Толлигангу.

Жили там семьи крестьян, работавших на чайных плантациях и в крупных поместьях. Из поколения в поколение их жизнь имела феодальный уклад, который никогда, в сущности, не изменялся.

Этими отсталыми крестьянами манипулировали богатые землевладельцы. Они сгоняли крестьян с полей, которые те возделывали, не позволяя им забрать выращенный урожай. Крестьяне попадали в зависимость к ростовщикам. Лишенные средств к существованию, многие из них попросту погибали от голода.

В марте того года, когда один крестьянин-издольщик из Наксалбари попытался вспахать незаконно отобранную у него землю, землевладелец натравил на него своих головорезов, и те избили бедолагу до полусмерти, отняли плуг и буйвола. Полиция предпочла не вмешиваться.

Группа крестьян-издольщиков возмутилась этим делом и подняла протест. Они начали жечь владения и стихийно захватывать земли тех, кто их обманывал и притеснял.

Это был уже не первый случай крестьянских волнений в округе Дарджилинг, но на этот раз их тактика носила военный характер. С примитивным оружием в руках люди несли красные флаги и кричали: «Да здравствует Мао Цзэдун!»

Вдохновителями и организаторами происходящих событий стали два бенгальских коммуниста — Чару Маджумдар и Кану Санъял. Они выросли в маленьких городках близ Наксалбари и познакомились в тюрьме. Они были намного моложе большинства коммунистических лидеров Индии — людей, родившихся в конце 1880-х. Этих партийных «стариков» Маджумдар и Санъял презирали. В КМПИ они считались диссидентами.

Молодые бунтари требовали земельных прав для крестьян-издольщиков, а также призывали

крестьян работать не на помещика, а на себя.

Чару Маджумдар происходил из семьи землевладельцев и был сыном адвоката, в свое время его исключили из колледжа. Газеты пестрили портретами сухощавого человека с худым осунувшимся лицом, орлиным носом и густыми усами. Этот теоретик марксизма-ленинизма страдал астмой, и кое-кто из коммунистов старшего поколения называл его безумцем. На момент народных волнений в Дарджилинге он, даже еще не достигнув пятидесятилетнего возраста, уже был прикован к постели сердечной болезнью.

Кану Санъял стал учеником Маджумдара, когда обоим исполнилось по тридцать лет. Санъял происходил из касты браминов и знал диалекты горных племен. Он отказался от владения всякой собственности и примкнул к деревенской бедноте.

Народный бунт разрастался, охватывал все новые и новые территории, и тогда власти направили туда усиленные отряды полиции. Там установили комендантский час, произвели показательные аресты.

Правительство в Калькутте обратилось с воззванием к Санъялу в надежде, что он уговорит восставших крестьян сдаться. Сначала он пове-

рил правительству и встретился с налоговым министром, пообещал выйти на переговоры, но от переговоров в последний момент воздержался.

В мае пришло сообщение, что группа крестьян, среди которых были и женщины, вооруженная луками и стрелами, напала на инспектора полиции и убила его. На следующий день отряд местной полиции подкараулил толпу бунтовщиков на дороге. Одного из сержантов ранили стрелой в руку, и полиция приказала толпе разойтись. Но крестьяне не разошлись, и тогда полицейские открыли огонь. Одиннадцать человек погибли, среди них восемь женщин.

По ночам, наслушавшись радио, Субхаш и Удаян подолгу разговаривали, обсуждали происходящее. Тайком от родителей, когда те уходили спать, братья курили, поставив на письменный стол пепельницу.

— И ты считаешь, это стоило делать? — спрашивал Субхаш. — Ну, то, что сделали крестьяне.

— Конечно стоило. Они же восстали против несправедливости, рискнули всем. Этих нищих людей некому было защитить.

— Ну а чего они добились? Разве можно идти с луком и стрелами против сил современного

государства?

Удаян сложил в щепотку пальцы, словно хотел собрать со стола зернышки риса.

— А ты что сделал бы на их месте?

Как и многие в то время, Удаян винил во всем Объединенный фронт, коалицию левого крыла во главе с Аджоем Мухерджи, управлявшую тогда Западной Бенгалией. Ранее они с Субхашем сами радовались их победе. Объединенный фронт ввел в кабинет министров представителей от коммунистов, обещал установить государственную власть рабочих и крестьян и отменить систему крупного землевладения. Его усилиями почти двадцатилетнее влияние партии «Индийский национальный конгресс» в Западной Бенгалии было сведено на нет.

Но Объединенный фронт не поддержал народных повстанческих настроений. Даже, напротив, перед разрастающейся катастрофой министр внутренних дел Джиоти Басу бросил на восставших крестьян полицию. Так что теперь руки Аджоя Мухерджи были в крови.

Пекинская «Пиплз дейли» обвинила правительство Западной Бенгалии в кровавых репрессиях против революционного крестьянства. «Весенняя гроза над Индией» — гласил один из заголовков.

Все калькуттские газеты освещали эти события. На улицах, в студенческих городках начались демонстрации в защиту крестьян, в знак протеста против убийств. В Президенси-колледже и в Джадавпуре Субхаш и Удаян видели на окнах некоторых зданий флаги, вывешенные в поддержку Наксалбари. Они слышали призывы к отставке правительства.

А в Наксалбари конфликт только усиливался. Поступали сведения о случаях бандитских нападений и грабежей. Крестьяне устанавливали там собственное правление. Землевладельцев похищали и убивали.

В июле централизованное правительство издало указ о запрещении ношения луков и стрел в Наксалбари. На той же неделе кабинет министров Западной Бенгалии направил в мятежный регион пятьсот вооруженных солдат и офицеров. Они обыскивали глиняные хижины бедняков, хватали безоружных повстанцев и убивали их, если те отказывались сдаться. Безжалостно, с систематической неуклонностью они пресекали повстанческое движение.

Удаян вскочил со стула, в сердцах смахнув со стола кипу книг и газет. Он выключил радио и принялся выхаживать по комнате из угла в угол,

глядя в пол и нервно ероша пальцами волосы.

— С тобой все в порядке? — озабоченно спросил Субхаш.

Удаян стоял посреди комнаты, качая головой. В первый момент он просто не знал, что сказать. Сообщение потрясло их обоих, но Удаян отреагировал на него как на личное оскорбление, так, словно ударили его.

— Люди голодают и гибнут от голода, а против них устроили такое, — наконец проговорил он. — Они жертв объявляют преступниками, направляют дула на людей, которые не могут стрелять в ответ. — Он откинул крючок на двери их комнаты.

— Ты куда?

— Не знаю. Мне нужно пройтись. Подумать, осмыслить… Я не понимаю, как могло дойти до такого.

— Но в любом случае все, похоже, уже кончено.

Удаян немного помедлил на пороге и сказал:

— Не знаю, это может быть только началом.

— Началом чего?

— Чего-то большего. Чего-то другого.

Удаян процитировал то, что предсказывала китайская пресса: «От искры, вспыхнувшей в Дар-

джилинге, займется пламя, которое, несомненно, охватит огромные просторы Индии».

К осени Санъял и Маджумдар уже оба оказались на нелегальном положении. Той же осенью в Боливии казнили Че Гевару, которому, в доказательство смерти, уже мертвому отрубили руки.

В Индии журналисты начали издавать собственные газеты: «Либерейшн» — на английском языке, «Дешабрати» — на бенгальском. Они печатали там статьи из китайских коммунистических изданий. Удаян стал приносить их домой.

— В этой риторике нет ничего нового, — как-то сказал отец, пролистав экземпляр такой газеты. — Наше поколение тоже читало Маркса.

— Ваше поколение ничего не решало, — возразил ему Удаян.

— Мы построили государство. Независимое государство. Наша страна принадлежит нам.

— Этого недостаточно. Куда оно завело нас, это ваше государство? Смотри, чем все кончилось.

— Для таких больших изменений требуется время.

Отец отмахнулся от вопроса о Наксалбари, сказал, что молодые люди кипятятся на ровном месте, что решение всей проблемы — это вопрос пятидесяти двух дней.

— Нет, папа. Объединенный фронт считает себя победителем, но на самом деле он проиграл. Ты же видишь, что происходит.

— А что происходит?

— Люди откликнулись на события. Наксалбари их вдохновил. Он стал импульсом к переменам.

— Мне уже довелось видеть времена перемен в этой стране, — сказал отец. — И я, в отличие от вас, знаю, чего стоит поменять одну систему на другую.

Но Удаян упорствовал. Он начал вызывать отца на спор — как когда-то вызывал на спор школьных учителей. Он закидал отца вопросами. Если он так гордится независимостью Индии, почему тогда в свое время не протестовал против владычества британцев? Почему так и не вступил в профсоюз? Почему никогда не занимал какой-либо четкой политической позиции, хотя на выборах голосовал за коммуниста?

Но сыновья и так знали почему. Потому что их отец состоял на государственной службе, и ему запрещено было вступать в какие-либо партии или профсоюзы. В период Независимости ему запрещалось даже где-либо высказывать свое мнение — таковы были условия поступления его на работу. Некоторые нарушали эти правила, но

отец Субхаша и Удаяна не хотел рисковать.

— Он делал это ради нас, ведь всегда нес за семью ответственность, — сказал Субхаш.

Но Удаян был на этот счет другого мнения.

Теперь кроме учебников по физике Удаян изучал еще и другие книги. Из них торчало множество узеньких бумажных закладок. «Обреченные на нищету. Что делать?». Книга в красной обложке, толщиной не больше чем колода карт, содержала в себе изречения Мао.

Когда Субхаш спросил, где Удаян берет деньги на покупку такой литературы, Удаян ответил, что не покупает эти книги, а берет их почитать у знакомых ребят в колледже.

Под кроватью Удаяна еще хранились брошюры Чару Маджумдара. Большинство из них было написано еще до восстания в Наксалбари, когда Маджумдар сидел в тюрьме. «Наши задачи в настоящей ситуации», «Воспользоваться обстоятельствами», «Какие возможности сулит нам 1965 год?».

Однажды дома Субхаш решил сделать перерыв в занятиях, зачем-то залез под кровать Удаяна. Эссе были написаны кратким, напыщенным слогом. Маджумдар утверждал, что Индия превратилась в страну нищих и иностранцев.

«Реакционное правительство Индии проводит тактику массового убийства. Они убивают людей не только пулями, но и голодом».

Он обвинял Индию в том, что для решения своих проблем та обращается к Соединенным Штатам. Он обвинял Соединенные Штаты в том, что они превратили Индию в свою пешку. Он обвинял Советский Союз в поддержке индийского правящего класса.

Он призывал к созданию подпольной партии. Он призывал искать кадры для этой партии в деревнях. Он сравнивал такой метод активного сопротивления с борьбой за гражданские права в Соединенных Штатах.

Во всех эссе он призывал обратиться к опыту Китая. «Если мы признаем наконец, что индийская революция неизбежно примет форму гражданской войны, то тактика повсеместного захвата власти должна стать нашей единственной тактикой».

— И ты считаешь, это может дать результат? То, что предлагает Маджумдар, — спросил Субхаш как-то Удаяна.

Они в тот момент уже закончили подготовку к последним экзаменам и шли поиграть в футбол с бывшими одноклассниками.

На углу Удаян купил газету и, развернув ее на статье о Наксалбари, стал читать прямо на ходу.

Они шли по родному кварталу. Мимо людей, которые знали их еще мальчишками. Мимо двух прудов, как всегда, безмятежных и зеленых. Мимо низины, которую пришлось обогнуть, так как она была еще затоплена.

Ребята остановились немного передохнуть. Удаян указал головой на бедные хижины по краям низины, покрытой водяными гиацинтами, и сказал:

— Уже есть результат. Мао изменил Китай.

— Но Индия — это не Китай.

— Нет. Но могла бы стать такой же, — ответил Удаян.

Теперь, когда им случалось ходить мимо «Толли-клаб», Удаян воспринимал его как откровенный вызов тому огромному множеству людей, которые до сих пор жили в трущобах. Людей, чьи дети рождались и росли на улице. Так почему же целая сотня акров земли, обнесенная прочными стенами, должна служить для удовольствия немногих?

Субхашу вспомнились завезенные заморские деревья, цветы, птичье пение. Мячики для гольфа, которыми были набиты их карманы, и

безукоризненная зелень холеных лужаек. Ему вспомнилось, как Удаян первым лез на стену и звал брата последовать его примеру. Как Удаян в тот их последний поход на запретную территорию встал рядом на колени и обнял его, пытаясь защитить.

Он напомнил все это Удаяну. В ответ тот сказал: гольф — это прошлое. Прошлое продажной реакционной буржуазии. «Толли-клаб» — еще одно доказательство, что Индия до сих пор остается полуколониальной страной и ведет себя так, словно британцы отсюда и не уходили.

А еще он сказал, что Че, работавший кэдди в одном из гольф-клубов Аргентины, тоже в свое время пришел к такому заключению. И что после кубинской революции Фидель Кастро первым делом избавился от полей для гольфа.

Глава 5

В начале 1968 года оппозиционные настроения росли, правительство Объединенного фронта проявило полную несостоятельность, поэтому в Западной Бенгалии было введено прямое президентское правление.

Система образования тоже претерпевала кризис. Устарелые принципы педагогики полностью расходились с реалиями индийской жизни. Преподаватели учили молодежь игнорировать нужды простых людей. И эту мысль стали распространять повсюду радикально настроенные студенты.

Вторя Парижу, вторя Беркли, студенты в колледжах Калькутты бойкотировали экзамены, рвали дипломы. На собраниях и заседаниях перебивали ораторов, обвиняли администрации колледжей в коррупции. Баррикадировали деканов в их кабинетах, отказывались принести им еду и воду до тех пор, пока те не выполнят предъявленные требования.

Несмотря на неспокойную атмосферу, оба брата продолжили учебу. Удаян — в Калькуттском университете, Субхаш — все там же, в Джадавпуре.

Они намеревались получить образование, устроиться на хорошую работу, чтобы со временем иметь возможность поддержать родителей.

Расписание Удаяна стало совсем беспорядочным. Однажды вечером, когда он не вернулся к ужину, мать отставила для него еду в сторонку, накрыв тарелкой. Когда утром она спросила, почему он так ничего и не съел, он сказал, что поужинал вчера дома у друга.

Когда Удаяна не бывало за ужином, в семье больше не обсуждали наксалбарийское повстанческое движение и то, как оно распространялось по Западной Бенгалии и по всей Индии. Не обсуждали больше партизанское движение в Бихаре и в Андра-Прадеше. Субхаш понял: Удаян теперь проводит свободное время с другими — с теми, с кем мог свободно обсуждать острые проблемы.

Без Удаяна домашний ужин проходил в тишине, безо всяких споров, как и предпочитал их отец. Субхашу, конечно, не хватало общества брата, но иногда было очень даже приятно посидеть в тишине и одиночестве за письменным столом.

Когда Удаян находился дома, то неизменно включал приемник и слушал короткие волны. Официальные новости его не удовлетворяли, и он нашел тайные каналы вещания из Дарджилинга

и Силигури. Он слушал радио Пекина. Однажды, перед рассветом, он передал искаженный эфирными помехами голос Мао, обращенный к народу Китая, на частоте Толлиганга.

По приглашению Удаяна из чистого любопытства Субхаш однажды пошел с ним на встречу студентов-единомышленников. В маленькую прокуренную комнату битком набились студенты. На зеленой стене висел обернутый в полиэтилен портрет Ленина, но настроения в комнате были антимосковские — пропекинские.

Субхаш ожидал шумных дебатов, но студенческое собрание проходило как обыкновенный учебный семинар. Студент-медик по имени Синха выступал в роли преподавателя. Остальные записывали все в тетрадки. По очереди им предлагалось встать и высказаться, продемонстрировать свои знания по истории Китая и постулатов Мао.

Они обменивались свежими номерами газет «Дешабрати» и «Либерейшн», где освещались последние события повстанческого движения в Шрикакуламе. Там около сотни горных деревень тоже захлестнула марксистская волна.

Взбунтовавшиеся крестьяне строили укрепления, к которым не могла подступиться полиция.

Землевладельцы спасались бегством. Приходили сообщения о целых семьях, сожженных заживо во сне, о насаженных на колья головах, о призывах к мщению, написанных кровью.

Синха говорил неторопливо, вдумчиво, сцепив пальцы в замок на столе.

— Прошел год с начала событий в Наксалбари, а Коммунистическая марксистская партия продолжает предавать нас. Они опорочили красное знамя. Опорочили светлое имя Маркса.

Марксистская компартия, политика Советского Союза, реакционное правительство Индии — все они на одной стороне. Все они — лакеи Соединенных Штатов. Они представляют для нас четыре горных хребта, которые мы должны как-то преодолеть.

У марксистской компартии одна цель — сохранить влияние. А наша цель: создание справедливого общества. Создание новой партии стало насущно необходимой задачей. Если истории суждено сделать шаг вперед, то сначала нужно покончить с пустой болтовней и политикой заигрывания.

Собравшиеся слушали затаив дыхание. Субхаш видел, с какой увлеченностью Удаян внимал словам Синхи.

Субхаш сидел рядом с Удаяном, но чувствовал себя на этом собрании каким-то невидимкой. Он не был уверен, что привнесенная идеология сможет разрешить проблемы Индии. Хотя искра вспыхнула уже год назад, он не считал, что за этой искрой обязательно должна последовать революция.

Он не знал, чего ему не хватало, чтобы поверить в это, — смелости или воображения. Из-за недостающих качеств он не мог разделить политические убеждения и веру брата.

Субхаш помнил, как они с Удаяном обменивались смешными глупыми посланиями, когда отправляли друг другу при помощи зуммера. Но он сейчас не знал, как ответить на сигналы, посылаемые Синхой. Эти же сигналы Удаян принимал с готовностью.

Под кроватью у стены в их комнате теперь появились банка с красной краской и кисточка. Раньше их там не было. А под матрасом Субхаш нашел список призывов, переписанных рукой Удаяна. «Председатель Китая — наш председатель!», «Долой выборы!», «Наш путь — это путь Наксалбари!».

Стены города были исписаны подобными лозунгами. И стены корпусов студенческого

городка, и высоченные стены киностудии, и низенькие стены вдоль улиц их квартала.

Однажды ночью Субхаш услышал, как Удаян вернулся домой и сразу же направился в ванную. До него донесся звук льющейся воды из душа. Субхаш сидел за письменным столом и видел, как Удаян, войдя, первым делом затолкал банку с краской под кровать.

Субхаш закрыл тетрадь и надел на ручку колпачок.

— Что ты сейчас делал?

— Отмывался.

Удаян прошел через всю комнату и сел в кресло у окна. На нем белела пижама. Кожа его и волосы на груди были еще влажными. Он взял в рот сигарету, открыл спичечный коробок, чиркнул несколько раз, прежде чем спичка загорелась.

— Ты писал лозунги? — спросил Субхаш.

— Правящий класс повсюду распространяет свою пропаганду. Почему им можно оказывать влияние на людей, а другим нельзя?

— А если тебя схватит полиция?

— Не схватит.

Удаян включил радиоприемник.

— Если мы не воспрепятствуем проблеме, мы ее только увеличим. Вот так-то, Субхаш. — И,

помолчав, он прибавил: — Если хочешь, пошли завтра со мной.

Субхаш снова стоял на стреме, снова ловил каждый звук.

По деревянному мосту они перешли через Русло Толли. В детстве родители не разрешали им ходить сюда, считали, что это уже слишком далеко от дома.

Субхаш светил фонариком на стену. Уже наступила почти полночь, и они сказали родителям, что идут на поздний сеанс в кино.

Затаив дыхание, Субхаш прислушивался к каждому звуку. Лягушки в пруду квакали монотонно и настойчиво.

Окунув кисть в банку с краской, Удаян написал на стене по-английски: «Да здравствует Наксалбари!»

Он выводил буквы быстро, но руки его почему-то дрожали. Субхаш замечал эту дрожь в руках брата уже последние несколько недель — когда тот крутил настройку приемника или переворачивал газетные страницы.

Субхашу вспомнилось, как они лезли через стену «Толли-клаб». Но сейчас Субхаш почему-то не боялся, что их поймают. Может, и глупо было так думать, но что-то ему подсказывало: такая

вещь случается только один раз. И он оказался прав: никто не заметил их, никто не наказал их за этот поступок. Спустя несколько минут они уже шли обратно по мосту и курили сигареты, чтобы успокоиться.

Сейчас больше нервничал Удаян, он был очень горд выполненным делом.

А Субхаш злился на самого себя — за обязанность доказывать себе, что он способен на такие вещи.

Он ненавидел свой вечный страх, свою вечную боязнь всего — что он перестанет существовать или что они с Удаяном перестанут быть братьями, если Субхаш пойдет Удаяну наперекор.

Закончив учебу в колледже, братья, как и многие их сверстники, оказались невостребованными. Они начали подрабатывать репетиторством, чтобы приносить хоть какие-то деньги в дом. Удаян нашел себе место учителя в школе недалеко от Толлиганга. Эта незатейливая работа ему, похоже, нравилась, карьера его не интересовала.

А Субхаш решил подать заявку на дальнейшее обучение в Соединенных Штатах. Иммиграционные законы к тому времени изменились, и прием студентов из Индии в Америке существенно упростился. В колледже он изучал химию и

окружающую среду, а также влияние нефтяных и азотистых загрязнений на океаны, реки и озера.

Перед тем как сообщить о своих намерениях родителям, он решил посоветоваться с Удаяном, надеялся на понимание брата. Он даже предложил Удаяну тоже поехать за границу, где гораздо легче было найти работу, где сама жизнь для них обоих могла бы сложиться лучше.

Он перечислил несколько прославленных университетов, взрастивших множество одаренных ученых. Среди них он упомянул Массачусетский технологический институт в Принстоне, где работал Эйнштейн.

Но этот список не впечатлил Удаяна.

— Как ты можешь уехать сейчас, отвернуться от происходящего здесь? И надо же! Из всех мест ты выбрал Америку!

— Но там короткая программа обучения — всего несколько лет.

Удаян покачал головой:

— Если ты уедешь, то уже не вернешься.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я знаю тебя. Ты всегда думаешь только о себе.

Субхаш растерянно смотрел на брата — полулежа на кровати, с сигаретой во рту, тот листал

газеты.

— А то, что ты делаешь, не эгоистично?

Не отрываясь от газеты, Удаян перевернул страницу и ответил:

— Не думаю, что хотеть изменить мир к лучшему — это эгоистичное желание. Нет.

— Но это же не детские игры. А если в дом нагрянет полиция? Если тебя арестуют? Что подумают мама и папа?

— Жизнь — это нечто большее, чем то, что думают мама с папой.

— Да что с тобой, Удаян? Как ты можешь так говорить? Ведь родители тебя вырастили. Они и сейчас еще кормят и одевают тебя. Ты обязан им всем. Без них ты был бы никто.

Удаян вскочил с кровати и вышел из комнаты, но очень скоро вернулся. Он угрюмо смотрел в пол — ему удалось погасить быстро возгорающийся гнев.

— Ты — моя вторая половина, Субхаш. Это без тебя я — никто. Не уезжай!

Впервые в жизни он произнес вслух такую вещь. Произнес с любовью и нежностью.

Но Субхаш воспринял это как приказ — как один из многих приказов Удаяна, перед которыми он всю жизнь пасовал. Как очередной призыв

снова следовать за Удаяном.

Но уехал вскоре сам Удаян. Уехал из города, но куда и зачем, не объяснил. Школа, в которой работал, была тогда закрыта. Утром в день своего отъезда он сообщил Субхашу и родителям, что эта поездка была запланирована.

Он уезжал как будто на один день, всего лишь с одной матерчатой сумкой через плечо и с деньгами только на обратный билет.

— Ты с друзьями едешь? Это у вас что-то вроде туристической поездки? — поинтересовался отец.

— Да. Хочется развеяться.

— А почему так внезапно?

— Ну а почему бы и нет? Что в этом такого?

Он поклонился в ноги родителям, попросил их не беспокоиться и обещал вернуться.

За время отсутствия от Удаяна не приходило никаких вестей — ни письма, ни звонка, никакой другой возможности узнать, жив он или нет. Субхаш и родители не затрагивали эту тему, но никто из них не верил, что Удаян где-то разглядывает достопримечательности. Они не поверили с самого начала, но и никто из них не попытался остановить его.

Он вернулся только через месяц, сильно по-

худевший, с бородой и усами. Пальцы у него дрожали теперь еще сильнее — чашка иной раз стучала о блюдце у него в руках. Эта дрожь была заметна, когда он застегивал пуговицы на рубашке или держал шариковую ручку. По утрам на его постели виднелись вмятины от тела, а простыни были мокры от пота. Однажды утром он проснулся с бешеным сердцебиением и испариной на лбу, ему позвали врача и сделали анализ крови.

Родные думали, что он подцепил за городом какую-то болезнь — малярию или менингит, но врач обнаружил у него просто увеличение щитовидной железы — недуг, вполне поддающийся медикаментозному лечению. Врач объяснил: лекарство может подействовать не сразу и принимать его нужно постоянно. И еще он сказал, что это заболевание может сопровождаться у больного повышенной раздражительностью и резкими переменами в настроении.

Удаян поправился и жил теперь все время дома, никуда не отлучался, но душа его словно осталась где-то там. То, что он узнал, или увидел, или сделал во время той поездки, он хранил про себя и не рассказывал об этом никому.

Он больше не отговаривал Субхаша от поездки в Америку. Слушая по вечерам радио или листая

газеты, он не выказывал никаких эмоций. Что-то завладело его мыслями и душой — это уже не имело отношения к Субхашу, к родителям и к их дому.

В 1969 году в день рождения Ленина, 22 апреля, в Калькутте была образована третья коммунистическая партия. Ее члены называли себя «наксалитами» в честь событий в Наксалбари. Чару Маджумдар был провозглашен ее генеральным секретарем, Кану Санъял выбран председателем.

В день Первого мая массовая процессия заполонила улицы. Десять тысяч человек двигались к центру города. Они собрались на площади, возле увенчанной куполом белой колонны Шахида Минара.

Только что освободившийся из тюрьмы Кану Санъял взошел на трибуну и обратился с речью к возбужденной толпе:

— С величайшей гордостью и безграничной радостью я хочу объявить вам, собравшимся на этой площади, что с сегодняшнего дня у нас есть новая, истинно коммунистическая партия! Коммунистическая марксистско-ленинская партия Индии — КМЛПИ.

Санъял не выразил благодарности политикам, добившихся его освобождения из тюрьмы. Его

освобождение явилось требованием времени, Наксалбари всколыхнул всю Индию, сказал он.

В стране и за ее пределами назрела революционная ситуация. Волна революционных настроений захлестнула весь мир. Великий кормчий Мао Цзэдун стоит у руля.

И в стране, и за ее пределами реакционные силы стали ослабевать и уступать нашему напору. Внешне они кажутся сильными, но на самом деле это всего лишь колоссы на глиняных ногах да просто бумажные тигры.

Главной задачей новой партии должна стать организация крестьянства. Крестьяне должны подняться на бой, и их тактикой должна быть партизанская война, а их врагом — государство.

— Мы создали новую форму коммунизма, — заявил Санъял. — Штабы нашей борьбы будут находиться в деревнях. К 2000 году, то есть всего через тридцать один год, люди всего мира освободятся от любых форм эксплуатации и станут праздновать победу марксизма-ленинизма и идей Мао.

Чару Маджумдар не присутствовал на митинге, но Санъял поклялся в верности ему, сравнил его в мудрости с Мао и предостерег народ против тех, кто бросал вызов учению Маджумдара.

— Мы создадим новое солнце и новую луну, которые засияют над нашей великой родиной! — закончил он.

Эти его слова прозвенели на многие мили.

Газеты опубликовали потом фотографии прошедшего митинга, снятые с отдаленного расстояния. На них были запечатлены массы людей, пришедших послушать речь Санъяла и увидеть красный салют. Пламенные призывы проникли в их души. На снимках была запечатлена Калькутта тех дней.

Это был портрет города, чьей частью Субхаш больше уже не считал себя. Города, стоявшего на пороге чего-то неизвестного. Города, который он собирался покинуть.

Субхаш знал: Удаян был на том митинге. Субхаш не пошел туда с ним, а Удаян и не приглашал. В этом смысле они уже отдалились друг от друга.

Глава 6

Спустя несколько месяцев Субхаш тоже поехал в деревню. Да, этим словом принято называть подобные места у американцев. Этим старомодным словом, обозначавшим первоначально поселение или просто тихое, спокойное место. Однако же такая деревня всегда содержала в себе признаки цивилизации: церковь, здание суда, ресторанчик, тюрьму.

Университет начинался как сельскохозяйственная школа, и колледж по-прежнему окружали фруктовые сады, оранжереи, кукурузные поля. И луга, где учеными культивировались травы. Эти плантации старательно орошались, удобрялись и скашивались. И эти лужайки были гораздо красивее, чем виденные Субхашем когда-то на территории «Толли-клаб».

Но теперь он был не в Толлиганге. Оторвался, как отрывался когда-то по утрам от снов, чья яркая реалистичность и логика утрачивала всякий смысл при свете наступившего дня.

Разница была такой огромной, что эти два места никак не могли уместиться у него в голове одновременно. В этой новой для него огромной

стране, казалось, не было пространства, где можно было бы приютить старую жизнь. Их ничто не связывало, кроме самого Субхаша. Жизнь здесь текла просто и была лишена всяческих препон. Люди здесь не носились толпами, как угорелые.

И все же физическое устройство Род-Айленда — штата столь крохотного в масштабах Америки, что на некоторых картах он обозначался лишь циферкой и стрелочкой, — приблизительно соответствовало положению Калькутты в Индии. На севере горы, на востоке океан, а на юге и на западе — громадные просторы.

Обе местности были расположены почти на уровне моря, и пресная вода в устьях рек здесь перемешивалась с соленой. Как и Толлиганг, в свое время затопленный морем, весь Род-Айленд, как узнал теперь Субхаш, когда-то был покрыт пластами льда. Наползание и сползание этих ледников, их таяние вызвали сдвиг земной коры на нынешней территории Новой Англии и оставили после себя след в виде наносных пород. Здесь образовались болота, залив, дюны и морены. То есть они сформировали структуру современного побережья.

Субхаш подыскал себе комнату в белом деревянном домике возле шоссе, с черными ставнями

на окнах. Ставни были декоративными, они не открывались и не закрывались. А у них дома, в Калькутте, ставни защищали дом от жары и сырости, от дождя, ветра и яркого солнца.

Его комната располагалась на втором этаже, а кухню и ванную он делил с аспирантом по имени Ричард Грифалькони. По ночам Субхаш слышал тиканье будильника на тумбочке и стрекот цикад за окном. По утрам его будили птицы — эти маленькие, совсем не похожие на индийских птиц пичужки все равно не давали спать своим чириканьем.

Ричард изучал социологию, писал статьи для университетской газеты. Когда он не работал над своей диссертацией, то неизменно писал что-нибудь на злободневные темы. Например, о недавнем увольнении профессора зоологии, высказавшегося против использования напалма. Или о том, что было бы куда более целесообразным построить плавательный бассейн вместо очередных корпусов общежития.

Ричард происходил из квакерской семьи в Висконсине. Он носил длинные волосы, завязанные хвостиком, и не брил бороды. Он постоянно сидел за кухонным столом с неизменной сигаретой во рту и, деловито сдвинув на нос очки в металли-

ческой оправе, строчил статьи.

Он сказал Субхашу, что ему недавно исполнилось тридцать лет и что он собирается, ради грядущего поколения, стать преподавателем. Когда он был студентом, то ездил на юг и протестовал там против расовой сегрегации в общественном транспорте. Даже сидел две недели в тюрьме в штате Миссисипи.

Как-то Ричард позвал Субхаша в студенческий паб, где они пили пиво и смотрели в теленовостях репортажи из Вьетнама. Ричард выступал против войны, хотя не был коммунистом. Он признался Субхашу, что считает Махатму Ганди своим кумиром. Если бы Удаян был здесь, то наверняка презрительно усмехнулся бы и сказал, что Ганди принял сторону врагов народа. Что во имя идеи освобождения он разоружил и обезоружил Индию.

Однажды в университетском дворе Субхаш увидел Ричарда, выступающего перед группой студентов и преподавателей. С черной повязкой на рукаве тот стоял на крыше фургона, брошенного посреди лужайки.

Вещая перед собравшимися людьми в мегафон, Ричард говорил, что Вьетнам — это ошибка и что американское правительство не имело права

вмешиваться.

Некоторые люди поддерживали его выкриками, но большинство просто слушало и хлопало, словно в театре. Собравшиеся лежали на травке под лучами ласкового солнышка и слушали речь Ричарда, протестующего против войны, которая велась за многие тысячи миль отсюда.

Субхаш оказался там единственным иностранцем из Азии. Это собрание ничем не походило на демонстрации, возмущавшие теперь покой в Калькутте. Там дезорганизованные толпы представителей соперничающих коммунистических партий беспорядочно носились по улицам, громко вопили, не знали жалости, их демонстрации почти всегда оборачивались насилием.

Субхаш послушал речь Ричарда всего несколько минут, а потом ушел. Он представил, как сейчас посмеялся бы над ним Удаян — за его вечное желание оградить себя от проблем.

Субхаш тоже не поддерживал войны во Вьетнаме, но, как и его отец, понимал: нужно сохранять благоразумие. Ведь его могли арестовать в Америке за несогласие с политикой правительства. С политикой государства, которое дало ему визу и возможность тут учиться. Государства, где он был гостем.

Здесь он каждый день вспоминал, как они с Удаяном забирались по вечерам на территорию «Толли-клаб». Но сюда, на территорию этой страны, его впустили официально, хотя он все равно чувствовал себя словно бы на пороге. Он понимал: эта дверь может захлопнуться перед ним так же быстро, как и открылась, его в любой момент могут выслать туда, откуда он явился. А его место займет кто-нибудь другой.

* * *

В университете, кроме него, училось еще несколько индийцев — большинство из них со степенью бакалавра. Но, как выяснил Субхаш, из Калькутты был только он один. Здесь он познакомился с одним преподавателем экономики по имени Нарасимхан. Тот был из Мадраса, был женат на американке и имел двух смуглых светлоглазых сыновей, совершенно не похожих ни на одного из родителей.

Нарасимхан обладал пышными бакенбардами и носил джинсы клеш. Его супруга, миловидная женщина с изящной шеей, с короткой рыжей стрижкой и с длинными сережками-висюльками в ушах, была симпатичной. Впервые Субхаш увидел все его семейство в университетском дворе. В

тот субботний день только они присутствовали на этом квадрате зеленой травы с деревьями по краям в окружении учебных корпусов.

Мальчики играли на лужайке в мяч с отцом. Как, помнится, играли в свое время Субхаш с Удаяном на поле за низиной, хотя их отец никогда не составлял им компанию. Жена Нарасимхана лежала на расстеленном пледе на травке, курила и что-то зарисовывала в тетрадке.

Нарасимхан женился именно на этой женщине, а не на любой из девушек Мадраса, как хотели бы его родители. Субхашу было, конечно, интересно, как семья Нарасимхана отреагировала на этот выбор. Ему было интересно, бывала ли эта женщина когда-нибудь в Индии. И если бывала, то понравилось ли ей там или нет. Со стороны, конечно, трудно было получить ответы на подобные невысказанные вопросы.

Мяч покатился прямо на Субхаша, и он ударом ноги отправил его к игрокам, собираясь продолжить путь.

— Вы, должно быть, новенький студент с отделения морской химии? — спросил Нарасимхан, подойдя к нему и пожав руку. — Субхаш Митра?

— Да.

— Из Калькутты?

Субхаш кивнул.

— А мне надлежит немного опекать вас. Сам-то я, кстати, родился в Калькутте и даже немножко понимаю, когда говорят по-бенгальски.

Субхаш спросил его, где он живет в Род-Айленде и далеко ли его дом от студенческого городка.

Нарасимхан покачал головой. Их дом оказался в Провиденсе, а его жена Кейт, оказывается, училась в Род-Айленде в школе дизайна.

— А вы? Где в Калькутте живет ваша семья?

— В Толлиганге.

— А-а… это где гольф-клуб.

— Да.

— А здесь где живете? В международной общаге?

— Нет, я нашел себе жилье с кухней. Просто хотел сам себе готовить.

— Ну а вы уже как-то обжились, друзьями обзавелись?

— Да, немного обзавелся.

— И к холоду привыкли?

— Более или менее.

— Кейт, запиши ему номер нашего телефона, ладно?

Она вырвала страничку из своей тетрадки, записала на ней номер и вручила Субхашу.

— Если вам что-то понадобится, просто позвоните, — сказал Нарасимхан, похлопал его по плечу и вернулся к своим сыновьям.

— Спасибо.

— Как-нибудь на днях я позову вас на плов! — издали крикнул Нарасимхан.

Но дальнейшего приглашения так и не последовало.

Студенческий городок океанографического отделения располагался на берегу Наррагансет-Бэй. Каждый день Субхаш садился на автобус и ехал по дороге со столбиками с почтовыми ящиками, за густым лесом по обочинам почти не просматривались дома, только деревянная башня местного маяка видна была отовсюду.

Автобус пересекал извилистую дельту, перевозил пассажиров в «захолустье», где людям дышалось совсем по-другому, где даже свет падал по-другому.

Корпуса лаборатории походили на самолетные ангары, на какие-то авианосцы из проржавевшего металла. Субхаш изучал газы, растворявшиеся в морской воде, изотопы, найденные в остаточных породах, йод в водорослях, углерод в планктоне, медь в организмах крабов.

Рядом со студенческим городком тянулся об-

рывистый морской берег с узеньким пляжем серо-желтого камня, куда Субхаш любил приходить и съедать свой обед. Там можно было любоваться заливом и двумя мостами. Джеймстаун-Бридж располагался поближе, Ньюпорт-Бридж — подальше. В облачные дни туманную мглу прорезывал одинокий гудок, словно ветры дули в морскую раковину, суеверно отгоняя зло. Совсем как в Калькутте.

Вокруг было разбросано много островов, куда добирались только на лодках. В домах на островах не было ни электричества, ни водопровода. В таких условиях, кстати, некоторые весьма состоятельные американцы любили проводить лето. Был даже такой островок, где умещался только маяк. И все эти крохотные участки суши имели названия — Остров Терпения и Благоразумия, Остров Лисы и Козы, Остров Кролика и Розы, Остров Надежды и Отчаяния.

На холме высилась деревянная церковь с крышей из белой дранки в виде сот. Краска на стенах ее давно выцвела, а сами доски впитали в себя соль морских ветров Род-Айленда.

Однажды, проезжая днем мимо церкви, он с удивлением увидел множество припаркованных возле нее машин. Он вообще впервые видел две-

ри этой церкви открытыми. Во дворе толпились люди — дети и взрослые.

Он успел заметить на ступеньках церкви только что обвенчавшуюся пару средних лет. Седоватый мужчина с гвоздикой в петлице и женщина в голубом костюме. Они улыбались гостям, а те осыпали их пригоршнями рисовых зерен. По возрасту они смотрелись скорее как родители традиционных молодоженов.

Возможно, это был не первый их брак. Не исключено, что они пережили развод или овдовели, а теперь вот нашли себе новую свою половинку и решили обвенчаться.

Церковь эта напомнила Субхашу мечеть на развилке в Толлиганге — место религиозного поклонения людей другой веры, всегда служившее ему чем-то вроде ориентира.

В другой день, когда церковь пустовала, он поднялся по каменной дорожке. Дверь была довольно узкой — не шире обхвата его рук. Над этой зеленой скругленной дверью располагались круглые оконца красно-белого стекла — такие крошечные, что в них не поместилось бы даже лицо, а только ладонь.

Дверь была заперта, поэтому он обошел вокруг церкви и, привстав на цыпочки, заглянул в боль-

шое окно.

Внутри он увидел серые скамьи с красными краями. И там было так светло и просторно, что ему вдруг захотелось оказаться внутри, присесть на такую скамью, почувствовать уют этих светлых стен и чуть скошенных углом сводов.

Ему вспомнилась та недавно обвенчавшаяся пара, и впервые в жизни он задумался о своей будущей женитьбе. Возможно, потому, что здесь, в Род-Айленде, он чувствовал себя каким-то одиноким и потерянным.

Он пытался представить себе женщину, которую выбрали бы ему в жены родители. Хотел угадать, когда это будет. Ведь женитьба означала бы возвращение в Калькутту. Но с этим ему спешить не хотелось.

Он очень гордился тем, что смог приехать в Америку один. И осваивать ее самостоятельно — как когда-то он осваивал свои первые в жизни шаги и слова. Он ведь так хотел уехать из Калькутты — и не только ради образования, а еще и из-за того (теперь-то он мог себе в этом признаться), чтобы сделать какой-то серьезный в жизни шаг без Удаяна.

Собственно говоря, это и было основным мотивом его поступка. Хотя в итоге он оказался

абсолютно неподготовленным к этой новой жизни. Несмотря на то что его жизнь с каждым днем все больше обретала привычный характер, он чувствовал какую-то неприкаянность. Здесь, в незнакомом месте рядом с морем, он остро чувствовал свою оторванность от дома, от своих корней, от Удаяна и от многих-многих дорогих сердцу особенностей.

Ричард редко бывал по вечерам дома, но когда такое случалось, он охотно принимал приглашение Субхаша вместе поужинать. Он выходил на кухню со своей пепельницей и пачкой сигарет и угощал Субхаша пивом, пока тот готовил карри и варил рис. Раз в неделю Ричард отвозил Субхаша в супермаркет и брал на себя половину расходов на продукты.

Однажды в выходной день, когда оба позволили себе оторваться от учебы, Ричард отвез Субхаша на пустую автостоянку в студенческом городке. Там он начал учить его водить машину, чтобы Субхаш потом мог сдать на водительские права, взять внаем автомобиль и ездить на нем, куда ему нужно.

Когда Ричард счел, что Субхаш уже достаточно подготовлен, то разрешил ему порулить по городу, они даже доехали до мыса Пойнт-Джудит.

Вождение машины оказалось захватывающе интересным занятием. Субхашу очень понравилось сбрасывать скорость на городских светофорах, а потом набирать ее снова на пустынной загородной дороге вдоль побережья.

Он вел машину по Галилее, мимо пирсов и лиманов, где люди в высоких резиновых сапогах бродили по воде и собирали моллюсков. Мимо прибрежных кафешек, где подавали блюда из даров моря, нарисованных для рекламы прямо на фасадах. Потом они добрались до маяка на зеленом холме. Темные камни внизу опутывали водоросли, а наверху на башенке, в синеве неба, развевался флаг.

Им повезло увидеть красивый закат, когда солнце садилось за маяк на фоне голубого моря с белыми барашками волн, разбивающихся о прибрежные скалы. Они вышли из машины и закурили, подставив лица соленым морским брызгам.

Они заговорили о резне во вьетнамской деревне Мэй-Лэй — подробности тогда только-только появились в прессе. Сообщения о массовых убийствах, о рвах с мертвыми телами, об американском лейтенанте, находящемся под следствием.

— В Бостоне будет демонстрация протеста. У

меня там есть друг, который мог бы приютить нас на ночь. Не хочешь поехать со мной?

— Не знаю, наверное, нет.

— Тебя не возмущает война?

— Нет, не в этом дело, просто я же не дома, разве могу тут протестовать?

Субхаш вдруг понял, что может быть честным с Ричардом. Ричард умел слушать, не перебивал и не перечил и ничуть не пытался навязать свои убеждения.

По дороге домой Ричард расспрашивал Субхаша об Индии, о ее кастовой системе, о всеобщей нищете.

— Ну и кто в этом виноват?

— Не знаю. Теперь все валят вину на других.

— А кто будет решать, как выйти из этого положения? На чьей стороне правительство?

Субхаш не знал, как описать американцу запутанную расстановку политических сил в Индии и сложную структуру индийского общества. Он просто сказал, что это очень древняя страна и вместе с тем очень молодая и что она сейчас пытается в борьбе познать саму себя.

— Тебе надо с моим братом говорить, — сказал он.

— А у тебя есть брат?

Субхаш кивнул.

— Ты никогда о нем не упоминал. А как его зовут?

Субхаш помолчал, потом произнес имя Удаяна — впервые с тех пор, как приехал в Род-Айленд.

— Ну, так что сказал бы Удаян?

— Он сказал бы, что проблему составляет аграрная экономика, свойственная феодализму. Он сказал бы, что страна должна основываться на принципах равноправия и что она нуждается в земельной реформе.

— Звучит как китайская модель.

— Да. Он же поддерживает Наксалбари.

— Наксалбари? А что это?

Через несколько дней в своем почтовом ящике на факультете Субхаш нашел письмо от Удаяна. Оно было написано по-бенгальски, ровными абзацами, и отправлено в октябре, а сейчас на дворе уже стоял ноябрь.

Если письмо это дойдет до тебя, уничтожь его потом. Не нужно компрометировать нас обоих. Но поскольку вторгнуться в Соединенные Штаты я могу только письмом, то не могу устоять. Я только что вернулся из очередной поездки, встречался с товарищем Санъялом. Имел воз-

можность сидеть с ним рядом, разговаривать. Мне пришлось надеть на глаза черную повязку. Когда-нибудь расскажу тебе об этой встрече.

Почему от тебя нет вестей? Неужели так пленила тебя флора и фауна мощнейшего мирового капиталиста? Но вот если ты смог порвать бы свои путы и попытаться принести пользу... Я слышал, у вас там антивоенное движение набирает силу.

А у нас здесь происходят обнадеживающие изменения. Формируется Красная гвардия, ее отряды разъезжают по деревням, пропагандируют учение Мао Цзэдуна. Наше поколение — это передовой авангард, студенческая борьба — это часть вооруженной борьбы крестьянства. Так говорит Маджумдар.

Ты вернешься в изменившуюся страну, в более справедливое общество, в этом я уверен. И родной дом тоже изменится. Папа взял в банке ссуду. Они хотят расширяться. Считают, что это просто необходимо. Что мы не сможем обзавестись семьями под крышей такого тесного дома.

Я сказал им, что это пустая трата денег, какая-то причуда, ведь ты даже не живешь здесь. Но они не стали меня слушать, а теперь поздно вмешиваться, уже приезжал архитектор, дом

весь в строительных лесах. Родители говорят: стройка займет год или два.

Без тебя здесь как-то скучно. И хоть я не простил тебя за то, что ты не поддержал движения, призванного улучшить жизнь миллионов людей здесь, надеюсь, что ты простишь меня за доставленные тебе разочарования. Поскорей бы ты уж закончил то, чем ты там занимаешься. Обнимаю тебя с братскими чувствами.

Он закончил письмо цитатой: «Война принесет революцию, революция остановит войну».

Субхаш перечитал письмо несколько раз. Казалось, будто их и не разделяло расстояние длиной в полмира, будто Удаян был здесь, разговаривал с ним, поддразнивал его. Субхаш сейчас остро ощутил эту их взаимную привязанность. Она натянулась почти до разрыва из-за того, что стояло сейчас между ними, но все же не рвалась.

Конечно, Субхаш мог сохранить это письмо, написанное на бенгальском языке, но он понимал: Удаян прав — его содержание, упоминание о Санъяле, окажись данное письмо не в тех руках, могли грозить неприятностями им обоим. На следующий день он взял письмо с собой в лабораторию. Под вымышленным предлогом задержался там после занятий, дождался, когда

останется совсем один. Тогда он положил письмо в лабораторную раковину, чиркнул спичкой и стал смотреть, как начали обугливаться края бумаги, как исчезали в огне слова, написанные братом.

Я занимаюсь изучением процесса окисления осадочных пород в эстуариях в период отлива. И различными процессами взаимодействия, происходящими между полосами барьерного рифа и материковой частью. Например, таким явлением, как почернение песка под воздействием сульфида железа.

Может, это звучит странно, но, когда небо здесь заволакивает тучами, что-то в прибрежном пейзаже, в воде, в траве, в запахе навевает мне воспоминания о доме. Передо мной всплывают картины нашей низины, наших заливных лугов. Конечно, рис здесь не растет — только мидии и всякие другие моллюски, которых любят употреблять в пищу американцы.

Болотную осоку здесь называют «спартиной». Я узнал тут недавно, что она, оказывается, умеет выделять соль, поэтому ее стебли и листья часто покрыты белым кристаллическим налетом. По ее стеблям ползают улитки. Она растет здесь на местных торфяниках уже мил-

лионы лет. Ее корни укрепляют берег. Вот ты знал, например, что она размножается спорическими ризосомами? Как наши мангровые деревья в Толлиганге. Нет? Мне просто очень хотелось рассказать тебе это.

Лужайка перед учебными корпусами была теперь вся засыпана опавшей сухой листвой, ее ворошил осенний ветер. Ноги по щиколотку утопали в этих листьях, которые то и дело дыбились и взвихрялись, словно под ними что-то живое пыталось подняться, но потом залегало снова.

Субхаш получил водительские права, и теперь у него были ключи от машины Ричарда. Тот уехал на междугородном автобусе на неделю праздников Дня благодарения к своей семье. Университет на праздники закрылся, даже библиотека не работала, так что пойти было совершенно некуда.

Днем он садился в машину и ехал наугад, безо всякой цели. Ездил через мост в Джеймстаун, Ньюпорт и обратно. В дороге слушал по радио эстрадные песни и сводки погоды на суше и на море: «Ветер северный, от десяти до пятнадцати узлов в секунду, во второй половине дня с переходом в северо-восточный. Высота волны от двух до четырех футов. Видимость — от одной до трех морских миль».

Вечер наступал быстро — в пять часов уже надо было включать фары. Однажды он решил поужинать в итальянском ресторанчике, где он иногда бывал с Ричардом. Он сидел за барной стойкой, пил пиво, ел сытную итальянскую еду и смотрел по телевизору футбол. Из посетителей он был там один. Когда он расплачивался, ему сказали, что в праздник Дня благодарения ресторанчик будет закрыт.

В тот день дороги были совсем пустынны, весь город словно вымер. Даже никаких признаков празднования на улицах. Никаких массовых мероприятий, никаких праздничных церемоний, о которых он был наслышан. Если не считать толпы, привалившей на футбольный матч на стадионе студенческого городка.

Еще он ездил по жилым кварталам, где жили многие преподаватели. Из каминных труб поднимался дым, на пустынных, шуршащих палой листвой улицах стояли припаркованные машины с номерными табличками разных штатов.

Он доехал до самых окраин Чарльстауна, до зарослей теперь уже покоричневевшей осоки — спартины. Яркое солнце клонилось к закату. У соленого лимана Субхаш съехал на обочину.

В высокой болотной траве, почти сливаясь с

ней сероватым оперением, стояла цапля — так близко от дороги, что Субхаш даже разглядел похожий на янтарную бусинку глаз птицы. Шея ее была изогнута изящной буквой S, а длинный острый клюв походил на нож для распечатывания писем, который родители подарили ему на память перед его отъездом.

Он опустил окошко. Цапля стояла неподвижно, потом ее длинная шея вдруг вытянулась и задрожала, словно птица почувствовала на себе взгляд Субхаша. В Толлиганге цапли в низине не были такими толстыми и такими царственно-важными.

Он наблюдал за птицей с интересом — как покатилась каплями вода с перьев у нее на груди, когда она окунула голову в воду, как она смешно перебирала длинными сгибающимися назад ногами, когда величаво ступала по воде.

Он долго бы еще любовался птицей, но на узкой, чавкающей грязью боковой дорожке показалась приближающаяся машина, и Субхаш вынужден был тронуться с места. Когда он объехал кругом и вернулся, цапли уже не было.

На следующий день он снова приехал на то место, долго бродил по краю болотистой заводи, выискивал глазами долговязую фигуру птицы.

Потом стоял, любуясь горизонтом и золотистым закатом. Он решил уже, что птица, наверное, улетела на зимовку в теплые края, когда вдруг услышал хриплое настойчивое кряканье.

Это была цапля. Она летела над водой, медленно и размашисто хлопая большими крыльями, и выглядела сейчас ничем не обремененной и свободной. Ее длинная шея была втянута в туловище, темные ноги свободно висели. На фоне неба она казалась черным силуэтом.

Субхаш приехал туда и на третий день, но птицы нигде не нашел. Впервые в жизни он почувствовал в душе какую-то беспомощную любовь.

Началось новое десятилетие — 1970-е. Зимой, когда деревья стояли голые, а мерзлая земля покрылась снегом, пришло второе письмо от Удаяна, на этот раз в конверте.

Субхаш разорвал его и вынул маленькую черно-белую фотографию. На ней была изображена молодая женщина в полный рост со скрещенными на груди руками.

Она держалась непринужденно, и взгляд у нее был даже чуточку скептический. Голова немного склонена набок, губы сомкнуты в едва заметной, игривой улыбке. Кожа лица ровная, гладкая.

Волосы заплетены в косу, лежащую на плече.

Она была не просто привлекательна, но и уверена в себе. Совсем не похожа на тех девушек-скромниц, на которых им с Удаяном все кивала мать на свадьбах родни. Ее явно сфотографировали случайно на одной из улиц Калькутты, перед зданием, которого Субхаш не узнал. Интересно, подумал он, кто ее фотографировал? Удаян? И Удаян ли вызвал это игривое выражение на ее лице?

Это тебе вместо традиционного приветствия, хотя в свое время представлю вас друг другу как подобает. А пока вот познакомься по фотографии. Мы с ней знакомы уже пару лет. Старались держать все в тайне, но ты же знаешь, как это бывает. Зовут ее Гори, она учится на философском факультете в Президенси. Выросла и живет в северной Калькутте, на Корнуоллис-стрит. Родители ее умерли, она живет с братом (он мой друг) и с несколькими родственниками. Нарядам и украшениям она предпочитает книги. И она верит в те же идеи, что и я.

Как и председатель Мао, я целиком и полностью отторгаю идею брака по договоренности. Я думаю, это единственная особенность на Западе, которая меня восхищает. В общем, мы пожени-

лись. Но ты не волнуйся — мы просто сбежали, но никакого скандала не было. Дядей ты не станешь. Пока, во всяком случае. Слишком много детей страдают от несовершенства нашего общества, так что сначала надо разобраться с ним.

Жаль, что тебя нет здесь сейчас, но ты не пропустил ничего особенного. Никаких праздников мы не устраивали, была просто гражданская регистрация. Маму и папу я поставил в известность уже по факту, как и тебя сейчас. Я сказал им: либо вы примете ее, и мы вместе вернемся в Толлиганг, либо мы будем жить как муж и жена где-либо еще.

Они до сих пор в шоке, расстроены из-за этого, но Гори и я сейчас живем у них, учимся уживаться в одном доме все вместе. Им невыносимо было сообщить тебе о моем поступке, поэтому я сообщаю тебе сам.

В конце письма он попросил Субхаша купить для Гори несколько книг, которые, по его словам, гораздо легче найти в Штатах.

Только не посылай их почтой, они просто пропадут. Привези с собой. Ты же скоро приедешь поздравить меня?

На этот раз он не стал перечитывать письма

— одного раза было достаточно.

Удаян имел работу, но его зарплаты было недостаточно, чтобы содержать не то что семью, а даже одного себя. Ему еще не исполнилось и двадцати пяти лет. Рано для женитьбы. И хоть родители уже начали расширять дом, Субхашу решение брата представлялось импульсивным, а хлопоты, возложенные им на родителей, — преждевременными. И его вообще озадачивало, как это Удаян, так много времени отдававший себя политике, общественным делам и так презрительно относившийся к бытовым условностям, вдруг вздумал жениться.

Удаян не только женился раньше Субхаша, но еще и женился на той, кого выбрал сам. Самостоятельно сделал шаг, которым, по мнению Субхаша, должны были все-таки руководить родители. Добавился еще один пример лидерства Удаяна перед Субхашем, его нежелания ни в чем оказываться вторым. Еще один пример его самостоятельности.

На обороте фотографии красовалась сделанная почерком Удаяна дата более чем годовой давности — 1968. То есть Удаян познакомился с девушкой и влюбился в нее, когда Субхаш еще жил в Калькутте. Значит, все это время Удаян

скрывал от брата свою девушку.

Это письмо Субхаш тоже уничтожил. Оставил только фотографию, спрятав ее в одном из учебников.

Время от времени он доставал ее и разглядывал. Ему интересно было, когда он все-таки лично познакомится с Гори и какое мнение о ней составит, ведь их связывает родство. И где-то глубоко в душе он опять испытывал чувство поражения — Удаян опять обошел его, нашел себе такую девушку.

Часть вторая

Глава 1

Обычно она читала на балконе или находилась в соседней комнате, когда ее брат с Удаяном занимались и курили, выпивая одну чашку чая за другой. Манаш познакомился с Удаяном в Калькуттском университете, где оба учились в аспирантуре на факультете физики. Большую часть времени их книги о свойствах жидкостей и газов пролеживали впустую, пока они увлеченно обсуждали последствия происшествий в Наксалбари и события текущего дня.

Дискуссии эти неизменно сбивались на тему повстанческих движений в странах Индокитая и Латинской Америки. Кубинская революция — это даже не массовое движение, особо отмечал Удаян, а небольшая группа людей, атакующая правильные цели.

По всему миру студенческие движения набирали силу, восставая против эксплуататорской системы. «Второй закон Ньютона в действии, — любил шутить Удаян. — Ускорение прямо пропорционально силе и обратно пропорционально массе».

Но Манаш относился к ним скептически.

— Что могут знать эти городские студенты о жизни в деревне?

— Ничего, — отвечал Удаян. — Нам придется поучиться у них.

В приоткрытую дверь она любовалась им. Высокий, стройный, он выглядел старше своих двадцати трех. Одежда свободно висела на нем. Он одевался и в национальные рубашки, и в европейские тоже. Носил навыпуск, никогда не застегивал верхние пуговицы и всегда закатывал рукава по локоть.

Он сидел в комнате, где они слушали радио на кровати Гори, которая днем служила диваном. У него были худые руки, а пальцы его казались еще длиннее, когда держали фарфоровую чашечку с чаем. Волосы у него были волнистые, брови густые, а взгляд темных глаз — томный.

Руки его всегда находились в движении, словно дополняли голос, уточняя сказанное. Он всегда открыто улыбался, даже когда спорил. Зубы немного выдавались вперед, когда он смеялся, как будто их оказалось слишком много. Она почувствовала какое-то притяжение к нему с самого начала их знакомства.

Он никогда не заговаривал с Гори, если ей случалось прошмыгнуть мимо. В общем-то даже не

смотрел в ее сторону, словно не замечал вовсе младшей сестры Маната. Так продолжалось до одного дня, когда мальчишку, служившего в доме по хозяйству, отправили куда-то с поручением, и Манат попросил Гори приготовить им чай.

Она не смогла найти поднос, чтобы поставить чашки, и внесла их в комнату просто в руках, открыв дверь плечом. Удаян взял у нее из рук чашку, остановил на девушке долгий взгляд и задал ей первый вопрос:

— Где ты учишься?

Поскольку Президенси-колледж и Калькуттский университет располагались рядом, она искала его глазами все время — то во дворе перед учебными корпусами, то в библиотеке, то в студенческой столовой, когда приходила туда с подружками. Что-то подсказывало ей: он не посещает занятия так регулярно, как она. И она начала постоянно высматривать его с балкона квартиры ее бабушки и дедушки, выходившего на угол Корнуоллис-стрит.

И однажды она разглядела его с балкона, даже сама удивилась, как узнала его среди сотен темноволосых прохожих. Он стоял на углу на противоположной стороне и покупал сигареты. Потом он перешел через дорогу и направился к

их дому.

Она присела под перила, под развешанное на веревке белье, боясь, как бы он не заметил ее. А через две минуты на лестничной площадке уже послышались его шаги и стук дверного молотка. Она слышала, как слуга-мальчишка впустил его.

В тот день, кроме нее, дома никого не было. Она думала, что он уйдет, не застав дома Манаша, но он вышел к ней на балкон.

— Никого больше нет? — спросил он.

Она покачала головой.

— Тогда можно с тобой поговорить?

Белье на веревке — ее трусики и блузки — было еще влажным. Он открепил одну из блузок и перевесил на прищепках подальше, чтобы освободить место.

Он делал это медленно, и пальцы его дрожали. Стоя с ним рядом, она заметила: он гораздо выше ее ростом и плечи у него чуть ссутулены. Он чиркнул спичкой и прикурил сигарету. Мальчик-слуга принес печенье и чай.

С четвертого этажа они смотрели на перекресток, стояли рядышком, облокотившись на перила, видели величавые каменные громады домов с усталыми от времени колоннами и осыпающимися карнизами.

Его рука с дымящейся в пальцах сигаретой свисала через край перил. Рукава рубашки были закатаны, и на руке просвечивали через кожу зеленовато-серые прожилки вен.

Внизу колыхалась многолюдная толпа, вызывавшая ощущение какой-то бушующей стихии. Люди двигались — кто пешком, кто в автобусах и трамваях, кто на рикшах. На противоположной стороне улицы располагался ряд ювелирных магазинов с зеркальными стенами и потолками, в которых покупатели превращались в бесконечный ряд отражений. Там же находилось ателье, куда они носили гладить одежду. Магазин канцелярских товаров, где Гори покупала чернила и тетрадки. И лавки сладостей, где прилавки были заставлены лотками со всяким конфетным товаром, над которым жужжали мухи.

На углу, скрестив ноги, сидел продавец бетеля. А в центре перекрестка в будке регулировщик уличного движения в шлеме то и дело свистел и давал отмашку машинам — легковым и грузовым, автобусам, мотоциклам и мотороллерам, чьи работающие моторы сливались в едином рокоте.

— Мне нравится этот вид с балкона, — сказал он.

И она призналась, что тоже любит наблюдать за жизнью города отсюда, с балкона. Политические демонстрации, шествия, парады. Непрекращающийся поток машин, начинающийся с рассветом. Похороны писателей и разных знаменитостей, траурные шествия, несущие гроб, усыпанный цветами. Пешеходы пробирались по колено в воде во время муссонных дождей.

Осенью праздник Дурги, а зимой — Сарасвати. Их величественные глиняные изваяния торжественно въезжают в город под дробь национальных барабанов и пронзительные звуки труб. Фигуры привозят на передвижных грузовых платформах, а в конце праздников увозят, чтобы погрузить в реку.

И протестные марши студентов, шагающих от Колледж-стрит с флагами и транспарантами, с поднятыми вверх кулаками в знак солидарности с повстанцами Наксалбари.

Он заметил на балконе складной матерчатый стульчик, на котором обычно сидела Гори. И рядом со стульчиком открытую книгу — «Первоначала философии» Декарта. Он взял книгу в руки.

— Ты читаешь здесь, при таком грохоте?

— А это помогает мне сосредоточиться, — объ-

яснила она.

Девушка вправду привыкла заниматься и спать при таком шумовом фоне, сопровождавшем ее жизнь, ее мысли. Привыкла к этому постоянному, нескончаемому гулу и грохоту и даже находила в нем больше успокоения, чем в тишине. В доме у нее не было своей комнаты — только спальное место, — а здесь, на балконе, она чувствовала себя уютно. Балкон, по сути, и был ее комнатой.

Гори рассказала ему, что когда была совсем маленькой, то часто выбиралась по ночам из своей постельки, а утром бабушка с дедушкой находили ее спящей на балконе, прямо на каменном полу, с личиком, прижавшимся к чугунному литью перил. Она спала там, невзирая на шум грохочущей улицы. Ей нравилось просыпаться «на улице», где не было давящего ощущения потолка и стен. Первый раз, не обнаружив ребенка утром в кроватке, ее родные решили, что она пропала. Они переполошились, отправили людей на улицу на ее розыски, и те бегали по мостовой, выкрикивали ее имя.

— А потом как же? — спросил Удаян.

— А потом они нашли меня здесь спящей.

— Ну, они потом запретили тебе так делать?

— Нет. Просто стали оставлять на балконе для

меня стеганое одеяло.

— Значит, таково твое древо-бодхи, где ты достигаешь просветления.

Она пожала плечами.

Взгляд его упал на книгу, и он сказал:

— А что говорит нам об устройстве мира господин Декарт?

Она рассказала ему, что знала. О границах восприятия и об опыте с кусочком воска. Нагретый над огнем воск оставался как вещество, хотя физическая его форма менялась. Но воспринять это люди способны только разумом, а не чувствами.

— То есть мысль первична, чувства вторичны?

— Для Декарта да.

— А Маркса ты читала?

— Немного.

— А почему ты решила изучать именно философию?

— Философия помогает мне понимать многие вещи.

— Ну а на практике как ее применить?

— Платон утверждал, что цель философии — это научить нас умирать.

— Живому незачем учить такие вещи. А в смерти мы все равны. В этом заключается преимущество смерти перед жизнью. — Он отдал ей

закрытую книгу, не задумываясь о закладке. — А сейчас и вообще высшее образование теряет свою значимость в нашей стране.

— Но ты же изучаешь физику в аспирантуре, — возразила она.

— Потому что это радует моих родителей. А для меня эта учеба мало что значит.

— А что для тебя много значит?

Он повел рукой, указал вниз на улицу:

— Вот этот наш невозможный город.

На этом он сменил тему, стал расспрашивать о ее родственниках, которые, кроме нее и Манаша, жили в этой квартире. Два ее дяди с женами и детьми. Ее бабушки и дедушки по материнской линии, которым в свое время принадлежала эта квартира, теперь уже не было в живых. Как и ее родителей. Старшие сестры вышли замуж и разъехались кто куда.

— Вы все росли здесь?

Она покачала головой. Оказалось, раньше они жили в разных местах — в Восточной Бенгалии, в Кхулне, в Фаридпуре. Отец ее был окружным судьей, и семья каждый год переезжала на новое место, в красивые загородные дома, которые предоставлялись за казенный счет и в которых имелась прислуга — повара и привратники.

В одном из таких домов родился Манаш. Сам он почти ничего не помнил, а вот ее сестры то и дело предавались воспоминаниям о тех временах. Об учителях, которые приходили в дом давать им уроки пения и танцев, о мраморных столах, за которыми они обедали, о просторных верандах, где они резвились, об отдельной игровой комнате с самыми разными куклами и игрушками.

В 1946 году эти судейские назначения закончились, и семья вернулась в Калькутту. Но уже через несколько месяцев отец заявил, что не хочет доживать свой век в городе, ведь всю жизнь провел вдали от городской суматохи. Да и теперь люди здесь режут и истребляют друг друга, а целые кварталы полыхают пожарами.

Однажды утром во время массовых бунтов, вот с этого самого балкона, где сейчас стояли Удаян и Гори, ее родители видели страшную сцену. Толпа окружила мусульманина, везшего на велосипеде молоко в их дом. Разъяренные люди жаждали расправы после того, как стало известно, что двоюродный брат этого молочника участвовал в нападении на индуса где-то в другой части города. Родители Гори видели, как один из индусов вонзил нож молочнику под ребра. Недоставленное молоко разлилось по мостовой, порозовев от

перемешавшейся с ним крови.

Поэтому семья переехала жить в деревню на западе от Калькутты, в нескольких часах езды от города. Там, на природе, в тишине и спокойствии, они решили остаться навсегда. Недалеко от деревни был пруд, где ловили рыбу, в их дворе бегали куры, которые несли яйца, а за их огородом любил ухаживать отец. Ничего, кроме полей, грязных дорог, неба и деревьев. Ближайший кинотеатр находился за двадцать миль от их дома. Раз в год приезжала ярмарка, где можно было купить книги. А по ночам там стояла кромешная темень.

Когда в 1948 году родилась Гори, ее мать уже занималась свадебными приготовлениями для старших дочерей. Ее сестры были старше Гори почти на поколение — когда она была крохотной, они стали уже девушками, а когда она чуть подросла, они были уже молодыми женщинами. Она потом оказалась теткой их детям, хотя была одного с ними возраста.

— И долго вы жили в деревне?

— До тех пор, пока мне не исполнилось пять лет.

К тому времени болезнь уже приковала ее мать к постели — туберкулез позвоночника. Се-

стры Гори, конечно, управлялись по хозяйству самостоятельно, но Гори с Манашем были им в тягость. Поэтому их отправили в город, к бабушке с дедушкой, к дядям и тетям.

Даже когда мать потом поднялась с постели, они все равно остались жить в городе. Манаш пошел в школу, а Гори ни за что не хотела с ним разлучаться. Тем более что вскоре она и сама стала школьницей.

Она в любой момент могла вернуться в деревню к родителям, но, навещая их по праздникам, все больше и больше понимала — сельская жизнь не привлекает ее. Она совсем не обижалась на родителей, что они не растят ее — ведь такое часто случалось в больших семьях при определенных обстоятельствах. Наоборот, она даже была им благодарна, что они позволили ей пойти по самостоятельному пути.

— Это был их дар тебе, — сказал Удаян. — Автономия.

Ее родители погибли в мотоциклетной аварии на горной дороге. В плохую погоду они поехали на горную турбазу немного развеяться. Гори тогда было шестнадцать. Родительский дом был продан. Их внезапная гибель явилась для нее большим ударом, но смерть бабушки с дедушкой

впоследствии опечалила ее еще больше. Ведь она выросла в их доме, видела их каждый день, на ее глазах они старели, становились немощными, но и научили почти всему. И именно дедушка, преподававший в Санскрит-колледже и умерший с раскрытой книгой на груди, вдохновил ее на изучение философии.

Она видела, что это путешествие по воспоминаниям о ее жизни интересно Удаяну — ее рождение в деревне, ее желание жить отдельно от родителей, ее несколько отчужденное положение среди родни, которое можно было воспринимать как своего рода независимость.

Он закурил новую сигарету и рассказал ей про свое детство, совсем не похожее на ее ранние годы. Про то, что они с братом были единственными детьми у своих родителей и что они все вчетвером живут в домике в Толлиганге.

— А чем занимается твой брат?

— Вот, стал поговаривать о поездке в Америку.

— А ты поедешь с ним?

— Нет. — Он повернулся к ней. — А ты? Ты будешь скучать об этом доме, когда выйдешь замуж?

Она обратила внимание на то, что губы у него не смыкаются полностью, что посерединке всегда

остается ромбовидная дырочка.

— Я не собираюсь замуж.

— А родственники тебя не заставляют?

— Они не могут мной распоряжаться. У них есть свои дети.

— Тогда что ты хочешь делать, если не собираешься замуж?

— Я могла бы преподавать философию в колледже или в школе.

— И жить здесь?

— Да. А что?

— А вообще ты молодец. Почему ты должна уезжать из любимого дома и бросать любимое занятие ради мужчины?

Он явно заигрывал с ней — она не могла этого не заметить. Заигрывал в течение всего разговора, пока выпытывал подробности ее жизни, которых она не поведала бы ни одному мужчине.

Он помолчал и вдруг указал рукой на перекресток:

— А если бы ты, выйдя замуж, стала бы жить на балконе одного из этих вот соседних домов напротив, то тогда как?..

Она не смогла сдержать улыбки — сначала прикрыла рот ладошкой, а потом отвернулась и рассмеялась.

Сначала они встречались в его студенческом городке и в ее колледже. Но теперь они, даже если не назначали свидания, все равно бежали друг к другу. Он поджидал ее после занятий на ступеньках Президенси, и потом вместе сидели во дворе учебного корпуса, увешанного флагами и лозунгами студенческого профсоюза. Там они слушали речи на стихийных митингах: о неумеренном росте цен на продовольствие, о росте народонаселения, о сокращении рабочих мест. Когда эти митинги перерастали в марши и выдвигались по Колледж-стрит в город, он тоже шел с остальными и приглашал ее.

Он стал знакомить ее с определенной литературой — купил специально для нее «Манифест» Маркса, «Признания» Руссо и книгу Феликса Грина о Вьетнаме.

Она видела, что производит на него впечатление — не только тем, что читает эти книги, но и тем, что может их обсуждать. Они обменивались мнениями о границах политической свободы и рассуждали, можно ли считать свободу и власть одной и той же вещью. Об индивидуализме, ведущем к иерархичности. О том, каким является их общество сейчас, каким оно могло бы стать впоследствии.

Она чувствовала, как много новых мыслей появляется у нее, как сама учится сосредотачиваться, как ее убеждения меняются — теперь видит устройство железобетонных конструкций мира вместо того, чтобы просто подвергнуть сомнению их существование. В те дни, когда они не виделись с Удаяном, она ощущала даже еще большую близость с ним и постоянно думала о темах, которые были для него важны.

Поначалу они пытались держать свои отношения в тайне от Манаша, но обнаружили, что тот и сам лелеял такую надежду, сам был уверен, что эти двое должны образовать пару. Он даже старался облегчить Гори жизнь — «отмазывал» ее перед домашними, когда она бегала на свидания с Удаяном.

Расставались они всегда коротко и неожиданно, потому что Удаяну всегда нужно было попасть то на митинг, то на занятия — впрочем, он никогда толком не объяснял куда. Уходя, он никогда не оглядывался, но замедлял шаг, знал: она смотрит ему вслед, и закуривал на ходу сигарету, а потом его длинные ноги уже несли его куда-то.

Иногда он заводил разговор о переезде в какую-нибудь деревню, вроде той, где могла вырасти она, если бы не уехала в город. В деревнях после

событий в Наксалбари жизнь наверняка уже не была такой спокойной, как прежде.

Ему хотелось увидеть Индию, поездить по стране, как это делал Че в Южной Америке. Он намеревался собственными глазами увидеть и собственным умом охватить те обстоятельства, в каких жили люди. И еще у него было большое желание когда-нибудь все-таки побывать в Китае.

Он рассказывал ей про своих друзей, которые уже уехали из Калькутты, чтобы жить в деревне среди крестьян.

— А ты поняла бы меня, если я почувствовал бы необходимость так поступить? — спросил ее как-то Удаян.

Гори сразу сообразила: он проверяет ее, и она потеряет его уважение, если предастся чувствам и не захочет рискнуть. И поэтому, совсем не желая с ним разлучаться и боясь за него, она ответила, что поняла бы такое стремление.

Наедине с собой она размышляла о себе, о своем характере. О такой свободной девушке, погруженной в книги и просиживающей свои дни в прохладных чертогах библиотеки Президенси-колледжа. Но эту девушку, эту личность она уже начала подвергать критике после знакомства с Удаяном. Такую личность Удаян, с его

нервными пальцами, уверенно отстранил бы от себя. И Гори начала мысленно очищать себя от всякой наносной шелухи, как очищают стекло от налета пыли.

В детстве, помня о своем неожиданном приходе в дом дедушки и бабушки, она так и не знала, кто она такая и кому принадлежит. Если не считать Манаша, ее отношения с другими детьми в семье не очень-то складывались. Она не помнила хотя бы одного момента, когда она могла остаться с мамой и папой наедине. Всегда только в хвосте очереди, в тени других. Это вечное чувство собственной незначительности, неспособности отбросить собственную тень.

В обществе мужчин она тоже чувствовала себя невидимкой. Она знала, что не относится к тем женщинам, на кого заглядываются на улице или на родственном свадебном торжестве. Никто не начинал ухаживать за ней, никто не звал замуж, как ее сестер. В этом смысле она сама себя разочаровывала.

На самом деле в ее внешности не было ничего отталкивающего или спорного, если не считать слишком уж яркого цвета лица, который можно было принять за румянец. И все же, задумываясь над своей внешностью, она всякий раз неизмен-

но приходила к выводу: лицо у нее слишком вытянутое, а черты излишне четкие. Ей казалось — такое лицо не может понравиться, и ей хотелось как-то изменить свою внешность.

Но Удаян смотрел на нее так, словно других женщин в городе не было. Когда они встречались, Гори чувствовала: он ею восхищается. Ему очень приятно стоять с ней рядом, смотреть на нее, любоваться ею. Он заметил, когда она в один прекрасный день сменила в волосах прямой пробор на косой, и сказал, что так ей больше идет.

Однажды в книге, которую он ей дал, она нашла записку с приглашением в кино. На дневной сеанс, в кинотеатр неподалеку от Парк-стрит.

Она боялась пойти, но боялась и не пойти. Одно дело сидеть с ним «на сачке» в колледже, или в студенческой столовке, или на трибунах бассейна — там, где и полагается быть студентам, — и совсем другое дело — отправиться куда-то далеко, пусть даже и на дневной сеанс.

В тот день она долго собиралась с мыслями и в итоге опоздала — успела только к перерыву, и очень боялась его уже не застать. Но он не ушел.

Он ждал ее на улице, покуривал сигарету среди других зрителей, уже обсуждавших первую часть фильма. Солнце палило нещадно, он подошел

к ней, соединил ладони и таким самодельным зонтиком прикрыл ее голову. Этот жест подарил ей ощущение защищенности. Какой-то их уединенности в этом многолюдном городе.

Лицо его не выражало ни малейшей раздражительности или нетерпения, когда он увидел ее. Только радость. Как будто он точно знал: она придет, хотя и так сильно опоздает. Когда она спросила о содержании фильма, он покачал головой.

— Не знаю, — ответил Удаян и протянул ее билет.

Он стоял, оказывается, все это время на тротуаре и ждал ее. И ждал, когда они окажутся в темноте кинотеатра, чтобы взять ее за руку.

Глава 2

На второй год обучения на степень Субхаш стал жить в доме один. Ричард нашел себе преподавательскую работу в Чикаго и уехал.

В весеннем семестре вместе с другими студентами и преподавателями Субхаш ходил в трехнедельное плавание на исследовательском судне. Корабль рассекал волну и оставлял за собой пенный след, который быстро разглаживался и исчезал. Берег отдалялся довольно быстро и становился тоненькой коричневой змейкой, растянувшейся вдоль водной кромки. Земля вдалеке как будто скукоживалась и бледнела.

Под ярким солнцем судно набирало скорость, Субхаш с радостью ловил лицом встречный ветерок и даже малейшее шевеление воздуха. Сначала они ходили в водах Баззардс-Бэй. Два года назад одна баржа туманной ночью напоролась на береговые камни близ Фальмута, и двести тысяч галлонов горючего топлива вылились в воду. Течение разнесло топливо до самого Уайлд-Харбора. Разлившиеся углеводороды убили в море всю растительность, и редкие виды крабов просто погибли.

Студенты и ученые вылавливали сетью рыбу и туристический мусор ради образцов для исследования придонных отложений. Изучив полученные образцы, они пришли к выводу: степень загрязнения морской воды неуклонно растет.

Они продолжили свои исследования вдоль побережья Джорджес-Бэнк и в воде обнаружили большие скопления фитопланктона. Там популяция диатом выкрасила поверхность моря в переливчатые павлиньи цвета. Но в пасмурные дни море выглядело унылым и сумрачно-серым.

Субхаш наблюдал за светлоголовыми баклана-ми с черно-белыми крыльями, за резвящимися парочками дельфинов. За горбатыми китами с их высокими фонтанчиками воды, которые игриво рассекали морскую гладь, подныривали под их корабль, а потом выныривали у другого борта.

Когда судно брало даже слабый курс к востоку, Субхаш вдруг остро осознавал, как далеко он находится от своей семьи. Он пытался посчитать, какое время потребуется, чтобы пересечь такое громадное расстояние.

На корабле, в окружении студентов, ученых и судовой команды, он чувствовал себя почему-то вдвойне одиноким. Он не мог представить свое

будущее, измерить лотом глубину пропасти между прошлым и будущим.

Он не видел родных полтора года. Уже полтора года не сидел с ними за одним столом. Дома в Толлиганге не было телефона, о благополучном прибытии в Америку он сообщил телеграммой, а теперь вот учился жить без родителей, получал новости от них только из писем.

В письмах Удаяна больше не было упоминаний о Наксалбари и пламенных революционных призывов. В них вообще больше не упоминалось о политике. Вместо этого Удаян писал о счете в футбольных матчах, о последнем фильме Мринала Сена и о всяких переменах, происходивших по соседству, — как закрылся какой-то магазин, или как кто-то из соседей переехал жить в другое место.

Удаян интересовался у Субхаша, как идут дела в учебе и чем помимо учебы он занимается в Род-Айленде. Интересовался, когда Субхаш собирается вернуться в Калькутту, а в одном из писем спросил, собирается ли он жениться.

Субхаш оставлял некоторые письма на память, поскольку избавляться от них уже больше не было нужды. Но их вялый тон озадачивал его, наводил на размышления. Хотя почерк был тот

же, складывалось впечатление, будто их написал совсем другой человек. Субхаш мог только гадать, что происходит сейчас в Калькутте, о чем умалчивает брат, что маскирует этими малозначительными новостями. И Субхашу было интересно, как Удаян ладит с родителями.

Родители в своих письмах только вскользь упоминали о Гори, да и то лишь только в качестве примера того, как не нужно поступать.

Мы надеемся, когда придет время, ты доверишь нам уладить твое будущее, выбрать тебе жену и присутствовать на твоей свадьбе. Мы надеемся, что ты не проигнорируешь наши пожелания, как это сделал твой брат.

В ответных письмах он успокаивал мать с отцом, уверял, что его женитьбой будут заниматься они. Субхаш посылал им часть своей стипендии для оплаты ремонтных работ в доме и писал, что очень соскучился и хотел бы поскорее с ними увидеться. Но дни шли, а разлука по-прежнему продолжалась.

Он чувствовал себя очень одиноким, в отличие от Удаяна, который хоть и рассердил родителей, но все же жил дома, привычным укладом, под их теплым крылышком. Различало братьев то,

что Удаян уже был женат, а Субхаш жил вдали от дома. И Субхаш все гадал, заняла ли безраздельно девушка Гори его место в душе Удаяна.

* * *

Однажды пасмурным летним днем он пошел прогуляться по пляжу. Сначала ему не встретился там никто, кроме одинокого рыбака. Только волны набегали на желто-серый каменистый берег. Потом появилась женщина с ребенком и собакой.

Женщина подбирала с земли палки и кидала их собаке. Она была в кроссовках на босу ногу, в ветровке и хлопчатобумажной юбочке выше колен.

Субхаш видел, как женщина и мальчик с пластмассовым ведерком в руках расшнуровали кроссовки и сняли их, а затем стали бродить в воде у самого берега. Они искали морских звезд. Расстроенный мальчик жаловался, что не смог найти ни одной.

Субхаш закатал штанины, снял ботинки и тоже вошел в воду. Он хорошо знал, где прячутся морские звезды. Субхаш оторвал одну от подводного камня, затвердевшую, но еще живую, и положил на ладонь. Потом показал мальчику красные точки у себя на руке, оставшиеся после морской

звезды, и сказал:

— А знаешь, что будет, если я приложу ее к твоей руке?

Мальчик покачал головой.

— Она выщиплет у тебя на руке волоски.

— А это больно?

— Да не особенно. Хочешь, покажу?

— А вы откуда приехали? — спросила женщина.

Она была не красивая, но симпатичная, светло-голубые миндалевидные глаза очертаниями напоминали створки мидии. Она выглядела чуточку старше Субхаша. В ее длинных русых волосах запутались морские водоросли.

— Из Индии, из Калькутты.

— Ой, там, наверное, совсем другая жизнь.

— Да.

— А здесь вам нравится?

Никто до сих пор ни разу не задал ему этого вопроса. Субхаш отвернулся, посмотрел на залив, на Ньюпортский мост, соединявший его берега, — недавно достроенный и уже обтянутый нитями зажигавшихся по вечерам электрических лампочек.

Один преподаватель рассказывал ему про мост и про его, как оказалось, знаменитую электро-

проводку, — если ее вытянуть в одну линию, то она протянулась бы на восемь с лишним тысяч миль. Это было расстояние между Америкой и Индией, расстояние, отделявшее его сейчас от родителей и брата.

Он смотрел на приземистый, словно принявший боевую стойку маяк с тремя окошками, похожими на три пуговицы на планке рубашки, построенный на мысе Датч-Айленд. Рядом вдоль деревянного пирса, в конце которого чернел лодочный сарай, болталось на приколе несколько лодок. А многие лодки ушли в море и белели оттуда крапинками парусов.

— Иногда мне кажется: я открыл самое прекрасное место на земле, — сказал он.

И ему еще хотелось сказать ей, что он всю свою жизнь искал такой вот Род-Айленд, такой сказочный уголок на земле, где ему будет дышаться легко.

Ее звали Холли, а мальчика — Джошуа. У Джошуа только что начались каникулы. Пса звали Честером. Они жили в Матунаке, неподалеку от одного из соленых лиманов, часто приходили на пляж студенческого городка погулять с собакой. Про пляж они узнали от женщины, которая жила почти рядом и которая приходила присмотреть за

Джошуа в те дни, когда Холли — медсестра в больнице в Ист-Гринвич — уходила на дежурство.

Холли не сказала, чем занимается ее муж, но Джошуа как-то спросил у Холли, возьмет ли его папа с собой на рыбалку в эти выходные. Субхаш предположил, что муж Холли находится сейчас на работе.

Через несколько дней Субхаш заметил на стоянке машину Холли и захотел подойти поздороваться. Она увидела его и издалека помахала рукой, похоже, обрадовалась. Честер бежал впереди нее, Джошуа плелся сзади.

Они начали вместе прогуливаться по пляжу, беседовали о том о сем, ступая по путам выброшенной на берег морской капусты, всяких других водорослей и старательно обходя медуз на твердом песке, похожих на огромные цветки хризантем.

Она рассказала ему о себе, о том, что родилась в Массачусетсе, в семье канадцев французского происхождения, что почти всю свою жизнь прожила в Род-Айленде, здесь выучилась на медсестру. Она спросила про его учебу, и он объяснил, что ему еще предстоит учебный курс, а потом надо написать и защитить диссертацию.

— И сколько времени это займет?

— Еще три года. Может быть, больше.

Холли хорошо разбиралась в морских птицах, знала о них почти все. Она объяснила Субхашу, как отличать разные виды чаек. Когда он рассказал ей про цаплю, которую видел в свою первую осень в Род-Айленде, она объяснила — это был еще не до конца оперившийся подросток большой серой цапли.

Женщина сбегала к машине на стоянке, принесла бинокль и показала ему стаю крохалей, летящую вдалеке над заливом.

— Субхаш, а ты знаешь, как ведут себя птенцы ржанки?

— Нет.

— Во время перелета они сбиваются в отдельную стаю и не смешиваются со взрослыми особями. И за весь этот огромный перелет из Новой Шотландии до Бразилии они только иногда опускаются на воду отдохнуть.

— Спят прямо на воде?

— Они ориентируются в этом мире гораздо лучше нас. Как будто у них в мозгу встроен компас.

Она стала расспрашивать его о птицах Индии, и он рассказал ей о тех птицах, каких она никогда не видела. О майнах, гнездящихся на карнизах домов, о кокилах, устраивающих в городе жуткий

галдеж в начале весны, о пятнистых совушках, ухающих по ночам в Толлиганге и терзающих своими крючковатыми клювами пойманных гекконов и мышей.

— А ты, когда закончишь учебу, вернешься в Калькутту? — спросила она.

— Да. Если смогу найти там работу.

Своим вопросом она попала в точку — в семье пребывание его в Америке действительно до сих пор считалось явлением временным.

— А ты скучаешь по родным местам?

— Да. Ведь там я родился и вырос.

Он рассказал ей, что у него есть родители и младший брат. И что теперь у того есть жена, с которой ему еще только предстоит познакомиться.

— А где живет твой брат со своей женой?

— У наших родителей.

Он объяснил: в Индии принято дочерям после свадьбы уезжать к родственникам мужа, а сыновьям оставаться в родительском доме. И разные поколения одной семьи живут там вместе под одной крышей, а не раздельно, как принято здесь.

Он подозревал, что Холли, как и любой другой американке, трудно было бы представить себе такую жизнь. Но Холли отнеслась к его рассказу с уважением.

— А знаешь, в некоторых случаях это даже лучше.

Однажды Холли расстелила на пляже покрывало, выложила на него бутерброды с сыром, нарезанные кружочками огурцы и морковку, миндальные орешки и дольки фруктов. Она предложила Субхашу угоститься этой скромной пищей, и поскольку уже стемнело, то у них получился такой своеобразный ужин. За разговором, пока Джошуа играл в сторонке, выяснилось — Холли и отец Джошуа живут раздельно. Уже почти год.

Тут она отвернулась и, обхватив руками согнутые колени, долго смотрела на воду. Волосы у нее были, как у школьницы, заплетены в две косы.

Субхаш не хотел проявлять лишнее любопытство, но Холли объяснила сама:

— У него сейчас другая женщина.

Субхаш понял: она хотела прояснить положение вещей, поэтому сообщила ему, что она мать-одиночка.

Постоянное присутствие рядом Джошуа позволяло их отношениям оставаться всегда в дружеских рамках. Встречаясь с ней на песчаном пляже, под широким небом, он освобождался от любых тяжелых мыслей. А раньше он все вечера

и все выходные напролет посвящал занятиям, словно находился под неусыпным надзором родителей и хотел доказать им, что не тратит время попусту.

В один особенно теплый день, когда на ней была всего лишь тонкая блузка с расстегнутыми верхними пуговками, он обратил внимание на красивые изгибы ее тела.

Потом она сняла блузку и осталась в купальнике, и он увидел ее мягкий живот и округлые груди, слегка расходящиеся в стороны. Кожу на плечах покрывали крапинки веснушек.

Она загорала на солнышке, пока они с Джошуа играли у кромки воды. Джошуа, как и Холли, называл его просто Субхашем. Это был спокойный молчаливый мальчик, к Субхашу тянулся, но держался немного настороженно.

Они постепенно привязывались друг к другу, играя с Честером, который без конца забегал в воду, а потом смешно отряхивался и бежал к ним с теннисным мячиком в зубах. Холли лежала на животе и наблюдала за ними с солнечными очками на носу, а иногда закрывала глаза и дремала.

Как-то на пляже Субхаш вышел из воды и подошел к ней вытереться полотенцем. Она не оторвалась от читаемой книги и не отодвину-

лась, когда он сел рядом и когда их плечи почти коснулись друг друга.

Он хорошо осознавал, какая пропасть разделяла их. И дело было не только в том, что она была американка и старше его. Ему было двадцать семь, а ей, по его подсчетам, около тридцати пяти лет. Но она уже влюблялась, уже побывала замужем, уже имела ребенка и уже потерпела неудачу в личной жизни. А ему еще только предстояло познать все это на своем опыте.

Однажды она пришла на прогулку без Джошуа. Это была пятница, и мальчик, оказывается, поехал домой к папе. Для Джошуа важно не терять контакта с отцом, сказала Холли.

Субхашу стало немного неприятно, когда он подумал о том, что Холли разговаривала с отцом Джошуа, что она пыталась рассуждать здраво по отношению к мужчине, который так обидел ее. Возможно, она даже виделась с ним, когда отвозила к нему Джошуа.

Вскоре после того, как они расстелили покрывало, пошел дождик, и Холли пригласила Субхаша поужинать у нее дома. Она сказала, что дома у нее есть в холодильнике тушеная курица и ее можно подогреть. Субхашу не хотелось расставаться с ней, и он охотно принял приглашение.

Он поехал следом за ней на машине Ричарда. Он до сих пор называл ее так, хотя перед отъездом Ричарда в Чикаго купил у него машину.

После съезда с шоссе пейзаж стал унылым и пустынным. Грязная проселочная дорога пролегала через заросли камыша и вскоре привела на песчаный берег. Здесь пейзаж был совсем простой — только песок, море и небо.

Он свернул вслед за Холли на боковую дорожку. Выбеленные солнцем и ветрами ракушки скрипели под колесами. Вскоре они подъехал к дому, одной стороной выходившему на соленый лиман. Перед домом не было лужайки — только покосившаяся ограда с ржавой проволокой. В окрестностях здесь и там виднелись разные одноэтажные домики.

— А почему окна заколочены фанерой? — спросил он, указывая на соседний дом.

— А это на случай шторма. Там сейчас никто не живет.

Он окинул взглядом остальные домики на берегу:

— И кому они принадлежат?

— Богатым людям. Они приезжают сюда на выходные из Бостона или Провиденса. Некоторые остаются пожить на недельку-другую. Но к осени

здесь никого уже не будет.

— И никто их не снимает, когда они пустуют?

— Иногда студенты снимают, потому что дешево. А весной вот, например, я здесь была одна.

Коттедж Холли был совсем маленьким — кухня-студия, ванная и две спальни. И очень низкие потолки. Даже дом, в котором он вырос, и то был просторнее.

Холли открыла дверь, которая даже не была заперта на ключ.

В доме оставалось включенным радио. Когда они вошли, по нему прогноз погоды обещал проливные дожди. Честер бросился им навстречу с радостным лаем и виляющим хвостом.

— Забыла выключить? — спросил Субхаш, когда Холли выключила радио.

— Нет, я специально оставляю его включенным — ненавижу приходить в тихий дом.

Он вспомнил их с Удаяном радиоприемник и вдруг поймал себя на мысли, что Холли, в некотором смысле, чувствует себя даже более одинокой, чем он. Конечно, она одинока в этой глуши, где даже нет соседей.

Дождь барабанил по тонкой крыше, словно каменная осыпь. Песок за долгое время набился в дом и был повсюду: и между подушками дивана,

и на полу, и на ковре перед камином, где любил сидеть Честер.

Холли торопливо вымела песок, как у них дома в Калькутте дважды в день выметали пыль, и закрыла окна. На каминной полке лежали всякие камешки, ракушки и извилистые корни, выброшенные морем, поскольку дом, похоже, украсить было больше нечем.

За окном темнело затянутое тучами небо и сырой песчаный берег.

— А зачем ездить на пляж студенческого городка, когда здесь есть то же самое?

— Да просто хочется сменить обстановку. Мне там нравится крутой обрыв.

Она начала хлопотать на кухне — включила плиту, наполнила водой раковину и стала промывать листья салата.

— Ты не разожжешь огонь? — произнесла Холли.

Он подошел к камину. Рядом лежали горкой поленья и каминные принадлежности. Он отодвинул решетку, нашел коробок спичек.

— Давай я тебе покажу, как это делается, — сказала она, желая избавить его от неловкости.

Холли открыла задвижку трубы, разложила в камине поленья и щепочки, потом протянула

ему кочергу и велела сгребать поленья в кучку, когда те разгорятся. Он стал следить за огнем, но она разожгла его так умело, что там и делать особенно ничего не требовалось. Поэтому он просто смотрел на огонь, обдававший теплым жаром его лицо и руки, пока Холли готовила ужин.

Субхашу, конечно, было любопытно узнать, жила ли она здесь с отцом Джошуа и из этого ли дома тот ушел, оставив ее одну с ребенком. Что-то подсказывало ему — отец Джошуа в этом доме не жил. Здесь были только вещи Холли и Джошуа. Их дождевики, куртки на крючках в прихожей, а на полу их обувь.

— Ты не проверишь окно в спальне Джошуа? Мне кажется, я оставила его открытым.

Комната мальчика по размеру напоминала каюту на корабле — такая она была низенькая и тесная. У окна постель, накрытая пледом. Подушка намокла от дождя.

На полу возле книжного шкафа лежал частично собранный пазл лошадок, резвящихся на лугу. Субхаш присел на корточки и достал из коробки несколько фрагментов, но они не подошли.

Он поднялся и заметил на комоде фотографию. Субхаш сразу догадался — это отец Джошуа, муж Холли. Мужчина в шортах, босой, стоял на каком-

то пляже, на его плечах сидел Джошуа, только еще совсем маленький. Папа повернул голову к сыну, и они оба смеялись.

Холли позвала ужинать. Они ели курицу, тушенную с грибами и вином, на гарнир вместо риса к ней подавался хлеб, подогретый в духовке. Вкус был сложный и вместе с тем приятный.

Субхашу в его порции попался лавровый лист.

— У нас он растет прямо около дома, — сказал он. — Только у нашего листики в два раза крупнее.

— Тогда привезешь мне, когда поедешь навещать своих родных?

Он ответил — конечно, привез бы, но вряд ли теперь, когда знаком с ней, поедет навещать своих родных. Да и сама Холли, возможно, не возобновила бы с ним этих встреч после его возвращения.

Она сказала, что живет в этом домике с прошлого сентября. Отец Джошуа предлагал ей вернуться в их старый дом на Министериал-Роуд, но она отказалась. А этот домик достался ей от бабушки с дедушкой. В девичестве она приезжала сюда ненадолго.

После тушеной курицы был яблочный пирог и чай с лимоном. Дождь продолжал барабанить

по стеклу с удвоенной силой. Холли завела разговор о Джошуа. Она переживала, что развод с его отцом может плохо сказаться на психике мальчика. Он и так уже после ухода отца замкнулся в себе, у него появились страхи, которых раньше не было.

— А какие страхи?

— Ну, например, он боится спать один. Ты же видишь, как близко расположены наши комнаты, а он все равно приходит теперь по ночам ко мне в постель, чего не делал уже несколько лет. Он всегда любил купаться, а этим летом начал бояться воды и волн. И еще он не хочет осенью опять идти в школу.

— А недавно вроде плавал в море?

— Ну, может быть, потому, что там был ты.

Тут залаял Честер, и Холли встала, прицепила к его ошейнику поводок, надела дождевик и взяла в прихожей зонтик.

— Ты побудь здесь. Зачем тебе мокнуть? Я всего на пару минут.

Субхаш вымыл посуду, пока ждал ее. Он не переставал изумляться самостоятельному стилю ее жизни, теперь начал волноваться за нее — из-за того, что она жила в такой уединенной глуши, даже не запирая дверь на ключ. У нее совсем не

было никаких помощников, кроме женщины, приходившей в ее отсутствие посидеть с Джошуа. И это притом, что ее родители жили почти рядом, в другой части Род-Айленда, но они почему-то не приезжали позаботиться о ней.

И все же он не ощутил какого-то совсем уж давящего одиночества, находясь сейчас с ней в этом, казалось бы, пустынном доме. Все-таки им составлял компанию Честер и здесь были вещи и игрушки Джошуа. И даже фотография мужчины, которого она когда-то любила.

— Ой, ну первый раз, наверное, за сто лет мне не надо мыть посуду после ужина! — сказала она по возвращении, когда увидела чистые тарелки и чашки и посудное полотенце, сохнущее на крючке.

— Да мне нетрудно было.

— Как же ты поедешь в такой ливень? Может, дать тебе дождевик?

— Да нет, и так нормально.

— Тогда давай я хоть доведу тебя до машины под зонтиком?

Он уже взялся за дверную ручку, но ему очень не хотелось уходить, не хотелось расставаться с ней. И он мялся в нерешительности на пороге, чувствуя, как ее щека слегка прижимается к его

рубашке на спине. Потом ее рука легла ему на плечо, и Холли спросила, не хочет ли он остаться.

Ее спальня абсолютно походила на комнату Джошуа, но поскольку кровать здесь была больше, то свободного места почти не оставалось. В этой комнате Субхаш забыл обо всем: и о том, что, наверное, сказали бы родители, и о последствиях того, что должно было произойти. Он не думал ни о чем, кроме женщины рядом с ним, нежно водившей его пальцами по своей коже — от шеи к груди.

Ее кожа восхищала его — и эти неровности, и веснушки, и родинки, и оттенки, приданные не только загаром, но и природой, — оттенки, которые он смог разглядеть только сейчас, при свете лампы.

Она привела его пальцы к своему мягкому животу и к пушистому бугорку между ног. Она заметила его растерянность и, словно не веря своим глазам, спросила:

— Что, правда?..

Он смущенно отвернулся:

— Мне надо было сказать тебе.

— Ой, Субхаш, да это не имеет никакого значения!..

Ее пальцы довели его до эрекции и направили

куда нужно. Он был и смущен, и возбужден — ведь он испытывал сейчас и делал то, что раньше могло существовать только в его воображении. Он вошел в нее, даже не отдав себе отчета, и в то же время каждой жилочкой, каждым нервом чувствовал, куда он вошел…

Дождь прекратился. Вода с листвы дерева над домом посыпалась на крышу, словно поздравительные рукоплескания. Он лежал рядом с Холли и думал: «Нужно поехать к себе домой», но через несколько минут обнаружил: Холли не просто притихла, она, оказывается, уснула.

Он не хотел будить ее или уходить не попрощавшись, поэтому остался. В постели, согретой жаром их тел, он поначалу не мог уснуть. Его отвлекало ее присутствие рядом, несмотря на только что произошедшую близость.

Он проснулся утром от звука близкого дыхания Честера, от запаха его шерсти и цоканья когтей по полу вокруг кровати. Потом пес встал перед Холли и просто ждал. В комнате было тепло и светло.

Во сне Холли лежала спиной к Субхашу и уютно прижималась к его телу, одеяло было сброшено. Встав с постели, она натянула на себя джинсы и блузку, в которых была вчера, и сказала:

— Я приготовлю кофе.

Субхаш быстро оделся. По дороге в ванную он посмотрел на открытую дверь комнаты Джошуа. Отсутствие ребенка дало им новую возможность в отношениях.

Холли вывела на улицу Честера, а по возвращении предложила Субхашу позавтракать. Субхаш отказался под предлогом срочных дел.

— Сообщить тебе, когда Джошуа в следующий раз поедет к отцу?

Субхаш пребывал в растерянности — он понимал: их совместная ночь могла быть только началом, а не концом, но в то же время ему не терпелось поскорее увидеться с ней снова.

— Как хочешь.

За порогом он увидел, что идет прилив. Небо было ясное, море спокойное. Никаких следов ночного шторма, кроме наметенных прибоем водорослей, лежавших на песке пустыми гнездами.

Глава 3

Ему хотелось рассказать обо всем Удаяну. Хотелось поведать брату о новом важном периоде в его жизни. Хотелось рассказать, кто такая Холли, как она выглядит, как живет, чем занимается. Хотелось обсудить с братом их теперешние знания в области общения с женским полом. Но о таком он не мог написать в письме или в телеграмме. Или даже сказать по телефону.

По пятницам он теперь ездил вечером к Холли и оставался у нее ночевать. В остальное время они встречались мало — иногда только выбирались на прогулку с бутербродами на море. Большую часть недели он мог делать вид, если бы захотел, что вовсе не знаком с Холли, что в его жизни ничего не изменилось.

Но в пятницу вечером он ехал к ней — сначала по шоссе, потом по проселочной дороге, где лес по обочинам сменялся солончаками. Он проводил у Холли всю субботу, а иногда и воскресное утро. Холли была не требовательна к нему и держалась очень легко. И каждый раз при расставании уверяла: они обязательно встретятся снова.

Субхаш и Холли гуляли по пляжу, по твердо-

му песку, ребристому от прилива, плавали в холодной воде, ощущая во рту ее соленый вкус. Вода словно проникала к нему внутрь, в каждую клеточку его тела, словно очищала его, набивала его волосы песком. Ему очень нравилось плавать на спине, не чувствуя собственного веса, вытянув в стороны руки, не слыша никаких звуков — только глухой шум моря, солнце, мерцающее в осеннем небе, как горящие угли.

Пару раз они были вынуждены заниматься рутинными повседневными делами, словно уже были мужем и женой. Ходили вместе в супермаркет, набивали тележку продуктами и запихивали потом пакеты с едой в багажник ее машины. Этим он никогда не стал бы заниматься вместе с женщиной до свадьбы, если бы жил в Калькутте.

В Калькутте, когда он был студентом, ему нравились многие женщины, но он стеснялся к ним приставать. Он и за Холли-то не ухаживал, хотя у него перед глазами всегда были друзья по колледжу, которые энергично ухаживали за женщинами, и те в итоге становились их женами. Удаян наверняка ухаживал за Гори. Субхаш не водил Холли в кино или в рестораны. Он не писал ей записок и не просил ее подружек передать.

Холли этого было не нужно. Единственным ме-

стом, где им имело смысл встречаться, стал ее дом — там им было легко и удобно, оба чувствовали себя свободно. Они проводили время за беседой, за долгими разговорами о своих семьях, о своем прошлом. Впрочем, Холли никогда не заводила разговоров о своем распавшемся браке. Зато она не уставала расспрашивать о его былой жизни, о его юношеских годах. О самых обыкновенных и заурядных подробностях его жизни, которые не произвели бы никакого впечатления на любую девушку из Калькутты. Но в глазах Холли предыдущая жизнь на родине делала Субхаша каким-то особенным.

Однажды вечером они вернулись из продуктового магазина, где купили кукурузу и арбуз для празднования Четвертого июля. Субхаш рассказал Холли, как его отец каждое утро ходил с сумкой на базар. Покупал еду только на один день. Если мать жаловалась на скудость покупок, он отвечал ей так: «Лучше съесть маленький кусочек рыбки с удовольствием, чем большой кусок без оного». Так что Субхаш на своем опыте знал, что такое жить впроголодь, когда не воспринимаешь еду как нечто само собой разумеющееся.

Он рассказал Холли, что иногда они с Удаяном сопровождали отца на базар, вместе с ним стояли

в очередях под зонтиком в самый зной, помогали нести покупки. Рыбу, овощи, плоды манго отец тщательно выбирал, обнюхивая их и щупая, иногда даже специально брал неспелые и дома клал дозревать в темное место под кровать. По воскресеньям они покупали у мясника парную козлятину, которую тот срезал прямо с подвешенной на крюке туши, взвешивал на весах и заворачивал в сухие листья.

— У вас с отцом были теплые отношения? — спросила Холли.

Ему почему-то вспомнилась фотография в комнате Джошуа, где мальчик сидел на плечах у отца. Отец Субхаша не был каким-то особенно нежным родителем, но он был цельной натурой.

— Я восхищаюсь им, — ответил он.

— А с братом вы ладили?

Он помолчал.

— И да и нет.

— Ну, так часто бывает, — сказала она.

В ее тесной спальне, отбросив в сторону чувство вины, он взращивал в себе неповиновение родительской воле. Хотя он, конечно, понимал: этой храбростью он обязан, скорее всего, огромному географическому расстоянию, разделявшему его с родителями.

Нарасимхана он теперь расценивал как своего рода союзника. Нарасимхана и его жену-американку. Иногда он пытался представить себе, как выглядела бы его подобная жизнь с Холли. Если бы он, вопреки воле и ожиданиям родителей, решил навсегда остаться в Америке и обзавестись здесь семьей.

В то же время он прекрасно понимал — это невозможно. И даже не потому, что Холли была американкой. Ее ситуация, ее ребенок, ее возраст, ее официально замужнее положение — все это было бы немыслимым для его будущей жизни. Родители никогда не смогли бы принять этих фактов и смириться. Они просто не приняли бы Холли.

А Субхаш совсем не желал, чтобы Холли прошла через такое. И все же он продолжал видеться с ней по пятницам, продолжал следовать своим новым тайным путем.

Удаян, конечно, понял бы его. Возможно, даже стал больше уважать бы его за это. Но Удаян не мог бы сказать Субхашу ничего такого, чего бы тот уже не знал. Что он имеет связь с женщиной, на которой не намерен жениться, с женщиной, к которой он все больше и больше привыкал, но которую в силу своих собственных внутренних

противоречий он все же не любил.

Поэтому он ни с кем не делился тайной отношений с Холли. Их встречи продолжали оставаться секретом для всех. Родительское неодобрение, грозившее подорвать эти отношения, маячило где-то в глубинах его сознания, как вратарь в футбольных воротах. Но родителей не было рядом, и поэтому он мог себе позволить не думать об их недовольстве, отодвигая подобные мысли все дальше и дальше от себя, как отдаляется желанный горизонт от корабля, которому так и не суждено пристать к берегу.

Однажды в пятницу они не смогли увидеться — Холли позвонила и сообщила: в последнюю минуту планы изменились, Джошуа не едет к отцу на выходные. Субхаш, как ни странно, не очень расстроился.

В следующие выходные, когда они снова встретились, телефон зазвонил прямо за ужином. Холли пересела с телефонным аппаратом на диван. Субхаш вдруг понял, что это отец Джошуа.

Оказалось, у Джошуа поднялась температура, и Холли наставляла бывшего мужа, какие лекарства дать мальчику.

Субхаша удивило и даже немного задело то, как спокойно, без какой бы то ни было неприязни в

голосе, Холли разговаривала с бывшим мужем. Человек на другом конце провода оставался глубоко близким для нее. Они расстались, но Джошуа продолжал связывать их тесными узами.

Субхаш сидел за столом спиной к Холли, не ел и ждал, когда телефонный разговор закончится. Он посмотрел на настенный календарь.

Завтра 15 августа — День независимости Индии. Этот праздник будут отмечать по всей стране — иллюминация, флаги, парады, — а здесь рядовой, обычный день.

Холли повесила трубку.

— Ты какой-то расстроенный, — заметила она. — Что-то стряслось?

— Нет, просто кое-что вспомнил.

— Да? А что?

Это было его первое детское воспоминание — август 1947 года, — хотя иногда ему казалось, что это просто какие-то выкрутасы его памяти. Именно та ночь навеки запомнилась всей стране, и его личные воспоминания всегда потом перемешивались с рассказами родителей.

В тот вечер, когда в Дели гремел салют, когда министры произносили торжественные клятвы при вступлении в должность, когда Ганди принес долгожданный мир в Калькутту, в тот вечер,

когда родилось новое государство, мысли его родителей были заняты только одним. Удаяну было тогда всего два года, Субхашу — около четырех.

В памяти осталась чужая рука доктора, коснувшаяся его лба, легкие шлепки по рукам и по подошвам его ног. Он помнил, как их с братом трясло от озноба, помнил мутную пелену в Удаяновых глазенках, нездоровый пунцовый румянец на его щеках, бессвязные звуки и стоны в бреду.

— Мои родители тогда перепугались, думали, это брюшной тиф, — сказал он Холли. — Они несколько дней тряслись за нас, боялись, что мы умрем, как умер незадолго до того один соседский мальчик. Даже сейчас, когда они вспоминают тот случай, в их голосе звучит страх. Словно они до сих пор ждут, когда у нас спадет жар и болезнь отступит.

— Да, так всегда бывает, когда люди становятся родителями, — сказала Холли. — Если твоему ребенку что-то угрожает, время как будто останавливается. Все остальное тогда становится не важно.

Глава 4

В одни из сентябрьских выходных, когда Джошуа, как всегда, уехал к отцу, Холли предложила съездить в ту часть Род-Айленда, где Субхаш никогда не бывал. На кораблике они прокатились от Галилеи до Блок-Айленда, то есть преодолели по морю более десяти миль, и потом пешком прогулялись от гавани до гостиницы.

Благодаря какому-то отмененному в последний момент заказу им удалось поселиться в номере на верхнем этаже, который оказался даже еще лучше, чем тот, что забронировала Холли, — с роскошным видом на море и огромной двуспальной кроватью. Первое, что они увидели из окна номера, это летящую стаю птиц — пустельги отправились на зимовку в южные края. Когда Субхаш и Холли распаковывали вещи, она вручила ему приготовленный заранее подарок — бинокль в коричневом кожаном чехле.

— Да ну какая необходимость? — сказал он, но подарку обрадовался.

— А мне кажется, в самый раз. Для укрепления наших отношений, — возразила Холли.

Он поцеловал ее в плечо, в губы. Ему нечего

было подарить ей взамен. Он покрутил колесико линз и надел бинокль себе на шею.

Курортный сезон на острове уже почти заканчивался, туристов становилось все меньше, многие рестораны закрывались, только парочка работала для местного населения, живущего тут круглый год. Астры ярко цвели, листья плюща начали краснеть. Солнце сияло вовсю, и воздух был чист и безмятежен — словом, пока прекрасный летний денек.

Они арендовали велосипеды и поехали кататься по окрестностям. Субхашу поначалу с трудом удавалось удерживать равновесие — ведь он не сидел на велосипеде со времен детства, когда они с Удаяном учились кататься на велике по тихим улочкам Толлиганга. Он помнил, как вихляло переднее колесо, когда один из них крутил педали, вцепившись в руль, а другой сидел сзади на багажнике.

Сейчас в кармане у него лежало сложенное вчетверо письмо от Удаяна. Оно пришло накануне.

Сегодня в нашу с тобой комнату залетел воробей. Ставни были открыты, вот он и впорхнул. И летал, хлопая крылышками, по комнате. И я вспомнил тебя — подумал, какой восторг

наверняка вызвало бы у тебя это пустяковое происшествие. У меня появилось ощущение, будто ты снова дома. Конечно, он упорхнул обратно на улицу, как только я вошел.

Мне сейчас двадцать шесть, и это меня еще пока греет. А тебе через пару лет стукнет тридцатка. Нас с тобой ждет новая фаза жизни — больше половины пути до полтинника уже прожито!

Жизнь моя начала мне уже как-то приедаться, однообразие и скукотища — по-прежнему преподаю, даю частные уроки студентам. Будем надеяться, что они смогут достичь более высоких целей, чем я. Самые приятные для меня моменты каждый день — возвращение домой к Гори. Мы вместе читаем, слушаем радио — так проходят вечера.

А ты знаешь, что в двадцать шесть Фидель Кастро уже был брошен в тюрьму? К тому времени у него за плечами уже было наступление на казармы Монкада. А его брат одновременно с ним сидел в тюрьме. Их содержали отдельно, не разрешали видеться друг с другом.

Кстати, насчет общения. Я вот тут недавно читал о Маркони. Ему было двадцать семь лет, когда он сидел в Ньюфаундленде, слушая букву

S из Корнуолла. Его беспроводная станция на мысе Код вроде бы недалеко там от тебя. Она находится в местечке под названием Уэллфлит. Ты был там?

Письмо и утешило Субхаша, и вместе с тем смутило покой. Упоминания о тайных закодированных знаках вызвали в памяти игры былых времен, их с Удаяном морзянку. Удаян упоминал в письме о Кастро, но при этом описывал тихие спокойные домашние вечера с женой. Неужели Удаян сменил одну страсть на другую? Может быть, он теперь целиком и полностью посвятил себя Гори?

Субхаш ехал за Холли по извилистым узким тропинкам, мимо громадных солончаков, разделявших остров на две части. Мимо лугов и красивых частных домов с башенками. На пустынных пастбищах, местами обнесенных каменной оградой, там и сям белели валуны. Деревья встречались редко.

Они быстро пересекли весь остров, поперек мили в три, не более. Косяки пустельги все летели на юг, крылья их в воздухе казались неподвижными, а иногда при сильном ветре похоже было — их сдувает назад. Холли кивнула в сторону Монтаука, на оконечность Лонг-Айленда, кото-

рый в тот ясный день виднелся с другой стороны громадного залива.

В полдень они спустились к морю по крутым скрипучим деревянным ступенькам, разделись до купальников и долго плавали в высоких волнах. Несмотря на теплую погоду, дни уже становились заметно короче. Через какое-то время они снова сели на велосипеды и поехали на другой пляж, где любовались закатом, наблюдали, как алое пятно опускается и растворяется в воде.

На обратном пути они увидели на обочине черепаху и остановились. Субхаш взял ее в руки, разглядывал рисунок на панцире, а потом отнес в траву, откуда она и приползла.

— Надо будет обязательно рассказать Джошуа, — сказал Субхаш.

Холли на это ничего не ответила. Она вообще сделалась какой-то молчаливой и задумчивой, настроение у нее было странно пасмурным. Субхашу оставалось только гадать о причинах такой перемены. Возможно, ее расстроило упоминание о Джошуа. За ужином она тоже была какой-то подозрительно тихой, ела мало, сославшись на головную боль от длительного пребывания на солнце.

Впервые за все время они только поцеловали

друг друга перед сном, и ничего больше. Субхаш лежал рядом с ней в постели, слушал шум прибоя и наблюдал за восходом восковой луны. Он и хотел бы уснуть, но сон не шел.

Утром Холли вроде бы немного ожила, за завтраком даже с аппетитом съела тосты и яичницу. Но когда они ожидали своего кораблика, она сказала, что им нужно серьезно поговорить.

— Я очень рада, Субхаш, что познакомилась с тобой. Мы провели вместе прекрасное время.

Он сразу все понял. Она как будто бережно взяла их обоих и перенесла куда-то в сторонку с сомнительного пути, по которому они шли, — как сам он вчера перенес с опасной дороги в траву черепаху.

— Я хочу, чтобы мы расстались по-доброму, — продолжала она. — У нас, надеюсь, это получится.

Потом она объяснила, что имела разговор с отцом Джошуа, и они решили попробовать наладить былые отношения.

— Но он же бросил тебя!..

— А теперь хочет вернуться. Послушай, Субхаш, я знаю его уже двенадцать лет, он отец Джошуа. И ты не забывай: мне уже тридцать шесть!

— Ну а зачем сегодня надо было ехать сюда,

если ты не хочешь больше со мной видеться?

— Я думала, тебе понравится эта поездка. Мы же вдвоем, без Джошуа, никогда нигде не бывали.

— Мне нравится Джошуа.

— Ты молод, и у тебя потом обязательно будут собственные дети. К тому же ты через несколько лет вернешься в Индию, сам это говорил.

Она поймала его в его же собственной паутине противоречий и сказала ему то, что он и так уже знал. В тот момент Субхаш почувствовал: он больше никогда не приедет к ней домой. И понял, зачем был нужен бинокль. Этот подарок символизировал их прощание.

Субхаш не мог винить ее, так как осознавал — это расставание, наверное, будет даже к лучшему. Осознавал и все равно злился на нее за то, что она приняла это решение самостоятельно.

— Но ведь мы можем остаться друзьями, Субхаш, — произнесла она.

На это он ответил ей, что наслушался уже достаточно и что не хочет остаться просто другом. Он сказал, что когда кораблик придет в Галилею, то дождется автобуса и поедет домой на нем. И он попросил ее больше никогда не звонить ему.

На кораблике они сидели отдельно. Субхаш достал из кармана письмо Удаяна и перечел

снова. А потом разорвал его на мелкие клочки и выбросил в море.

Началась третья его осень в Род-Айленде. Осень 1971 года.

Опять листва на деревьях теряла хлорофилл, одевалась в другие цвета — во все оттенки желто-красного, навевавшие ему воспоминания о кайенском перце, куркуме и имбире, которые мать каждое утро толкла в ступке, чтобы приправить пищу.

Эти яркие краски становились все гуще и насыщенней, а потом листва начала жухнуть, трепетать на ветру, словно рой бабочек, и осыпаться.

А ему думалось о том, что в Калькутте сейчас снова наступил праздник Дурга-Пуджо. В начале пребывания в Америке Субхаша не угнетало отсутствие праздников, но сейчас отчаянно хотелось домой. Предыдущие два года он примерно в это время получал от родителей посылочку с подарками — национальные одежки, слишком тонкие для жизни в Род-Айленде, куски сандалового мыла, пачки дарджилингского чая.

Он представлял себе, как сейчас по Всеиндийскому радио целыми днями играет «Махалайя». Как в Толлиганге, в Калькутте и по всей Западной

Бенгалии люди просыпаются ни свет ни заря, взывают к Дурге, спускающейся с небес на землю со своими четырьмя детьми.

Бенгальские индусы верили — каждый год в это время она приходит погостить к своему отцу Гималаю, оставив на небе своего супруга Шиву. В торжественных гимнах люди воспевали богиню, и историю ее рождения, и оружие в десяти ее руках, — щит с мечом, лук Ваю со стрелами, топор, булаву, морскую раковину-горн, диск Вишну, ваджру Индры, трезубец Шивы, огненное копье и гирлянду из змей.

Но в этом году посылка из дома не пришла. Только телеграмма. Коротенькая, всего из двух предложений, безжизненных и сухих, как опавшая листва: «Удаян убит. Приезжай, если можешь».

Часть третья

Глава 1

Короткие зимние дни и угрюмый пустынный дом, в котором он горевал в одиночестве, — все это он оставил позади, вместе с надвигающимся Рождеством и декабрьскими праздничными приготовлениями.

На автобусе он добрался до Бостона, потом ночным рейсом до Европы. Дальше был второй перелет с посадкой на Ближнем Востоке. И везде ожидания, терминалы, коридоры. Наконец он приземлился в Дели и там сел на ночной поезд до Калькутты.

В поезде от попутчиков он узнал немного о том, что происходило в Калькутте за время его отсутствия. Узнал такое, о чем ни Удаян, ни родители не упоминали в своих письмах. О событиях, о которых Субхаш не мог прочесть ни в одной из род-айлендских газет или услышать по радио в Америке, когда сидел за рулем машины.

Оказывается, к 1970 году события приняли совсем другой оборот. Наксалиты к тому времени окончательно ушли в подполье и выбирались на поверхность только для того, чтобы наносить свои жестокие удары.

Они врывались в школы и колледжи по всему городу, посреди ночи жгли архивы и портреты, повсюду вывешивали красные знамена. Вся Калькутта была обклеена изображениями Мао.

Они запугивали избирателей в надежде сорвать выборы, устраивали на улицах стрельбу из духовых ружей, закладывали бомбы в общественных местах. Из-за этого люди стали бояться ходить в кинотеатры или стоять в очереди в банке.

Потом они придумали себе новые мишени — регулировщиков уличного движения на оживленных перекрестках, богатых бизнесменов, именитых профессоров и даже членов соперничающей с ними партии — КМПИ.

Совершаемые убийства отличались изощренной жестокостью и садизмом, их цель — запугать страну. Жену французского консула убили спящей в своей постели. Был убит Гопал Сен, вице-президент Джадавпурского университета, это произошло в студенческом городке во время вечерней прогулки. На следующий день он собирался выйти на пенсию. Его забили до смерти стальными прутьями и четыре раза ударили ножом.

Они полностью завладели некоторыми районами города, объявив их «красными зонами».

В том числе и Толлигангом. В этих районах они устраивали себе импровизированные госпитали и ночлежки. Люди старались обходить стороной эти кварталы. Полицейские начали теперь пристегивать свое оружие к поясам цепями.

А потом произошли изменения в законодательстве, и был объявлен действующим старый закон. Согласно ему, полиция и милицейские дружины имели право заходить в дома без ордера и арестовывать молодых мужчин без предъявления обвинения. В свое время этот закон придумали британцы для противостояния движению за независимость, хотели уменьшить это движение.

После вступления закона в силу полиция начала устраивать кордоны и обыскивать один за другим кварталы города. Опечатывать входы и выходы, вышибать двери, допрашивать молодых мужчин. Вот полицейские и убили Удаяна. Об этом Субхашу было нетрудно догадаться.

Он уже давно забыл, каково это — видеть такое скопление людей в одном пространстве. Носом чувствовать сгущенный запах огромного множества человеческих тел. Он соскучился по южному зною, устав от лютого холода. Но в Калькутте была зима. Люди на перроне — пассажиры, носильщики-кули, нищие, словом, все, для кого

вокзал был прибежищем, — кутались в шерстяные шали и носили вязаные шапки.

Встретить его пришли только два человека — младший кузен его отца Бирен Каку с женой. Они стояли возле лотка с фруктами и даже не смогли выдавить улыбки, когда увидели его. Эта скупость приветствия была предсказуема, но он не мог понять, почему после его такого долгого пути, длиной в двое суток, после более чем двухлетнего отсутствия, родители не встретили его сами. Помнится, когда он уезжал, мать обещала — они будут встречать его как героя, повесят ему на шею цветочные гирлянды, когда он сойдет с поезда.

Именно здесь, на этом вокзале, Субхаш последний раз видел Удаяна. Тогда брат приехал отдельно от родителей и остальных родственников, явился, когда все уже были в сборе на перроне, Субхаш сидел в вагоне, уже попрощавшись со всеми. Тогда-то Удаян и показался в его окошке.

Он просунул тогда в окно руку, дотронулся до плеча Субхаша и сжал его, потом легонько похлопал его по щеке. И получилось так, что в последний момент они оказались в окружении этой огромной толпы.

Удаян тогда достал из своей учебной сумки какие-то незрелые зеленые апельсины и всучил их Субхашу, чтобы тот съел по дороге.

— Постарайся не забыть нас окончательно, — напутствовал его Удаян.

— Ты присмотришь за ними? — спросил Субхаш, кивнув на родителей. — Дашь мне знать, если что-нибудь случится?

— А что может случиться?

— Ну, тогда если тебе что-нибудь понадобится.

— Ты лучше все-таки возвращайся, вот и все.

Удаян был совсем близко, просунувшись в окошко, держал руку на плече Субхаша, и больше ничего не говорил, пока не раздался гудок. Мать заплакала. Даже у отца глаза увлажнились, когда поезд тронулся. А Удаян стоял среди них, улыбался с задранной высоко рукой и не сводил глаз с все удаляющегося Субхаша.

* * *

Когда они переехали Хоурский мост, было еще темновато. Базары на этой стороне только-только открывались. Тротуары вокруг торговцы заставили корзинами со свежими овощами. Они ехали через центр по Чорингхи к Дэлхауси. В городе, можно сказать, не было ничего и было

все. К тому времени, когда они пересекли Принц Анвар-шах-Роуд и добрались до Толлиганга, день уже разгорался во всю силу.

Улицы выглядели все такими же, какими он их запомнил: кишащие велорикшами, бьющие по ушам пронзительными, словно кряканье вспугнутой гусиной стаи, звуками клаксонов. А уличные пробки здесь были уже совсем другие — как в пригороде, не как в центре. И здания здесь были ниже, и стояли они не так тесно друг к другу.

Потом проехали мимо трамвайного депо, мимо кондитерского базарчика, где торговали сладостями, выпечкой и даже горячим чаем в алюминиевых чайниках. Мимо киностудии, мимо «Толли-клаб», чьи ограды были исписаны призывами: «Превратим 1970-е в десятилетие освобождения!», «Винтовка несет свободу! Да здравствует грядущая свобода!».

На повороте у мечети долгое путешествие Субхаша чуть не подошло к концу раньше времени. Таксист с трудом вписался в поворот, чуть не врезавшись в стену дома. В нос ударил кисловатый септический запах родного квартала — запах детства, запах гниловатой воды и затхлость сточных канав.

Когда они поравнялись с прудами, Субхаш увидел родной дом. Вернее, впечатляющее и вместе с тем неуклюжее громоздкое сооружение, в которое тот превратился. Кое-где еще остались строительные леса, но работы уже закончились. За домом по-прежнему торчали пальмы, а вот мангового дерева, когда-то дававшего дому тень, больше не было.

По каменному мостику он перешел через канаву, отделявшую их дом от улицы. Через двустворчатую калитку вошел во двор. От его покрытых плесенью стен по-прежнему исходило ощущение приветственного радушия. Как и от водопроводного крана в углу двора, и от глиняных горшков с георгинами. И от бархатцев и базилика, которые мать использовала для молебнов. Виноградная лоза цвела — как всегда в это время года.

Во дворе они с Удаяном играли в детстве, рисовали тут и писали решения задачек по арифметике угольком или кусочком сухой глины. Здесь Удаян, помнится, не усидев дома, пробежал по доске и наступил в невысохший цемент.

Субхаш увидел сейчас эти следы и прошел мимо, окинул взглядом надстроенную верхотуру — длинные террасы, просторные коридоры, окружавшие дом с фасада и обнесенные кова-

ной решеткой с узором в виде трилистника. Свеженькая изумрудно-зеленая краска еще пока блестела.

За одной из решеток на верхнем этаже он увидел родителей, попытался разглядеть выражения их лиц, но не смог. Где-то в глубине души ему вдруг почему-то захотелось догнать отъезжавшее такси и сказать водителю, чтобы тот увез его отсюда куда угодно.

Он нажал на кнопку зуммера, который когда-то установил Удаян. Зуммер еще работал.

Родители так и остались сидеть, даже не поднялись и не окликнули его по имени. Даже не спустились вниз, чтобы поздороваться с ним. Отец просто спустил ему через решетку на веревочке ключ. Субхаш отпер замок на двери. Наконец отец издал какой-то крякающий звук, словно прочищая горло после долгого молчания.

— Запри за собой калитку, — проинструктировал он Субхаша перед тем, как утянуть обратно ключ.

Субхаш поднялся по лестнице с гладенькими черными перилами, ярко выделявшимися на фоне небесно-голубых стен. Бирен Каку с женой следовали за ним.

Увидев родителей на террасе, он опустился и по

традиции коснулся их ног. Теперь он был у них единственным сыном — он, ни разу не сумевший произвести на них впечатления за первые пятнадцать месяцев своей жизни. Теперь, видимо, ему предстояло наверстать упущенное.

В первый момент ему показалось: родители совсем не изменились. У матери все тот же маслянистый блеск в волосах, все тот же бледный оттенок кожи. Все такая же сухощавая и сутулая фигура отца, обтянутая хлопковой тканью куртки. Все та же унылая складка вокруг рта — маска разочарования, прикрытого дружелюбием. Но изменения все же были. В их глазах, застывших и остекленевших от горя.

Субхаш смотрел на портрет Удаяна в новой комнате родителей и не мог поверить, что брата больше нет. Но портрет свидетельствовал об этом. Эту фотографию сделал примерно десять лет назад один родственник, который имел фотоаппарат. Одна из немногих фотографий, где братья запечатлены вместе. В тот день они узнали результаты успешно сданных экзаменов в колледж. День, который их отец назвал самым счастливым в своей жизни.

На этой фотографии Субхаш с Удаяном стояли во дворе дома. Плечом к плечу. Сейчас, чтобы

сделать похоронный портрет, это плечо вместе с самим Субхашем было отрезано.

Он стоял перед портретом брата и плакал, прикрыв лицо рукой. А родители, ничуть не тронутые этой сценой, смотрели на него, как на артиста перед публикой, и ждали окончания сценического действия.

С террасы перед ним открывался прямой вид на местность, где они с Удаяном росли. Низенькие жестяные и черепичные крыши с тыквенными плетями, забравшимися на самый верх. Крошащиеся каменные ограды, загаженные воронами. Два продолговатых пруда на другой стороне улицы. Низина сейчас выглядела как глинистое дно после отлива.

Он спустился вниз, на первый этаж, в ту часть дома, которая совсем не изменилась, в их с Удаяном бывшую комнату. Он поразился — какая, оказывается, темная и тесная эта комната. Возле окна письменный стол, на стене книжные полки, в углу простенький шкаф для одежды. Вместо их кровати, на которой они спали вдвоем, теперь стояла раскладушка. Должно быть, Удаян принимал здесь учеников, когда занимался репетиторством. На книжных полках — учебники, измерительные приборы и ручки с карандашами.

Не было только их самодельного коротковолнового приемника, и вся политическая литература куда-то исчезла.

Субхаш распаковал вещи и ополоснулся водой, которую насос подкачивал дважды в день из общей водонапорной колонки. Вода эта содержала много железа, имела металлический привкус. От нее волосы становились жесткими, а кожа шершавой.

Ему сказали подняться наверх и пообедать. То есть теперь кухня располагалась наверху, на этаже, где теперь находилась спальня родителей. Стол накрыли на четверых: отца, Бирена Каку с женой и Субхаша. Мать всегда ела потом, уже накормив других.

Субхаш сел спиной к портрету брата — видеть его постоянно было невыносимо.

Он жадно набросился на еду — дал с ломтиками жареной горькой дыни, рис и тушеную рыбу. Речная рыба пабда была сладковата на вкус, ее побелевшие после жарки глаза напоминали речные камушки.

Огромные латунные блюда вместо тарелок казались до боли родными. Они давали свободу есть руками. Питьевую воду наливали из черного керамического кувшина, стоявшего в углу. Пиала

показалась какой-то неудобной — ободок слишком толстый для рта.

— А где она? — спросил Субхаш.

— Кто?

— Гори.

Мать черпачком поверх риса положила ему дал.

— Она ест на кухне, — ответила она.

— Почему?

— Ей так нравится.

Он не поверил матери, но вслух ничего не сказал. Не произнес того, что подумал, — Удаян наверняка осудил бы их за то, что они ее так отделили, за то, что соблюдают подобные обычаи.

— И она сейчас там? Я хотел бы с ней познакомиться.

— Она сейчас отдыхает. Ей сегодня нездоровится.

— Нездоровится? А врача вы вызывали?

Мать, не поднимая глаз, продолжала накладывать еду в тарелки.

— В этом нет необходимости.

— У нее что-то серьезное?

Мать наконец объяснила:

— Она ждет ребенка.

После обеда он вышел пройтись. Пошел к пру-

дам. Пучки водяных гиацинтов торчали кое-где в низине, вода еще стояла здесь и там.

Субхаш заметил невысокий каменный столбик, которого здесь никогда не было раньше, подошел к нему. На нем значилось имя брата, а под ним годы рождения и смерти: 1945–1971.

Этот скромный мемориал установили в память о мученике политических репрессий. Вода сюда приходила и уходила, скапливалась и исчезала, и именно это место партийные товарищи Удаяна выбрали для памятника.

Субхашу вспомнилось, как однажды они с Удаяном и другими мальчишками играли в футбол на другом конце низины, и Субхаш подвернул ногу. Он сказал Удаяну, чтобы тот продолжал играть и что сам дойдет до дома. Удаян же не стал его слушать и отправился вместе с ним.

Обвив Удаяна рукой, Субхаш почти висел на нем, кое-как ковыляя и кривясь от жуткой боли в распухшей лодыжке. А Удаян посмеивался над ним, дразнил за неуклюжесть и все говорил — если бы не он, то их команда выиграла бы. Дразнил, а сам практически тащил его на себе домой.

Субхаш вернулся в дом, собирался просто немного отдохнуть, но уснул крепким сном. Проснулся он, когда было поздно, в доме уже по-

ужинали. То есть ужин он проспал. Вентилятор не работал — ток отключили. Он нашел под матрасом фонарик, включил его и поднялся наверх.

Дверь в спальню родителей была закрыта. Он пошел на кухню, в надежде найти какие-нибудь остатки от ужина, и там увидел Гори — она сидела на полу, рядом горела зажженная свеча.

Он узнал ее сразу, по снимку, который присылал ему Удаян. Но это была уже не та раскованная девушка-студентка, которая игриво улыбалась перед фотообъективом его брата. Та фотография была черно-белая, но сейчас, даже при скудном свете одной-единственной свечи, ее чудовищная бледность сразу бросалась в глаза.

Длинные волосы были собраны сзади в низкий пучок. Она сидела опустив голову, в белом траурном сари. Худенькая, какая-то почти безжизненная. На ее лице сейчас поблескивали очки — их на той фотографии не было. Когда она подняла к нему взор, он даже через эти очки разглядел еще то, что не смогла передать фотография — невыразимую красоту ее глаз.

Субхаш не заговорил с ней, просто смотрел, как она ест дал и рис. Она могла быть кем угодно, чужой, посторонней женщиной, а стала вот теперь членом его семьи, матерью ребенка Удаяна. Она

взяла из кучки на краю блюда немного соли и посолила ею свою пищу. Субхаш обратил внимание, что рыбы, которую ему подавали за обедом, ей не оставили.

— Я Субхаш, — произнес он.

— Я знаю.

— Да я вообще-то не хотел тебе мешать.

— Они пытались разбудить тебя к ужину.

— Ну, вот я теперь уже проснулся.

Она захотела было подняться, сказала:

— Я поставлю тебе блюдо.

— Нет, ты доедай свой ужин. Я могу взять сам.

Он чувствовал на себе ее взгляд, когда водил по полкам фонариком, когда доставал себе чистое блюдо и открывал кастрюли и сковородки с оставленной для него едой.

— Ты говоришь как он, — сказала она.

Он сел напротив, свеча посередине. Гори держала руку над блюдом, кончики пальцев испачканы едой.

— Ты из-за моих родителей не ешь рыбу?

Она не ответила на вопрос.

— И голос у тебя такой же, как у него.

* * *

Очень быстро им овладела апатия. Просыпаясь в своей тесной комнатенке, завешенной белой москитной сеткой, он ждал, когда ему подадут утренний чай. Ждал, когда ему принесут его выстиранную и сложенную одежду, когда его обслужат за столом. Он не сполоснул сам ни одной тарелки или чашки, знал — дворовый мальчик-прислуга все равно придет и заберет их. Утром он съедал посыпанный сахарным песком хлебец, запивал его приторным горячим чаем и глядел, как мелкие муравьи сбегаются и растаскивают крошки.

Новая планировка дома давала ощущение полной дезориентации. Штукатурка на стенах оставалась еще свежей, липла к рукам, если он дотрагивался до стены. Несмотря на все новшества, дом казался неприветливым. Да, здесь теперь было много свободного места, где можно спать, где можно уединиться, но ни одно из помещений дома не предназначалось для каких-то дружных посиделок, для общения, и нигде не стояла мебель для уюта гостей.

Терраса на верхнем этаже являлась излюбленным местом пребывания его родителей, там они

в общем-то находились безвылазно. Там они, когда отец приходил с работы, пили чай, сидя на простых деревянных стульях. Туда почти не залетали москиты, а когда отключали электричество, там все-таки веял хоть какой-то ветерок. Отец больше не читал газет, мать больше не держала на коленях шитья. Так они и сидели за металлической решеткой из узоров трилистника до самой темноты и обозревали одни и те же окрестности. Это, похоже, стало их единственным времяпровождением.

Когда дворовый мальчик отлучался с поручениями, чай подавала Гори, но при этом никогда не присоединялась к ним. По утрам она помогала матери по хозяйству, а потом уходила в свою комнату на втором этаже. Субхаш заметил: родители с ней не разговаривают, едва замечают ее присутствие в доме.

Запоздало он получил свои подарки к празднику Дурга-Пуджо. Серая ткань на брюки, материя в полосочку — для рубашек. Два одинаковых комплекта — за себя и за Удаяна. Неоднократно, предлагая ему печенье или еще чашку чая, мать называла его не Субхашем, а Удаяном. И он каждый раз откликался и не поправлял ее.

Он пытался наладить с ними какие-то отно-

шения, хотел как-то разговорить их. Но когда он спрашивал у отца, как у того обстоят дела на работе, тот отвечал: «Как обычно». Если интересовался у матери, много ли заказов на вышивку было в этом году, она отвечала, что больше не может напрягать глаза.

Родители не расспрашивали его об Америке. Даже стоя или сидя рядом, они избегали смотреть ему в глаза. Он ждал, попросят ли они его остаться в Калькутте, бросить жизнь в Род-Айленде. Но эти вопросы они неизменно обходили стороной.

Как и разговоров о его возможной будущей женитьбе. Сейчас они были не в состоянии думать о его будущем и планировать какие-то свадебные приготовления. Они вообще-то больше молчали. Эта безмолвность, похоже, объединяла их даже крепче, чем любые слова.

Опять как-то само собой стало считаться, что он ничего у них не попросит и сам как-то позаботится о своей жизни.

Каждый день перед наступлением вечера его мать срезала во дворе букетик свежих цветов и уходила из дома. С террасы он видел ее, как она идет к прудам.

Она останавливалась перед столбиком на краю низины, обмывала его водой из медного

кувшинчика, из которого она поливала их с Удаяном маленькими во время мытья, а потом клала сверху букет. Даже ни о чем не спрашивая, Субхаш понял — это было то самое время дня, тот самый час.

Они слушали старый домашний радиоприемник и из новостей узнали об отделении Восточного Пакистана, который после тринадцатидневной войны превратился в Бангладеш. Для бенгальских мусульман такое событие означало освобождение, но для Калькутты грозило новым притоком беженцев из-за границы. Чару Маджумдар по-прежнему находился на подпольном положении. Этого человека объявили в розыск по всей Индии, за его голову назначили награду в десять тысяч рупий.

Они слушали эти сводки новостей в полной тишине, но отец словно пропускал их мимо ушей. Хотя прочесывание домов уже закончилось, он все еще держал ключ от дома под подушкой, когда ложился спать. Иногда он вдруг вскакивал ночью с постели и светил фонариком во двор — посмотреть, нет ли там кого.

Об Удаяне вообще не говорили. Ни слова.

Однажды вечером Субхаш все-таки спросил:

— Как это произошло?

Лицо отца осталось бесстрастным, словно он не слышал вопроса.

— Я думал, он вышел из партии, — не отставал Субхаш. — Отошел от этой политики. Это так?

— Я был дома, — сказал отец, словно опять не услышал вопроса.

— Когда ты был дома?

— В тот день. Это я открыл им калитку, впустил их.

— Кого впустил?

— Полицию.

Наконец-то Субхашу удалось хоть чего-то добиться, хоть какого-то объяснения, хоть какой-то информации. Правда, теперь ему стало еще хуже — из-за того, что его подозрения подтвердились.

— Почему же вы не сообщили мне, что он в опасности?

— А что бы ты сделал?

— Ну хорошо, тогда сейчас скажите мне: за что его убили?

И тут не выдержала мать, сердито сверкнула на Субхаша глазами. Ее маленькое личико по-прежнему выглядело моложаво, и в волосах все тот же прокрашенный киноварью пробор, означавший, что женщина замужем.

— Он был тебе братом, — сказала она. — Как ты

можешь спрашивать о подобных вещах?

На следующее утро он пошел искать Гори, постучался в дверь ее комнаты. Она, видимо, только что вымыла волосы и теперь сушила их, распустив.

Он принес книгу, которую купил для нее по просьбе Удаяна. «Одномерный человек» Герберта Маркузе.

— Это тебе. От Удаяна. Он просил меня.

Она повертела книгу в руках, разглядывая обложку, потом открыла ее на первой странице. Ему даже показалось: она начала читать — таким безмятежно-сосредоточенным сделалось ее лицо, словно она забыла о его присутствии.

Он почувствовал себя лишним и повернулся, чтобы уйти.

— Спасибо вам, — поблагодарила она.

— Да не за что. Мне это было нетрудно.

Ему хотелось поговорить с ней, но в доме не было ни одного места, где они могли бы побеседовать наедине.

— А ты не хочешь пройтись?

— Не сейчас.

Она посторонилась, пропуская его в комнату, и указала на стул.

Он преодолел нерешительность и вошел. В

комнате царил сумрак, пока Гори не растворила ставни на двух окнах. Квадратик солнечного света упал на постель ярким пятном с полосочками теней от оконных рам.

В комнате стояла низенькая кровать на тоненьких ножках. Еще там были невысокий шкаф и туалетный столик с табуреткой. На туалетном столике вместо пудрениц и гребешков — тетрадки, фломастеры, чернильницы. В комнате сильно пахло тиковой древесиной — от мебели. И Субхаш уловил аромат ее свежевымытых волос.

— А здесь светло, — сказал он.

— Это пока. Через несколько минут солнце поднимется выше и угол освещения будет хуже.

Он окинул взглядом книжные полки на стене. Там среди книг он заметил коротковолновый приемник. Тот самый. Субхаш взял его в руки, включать не стал, только пальцы инстинктивно покрутили колесико настройки.

— Мы вместе его собирали.

— Да, он мне рассказывал.

— А ты слушаешь приемник?

— Нет. Только он сам мог его настраивать. Хочешь его забрать?

Субхаш покачал головой и поставил приемник обратно на полку.

Она присела на край постели. Там тоже лежали книги — раскрытые, закрытые, обернутые коричневой крафтовой бумагой. Она даже надписала названия. Он наблюдал, как она стала обертывать книгу, которую ей подарил, старой газетой. Они с Удаяном сами всегда так делали с учебниками к новому учебному году.

— А в Америке никто так не делает.

— Почему?

— Не знаю. Может быть, там обложки, наверное, крепче. А может быть, людей просто не заботит потрепанный вид книги.

— Трудно было ее найти?

— Нет.

— А где ты ее нашел?

— В книжном магазине в студенческом городке.

— А это далеко от того места, где ты живешь?

— Да нет, прямо за углом.

— То есть пешком можно дойти?

— Да.

— А бумага какая-то другая. Гладенькая.

Он кивнул.

— А ты живешь там в общежитии?

— Нет. Снимаю комнату в частном доме.

— А столовая там есть?

— Нет.

— Тогда кто же готовит тебе еду?

— Я сам готовлю.

— И тебе нравится жить одному?

Ему вдруг вспомнилась Холли и их ужины вдвоем у нее на кухне. Этот короткий волнительный период в его жизни казался теперь обыденным. Он отпустил ее, бросил навстречу свободе, как бросал в море камешки во время прогулки.

И все же ему было интересно представить себе, как отнеслась бы Холли к этому печальному пустому дому, к этому заболоченному кварталу на юге Калькутты, где он родился и вырос. И интересно, как отнеслась бы она к Гори?

Он стал расспрашивать у Гори про ее учебу, и она рассказала, что получила в этом году степень бакалавра философии. Получила позже, чем должна была. Из-за неспокойной обстановки в городе. И она думала поступать в магистратуру еще при жизни Удаяна. Еще до того, как узнала о своей беременности.

— А Удаян знал, что скоро станет отцом?

— Нет.

У нее пока не было никакого животика, но душа Удаяна вполне ощутимо жила внутри ее, в стенах этой комнатки, где она проводила все свое время.

Говоря об Удаяне, она словно вызывала его опять к жизни. Она не умолкла и не замкнулась в себе, как это сделали его родители.

— А когда родится ребенок?

— Летом.

— А как тебе живется в этом доме? С моими родителями.

Она ничего не ответила. А он ждал и вдруг поймал себя на том, что смотрит на нее, не отводит взгляда от маленькой темной родинки сбоку на ее шее. Когда он это понял, то отвернулся.

— Я могу отвезти тебя куда-нибудь, — предложил он. — Может, хочешь съездить погостить у своих родных? У дядюшек-тетушек?

Она покачала головой.

— Почему?

Впервые за все время губы ее тронула улыбка — та самая неровная улыбка с фотографии, немного скошенная в одну сторону рта.

— Потому что я убежала из своей семьи и вышла замуж за твоего брата, — сказала она.

— И что, даже теперь они не хотят тебя видеть?

Она пожала плечами:

— Они нервничают, и я их не виню. Я могу скомпрометировать их. Как и твоих родителей.

— Но кто-то же близкий у тебя есть?

— Ко мне приезжал брат, когда все это случилось. Он приезжал на похороны. Они с Удаяном дружили. Но он в семье ничего не решает.

— А еще что-нибудь ты можешь мне рассказать?

— А что ты хочешь знать?

— Я хочу знать, что случилось с моим братом, — сказал он.

Глава 2

Все произошло за неделю до праздника Дурга-Пуджо. В месяц Ашвины, в первой фазе прибывающей луны.

Возле трамвайного депо Гори со свекровью наняли велорикшу, чтобы ехать домой. Уселись, поставили пакеты с вещами на колени и под ноги. Они занимались покупками целый день и немного припозднились.

Подарков накупили для всей семьи. Новые сари для Гори и ее свекрови, панджаби и паджамы для свекра, отрезы ткани на рубашки и брюки для Удаяна. Простыни, тапочки, полотенца, гребни для волос.

У мечети на углу свекровь велела рикше притормозить и повернуть налево. Но рикша вообще перестал крутить педали и заявил, что никуда в ту сторону не поедет.

Свекровь кивнула на многочисленные свертки с покупками, обещала набавить ему за услуги. Но рикша все равно отказался везти женщин дальше. Все качал головой и ждал, когда они слезут. Поэтому остаток пути они шли с сумками в руках.

Дорога брала вправо, огибала празднично украшенные статуи божеств. При этом вокруг почему-то не было ни души. Вскоре впереди показались пруды, то есть до дома было уже рукой подать.

Возле первого пруда Гори увидела полицейский микроавтобус. Вокруг толпились полицейские и солдаты в хаки и касках.

Во двор Гори со свекровью вошли беспрепятственно и первым делом заметили: боковые чугунные ворота распахнуты. Ключ так и остался болтаться в наспех отпертом замке.

Они быстро сняли уличную обувь и поставили на землю сумки, потом стали подниматься по лестнице в дом. Примерно на середине Гори увидела свекра с поднятыми над головой руками. Он спускался шаткими, неуверенными шагами, словно боялся потерять равновесие. Как будто никогда в жизни не сходил вниз по этой лестнице.

За свекром шагал офицер и тыкал ружейным дулом в спину. Гори и ее свекрови офицер грубо велел поворачивать назад и спускаться вниз. Так что они не смогли сразу пройти в дом и увидеть комнаты, в которых все было перевернуто вверх дном. Сушившееся на террасе белье сорвано с веревки, дверцы шкафов распахнуты настежь.

Подушки, одеяла сброшены с кроватей, уголь высыпан из корзин, на кухне даже крупу и чечевицу высыпали из банок. Словно искали не человека, а крошечный клочок бумаги.

Гори, ее свекру и свекрови приказали покинуть территорию дома, выйти на улицу и медленно, один за другим идти мимо прудов к низине, которая после проливных дождей опять была затоплена. Низина с пучками водяных гиацинтов походила на проеденное молью одеяло.

Гори шла под прицелом людских глаз. Жители близлежащих домов, прильнув к окнам, через щели в ставнях наблюдали за происходящим.

Гори и родителей Удаяна поставили на краю низины в рядок, ружейное дуло по-прежнему упиралось в спину свекра.

Из соседнего квартала доносились гудение морской раковины и звон колокола — где-то люди, дома или в храме, возносили праздничные молитвы божеству.

— У нас есть приказ разыскать и арестовать Удаяна Митру, — сказал военный, который, похоже, командовал остальными. Он объявил это в мегафон. — Если кто-то из вас знает, где он прячется, если кто-то из вас укрывает его, он должен сейчас немедленно выступить из строя вперед.

Все молчали, потом свекровь тихо проговорила:

— Мой сын в Америке.

Эта ложь некоторым образом была и правдой.

Офицер не обратил внимания на ее реплику, подошел к Гори, пристально глядя карими глазами, и приставил дуло к самому ее горлу.

— Ты — женщина из этой семьи? Жена Удаяна Митры?

— Да.

— Где твой муж?

У Гори просто пропал голос. Она не могла произнести ни слова.

— Мы знаем, он здесь. Мы выследили его. Мы обыскали дом, все входы и выходы оцеплены, так что он просто тратит сейчас наше время.

Гори почувствовала слабость в дрожащих ногах.

— Я спрашиваю тебя: где он? — повторил свой вопрос офицер и еще сильнее стал тыкать ей дулом в самое горло.

— Не знаю, — только и смогла вымолвить она.

— Врешь! Ты должна знать, где он!

В зарослях водяных гиацинтов в затопленной дождями низине — да, именно там, — Удаян сказал ей, он будет прятаться, если в квартал

нагрянут с обысками. Он объяснил: там есть одно место, где заросли особенно густые. Удаян держал за домом пустую керосиновую канистру, ту самую, на которую вставал, чтобы перелезть через стену. Даже с раненой рукой у него сейчас это получалось. Он тренировался поздно по вечерам.

— Мы считаем, что он может прятаться в воде, — сказал военный и продолжал сверлить ее испытующим взглядом.

— Нет, — проговорила она будто бы про себя. Слово это просто прозвучало у нее в мозгу. Но она вдруг поняла, что только шевелит губами, как слабоумная дурочка. Но проговорила ли она что-нибудь вслух на самом деле? Может быть, прошептала? В этом она не была уверена.

— Что ты сказала?

— Ничего.

Офицер вдруг убрал дуло с ее горла и отошел, оглядываясь на низину, потом сказал другим военным:

— Он там, — и начал орать в рупор, голос загремел по всему кварталу: — Удаян Митра, сдавайся и выходи! Если ты не выйдешь, мы уничтожим твою семью! — Он помолчал и прибавил: — По одному члену семьи за каждый неверный шаг!

Сначала ничего не происходило. Гори слышала

только собственное дыхание. Несколько солдат зашли в воду с ружьями наперевес, один из них выстрелил. Потом откуда-то из глубин низины послышался плеск рассекаемой воды.

И показался Удаян. Среди гиацинтов, по пояс в воде. Нагнувшись, он откашливался и жадно хватал ртом воздух. Правая рука его была перевязана бинтами. Мокрые волосы прилипли к голове, рубашка — к телу. Усы и борода — нестриженые, неухоженные. Он поднял руки над головой.

— Хорошо. Теперь выходи!

Он брел по воде через водоросли, потом остановился в нескольких шагах от берега. Он весь дрожал и пытался урегулировать дыхание. Гори с берега смогла разглядеть губы, которые никогда не смыкались полностью, его губы с ромбиком посерединке. Эти губы были сейчас синими. К рукам и шее прилипла ряска, по лицу стекала то ли вода, то ли пот.

Офицер приказал Удаяну склониться к ногам родителей и попросить у них прощения. Ему пришлось это делать только с помощью левой руки. Он подошел к матери и склонился ей в ноги.

— Прости меня, — сказал он.

— А что мы должны прощать? — спросил отец неровным надтреснутым голосом, когда Удаян

опустился на колени перед ним. Потом он закричал полицейским: — Вы сейчас совершаете ошибку!

— Это ваш сын совершил ошибку. Он предал свою страну.

Дрожь еще больше забегала по слабеющим ногам Гори, ей казалось — они сейчас подогнутся, и она рухнет, но на самом деле продолжала стоять.

Руки Удаяну связали веревкой. Она видела, как он поморщился от боли, как подергивалась его раненая рука.

— Пошли! — сказал офицер, ружейным дулом указывая дорогу.

Удаян замешкался и посмотрел на Гори. Он заглядывал в ее лицо, жадно впитывая взглядом ее черты, словно смотрел на нее первый раз в жизни.

Они затолкали его в полицейский микроавтобус и захлопнули дверцу. Гори и родителям Удаяна велели возвращаться в дом. Один из солдат сопровождал их туда. Гори попыталась узнать, в какую тюрьму повезут Удаяна и что там будут с ним делать, но не получила ответа.

Они слышали, как микроавтобус поехал не к выезду из квартала, по направлению к шоссе, а по сырой траве вдоль кромки низины, к полю на

другой ее стороне.

Дома они сразу же поднялись на третий этаж, на террасу. Отсюда они увидели микроавтобус и рядом с ним Удаяна. Эту картину можно было рассмотреть только из их дома, с верхнего этажа, который только недавно был возведен.

Гори со свекром и свекровью видели, как солдаты развязали Удаяну веревки на руках. И как Удаян пошел по полю с поднятыми руками над головой, удаляясь от вооруженных людей. Он шел по полю к низине, по направлению к дому.

Гори помнила, как с балкона бабушкиной и дедушкиной квартиры в северной Калькутте наблюдала за Удаяном, идущего на свидание к ней.

В какой-то момент могло показаться, что вооруженные люди отпустили его. Но потом грянул выстрел, пуля угодила Удаяну в затылок. Выстрел тот прогремел коротким недвусмысленным хлопком. За ним последовал второй выстрел и третий.

Гори видела, как руки его вскинулись, тело дернулось вперед, прежде чем упасть на землю. Звуки выстрелов отчетливо разнеслись по округе, вспугнули ворон, с хриплым карканьем разлетевшихся в разные стороны.

Из дома, с такого далекого расстояния, не было

видно, глубока ли его рана и сколько крови из нее вылилось.

Солдаты потащили его тело за ноги до машины, потом швырнули в распахнутую заднюю дверцу.

Гори и мать с отцом слышали, как захлопнулась эта дверца, как потом завелся мотор. Полицейский микроавтобус тронулся с места, увозя тело Удаяна.

В комнате Удаяна под матрасом, среди старых газет, полиция нашла дневник. Дневник содержал все доказательства, которые полиции требовались. Среди формул и уравнений обнаружили страничку с подробной инструкцией, как приготовить «коктейль Молотова», то есть самодельную бомбу. И записи, как взаимодействуют между собой метанол и бензин, хлорат кальция и азотная кислота, спичечная сера с пропитанным керосином фитилем.

В дневнике еще обнаружили схему «Толликлаб», начерченную Удаяновой рукой, — расположение зданий, конюшен и хозяйственных помещений, всех аллей и дорожек.

Там было также указано время смены всех рабочих и охранных постов, полное расписание работы ресторанов и баров, а также служителей и садовников, поливающих газоны. Там были

помечены места, где можно беспрепятственно проникнуть на территорию клуба, и точки, куда лучше бросить бомбу или заложить взрывчатку.

За несколько месяцев до этого дня Удаяна уже забирали на допрос. К тому времени подобные процедуры в отношении молодых мужчин уже стали в городе нормой. В тот раз полиция поверила словам Удаяна, что он простой школьный учитель, женат, живет в Толлиганге и не имеет никакого отношения к Коммунистической марксистско-ленинской партии Индии.

Его тогда спрашивали: что ему известно об актах вандализма в библиотеке одной из школ? Кто вломился туда однажды ночью и устроил погром, изуродовав портреты Тагора и Видьясагара? Тогда полицию удовлетворили ответы Удаяна. Они пришли к выводу: он не имеет отношения к творящимся бесчинствам, и больше ни о чем не расспрашивали.

Потом однажды, за месяц до этого дня, он не пришел ночевать домой. Вернулся только рано утром, через двор не проходил, в звонок не звонил — перелез на задворках через стену высотой в человеческий рост.

Выжидал сначала в огороде, за угольным сараем, потом бросил в окно их с Гори спальни

глиняный черепок от цветочного горшка, чтобы Гори проснулась, открыла ставни и выглянула.

Рука его была в бинтах и висела на перевязи. Оказывается, вместе с членами своей боевой группы он пытался собрать самодельную бомбу на основе пиротехнического набора. Удаяну с его дрожью в пальцах, оставшейся еще с юношеских времен, не следовало, конечно, заниматься такими вещами.

Хорошо, что дом, в котором все происходило, стоял уединенно. Удаяну удалось унести ноги.

Родителям он сказал, что получил травму во время обычного лабораторного опыта в школе. Что ему на кожу просто попало немного гидроксида натрия. Объяснил: это не опасно, рука заживет через несколько недель. Но Гори он рассказал, что произошло на самом деле. Два его товарища успели вовремя отскочить в сторону, а Удаян не успел. Он признался: теперь у него вместо кисти беспомощная культя, и, когда он снимет перевязку, там не будет пальцев.

К тому времени в ходе повальных обысков в Толлиганге полиция обнаружила боеприпасы, спрятанные на территории киностудии, в гримерках и в монтажных. Полиция проводила обыски наугад, останавливала молодых мужчин прямо

на улице. Подвергала их арестам, допросам, пыткам. Морги и крематории были переполнены. По утрам тела сваливали на улицах кучами — для устрашения остальных.

Две недели Удаян где-то пропадал. Родителям он сказал, что делает это просто из предосторожности, хотя они к тому времени наверняка уже знали правду. А Гори он признался: боится, как бы поврежденная рука не выдала его.

Гори не знала, где он прячется — на какой-то одной подпольной квартире или в разных местах. Иногда она получала от него весточку от бензозаправщика на шоссе. Связь в этой подпольной организации пока еще работала. В посланиях он сообщал, что пока жив, просил передать ему чистую одежду и таблетки от щитовидки. Но к концу тех двух недель ему, видимо, стало негде больше прятаться, и он вернулся домой.

Из дома он уже больше не мог выходить. Родители, с трудом дождавшиеся его возвращения, рады были его присутствию дома, а не скитанию где-то. Они делали все, чтобы его никто не увидел — ни соседи, ни рабочие на строительстве их дома, ни любые посетители. С дворового мальчишки взяли клятву молчания. Родители избавились от всех вещей Удаяна — как будто

его уже не было. Его книги попрятали, одежду затолкали в сундук под кроватью.

Он обитал в дальних комнатах дома, не высовывая носа не то что на улицу, а даже с террасы или из окна. Разговаривал только шепотом. Единственными моментами свободы для него была возможность выбраться посреди ночи на крышу и там сидеть, прижавшись спиной к парапету, курить и смотреть на звезды. Поврежденная рука лишала его возможности одеваться и мыться самостоятельно. Он жил как младенец, которого надо кормить с ложечки.

У него начались проблемы со слухом, и он все время просил Гори повторить, что она сказала. Тем взрывом ему повредило барабанные перепонки. Он жаловался на головокружение и на постоянный шум в ушах, не слышал коротковолнового приемника, когда Гори слышала все, что там говорилось.

Он боялся, что теперь больше не услышит зуммера на входной двери или приближающейся сирены полицейской машины. Он признавался, что чувствует себя одиноким, даже когда семья собирается вместе. Одиноким и каким-то потерянным.

Прошла почти неделя. Наверное, полиция так

и не вычислила его, так и не напала на его след. Наверное, отвлеклись на приближающийся праздник. Так говорил Удаян. И это он убедил Гори и свою мать отправиться в тот день за покупками праздничных подарков.

Тело им не отдали. Даже не сказали, где оно было сожжено. Свекор ходил в полицию, пытался что-то узнать, добиться каких-то объяснений, но в полиции все отрицали — вроде как и не было такого инцидента. То есть взяли человека на глазах у всех, а потом скрыли все следы.

В течение десяти дней после смерти мужа Гори должна была следовать определенным правилам. Она не стирала одежды, не носила обуви, не расчесывала волосы, не открывала дверей и ставень своей комнаты — чтобы невидимые частички мертвого мужа не проникли в комнату. Она спала на подушке Удаяна, которая поначалу еще сохраняла его запах, а потом постепенно пропахла ею, запахом ее немытых волос и кожи.

Никто к ней не заходил, никто не нарушал ее уединения. Она старалась лежать и не шевелиться, но иногда ей казалось, будто она падает вместе с кроватью куда-то в пропасть. Она даже не находила в себе сил расплакаться. Иногда только по утрам, когда она просыпалась, тихие слезы текли

по ее щекам.

Наступили дни празднования Пуджо. Наступили и летели один за другим — Шаштхи, Саптами, Аштами, Навами. Дни торжественного поклонения богине, которому предавался весь город. Кроме их погруженного в траур дома. Гори смыла киноварь из пробора в волосах, сняла навсегда обруч, который носила на поясе. Отсутствие этих украшений означало: она вдова. Ей было двадцать три года.

На одиннадцатый день в дом пришел монах — совершить последние траурные обряды и приготовить церемониальную пищу. На стену повесили фотографию Удаяна — в застекленной рамке, украшенной туберозами. Гори не могла смотреть на эту фотографию. На церемонии она сидела. Сидела с голыми запястьями.

«Если со мной что-нибудь случится, не давай им тратить деньги на поминки», — как-то сказал ей Удаян. Но поминки устроили, в дом пришло много народу. Все, кто знали его, — родственники, соратники по партии. Все пришли отдать ему последнюю дань, посидеть за поминальным столом, отведать его любимых блюд.

По окончании траура свекор со свекровью начали снова есть рыбу и мясо. А Гори нет. Она

больше не носила цветных сари — только траурные белые, — из-за чего стала похожа на вдов их клана. На женщин втрое старше ее.

Пришел десятый день праздников Пуджо — Дашами. Последний день, когда Дурга возвращалась к своему супругу Шиве. Вечером того дня статую божества из святилища в их квартале погрузили в реку. В этом году церемония проходила без фанфар — из уважения к памяти Удаяна.

Но Гори знала: в северной Калькутте, там, где она жила раньше, праздничные шествия будут продолжаться всю ночь. Люди выстраивались вдоль тротуаров, чтобы проводить глазами статую, а шум фанфар раздавался такой, что никто не смог бы уснуть. «Она вернется! Она будет с нами снова!» — такие слова распевали толпы, провожая свою богиню к реке и уже заранее предвкушая ее возвращение.

Однажды утром, по прошествии первого месяца, она не смогла выйти утром помочь свекрови по хозяйству, как обычно. Просто не могла встать с постели от головокружения и чувства разбитости.

Она лежала так пять минут, десять… Потом вошла свекровь и сказала, что уже поздно валяться, открыла ставни и заглянула Гори в лицо. В руках

она держала чашку чая, но не предложила ее Гори сразу. Сначала просто стояла и смотрела на невестку. Гори медленно села на постели и взяла чай из рук у свекрови.

— Я сейчас приду.

— Сегодня можешь не торопиться, — произнесла свекровь.

— Почему?

— От тебя все равно толку не будет. — Она сокрушенно покачала головой. — Умная вроде девочка. По крайней мере, так он нам говорил, когда женился на тебе. А не понимаешь таких простых вещей.

— Чего я не понимаю?

Свекровь уже направлялась к двери, но на пороге обернулась и бросила:

— Теперь будь осторожней. В ванной, на лестнице.

— Теперь?..

— Да. Ты скоро будешь матерью.

С самого начала их супружеской жизни одну неделю каждого месяца он не прикасался к ней, попросил ее вести записи таких дней и говорить ему, когда безопасно.

Он обещал обязательно завести детей, но только когда революция завершится успешно. В

последние же недели перед его гибелью, когда он прятался в доме на нелегальном положении, они сбились со счету в отслеживании таких дней.

Гори обладала врожденным чувством времени. И она очень легко запоминала другие абстрактные понятия — цифры и буквы алфавита, и английского, и бенгальского. Эти понятия существовали у нее в мозгу звеньями какой-то определенной цепочки. Месяцы располагались в круговом порядке, словно на космической орбите.

Каждое понятие в ее мозгу имело какую-то свою физическую, трехмерную топографию. Поэтому она с самого детства могла считать, писать малознакомые слова, извлекать что-то из памяти или представлять что-то в будущем, только сопрягая их с определенным местонахождением в ее голове.

Основным понятием у нее считалось время — и прошедшее, и будущее, по нему она ориентировалась. Ограниченное пространство ее собственной жизни как бы пропускалось через эти безграничные спектры несущихся лет. Справа располагалось недавнее прошедшее — год, когда она познакомилась с Удаяном, а дальше за ним — все предшествовавшие годы, когда она

жила без Удаяна. За теми годами был год ее рождения — 1948, — а за ним все годы и столетия, его предварявшие.

Слева у нее находилось будущее — место, где ее смерть неизвестно когда, но обязательно явится конечной точкой. Через девять месяцев у нее должен был родиться ребенок. Но его жизнь уже началась, его сердце уже билось, создав отдельную ответвлявшуюся линию, устремленную далеко вперед. Жизнь Удаяна, которого больше не было рядом с ней, прервалась в октябре 1971 года, а в ее мыслях представлялась в виде условной могилы.

Вот настоящее время, лишенное какой-либо перспективы, не обозначалось у нее в мозгу никак. Невнятным смутным пятном оно маячило где-то за ее плечом. Какой-то пробел в ее системе обзора. Зато будущее вполне виделось, оно разворачивалось и наращивалось в поступательном движении.

Ей хотелось не замечать его, хотелось, чтобы дни и месяцы впереди остановились. Но ее остальная жизнь — жизнь в настоящем и в прошлом времени — продолжалась, приумножая временные спектры у нее в мозгу. Это происходило против ее воли.

Гори порой казалось: когда-нибудь один из дней не придет на смену предыдущему, и вместе с тем она со всей определенностью знала — придет. Она как будто удерживала собственное дыхание — как это делал Удаян, когда прятался под водой в низине. Удерживала, а все равно немного дышала. Как и время, которое вроде бы стоит, а на самом деле идет, какая-то неосознанная еще ею до конца часть ее тела вдыхала кислород, заставляла жить.

Глава 3

На следующий день после разговора с Гори Субхаш впервые за все время после приезда выбрался один в город. Он отнес подаренные ему родителями отрезы ткани — свои и Удаяновы — в швейное ателье. Ему не требовались новые рубашки и брюки, но он подумал: зачем пропадать материи? Его родители очень удивились, когда узнали, что в Америке почти никто не шьет себе одежду у портных, а все покупают готовую. Это была единственная подробность его американской жизни, на которую родители так откровенно прореагировали.

Он прошелся пешком, не откликаясь на зазывные крики уличных лоточников, потом на трамвае доехал до Бэллиганга. Там их дальние родственники держали швейное ателье, туда они с Удаяном ходили всегда вместе раз в год. Длинный прилавок, примерочная в углу и стойка с готовым платьем на вешалках.

Субхаш сделал заказ и подождал, пока портной быстренько зарисовал у себя в тетрадке фасоны и прикрепил к отрезам заполненные квитанции.

Больше в городе ему делать было нечего. После

поведанного во всех подробностях рассказа Гори его здесь больше ничего не интересовало.

Он сел в первый попавшийся автобус, доехал до Эспланады, увидел на улицах много иностранцев, европейцев, одетых в индийские наряды. Они разглядывали Калькутту, изучали город. Сам он, хоть и выглядел как нормальный бенгалец, где-то в глубине души чувствовал теперь какое-то родство с этими иностранцами. С ними его роднило знание других мест, другой жизни, к которой и им, и ему предстояло вернуться. Знание другой жизни и возможность это сделать тянули его уехать отсюда.

В этой части города располагались отели, в которые он, в отличие от местных, мог зайти и посидеть в баре за стаканчиком виски или за кружкой пива, и даже мог завести разговор с кем-нибудь из иностранцев. Так отвлечься от унылой жизни в родительском доме, забыть ненадолго о тех страшных событиях, о которых поведала ему Гори.

Он остановился прикурить сигарету — «Уиллз», любимая марка Удаяна. Он немного устал и пока не двинулся дальше. Здесь был магазин вышитых шалей.

— Что вас интересует? — спросил его владелец

магазина в хлопчатой панаме — судя по бледному оттенку кожи и светлому оттенку глаз, кашмирец.

— Да ничего в общем-то.

— Все равно заходите к нам, посмотрите. Выпейте чашку чая.

Субхаш давно отвык от таких гостеприимных жестов продавцов. Он вошел, сел на табурет и начал разглядывать расшитые шерстяные шали, красиво разложенные на огромной белой подушке на полу. Гостеприимство хозяина тронуло его за душу. Он решил купить какую-нибудь шаль матери, вдруг вспомнив, что ничего не привез ей из Америки.

— Я возьму вот эту, — сказал он, щупая темно-синюю шаль и решив, что мать наверняка оценит мягкость шерсти и замысловатый узор вышивки.

— Еще что-нибудь?

— Нет, все, — ответил он, но тут же вспомнил Гори.

Ее профиль, когда она рассказывала ему страшные подробности про Удаяна. Рассказывала, стойко переживая снова те ужасные события, делала это только потому, что ему нужно было узнать.

Ведь только благодаря Гори он смог представить все произошедшее — о том, как погиб Удаян. Теперь он уже знал: его родителям, оказывается, было стыдно перед соседями. Стыдно за то, что они не смогли помочь Удаяну, не смогли как-то защитить его, не смогли спасти. За то, что потеряли его таким ужасным образом.

Он перебирал шали, разложенные перед ним. Цвета слоновой кости, серая, чайная — такие цвета ей не воспрещалось носить сейчас по обычаю. Но его внимание привлекла ярко-бирюзовая шаль с мелким-мелким вышитым узором.

Он представил себе, как шаль окажется на плечах Гори, свисая длинным краем с одной стороны, как засветится тихой радостью лицо молодой женщины.

— Нет, и еще вот эту, — сказал он продавцу.

Родители ждали его у себя на террасе. Первым делом начали расспрашивать, где он так задержался. Сказали, что в городе еще пока небезопасно бродить так поздно по улицам.

Ему было понятно их беспокойство, но оно все равно почему-то вызвало у него раздражение. «Я не Удаян, — так и хотелось ему произнести вслух. — Никогда я не заставлю вас пережить такое!»

Он вручил матери купленную для нее шаль, потом показал ей ту, что купил для Гори.

— А вот эту я ей хочу подарить.

— Нет, смотри, конечно, сам, но лучше бы тебе поменьше внимания ей оказывать, — сказала мать.

На это он промолчал.

— Я слышала, как вы с ней вчера разговаривали.

— А мне что, нельзя с ней разговаривать?

— Что она тебе рассказала?

На вопрос он не ответил и вместо этого спросил:

— А почему вы с ней вообще не разговариваете?

Теперь не ответила мать.

— Вы забрали у нее цветную одежду, убрали рыбу и мясо из ее рациона.

— Таковы наши обычаи, — ответила мать.

— Это для нее унизительно. Удаян не пожелал бы ей такой жизни.

Он вообще никогда не ссорился с матерью, но сейчас в нем всколыхнулась какая-то новая энергия, и он не мог удержать себя:

— Она скоро подарит вам внука — разве для вас это ничего не значит?

— Это очень многое для нас значит. Только внука он нам и оставил, — сказала мать.

— А как же Гори?

— Она может жить здесь, если захочет.

— Что значит «если захочет»?

— Она могла бы поехать куда-нибудь еще учиться дальше. В ее силах предпочесть такое.

— А что заставляет тебя так думать?

— Она слишком уж отчужденная и равнодушная, чтобы быть матерью.

У Субхаша к вискам прилила кровь.

— А вы уже обсуждали с ней подобные варианты?

— Нет. Какой смысл сейчас беспокоить ее этим?

Субхаш понял: так вот хладнокровно, безвылазно сидя на своей террасе, мать давным-давно все решила. Но не меньше его поразил и отец, который молча с этим согласился.

— Но вы же не можете их разлучить! Вы должны принять ее, хотя бы ради памяти Удаяна!

Мать потеряла терпение и вышла из себя. Теперь она злилась и на него тоже.

— Закрой рот! — приказала она. — Твой тон оскорбителен! Не надо говорить мне, как я должна чтить память своего сына!

* * *

В ту ночь Субхаш совсем не мог уснуть. Ему мешали разные мысли.

Возможно, он не все знает о происшедшем с Удаяном. Ведь он знает все только со слов Гори, а родители отказываются что-либо обсуждать.

Скорее всего, они были, как всегда, слишком мягки к Удаяну. Интуитивно чувствовали, что он зашел слишком далеко, но, по своему обыкновению, ему не перечили.

Удаян посвятил свою жизнь движению, действовавшему в неверном направлении, то движение приносило только вред. Власти его уже разоружили и подавили. Единственное, что Удаян сумел изменить, — это жизнь собственной семьи.

Он умышленно держал Субхаша, а возможно, до известной степени и родителей в неведении. Чем дальше он втягивался в свою борьбу, тем скрытнее становился. В письмах не упоминал больше о революционном движении — словно того уже больше и не было. Надеялся усыпить бдительность Субхаша, а сам тем временем мастерил самодельные бомбы и рисовал схемы расположения объектов на территории «Тол-

ли-клаб». Скрыл от всех полученное от взрыва увечье.

Единственным человеком, кому он доверял, была Гори. Он навязал ее своим родителям и имел дома хоть какую-то отдушину.

Постепенно узнавая факты, Субхаш как будто бы решал сложное уравнение и начинал представлять себе, как разворачивались те события. Ему уже не терпелось поскорей уехать из Калькутты. Родителям он ничем не мог помочь, не мог их утешить. Он вроде бы приехал к ним, а в итоге получилось — его приезд оказался им не нужен.

Другое дело Гори. С ней его соединяло и роднило чувство любви к человеку, которого они оба утратили.

Он все дни думал о том, как она будет жить с его родителями. Жить, словно в заточении, по их правилам. Холодность его матери к Гори выглядела оскорбительной, но не менее жестоким было пассивное равнодушие и соглашательство отца.

И это была не просто жестокость. Это было умышленное намерение выжить Гори из дома. Ей предстояло стать матерью и тотчас разлучиться со своим ребенком. А ребенку предстояло расти в угрюмом безрадостном доме.

Предотвратить это можно только одним спо-

собом — увезти Гори отсюда. Только так надо поступить в этой тяжелой ситуации. А увезти ее отсюда он мог только одним способом — женившись на ней. Для этого следовало занять место брата, растить его ребенка и полюбить его жену так, как любил ее Удаян. То есть пойти по все-таки неправильному пути, но почему-то предопределенному, одновременно честному и ошибочному.

Близился день его отъезда в Америку — скоро ему предстояло снова оказаться на борту самолета. Там, в далеком Род-Айленде, его никто не ждал, а он так устал быть все время один.

Субхаш всячески пытался внутренне отрицать тот факт, что его тянуло к Гори. Но эта притягательность походила на светящихся светлячков, слетающихся по ночам в дом, — заманчивые огоньки кружатся в непредсказуемом вихре, мерцают и гаснут во тьме.

Он не стал заводить разговора с родителями об этом, знал: принятое им решение их ужаснет, они только постараются разубедить его. Поэтому он сразу пошел к Гори. В свое время он со страхом пытался представить себе, как его родные отнеслись бы к Холли, но сейчас такого страха не было.

— Вот, это тебе. — Стоя на пороге, он протягивал коробку с купленной ей в подарок шалью.

Она открыла крышку коробки и заглянула внутрь.

— Мне хотелось бы, чтобы ты это носила, — сказал он.

Она подошла к шкафу, открыла и положила туда коробку с шалью.

Когда она вернулась к нему, он заметил у нее на лбу, под самыми волосами, присосавшегося москита. Ему хотелось смахнуть насекомое, но он не отважился.

— Мне неприятно видеть, как мои родители обращаются с тобой, — произнес он.

Она молча пошла и села за свой письменный стол, на котором лежала книга и раскрытая тетрадь. Она ждала, когда он уйдет.

И Субхаш упал духом. Он вдруг понял, как смешно выглядит вся эта идея. Понял, что Гори не будет носить бирюзовую шаль, что она никогда не согласится выйти за него замуж и уехать с ним в Род-Айленд. Он понял: она будет скорбеть по Удаяну и вынашивать его ребенка. И что он, Субхаш, для нее пустое место.

На следующий день раздался неожиданный, резкий звонок в дверь. Субхаш читал на террасе

газету. Отец был на работе, мать ушла куда-то по делам. Гори сидела у себя в комнате.

Субхаш спустился вниз посмотреть, кто там. На улице перед калиткой стояли трое мужчин — агент Бюро расследований и двое вооруженных полицейских. Агент БР представился и сказал, что ему нужно поговорить с Гори.

— Она спит.

— Тогда разбудите ее.

Субхаш открыл калитку, проводил их на второй этаж, попросил их подождать, а сам пошел по коридору к комнате Гори.

Когда она открыла дверь, на ней не было очков, глаза усталые, волосы растрепанные, сари помятое. Ее постель была разобрана.

Он сообщил, кто пришел, и четко произнес:

— Я буду с тобой.

Она завязала волосы, надела очки, застелила постель и сказала, что теперь готова. Субхаш старался держаться уверенно, не хотел выдать свою нервозность.

Агент БР вошел в комнату первым. Полицейские тоже прошли, но остались у порога. Они курили, стряхивая пепел прямо на пол. У одного из них было заметное косоглазие, казалось, он смотрит и на Гори, и на Субхаша одновременно.

Агент БР осматривал стены, потолок, что-то там внимательно разглядывая. Потом взял со стола Гори одну из книг, помусолил пальцем несколько страниц. Потом достал из нагрудного кармана записную книжку и ручку и стал что-то записывать. На кончиках нескольких пальцев не было пигмента, как будто их выбелили кислотой.

— Вы — брат? — спросил он, даже не отрываясь от своих записей, чтобы взглянуть на Субхаша.

— Да.

— Тот самый? Проживаете в Америке?

Субхаш кивнул, но агент смотрел уже не на него, а на Гори.

— В каком году вы познакомились со своим мужем?

— В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом.

— Когда вы были студенткой Президенси-колледжа?

— Да.

— Вы сочувственно относились к его убеждениям?

— Вначале да.

— В настоящий момент являетесь членом какой-либо политической организации?

— Нет.

— Сейчас я покажу кое-какие фотографии. На

них изображены люди, с которыми был знаком ваш муж.

— Хорошо.

Он достал из кармана конверт и начал показывать фотографии. Снимки были маленькие, и Субхаш издалека не мог их разглядеть.

— Вы кого-нибудь узнаете на этих фотографиях?

— Нет.

— И вы никогда с ними не встречались? Ваш муж никогда не знакомил вас с ними?

— Нет.

— Посмотрите внимательней, пожалуйста.

— Я смотрю.

Агент БР убрал фотографии обратно в конверт, стараясь не испачкать их пальцами.

— Ваш муж когда-нибудь упоминал человека по имени Нирмал Дей?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— А человека по имени Гопал Синха?

Субхаш сглотнул ком в горле и посмотрел на Гори. Она лгала. Даже он помнил Синху, студента-медика с того митинга, на который он ходил вместе с Удаяном. Брат наверняка рассказывал

о нем Гори.

А может быть, не рассказывал? Может, желал оградить Гори от лишних проблем, поэтому многое скрывал и от нее тоже? Таких подробностей Субхаш, конечно, не мог знать. Хоть Гори и рассказала ему в деталях и красках о последних днях и моментах жизни Удаяна, но все же кое-что осталось для него туманным.

Агент сделал еще несколько записей, потом вытер вспотевшее лицо носовым платком и обернулся:

— Можно воды?

Субхаш налил ему воды из кувшина в углу в стальную кружку, стоявшую вверх донышком. Агент осушил кружку залпом и поставил на письменный стол Гори.

— Если у нас возникнут еще вопросы, мы вернемся, — сказал агент.

Полицейские раздавили на полу свои окурки, и все трое вышли из комнаты. Субхаш сопровождал их до калитки.

— Когда вы возвращаетесь в Америку? — спросил его агент БР на прощание.

— Через несколько недель.

— А каким предметом вы занимаетесь?

— Химическая океанография.

— Вы совсем не похожи на своего брата, — заметил агент и ушел.

Субхаш запер калитку.

Она ждала его на террасе, сидела на складном стульчике.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да.

— Через сколько времени они снова придут?

— Они больше не придут.

— Почему ты так думаешь?

Она подняла голову, оторвала от пола взгляд.

— Потому что мне больше нечего им сказать.

— Ты уверена?

Она смотрела на него, но по выражению ее лица ничего нельзя было разобрать. Ему хотелось поверить ей, но он понял: если у нее и есть что сказать, то она не скажет, потому что не хочет.

— Тебе здесь небезопасно, — сказал он. — Даже если полиция отстанет от тебя, то мои родители не отстанут.

— Что ты имеешь в виду?

Он помолчал немного, а потом рассказал:

— Гори, они хотят, чтобы тебя не было в их доме, они не будут заботиться о тебе. Им нужен только внук.

Когда услышанные слова улеглись в ее голове,

он поделился с ней своими соображениями — сказал, что в Америке никто не знает о здешнем революционном движении. Там никому не будет до нее дела. Она могла бы продолжить свою учебу, для этого есть удачная и удобная возможность.

Она не перебивала его и молча слушала. Он объяснил ей, что вырастить ребенка в Америке гораздо легче. Особенно в ее ситуации, ребенку нужен отец.

Он сказал ей, что знает — она по-прежнему любит Удаяна. Посоветовал ей не обращать внимания на мнение посторонних людей, а главное — не принимать близко к сердцу реакцию его родителей. Если она уедет с ним в Америку, то все это просто перестанет ее волновать и что-то для нее значить.

Она узнала большинство людей на тех фотографиях. Все они были партийными товарищами Удаяна из окрестных кварталов. Некоторых она помнила по митингу, на который ходила однажды, когда еще не было так опасно. Она узнала Чандру — женщину, работавшую в швейном ателье, и еще узнала мужчину с бензоколонки. Но сделала вид, что не узнала.

Среди людей, чьи имена назвал ей агент БР, был только один человек, о котором никогда не

упоминал Удаян. Только этого человека она и в самом деле не знала. Некоего Нирмала Дея. И все-таки что-то ей подсказывало: не так уж она и не знает этого человека.

— Тебе даже не надо этого делать, — сказала она Субхашу на следующее утро.

— Я делаю это не только ради тебя.

— Он сам этого не хотел бы.

— Я понимаю.

— Нет, я сейчас говорю не о нашей с тобой женитьбе.

— А о чем тогда?

— В самом конце ему уже не нужна была семья. Он сам сказал мне об этом за день до своей гибели. И все же… — Она осеклась на полуслове.

— И все же что?

— Однажды он сказал мне: из-за того, что он женился раньше тебя, он хотел, чтобы у тебя первого появился ребенок.

Часть четвертая

Глава 1

Субхаш стоял за канатным ограждением в аэропорту и ждал ее. Ее деверь, ее муж. Второй мужчина, за которого она вышла замуж в последние два года.

Тот же рост, то же телосложение. Практически двойники. Хотя она никогда не видела их вместе. Субхаш был как бы более мягкой версией Удаяна. Бледной, несколько размытой копией.

Только что в ее паспорт чиновник иммиграционной службы шлепнул печать, чтобы зафиксировать ее въезд, — шлепнул дважды по одному месту, потому что оттиск получился нечетким.

На нем были вельветовые брюки, рубашка в клеточку, куртка на молнии и спортивные туфли. Глаза добрые, но в них угадывалась слабость, именно слабость привела его, как она подозревала, к милосердному поступку — женитьбе на ней.

И вот он стоял сейчас здесь, чтобы встретить ее, принять в свою жизнь и отныне всегда быть рядом с ней. И ничего в нем не изменилось, так что в конце длинного путешествия у нее просто появилось ощущение — осуществилось принятое

решение.

Она видела: он заметил откровенные перемены, произошедшие с ней. Сейчас, на пятом месяце беременности, лицо ее и бедра располнели, тело раздалось вширь, ребенок рос в ее животе, скрытом под бирюзовой шалью, в которую она куталась для тепла.

Гори села рядом с ним на переднее сиденье, на заднем сиденье оказались два ее коленкоровых чемодана. Пока разогревался двигатель, Субхаш очистил банан и налил из термоса чаю в крышку-стакан. Когда он предложил ей, она пригубила после него с другой стороны стаканчика горячий безвкусный напиток, отдающий мокрой деревяшкой.

— Как ты себя чувствуешь?

— Устала.

Снова этот голос — в нем тоже Удаян. Его голос. И тембр, и слова произносит так же. Поразительное сходство и поразительное доказательство того, что они братья. Это новое напоминание об Удаяне она жадно впитала в себя.

— Как там мои родители?

— Да все так же.

— В Калькутте уже жарко?

— Более или менее.

— А как там общая обстановка?

— Одни говорят, что лучше, другие — что хуже.

Он объяснил ей: сейчас они находятся в Бостоне, а Род-Айленд южнее. Они выехали из туннеля, проложенного под рекой, проехали гавань, и город начал удаляться. Машина ехала быстрее той скорости, к которой Гори привыкла в Калькутте, которую позволяла загруженность тамошних дорог. От этой быстрой и непрерывной езды ее начало мутить. В самолете и то было лучше — создавалась иллюзия, будто сидишь на одном месте и никуда не движешься.

По обочинам высились деревья со странной серо-белой корой. Как-то не верилось, что они способны дать листву или плоды — много-много тоненьких веток, будто плотная сетка, через нее можно смотреть. Кое-где на деревьях еще оставались отдельные листики. Ей было не понятно, почему они до сих пор тоже не облетели.

На земле островками белел снег. Особенно бросалось в глаза то, какими плоскими здесь были дороги. И машины тоже казались какими-то плоскими и квадратными. Все пространство, похоже, заполонили машины, движущиеся в разных направлениях. И очень мало зданий. Зато много-много голых деревьев.

Он посмотрел на нее:

— Ты такое ожидала увидеть?

— Я не знала, чего ожидать.

Ребенок снова зашевелился, заворочался. Он не знал, что попал теперь в новую обстановку, не знал, какой потрясающе длинный путь проделал вместе с Гори, в ее животе. А Гори не знала, действует ли на него эта перемена, почувствовал ли он холод.

Ей казалось — у нее внутри сидит маленький Удаян. Его другая версия. Он существовал и как бы внутри ее, и как бы удаленно. И ей до конца не верилось, что Удаяна больше нет, не только в Калькутте, а вообще на свете.

Во время приземления самолета в Бостоне ей на мгновение стало страшно, что их ребенок мог исчезнуть из ее живота. Словно он как-то узнал, что его будет встречать ложный, ненастоящий отец, и его возмутил этот факт, и он перестал формироваться дальше.

На территории Род-Айленда она ожидала сразу увидеть море, но моря не было — просто продолжало тянуться шоссе. Они въехали в городок под названием Провиденс. По холмистой местности пролегали улицы, дома стояли вплотную друг к другу, островерхие крыши украшали купо-

ла и шпили. Она знала, что слово «провиденс» означало «провидение», то есть предугаданное будущее.

Был полдень, и солнце стояло в зените. Яркое синее небо, прозрачные облака. И казалось — этот яркий день никогда не сменится ночью, никогда не кончится.

В самолете время как будто не чувствовалось, и вместе с тем оно очень много значило — именно время, а не пространство Гори ощущала, пока летела. Вокруг нее сидели другие пассажиры — словно пленники, ожидающие решения своей участи. Большинству из них, как и Гори, предстояло получить свободу в совершенно новой и чужой для них атмосфере.

Субхаш на несколько минут включил радио, чтобы послушать прогноз погоды. Гори, хоть и получила британское образование в Президенси, с трудом понимала услышанное в этом выпуске новостей.

За окном машины стали встречаться пасущиеся лошади и коровы. Дома со стеклянными окнами, наглухо закрытыми от холода. Низкие каменные ограды, через которые можно было запросто перешагнуть.

Они остановились перед смешным светофором,

свисавшим прямо с проводов поперек улицы. Субхаш указал налево. Там Гори увидела деревянную башенку, возвышающуюся словно лестница какого-то несуществующего здания. За верхушками сосен вдалеке наконец показалась темная полоса. Море.

— Нам туда, — сказал Субхаш. — Там мой студенческий городок.

Гори смотрела на плоскую серую дорогу с двумя непрерывно тянущимися полосками разметки. Эта дорога вела туда, где ей предстояло оставить за спиной свою прошлую жизнь, где вдалеке от опасностей и треволнений предстояло родиться ее ребенку.

Она полагала — Субхаш повернет налево, но, когда снова зажегся зеленый свет, машина поехала направо.

Квартира располагалась на первом этаже дома, чей фасад выходил на лужайку с дорожкой и полоску асфальта. По другую сторону этой полоски асфальта стоял ряд таких же домов, длинных, приземистых, с кирпичными фасадами. Два из них больше напоминали бараки. В конце дорожки находилась асфальтированная стоянка, где Субхаш оставлял свою машину и куда он выносил мусор. Там же в маленьком строении располага-

лась прачечная.

Дверь в подъезде была почти всегда распахнута настежь и приткнута камнем, чтобы не закрывалась. Дверь в квартиру запиралась на какой-то хлипкий замок из кнопочек — никаких тебе мощных засовов или висячих замков. Людям в этих краях не надо было чего-то бояться, студенты гуляли напропалую и возвращались в свое общежитие далеко за полночь. Неподалеку, на вершине холма, находился полицейский участок, но здесь не существовало никакого комендантского часа, никаких арестов. Студенты ходили куда хотели и делали что хотели.

По соседству с Субхашем жили другие женатые аспиранты — несколько семей с маленькими детьми. Гори они словно и не замечали. Только иногда она слышала звук хлопнувшей двери, или приглушенный телефонный звонок в чьей-то квартире, или шаги на лестнице.

Субхаш отдал ей свою спальню, а сам устроился спать на раскладном диване в другой комнате. Она слышала из-за двери, как он собирается в лабораторию по утрам. Звонок его будильника, стоны измученного вентилятора в ванной. Когда вентилятор был выключен, до нее долетали тихие всплески воды и жужжание бритвы.

Никто не приходил приготовить чай, заправить постели, вымести сор из комнат. Субхаш сам готовил себе завтрак на электрической плитке, чья спираль начинала краснеть, стоило только нажать кнопку. Варил овсянку на молоке. Потом выкладывал кашу в тарелку, скребя ложкой по дну кастрюльки, и сразу же заливал ее водой, чтобы легче было вымыть. А в это время на другой конфорке варились яйца — Гори было слышно, как они перекатывались в булькающей воде. Приготовив все это, он уходил к себе в комнату завтракать.

Она была благодарна ему за его независимость, и вместе с тем ее это поражало. Мечтавший о революции Удаян дома всегда ждал, чтобы его обслужили, сидел и ждал, когда Гори или мать поставит перед ним тарелку с едой.

Субхаш тоже рассчитывал на ее независимость. Оставлял ей немного денег и номер телефона его кафедры, написанный на клочке бумаги. Ключ от почтового ящика и второй ключ от квартиры. Гори дожидалась определенных звуков, чтобы встать с постели, — сначала звякала дверная цепочка, а потом дверь за Субхашем закрывалась.

Это тоже был своего рода вызов условностям. Поступок, который мог бы вызвать у Удаяна вос-

хищение. Сбежав в свое время с Удаяном, она чувствовала себя дерзкой нарушительницей обычаев, но, согласившись стать женой Субхаша и приняв это импульсивное решение — уехать с ним в Америку, она совершила еще более экстремальный шаг.

Правда, на этот раз ей было легче совершить такой шаг, так как ничто не привязывало ее к той, старой жизни. Поэтому ей было легче, несмотря на всю незрелость и отчаянность этого решения, связать свою жизнь с Субхашем. Она не хотела жить в Толлиганге, хотела забыть свою жизнь там. И Субхаш дал ей такую возможность. Где-то в глубине души она чувствовала, что даже могла бы когда-нибудь полюбить его — хотя бы из благодарности.

Как и ожидала Гори, свекор со свекровью обвинили ее в том, что она опозорила их семью. Свекровь набросилась на нее с бранью, кричала, что она с самого начала была недостойна Удаяна. Что он, возможно, был бы сейчас жив, если бы женился на другой, нормальной, девушке.

Они обвиняли и Субхаша — в том, что он не по праву занимает место Удаяна. Но в итоге, после всей этой ругани и поношений, они все-таки не запретили им пожениться. Они не сказали

«нет». Возможно, из-за того, что сочли более предпочтительным не заботиться больше о Гори и расстаться с ней. Так она, с одной стороны, еще глубже «осела» в этой семье, а с другой — добилась для себя освобождения.

Опять это была не традиционная свадьба, а просто регистрация брака. И опять зимой. Пришел только Манаш. Все остальные родственники с обеих сторон отказались прийти. И не пришел никто из партийных товарищей Удаяна. Они были против этой свадьбы — считали, что Гори должна чтить память Удаяна и быть верной его мученическому образу. Не зная, что Гори носит под сердцем ребенка Удаяна, они разорвали с ней всякую связь. Ее второе супружество они сочли шагом нецеломудренным и непристойным.

Она выходила за Субхаша, чтобы сохранить хоть какую-то связь с Удаяном. Но, делая это, она уже понимала: это бесполезно. Как бесполезно оставлять одну сережку, когда другая потерялась.

На свадьбу она надела простенькое шелковое сари и к нему — только наручные часы и скромную цепочку. Волосы укладывала сама. Впервые после того памятного похода со свекровью за покупками она выбралась в город, в его кипящее

и бурлящее жизнью нутро.

Вторая свадьба была без праздничного стола. Без стеганого одеяла, под каким они с Удаяном первый раз лежали как муж и жена в доме в Четла, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. И не только согреться.

После регистрации Субхаш повел ее оформлять загранпаспорт, а потом в американское консульство за визой. Чиновник в консульстве поздравил их, как полагается поздравлять счастливых молодоженов.

— Я в детстве лето проводил в Род-Айленде, — сказал он, когда узнал, где живет Субхаш.

Его дедушка, оказывается, преподавал литературу в Браунском университете, который тоже находился в Род-Айленде. Он разговорился с Субхашем про тамошние пляжи.

— Вам там понравится, — сказал он Гори, пообещал ускорить процесс ее оформления и пожелал им счастья.

Через несколько дней Субхаш улетел в Америку, а Гори снова осталась со свекром и свекровью. Они продолжали не разговаривать с ней и вели себя так, словно ее здесь уже не было.

В день ее отъезда за ней заехал Манаш — проводить до аэропорта и посадить на самолет. Она

по традиции поклонилась в ноги свекру и свекрови, а тем прямо не терпелось, чтобы она уже поскорей уехала. Потом она вышла из калитки на улицу, где уже ждало пойманное Манашем на углу такси.

Она покидала Толлиганг, где она никогда не чувствовала себя как дома и куда она пришла жить только ради Удаяна. Принадлежавшая ей мебель, спальный гарнитур из тикового дерева, остался стоять в тесной квадратной комнатке, где по утрам было так много солнечного света и где они с Удаяном, сами того не желая, зачали своего ребенка.

Из окна такси она прощалась с вечерней Калькуттой. Они проезжали мимо погруженного в темноту студенческого городка, где она училась, мимо закрытых книжных лавок, мимо жилых домов, где уже спали горожане. Мимо пустынного перекрестка, где стоял дом, в котором находилась квартира ее дедушки и бабушки.

Когда они подъезжали к аэропорту, на шоссе начал опускаться туман. Вскоре он сгустился так, что водитель такси сначала замедлил ход, а потом и вовсе остановился, не видя дороги. Туман клубился, словно дым пожара, но это была всего лишь испаряющаяся вода, поймавшая их в свою

ловушку.

Гори подумала тогда, что так, наверное, выглядит смерть. Нематериальный, вроде бы неосязаемый, но неотвратимый всепоглощающий клубящийся пар, пожирающий все живое. Она была уверена, что Удаян сейчас был в таком пару.

Ею овладела паника, страшные мысли, что она не сможет выбраться отсюда. Но такси потихоньку двигалось мелкими, короткими рывками, водитель то и дело сигналил, чтобы ни с кем не столкнуться, пока наконец впереди не показались огни аэропорта. Она обняла Манаша, поцеловала его, сказала, что будет очень скучать, а потом взяла свои вещи, предъявила документы и поднялась на борт самолета.

Ее не остановил ни один полицейский или военный. Никто не задавал ей вопросов про Удаяна. Никто не преследовал ее за то, что она была его женой. Туман рассеялся, и самолет выкатился на взлетную полосу. Ни туман, ни люди, ни обстоятельства — никто не воспрепятствовал ей подняться над городом в черное беззвездное небо.

На настенном календаре на кухне был изображен скалистый островок с маяком. Она нашла

интересовавшую ее дату, отмеченную там как День святого Патрика. Двадцатое марта — то есть день, когда Удаяну исполнилось бы двадцать семь лет, — официально считалось первым днем весны.

Но по утрам в Род-Айленде еще было жутко холодно, подоконники в комнатах были ледяными, даже покрывались инеем.

Однажды в субботу Субхаш повез ее покупать одежду. В огромном, сверкающем огнями магазине играла музыка. Никто там не предлагал им помочь, и никому не было дела до того, потратят они свои деньги или нет. Субхаш купил ей пальто и сапоги, теплые колготки, шерстяной шарф, шапку и перчатки.

Но эти вещи так и лежали потом дома нетронутые. После той поездки в универмаг она ни разу не выбралась на улицу. Сидела дома — лежала, читала университетскую газету, которую Субхаш приносил каждый день. Иногда включала телевизор и смотрела скучные шоу. Про то, как молодые женщины беседовали с холостяками, подыскивающими себе невесту. Про супружескую пару, которая, вроде бы дойдя уже до драк, почему-то пела любовные песни.

Субхаш предлагал ей бывать на мероприятиях

рядом с домом. Кино в студенческом городке, лекция известного антрополога, международная ярмарка народных ремесел в студенческом профсоюзе. Он называл ей более интересные газеты, которые можно было почитать в библиотеке, книги, лежащие на прилавках книжных магазинов. И здесь теперь было гораздо больше индийцев, чем когда он приехал сюда впервые. Жен аспирантов, с которыми она могла подружиться, когда будет готова к этому, говорил он.

В отличие от Удаяна приходы и уходы Субхаша всегда были предсказуемы. По вечерам он приходил домой в одно и то же время. Иногда она звонила ему в лабораторию сообщить, что у них кончилось молоко или хлеб, и он всегда сам снимал трубку. Ужин он готовил сам. По утрам выкладывал для этого необходимые продукты из морозильника, которые медленно оттаивали в течение всего дня.

Запахи готовящейся пищи больше не раздражали ее, как это было в Калькутте, но она говорила, что раздражают, и таким образом обеспечивала себе повод остаться у себя в спальне. Целыми днями она ждала возвращения Субхаша, чувствовала себя неуютно без него, но когда он приходил домой, избегала его. Она боялась узнать его луч-

ше, боялась, что они станут ближе.

Потом он стучал в дверь ее комнаты, приглашая к ужину. Когда она приходила к столу, там все уже было готово: две тарелки, два стакана воды, две порции вареного риса и какого-нибудь тушеного блюда.

За ужином они смотрели выпуск новостей. Новости всегда были только про Америку. Про ее жизнь и ее заботы. Про бомбы, сброшенные на Ханой, про шаттл, готовящийся к запуску в космос. Про президентские выборы, предстоящие в текущем году.

Она постепенно запоминала имена кандидатов — Маски, Мак-Клоски, Мак-Говерн. Две партии — демократы и республиканцы. Визит Ричарда Никсона в Китай, где он на глазах у всего мира обменялся рукопожатиями с Мао. А о Калькутте ни слова. Ни слова о том, чем жил этот город, о том, что там произошло, что так изменило и что разрушило ее жизнь.

Однажды утром, отложив в сторону книгу, она увидела за окном пасмурное тусклое небо, затянутое тучами. Заунывный дождь лил беспросветно целый день, и тогда она впервые за все это время почувствовала себя словно в заточении.

Когда дождь кончился, она надела прямо

поверх сари пальто, обулась в сапоги, надела шапочку, перчатки и вышла из дому. Она шла по тротуару в сторону студенческого городка, разглядывая прохожих — мужчин в джинсах и куртках, женщин в темных колготках и в шерстяных коротеньких пальтишках. Они курили на ходу и оживленно разговаривали друг с другом.

Она поняла, что напрасно так укуталась, — перчатки и шапка явно были лишними.

На территории студенческого городка она зашла в продуктовый магазин рядом с почтовым отделением. Среди пачек масла и коробок с яйцами она нашла упаковочку какого-то неведомого продукта, завернутого в серебристую бумагу, напоминавшего по виду кусок мыла и называвшегося «сливочным сыром». Она купила его, решив, что он может быть шоколадным, расплатившись пятидолларовой купюрой и положив сдачу в карман.

Под серебристой бумагой оказалось нечто холодное, твердое и кисловатое на вкус. Она разломила его на кусочки и съела прямо перед магазином. Съела и еще облизала бумажку, даже не подозревая, что этот продукт полагалось намазывать на хлеб или крекер.

* * *

Она начала предпринимать такие вылазки и в другие части студенческого городка — заходила в школу фармацевтики, иностранных языков, политологии и истории. У корпусов этих были свои имена — Уошбурн, Рузвельт, Эдвардс. Войти туда мог каждый.

Она заглядывала в аудитории, читала афиши о предстоящих лекциях и конференциях. Ни охранники, вообще никто не останавливал ее, не расспрашивал ни о чем. И здесь не было солдат, постоянно сидящих на мешках с песком, как перед входом в Президенси-колледж.

Когда через год после начала восстания в Наксалбари Роберт Макнамара прилетел с визитом в Калькутту, коммунистические повстанцы в аэропорту вынудили его сесть в вертолет, чтобы добраться до города. Они просто не пропускали его машину. Гори в тот день была на занятиях и видела собственными глазами, как студенты с крыши одного из корпусов швыряли камни в вертолет, когда тот пролетал над Колледж-стрит. Они заперли тогда вице-президента Калькуттского университета в его кабинете. И в тот день она видела горящие трамваи.

Однажды она нашла факультет философии и забрела в огромную аудиторию с поднимающимися рядами сидений. Лекция как раз должна была начаться, и аудитория заполнялась студентами. Гори тоже вошла и села в заднем ряду, на самом верху. Поближе к проходу — чтобы легче было выйти, если понадобится. Но после долгой ходьбы она так устала, что обрадовалась возможности присесть.

Заглянув в конспект сидящего рядом студента, она поняла, что попала на лекцию последнего курса. Введение в античную западную философию. Гераклит, Парменид, Платон, Аристотель. Хотя она и была хорошо знакома с материалом, но все равно просидела там всю лекцию. Она слушала про учение Платона о воспоминаниях, в котором знание представлялось как повторное открытие, как узнавание чего-то, что уже хранится в памяти.

Преподаватель был одет просто — в джинсы и свитер. Во время лекции он курил. У него были густые темные усы, как и у большинства студентов мужского пола. Читая лекцию, он совсем не заглядывал в бумажку.

Студенты в аудитории не отставали от профессора — мальчики курили, девочки вязали.

Некоторые вообще сидели с закрытыми глазами. Одна парочка на заднем ряду и вовсе обжималась, доходя чуть ли не до неприличия. Но Гори слушала лектора со всей увлеченностью. Даже полезла в сумочку за бумагой и ручкой. Бумаги, правда, не нашла, поэтому стала делать записи на полях газеты, которую носила с собой в сумке. Потом дома все переписала.

Так тайком, дважды в неделю, она стала посещать эти занятия. Брала рекомендуемые тексты в библиотеке по читательскому билету Субхаша.

Она намеревалась так и ходить туда никем не замеченной. Но однажды она так увлеклась, что не заметила, как подняла руку. Преподаватель говорил об Аристотелевых правилах формальной логики, о силлогизмах, используемых для того, чтобы отличить весомую мысль от невесомой.

— А как насчет диалектического обоснования? Признающего изменения и противоречия, а не существующую реальность? Аристотель допускал это? — спросила она.

— Да, допускал. Но до Гегеля никто не брал во внимание этих его рассуждений, — ответил ей профессор.

Он ответил ей как полноправной студентке и, даже сам того не заметив, съехал на заданную

ею тему.

Она вскоре привыкла после лекции в общем потоке студентов идти в студенческую столовую и брала себе там жареную картошку, хлеб с маслом и чай, а иногда даже баловала себя мороженым.

В столовой на стене висели огромные часы. На них не было ни чисел, ни секундной стрелки — просто куски металла на поверхности из кирпича, обозначавшие цифры, и стрелки, отмечавшие часы и минуты.

Она старалась сторониться людей. Жена Удаяна, ставшая женой Субхаша. Даже здесь, в Род-Айленде, в этом студенческом городке, где ее никто не знал, она все ждала, что ей будут задавать вопросы, что ее будут презирать за то, что она сделала.

И все же ей нравилось проводить свое время среди этих людей, которые совсем не знали ее, которые выходили «на сачок» покурить и погреться на солнышке или собирались в комнатах отдыха посмотреть телевизор и поиграть в бильярд. Ее снова окружала жизнь.

Дамская туалетная комната вообще казалась оазисом — белые ковры, зеркальные колонны, диванчики, на которых можно было не только сидеть, но и прилечь, а между ними пепельницы.

Эта туалетная комната походила на зал ожидания на вокзале или на приемное помещение в отеле и была гораздо просторнее и удобнее, чем квартира, в которой они жили с Субхашем. Здесь она иногда отдыхала, листая университетскую газету и наблюдая за американками, приходившими поправить перед зеркалом макияж или причесаться.

В газете иногда встречался материал на специальные темы — о проблемах чернокожих в Америке, о проблемах женщин, о гомосексуалистах. Длиннющие статьи о различных формах эксплуатации или о проблемах самосознания. Гори пыталась представить себе, как отнесся бы к подобным вещам Удаян, к такому погрязанию в собственных мелких проблемах и равнодушному нежеланию сопереживать судьбам других народов.

— И когда у тебя родится ребеночек? — спросила ее однажды студентка, сидевшая в дамской туалетной комнате с сигаретой во рту.

— Через несколько месяцев.

— Ты со мной на одном потоке учишься, правильно?

Гори кивнула.

— Ой, а мне, наверное, надо бросить эту учебу.

Античная философия все-таки слишком мудреная для меня наука.

Девушка чувствовала себя абсолютно раскованно в своих длинных сережках-висюльках, прозрачной блузке и юбке, кончавшейся у колен. На ней не было намотано целого рулона тяжелой шелковой ткани, как на Гори, привыкшей носить сари с пятнадцати лет — с тех пор, как по традиции она вылезла из девичьих платьиц. Она носила сари, когда выходила за Удаяна, и продолжала носить их сейчас.

— Мне нравится твой прикид, — сказала девушка, вставая и направляясь к двери.

— Спасибо.

Но, провожая взглядом эту студентку, Гори почувствовала себя не в своей тарелке. Ей вдруг захотелось тоже выглядеть и одеваться, как другие женщины колледжа, тоже стать такой женщиной, чья внешность удивила бы Удаяна.

Наступил апрель. Студенты радостно грелись на солнышке, собирались во дворе перед корпусами. Деревья уже были в цвету. По пятницам во второй половине дня она наблюдала, как студенты стекались в университетский двор с чемоданчиками, рюкзаками и тюками грязного белья. Они садились на огромные серебристые

автобусы, увозившие их на выходные в Бостон, в Хартфорд, в Нью-Йорк. Как догадалась Гори, они ехали навестить родителей или повидаться с друзьями-подружками и возвращались только в воскресенье вечером.

Среди них у Гори не было знакомых, но она все равно любила провожать их, смотрела, как водитель пихал их багаж в огромное чрево автобуса, как студенты рассаживались по своим местам и отправлялись в какие-то места, на которые Гори хотелось бы взглянуть хотя бы глазочком.

— Ты едешь? — спросил ее как-то один студент, хотевший помочь ей подняться в автобус.

Она покачала головой и отошла в сторонку.

В университетской медсанчасти ее направили на прием к акушеру-гинекологу в городскую поликлинику. Субхаш отвез ее туда на машине и ждал в приемной, пока седовласый, но моложавый доктор по фамилии Флинн осматривал ее в своем кабинете.

— Как вы себя чувствуете? — спросил ее румяный доктор.

— Прекрасно.

— По ночам спите?

— Да.

— Едите за двоих? И целый день чувствуете,

как он брыкается внутри?

Она кивнула.

— Ну, это еще только начало. Потом они доставляют гораздо больше хлопот, — сказал он с улыбкой и велел ей прийти еще раз через месяц.

— Что он сказал? — спросил Субхаш, когда она вышла от врача и они были снова в машине.

Она передала ему, что сказал доктор Флинн. Что ребенок уже вырос до фута длиной и весит около двух фунтов. Что у него уже двигаются ручки и глазки реагируют на свет. Что органы его — мозг, сердце, легкие — будут продолжать развиваться, готовясь к жизни вне ее живота.

Субхаш подрулил к супермаркету, сказал, что им нужно кое-что купить домой. Он позвал ее с собой в магазин, но она предпочла ждать в машине. Он оставил в машине ключ зажигания, чтобы она могла слушать радио. Коротая время, она заглянула в бардачок. Из любопытства. Хотела посмотреть, что там лежит.

Там она нашла карту Новой Англии, фонарик, стеклоочиститель, руководство по эксплуатации автомобиля. А потом заметила еще один предмет. Это была женская резиночка для волос. Красненькая с золотистыми блестками. Это была не ее резиночка.

Так она поняла, что у Субхаша была до нее какая-то другая женщина. Американка. Женщина, когда-то сидевшая на этом сиденье вместо нее.

Может быть, у них с Субхашем ничего не получилось. А может быть, он продолжал встречаться с этой женщиной и получал от нее то, чего не давала ему Гори.

Она оставила резинку для волос там, где ее нашла. У нее не возникло желания расспросить про нее Субхаша.

Ей даже как-то полегчало на душе, когда узнала, что она не первая женщина в его жизни. Что она тоже стала кому-то заменой. Ее снедало любопытство, но не ревность. Напротив, она даже была благодарна Субхашу за то, что он скрывал от нее эти вещи.

Она лишь еще больше убедилась в том, что сделала правильный шаг, выйдя за него. Это было как высокая оценка после трудного экзамена. Это оправдывало ту дистанцию, которую она продолжала соблюдать в отношениях со своим мужем. И теперь она знала, что, может быть, ей вовсе и не обязательно заставлять себя влюбляться в него.

Однажды в выходные он отвез ее на море — хотел показать, почему ему так полюбились эти места. Сероватый песок, мельче сахара. Когда она

нагнулась и зачерпнула горстку, он мгновенно ускользнул у нее между пальцев. Утек, как вода. Трава клочьями росла на дюнах. Серо-белые птицы важно расхаживали по берегу, как степенные старики, или качались на волнах.

Волны были низкие, с красным отливом. Вслед за Субхашем Гори тоже сняла туфли и пошла босиком по камешкам и водорослям. Субхаш объяснил, что начинается прилив, и, указав на торчащие из воды камни, сказал, что не пройдет и часа, как они уйдут под воду.

— Давай пройдемся немного, — предложил он.

Но она смогла пройти только несколько шагов навстречу ветру — сразу устала и замерзла.

На берегу там и сям играли детишки, возились в холодной еще воде у самого берега, рыли траншеи и строили песочные замки, украшая их камешками. Гори наблюдала за ними, спрашивала себя: а будет ли ее ребенок играть вот так же?

— Ты имя еще не придумала? — спросил Субхаш, словно прочтя ее мысли.

Она покачала головой.

— А Бела тебе нравится?

Ее удивило не столько само имя, сколько сам факт, что он его предложил. Но сама-то она действительно еще не думала об имени для ребенка.

— Можно, — ответила она.

— А вот для мальчика у меня как-то ничего не придумывается.

— Я не думаю, что это будет мальчик.

— Почему?

— Не знаю. Просто мне так кажется, и все.

— Гори, ну а тебе вообще это помогло?

— Что?

— Приезд сюда. Вообще жизнь здесь.

Она ответила не сразу.

— Да, помогло. Хорошо, что уехала оттуда. — И, помолчав, она прибавила: — Твоему брату надо было быть сейчас здесь. Он должен был сейчас думать об этом ребенке, хотел он того или нет.

— Гори, ну я же тебе обещал, что этот ребенок будет моим.

Она не знала, как выразить ему свою благодарность за то, что он сделал для нее. Не знала, как передать ему, что он оказался лучшим человеком, чем Удаян, вместо которого он взял ее под свою защиту.

Оглянувшись, она смотрела на следы, оставленные ими на мокром песке. В отличие от следов Удаяна, навсегда застывших на цементном дворе в Толлиганге, их следы исчезали на глазах, смываемые морским прибоем.

Глава 2

К новому учебному семестру он приступил с двухнедельным опозданием из-за переезда на новую меблированную квартиру, предназначенную для женатых студентов. Он сделал в дом много покупок — двуспальное постельное белье, посуду, жадеитовое деревце в горшке, черно-белый телевизор и шаткий столик на колесиках под него.

Ее тело он мог видеть только мельком, когда она выходила из ванной комнаты после душа. Еще в одном доме с Ричардом он привык так жить — вроде вместе и в то же время порознь. Он с вечера доставал себе из комода в спальне одежду на завтра, чтобы не беспокоить ее по утрам.

По ночам он иногда слышал, как открывалась дверь ее комнаты и она шла в ванную попить водички из-под крана. Он старался не шевелиться и не издавать ни звука, когда слышал струю мочи в туалете. По утрам он видел ее с распущенными волосами — она проходила по гостиной, словно там никого не было.

Он верил, что все изменится с рождением ребенка. Что ребенок сплотит их сначала как

родителей, а потом как мужа и жену.

Однажды ночью он слышал, как она стонала во сне. Это было жалобное, какое-то животное постанывание через стиснутые зубы. Вырывавшаяся наружу безмолвная ярость. Он лежал на диване в гостиной, слушая, как она страдает, как, возможно, снова переживает смерть его брата. И ждет, когда этот ужас пройдет.

Однажды он случайно встретил Нарасимхана и, когда тот спросил, рассказал ему свои новости. Рассказал, что учеба его заканчивается и в конце весны он будет сдавать экзамены. Рассказал, что в Индии у него умер брат. А сам он теперь женат, и его жена ждет ребенка. Но он, конечно, не рассказал Нарасимхану о том, что женился на жене брата.

— Он был болен?

— Нет. Его убили.

— То есть как?!

— Полиция застрелила. Он был наксалитом.

— Ой, как жаль… Для тебя это большая утрата. Но теперь ты будешь отцом.

— Да.

— Послушай, а вы с женой приходите как-нибудь к нам на ужин!

Он чувствовал себя немного заплутавшим среди неизвестных дорог и все время поглядывал на оборот конверта, где было записано, как проехать. Дом стоял в лесу, перед ним только глинистая тропинка, никакой лужайки и никаких других домов по соседству.

Субхаш и Гори были не единственной индийской четой из университета, приглашенной в тот вечер в дом Нарасимхана и Кейт. Некоторые приехали с детьми, и те играли с сыновьями Нарасимхана на веранде. Субхаша и Гори представили остальным супружеским парам — аспирантам с женами. Кое-кто из женщин привез традиционные индийские угощения, ставшие пикантным дополнением к лазанье и салату, приготовленному хозяйкой дома.

Гости собрались в просторной, обитой деревянными панелями гостиной — стояли, сидели, беседовали прямо с тарелками в руках. Здесь помещалось множество книг на полках, с потолка свисали в плетенках горшки с растениями, в углу на столике рядом с проигрывателем лежали пластинки. Занавесок не было вообще — только голый вид на деревья из окна. На стенах абстрактная живопись — смелые пятна цвета, созданные рукой Кейт.

Субхаш облегченно вздохнул, когда Гори влилась в компанию остальных женщин. На ней было миленькое сари. Он видел, как женщины обступили и трогали ее живот. Слышал, как они говорили о детях, о каких-то рецептах, о предстоящем фестивале Дивали. Он был рад, что приехал в гости с ней, что их восприняли здесь как одно целое.

Никто не сомневался, что Гори его жена, а он отец будущего ребенка. Все пожелали благополучных родов, и они уехали с целым ворохом детского добра — пеленок, распашонок, ползунков, которые Кейт сохранила после того, как ее дети подросли. Все вещи были такими крохотными, что, казалось, подходили только куклам.

По дороге в гости Гори читала книгу, но сейчас было уже темно, и Субхаш спросил:

— А женщины были вроде бы доброжелательны. Кто они?

— Я не запомнила их имен, — ответила она.

Общительность, с которой она держалась в компании, улетучилась. Гори казалась усталой и немного даже раздраженной. Трудно было понять вообще, понравилось ли ей в гостях, или она просто делала вид. И все же Субхаш спросил:

— Может, нам приглашать к себе кого-нибудь

из них иногда?

— Как хочешь.

— Они могут чем-то помочь тебе, когда родится ребенок.

— Я не нуждаюсь в этом.

— А я имел в виду, как подруги.

— Не хочу проводить время с ними.

— Почему?

— У меня с ними нет ничего общего, — сказала она.

Несколько дней спустя он вернулся домой и не обнаружил Гори, как обычно в гостиной на диване с книжкой и чашкой кофе.

Он постучался в спальню и, не услышав ответа, приоткрыл дверь. В комнате было темно, но Гори там не было. Он громко позвал ее, гадая, куда она могла деться. Может, вышла прогуляться? Время близилось к ужину, на улице темнело, и она ни словом не упоминала о прогулке, когда он звонил несколько часов назад.

Субхаш пошел на кухню поставить чайник. И заодно посмотреть, не оставила ли она записки. В душе зашевелилась паника: не случилось ли чего с ребенком? Он заглянул в ванную, потом вернулся в спальню и на этот раз включил свет.

На туалетном столике лежали кухонные нож-

ницы и клочки ее волос. В углу на полу — все ее сари, блузки и трусики, изрезанные на полоски, словно их терзал клыками и когтями какой-то зверь. Он открыл ее комод и увидел — тот абсолютно пуст. Она уничтожила все.

Через несколько минут он услышал, как заскрипел ключ в замке входной двери. Волосы ее, обрезанные неровными клочьями, едва доходили до подбородка. Одета она была в просторные брюки и серый свитер. Одежда эта хоть и была свободной, но обрисовывала ее формы. Он смущенно отвел глаза.

— Где ты была?

— Ездила на автобусе в город. Купила там кое-что.

— А зачем ты обрезала волосы?

— Я устала от них.

— А зачем одежду изрезала?

— Я от нее тоже устала.

Не извиняясь за сотворенный беспорядок, она ушла в ванную, там сняла с себя купленные вещи и выбросила в мусорное ведро старые. Впервые за все время он рассердился на нее. Но он не отважился сказать ей, что она поступила расточительно и по-хамски. И что такое поведение может отрицательно сказаться на здоровье

ребенка.

В ту ночь он спал, как всегда, на диване, и ему впервые за все время приснилась Гори. Приснилась с короткой стрижкой, в одних трусиках и блузке. Почему-то под обеденным столом он раздевал ее донага и занимался с ней любовью — так, как он это делал с Холли. Тела их сливались воедино на жестком кафельном полу.

Он проснулся смущенный, все еще чувствуя эрекцию. Он был в гостиной один, Гори спала у себя в комнате за закрытой дверью. Они были официально мужем и женой, но он все равно чувствовал себя каким-то виноватым.

Он понимал: для других отношений еще слишком рано. Что до рождения ребенка ему к ней лучше не приближаться. Он унаследовал от брата его жену, и летом ему предстояло унаследовать его ребенка. Но вместе с ними он унаследовал и эту физическую потребность, эту неудовлетворенную, мучительную тягу по утрам в квартире, где они с ней жили вроде бы вместе, а в то же время порознь.

Глава 3

С наступлением лета она стала проводить больше времени в библиотеке, где работал кондиционер, где она могла, не привлекая к себе внимания, сосредоточиться над книгой.

Она садилась всегда перед огромным окном, выходившим в университетский двор. Солнце пробивалось сюда сквозь кроны деревьев, чья зелень с каждой неделей становилась все гуще и пышнее. Отсюда виднелись окрестные леса и поля. Во дворе уже были натянуты квадратом веревочные заграждения, и внутри белели ряды складных стульев, приготовленных для выпускного дня.

В июне библиотека опустела. Занятия закончились, студенты разъехались, и в читальном зале стояла тишина. Лишь бой башенных часов во дворе каждый раз напоминал Гори о том, что прошел еще час. Да еще периодически раздавался скрип резиновых колесиков библиотечной тележки.

Часто Гори сидела в зале вообще одна. Атмосфера чистоты и безукоризненного порядка напоминала больничную, только со знаком плюс.

Гори сидела рядом с отделом философии, периодически вставала, брала с полок книги, что-то записывала и всегда возвращала книги на место. Монотонное жужжание флуоресцентных ламп над головой навевало сонливость. Ребенок ворочался внутри ее, и она не чувствовала себя в одиночестве.

В июле ей стало тяжелее ходить по улице. Коротенький пеший путь до библиотеки и обратно вызывал у нее сильное потоотделение. Повисшая в воздухе духота все никак не могла пролиться дождем.

Гори вообще-то выросла в жарком и душном климате, но здесь, где еще несколько месяцев назад можно было видеть собственный пар изо рта, такая погода казалась убийственной и почти неестественной.

Семестр закончился, многие университетские здания, административные и жилые, сейчас закрыли. Иной раз она возвращалась к себе домой из библиотеки и не встречала по дороге никого. Как будто происходила какая-то забастовка или объявлен комендантский час. Только монотонный стрекот цикад в зарослях нарушал эту тишину.

Схватки начались в библиотеке, за три дня до

предсказанного доктором Флинном срока. Головка ребенка теперь оказалась почему-то тяжелой, как свинцовый шарик, она рвалась наружу. Гори вернулась в квартиру, собрала сумку и села дожидаться Субхаша.

От новых болезненных схваток ее скрутило в ванной комнате так, что она вцепилась в вешалку и чуть не сорвала ее со стены. Когда Субхаш вернулся, то сразу повел жену к машине.

В салоне машины Гори казалось, что тело ее сейчас разорвется на части от боли, и она цеплялась руками за бардачок перед собой.

Как назло, с неба хлынул проливной дождь. Субхашу даже пришлось снизить скорость — лобовое стекло сплошь залила вода, и «дворники» на стекле не справлялись с ее потоками. Гори вдруг обуял страх — она боялась, что машина потеряет управление и выскочит на встречную полосу.

Ей вспомнился туман по дороге в аэропорт в тот вечер, когда она покидала Калькутту. Тогда ей отчаянно хотелось поскорее выбраться из этого тумана. Сейчас же, несмотря на боль и острую ситуацию, ей почему-то хотелось, чтобы машина остановилась. Ей хотелось, чтобы она осталась беременной этим ребенком, чтобы боль

прекратилась, чтобы все произошло хотя бы немножечко позже.

Но Субхаш старательно выруливал среди потоков воды, и они наконец подъехали к кирпичному зданию больницы на вершине холма.

Она стискивала зубы и корчилась в судорогах, но не кричала. Было восемь вечера, за окном еще было светло, и больше никакого дождя.

Родилась девочка, как и ожидала Гори. Она испытала огромное облегчение, узнав, что сынок — маленькая копия Удаяна — не придет жить к ней. И ее еще радовало одно: теперь ребенку можно было дать имя, придуманное Субхашем, и тем самым вознаградить его за все. Пуповину обрезали, и ребенок перестал быть частью Гори.

Медицинский персонал суетился вокруг нее, а потом из приемной позвали Субхаша и вручили ему маленькую Белу.

Ей снились чайки на морском берегу в Род-Айленде. Они кричали, клевали друг друга, заливали песок кровью и усыпали его вырванными перьями. И опять как тогда, после смерти Удаяна, к ней вернулось какое-то обостренное ощущение времени. Будущее теперь слилось с жизнью ее ребенка, начав затмевать и вытеснять из сознания ее собственную жизнь. Это была

нормальная логика материнства.

Дома они с Субхашем окружили девочку нежной заботой, каждый по-своему. Поначалу Гори чувствовала какие-то уколы ревности, ловила себя на том, что не хочет делить с ним на двоих эту заботу. Одно дело, когда он был просто ее мужем, и совсем другое, когда стал отцом Белы. Хотя его имя было прописано в детском свидетельстве о рождении, и никому не приходило в голову подвергнуть сомнению эти фальшивые данные.

Бела большую часть времени спала, питалась только материнским молоком. В головке ее не было пока никаких мыслей, а ее сердечко работало только как насос для качания крови.

Дочь требовала вроде бы мало и в то же время все. Ее существование поглощало Гори целиком, до последней частички тела, до последнего нерва. И медсестра в больнице оказалась права — сказала, что Гори не сможет справляться со всеми заботами одна. Поэтому каждый раз, когда Субхаш принимал у нее дежурство, чтобы она могла поспать, принять душ, попить спокойно горячего чаю, Гори испытывала чувство облегчения во время полученной передышки.

Бела спала с ней на ее двуспальной кровати, обложенная с обеих сторон подушками. Просыпа-

ясь, она медленно вертела головкой, и ее мутные младенческие глазки озирали комнату, словно что-то искали.

Когда она дышала во сне, тельце ее вздымалось, словно какое-то животное или механизм. Это дыхание и завораживало Гори, и в то же время беспокоило.

Когда Гори была беременна, она вообще не волновалась за ребенка, но теперь ей казалось: малейший недосмотр с ее стороны может привести к губительным последствиям для Белы. Она испытывала настоящий страх за девочку, когда несла ее по вестибюлю больницы и потом к парковочной стоянке, где везде суетились люди, и она тогда поняла — в некотором смысле Америка такое же опасное место, как и все остальные. Поняла, что, кроме нее и Субхаша, никто не может защитить Белу от опасности и вреда.

Ей стали мерещиться ужасные сцены, например такая: головка Белы откинулась назад, и ее хрупкая шейка сломалась. Когда Бела засыпала у нее на груди, она боялась, что тоже уснет, не успев оторвать Белу от соска, и та задохнется. По ночам она боялась, что Бела упадет с постели на пол, или что она сама во сне раздавит ее.

Когда они первый раз вышли с девочкой по-

гулять по студенческому городку, Гори стояла на террасе университетского корпуса и ждала Субхаша, побежавшего купить бутылочку кока-колы. Она сначала стояла на краю террасы, но потом отступила назад — испугалась, что может оступиться и уронить Белу. В тот погожий безветренный день в воздухе не улавливалось ни малейшего дуновения, но Гори все равно боялась, как бы какой-нибудь налетевший ветер не вырвал ребенка из ее рук.

Вечером, уже у себя дома, она попробовала, из чистого любопытства, ослабить руку, поддерживавшую шейку девочки, и заодно расправить плечи. Но у ребенка тотчас сработал инстинкт самосохранения. Она мгновенно проснулась, громким криком заявив свой протест.

Избавиться от этих жутких картин Гори могла лишь одним способом — реже держать Белу на руках, отдавая ее Субхашу.

Она напоминала себе, что все матери нуждаются в помощнике. Что Субхаш не отец девочки, а просто добровольно исполняет эту роль. И что она, мать и единственный родной человек Белы, не должна так надрываться, а должна ради девочки беречь себя.

Теперь Субхаш входил в комнату Гори без сту-

ка, когда по ночам Бела просыпалась и начинала кричать. Он брал ее на руки и ходил с ней по квартире. Она была такая легкая, что, казалось, весила столько, сколько весили одеяльца.

Она уже узнавала его, тянулась к нему. В такие минуты он забывал, что он всего лишь ее дядя, ненастоящий отец, а самозванец. Она реагировала на его голос, когда лежала у него на коленях, смотрела на него, ей было очень уютно. И он чувствовал себя нужным, у него появилось теперь острое ощущение важной жизненной цели.

Однажды вечером, выключив телевизор, он вошел в спальню с Белой на руках. Гори спала. Он присел на край постели, потом откинулся на спину и, переложив Белу на постель, вытянул ноги, чтобы они не мешали ребенку. Голова девочки покоилась на его согнутой руке.

Так он лежал поверх одеяла, устремив взгляд в темный потолок. Хотя Бела лежала практически на нем, он сильно ощущал в тот момент близость Гори, больше уже не беременной. И эта тяга, это желание владеть ею с каждым мигом усиливались. И он внутренне не мог поверить, глядя на нее, так безмятежно и доверчиво спящую в уютной позе на боку, что она вообще могла родить этого ребенка, который находился сейчас рядом

с ним.

Он не заметил, как его сморил сон, а когда проснулся, то Бела уже на руках у Гори сосала грудь. В комнате было темно, ставни закрыты. За окном чирикали птички. Ему было жарко — он так и уснул в одежде.

— Сколько сейчас времени?

— Утро.

То есть они провели ночь в одной постели. Лежали рядышком, с Белой посередине.

Он понял это и сел на постели, принялся бормотать извинения.

Но Гори покачала головой. Она посмотрела на спящую Белу, а потом устремила взгляд на него, протянула руку, не касаясь его, и произнесла:

— Останься.

Она сказала: ей помогло то, что он ночевал с ней в одной комнате, сказала, что теперь она готова.

Очень помог ее изменившийся вид — подстриженные волосы, осунувшееся после родов лицо, модные американские одежки. А также круги под глазами, и запах материнского молока, исходивший теперь от ее кожи, и отсутствие большого живота, как память об Удаяне.

Поначалу она не выказывала какого-то откровенного желания — просто согласие. И все же

даже это вызвало у него восторг. Они соорудили для Белы манежик, и, когда она в нем уснула, постель осталась целиком в их распоряжении.

Гори лежала на животе или на боку, отвернув голову и с закрытыми глазами. Поднимая подол ее ночной рубашки, он видел ложбинку, разделяющую ее спину пополам.

Обладая ею, он вдыхал аромат ее волос, обхватывал рукой ее грудь, и все же волновался — вдруг ему не удастся овладеть ею целиком, сама она не захочет принадлежать ему полностью.

Кожа ее была везде ровная по цвету и никаких полос загара, никаких родимых пятен и веснушек, как на теле у Холли. Никаких порезов на ногах от бритья волос, никаких волосков или щетинки. Кожа ее везде, на всем теле, была нежная и гладкая, какой бывает у женщин в самых сокровенных местах.

Но при этом ее кожа не покрывалась синяками или краснотой от его прикосновений. Солоноватого запаха на его пальцах, когда он трогал ее между ног, утром не оставалось.

Она не разговаривала с ним вообще, но после нескольких раз начала класть его руку туда, где ей хотелось. Наконец она начала поворачиваться к нему лицом, стоя в кровати на коленях, и они

достигли того момента, когда дыхание ее стало частым и громким, кожа светилась, а тело напрягалось до предела.

Однажды наступил момент, когда он почувствовал: ни единая частичка ее тела не сопротивляется ему. Она наблюдала, как он кончил на нее, вытерла живот. И, не противясь, выдержала его вес, когда он потом устало навалился на нее.

Глава 4

В четыре года у Белы уже развивалась память. Слово «вчера» вошло в ее словарь, хотя его значение было растяжимым — все, что происходит не сегодня. Прошлое состояло у нее в голове из кусков и обозначалось другим словом.

Она использовала английское слово. Это по-английски прошлое получалось у нее каким-то односторонним, на бенгали же слово «вчера» — «каль» — означало также «завтра». В бенгальском языке, чтобы показать прошедшее время, нужно использовать прилагательное или временные формы глагола — только так можно было отличить то, что уже произошло, от того, что еще произойдет.

Время у Белы текло в противоположном направлении. «День после вчера», — иногда говорила она.

Произнесенное несколько по-другому, имя Белы обозначает название цветка, а еще и является наименованием промежутка времени, отрезка дня. «Шакаль бела» означало «утром», «бикель бела» — «днем», «ратрир бела» — «ночью».

«Вчера» у Белы служило вместилищем всего,

что хранила ее память. Любой опыт, впечатление или переживание. Память ее была короткой, содержимое памяти — ограниченно. События в ее голове не знали хронологии и распределялись наугад.

Поэтому она однажды сказала Гори, когда та пыталась расчесать ее спутавшиеся волосы:

— Я хочу короткие волосы. Как вчера.

Когда-то давно, много месяцев назад, у Белы действительно были короткие волосы. Гори постаралась объяснить ей — это было очень давно. Не один день назад. Может быть, сто дней назад, но никак не один день.

Но для Белы было равнозначно — что три месяца, что один день назад.

Она обижалась на Гори, когда та спорила с ней, расстраивалась, и личико ее мрачнело. В нем, кстати, не было явно похожих черт ни Гори, ни Удаяна. Было непонятно, откуда взялся слегка выпуклый лобик и немного опущенные внутренние уголки глаз. Кожа у нее была гораздо светлее, чем у Гори, кремовый оттенок явно достался ей от свекрови Гори.

— А где моя другая куртка? — спросила как-то Бела у Гори, когда та дала ей новую куртку, собирая ее в детский сад.

— Какая другая?

— Ну, вчерашняя, желтая.

Прошлой весной Бела действительно носила желтую курточку с капюшоном с меховой оторочкой. Но сейчас она уже была бы ей мала, поэтому ее сдали в благотворительный пункт при церкви.

— Так это была прошлогодняя курточка. Ты носила ее в три года.

— Мне вчера было три года.

Гори ждала, когда Бела перестанет расхаживать туда-сюда по коридору, наденет наконец куртку и они выйдут из дому. Но Бела продолжала упрямиться, и Гори схватила ее за плечи.

— Мне больно! Ты мне делаешь больно!

— Бела, мы торопимся.

Уже надев куртку, Бела долго возилась с молнией, и Гори хотела застегнуть ее сама.

— А вот папочка всегда разрешает мне застегиваться самой!

— Но папы сейчас нет здесь.

Мать резко застегнула молнию на куртке дочери — возможно, даже слишком резко, кажется, даже чуточку прищемила кожу на горле. Она мысленно корила себя за такое нетерпение — просто ей хотелось, чтобы дочка поскорее приобрела

необходимые навыки.

Гори отвела Белу в детский сад, а сама выпила чашечку кофе в университетском буфете и изучила расписание занятий на философском факультете.

В том семестре не было удобных для нее занятий, совпадавших по времени с пребыванием Белы в саду. Тогда Гори отправилась в библиотеку. Там она могла на час-другой сосредоточиться над книгой, отвлечься от всех своих забот, напрочь забыть о времени.

Она умела чувствовать время, но теперь стала учиться понимать его. Гори исписывала целые тетрадки своими вопросами и наблюдениями. Существует ли время независимо, в физическом, материальном мире, или оно существует лишь в нашем сознании? Только ли люди осознают время? Почему иной раз коротенькие мгновения кажутся нескончаемыми часами, а долгие годы пролетают как один день? Чувствуют ли время животные?

В древней индийской философии три времени — прошедшее, настоящее и будущее — считались существующими одновременно в Боге. Бог считался вечным и существовал вне времени, но время было персонифицировано в виде бога

смерти.

Декарт в «Третьих размышлениях» утверждал, что Бог воссоздает тело в каждый следующий момент. Таким образом, время является формой поддержания жизни.

На земле время отмечалось солнцем и луной, чередование этих светил позволяло отличить день от ночи, что, в свою очередь, привело к изобретению часов и календарей. Настоящее представлялось даже не отрезком времени, а неким коротким мгновением, яркой вспышкой где-то посередине между жизнью и смертью. Неким текущим моментом, быстро ускользающим.

В одной из ее калькуттских тетрадок остались записи, сделанные рукой Удаяна, по поводу основных законов классической физики. Теория Ньютона о том, что время является абсолютной сущностью, неким потоком, самостоятельно текущим размеренным однообразным ходом. И замечания Эйнштейна о том, что время и пространство взаимно переплетены.

У него время описывалось применительно к частицам и скорости их движения. Как система взаимосвязи различных событий. Как реверсивная инвариантность, в которой не было фундаментального различия между взглядом

вперед и назад и в которой движение частиц было определено точнейшим образом.

Будущее приходило, но оставляло ее живой. У Гори был дневник, но она никогда не записывала в нем свои впечатления и ощущения — только зарисовки и различные вычисления. С самого детства каждая новая, чистая еще страничка дневника наполняла ее ощущением чего-то грядущего и неизведанного. Это походило на подъем по лестнице в кромешной тьме. Никакой гарантии, что, например, наступит следующий декабрь.

Большинство людей верят в будущее, считают — там перед ними развернется предпочитаемая ими версия. Слепо основываясь на этом, они строят свои планы и заранее предвидят несуществующие пока события. На самом деле это просто срабатывает желание. Именно желание всегда дает миру такое понятие, как цель и направление. Не то, что имелось, а то, чего пока не имелось.

Древние греки не имели четкого представления о будущем. Для них будущее было категорией бесконечной и вечной. В учении Аристотеля говорилось, что человек не может с точностью сказать, будет ли завтра битва на море.

В предвкушении осуществления своих желаний, в неведении и в надежде — вот как жили в большинстве своем люди. Ее свекор со свекровью, например, ожидали, что Субхаш с Удаяном состарятся в доме, который для них выстроили родители. Они хотели, чтобы Субхаш вернулся в Толлиганг и женился на местной девушке. Удаян отдал свою жизнь за будущее, в надежде на хорошие изменения самого общества. Гори думала, что проживет замужем за Удаяном не каких-то два года, а всю свою жизнь. Субхаш здесь, в Род-Айленде, надеялся, что он, Гори и Бела станут настоящей семьей. Что Гори будет не только заботливой матерью Белы, но и настоящей женой ему.

Иногда понимание истории, какой ее видела Бела, казалось Гори даже удобным. Если рассуждать, как Бела, то Удаян мог считаться живым еще вчера, и Гори могла считаться его женой, хотя прошло уже пять лет после его гибели. Уже почти пять лет она была замужем за Субхашем.

То, что она видела с террасы в тот вечер, когда полиция схватила Удаяна, теперь был каким-то пробелом в ее памяти. Пространство защищало ее гораздо надежнее, чем время, — это огромное расстояние между Род-Айлендом и Толлигангом. Эта

картина виделась ей словно бы издалека — через океаны и континенты. И те пережитые моменты как бы поблекли, становились все менее и менее видимыми, а потом и вовсе невидимыми. Но она знала — они есть. То, что хранится в памяти, отличается от наших воспоминаний, как сказал Огюстен.

С другой стороны, рождение Белы воспринималось Гори как вчерашний день. Тот летний вечер врезался в память яркой картиной. Ей вспоминался дождь на пути в больницу, лицо акушерки над ней, море за окном. Больничная сорочка, липнувшая к телу, игла шприца, вонзившаяся в руку. Казалось, будто все происходило только вчера. Будто только вчера она впервые взяла на руки Белу и посмотрела на нее. Будто только вчера эта тяжесть беременности внезапно исчезла, и ушла специфическая уродливость ее собственных телесных форм.

Днем она забирала Белу из садика — это всегда была только ее обязанность, никогда не Субхаша. Он сейчас занимался научной работой в лаборатории в Нью-Бедфорде, в пятидесяти милях езды отсюда. Уходил и возвращался в одно и то же время, и вся ответственность за Белу лежала в эти часы на Гори.

Она приходила в садик и находила Белу, уже одетую в курточку, сидящую перед узеньким шкафчиком в раздевалке. Он напоминал Гори вертикальный гробик. Бела не бросалась, как другие дети, в объятия Гори, спеша показать рисунки и дожидаясь от матери похвалы. Она степенно шла навстречу, спрашивала, что сегодня будет на обед, а иногда интересовалась, почему за ней не пришел Субхаш. Она никогда не рассказывала, как проходил день сегодня в группе.

Потом они с Белой возвращались домой. В подъезде Гори заглядывала в почтовый ящик под фамилией Митра.

В Калькутте имена на ящиках всегда были красиво написаны кисточкой, здесь же они были намалеваны наспех, а на некоторых дверцах и вовсе отсутствовали. Из ящика она доставала счета, квитанции и научные журналы, которые выписывал Субхаш.

Ей самой редко что приходило. Иногда только письмо от Манаша. Читать эти письма было даже как-то боязно — слишком много воспоминаний они навевали. Как Манаш с Удаяном занимались вместе в квартире ее дедушки и бабушки и как благодаря их дружбе она познакомилась с Удаяном. Те времена оставались в ее памяти

и в ощущении от прикосновения к бумажному листку письма.

От Маната, а также из газет в библиотеке она получала кое-какие новости. Поначалу она еще пыталась представить себе, что там происходит, но информация была слишком скудной. Пролитая кровь множества людей сливалась в одно огромное расплывчатое пятно.

Кану Санъял, пока еще живой, находился в тюремном заключении. Чару Маджумдара тоже поймали и заточили в одну из камер Лаль-Базара. Он умер в калькуттской тюрьме в то лето, когда родилась Бела.

Многие соратники Удаяна по-прежнему подвергались пыткам в тюрьмах. Нынешний мэр Калькутты Сиддхартха Шанкар Рай, поддерживаемый партией «Индийский национальный конгресс», отказался от проведения расследований в отношении тех, кто уже погиб.

Повстанческое движение в Индии к этому времени стало предметом внимания некоторых знаменитых интеллектуалов на Западе. Симона де Бовуар и Ноэм Чомски написали дочери Неру письмо с требованием освободить политических заключенных. Но перед лицом возрастающего массового протеста против коррупции и непра-

ведной внутренней политики Индира Ганди объявила в стране чрезвычайное положение. В прессе ввели мощную цензуру, чтобы пресечь всякие разговоры о происходящем.

Даже теперь Гори подсознательно еще ждала новостей от Удаяна. Ждала, что он узнает о существовании Белы и о возможности воссоединиться с ними. Или хотя бы узнает, что их жизнь продолжается своим чередом.

Глава 5

Прошло два года с тех пор, как Субхаш закончил писать и защитил диссертацию — «Анализ уровня эвтрофикации Нэрроу-Ривер». Это был 1976 год — год двухсотлетия Америки. То есть семь лет прошло с тех пор, как он прибыл сюда.

Почти пять лет он не приезжал в Калькутту. Родители его в письмах теперь выражали желание увидеть Белу, но Субхаш отвечал, что она еще слишком мала для такого тяжелого перелета, да и он слишком занят работой. Иногда он посылал им фотографии и немного денег — отец уже вышел на пенсию. Чувствовалось, что родители смягчились, но Субхаш был пока не готов увидеться с ними снова. В этом вопросе они с Гори были солидарны.

Но у него имелась и своя подлинная мотивация. Ему не хотелось увидеться с ними, ведь только они на всем белом свете знали, что Бела не его дочь. Они бы ему напомнили его место, относились бы к нему как к дяде девочки и ни за что не захотели бы воспринять его другую, гораздо более важную роль.

Его исследовательская практика в Нью-Бед-

форде подходила к концу. По вечерам он подрабатывал — преподавал химию в общественном колледже в Провиденсе.

Сначала он подумывал о том, чтобы переехать в Южный Массачусетс, поближе к работе. Но работа там вскоре должна была закончиться, и он уже подыскал себе в Род-Айленде более просторную квартиру, откуда дойти до университетского городка можно было пешком. Тем более здесь ему обещали место в лаборатории в Наррагансете, и Бела посещала здесь университетский детский садик.

Дорога от работы до дома занимала у него около часа. Когда он по вечерам видел Белу, ему казалось, что она опять немножечко изменилась — подрастала и крепла прямо на глазах, и ее хриплый басовитый голосок становился еще сочнее за время его отсутствия.

Бела уже умела писать свое имя и сама намазывала масло на хлеб. Ножки у нее заметно вытянулись в длину, хотя животик все еще оставался по-детски кругленьким и выпяченным. Красивые волнистые волосы закрывали всю ее спину. Они вились еще больше мокрыми, когда Субхаш каждый вечер купал Белу перед сном.

Она уже научилась самостоятельно завязывать

шнурки, но при этом не знала пока, где левая нога, а где правая. У нее еще сохранились и другие младенческие жесты — например, когда она хотела что-нибудь, то вытягивала руку и сжимала-разжимала кулачок — так просила попить.

Она ужасно боялась грозы и, даже когда грозы не было, могла проснуться среди ночи и прийти к ним с Гори в постель. Спала она, особенно ближе к утру, на животе, поджав под себя ноги, как лягушечка.

Каждый вечер Бела просила, чтобы Субхаш полежал с ней рядом, пока она не уснет. Это было напоминанием об их связи — связи одновременно фальшивой и подлинной. И вот каждый вечер он сначала помогал ей почистить зубки и переодеться в пижамку, а потом выключал свет и лежал рядом с ней. Причем Бела просила его повернуться к ней лицом и приблизиться, чтобы их дыхание смешивалось.

— Смотри на меня, папочка! — шептала она со всем чувством и невинностью, которые не могли не тронуть за душу.

Иногда она обхватывала его лицо ладошками.

— Ты любишь меня?

— Да, Бела.

— А я люблю тебя больше.

— Больше, чем что?

— Больше, чем ты любишь меня.

— Это невозможно.

— Значит, я люблю тебя больше, чем могут любить люди.

Он удивлялся, как такие мощные эмоции, такая сильная страсть, могут рождаться в душе у такого маленького ребенка. Он терпеливо ждал, когда глазки ее закроются и она заснет. Тельце ее всегда чуть подергивалось, и это означало — через несколько секунд сон ее будет крепким.

Это не переставало поражать его, хотя повторялось каждый вечер. Казалось бы, только что Бела непослушно выпрыгивала из постели и носилась по комнате, но стоило ее глазкам закрыться, как она почти сразу же затихала, погружаясь в сон.

Иногда он и сам засыпал ненадолго рядом с Белой. Потом, очнувшись, он осторожно отцеплял ее ручки от ворота своей рубашки и бережно укрывал ее одеялом. Во сне личико девочки сохраняло выражение гордости и умиротворения. Такие близкие и трогательные отношения у Субхаша до сих пор были только с одним человеком. С Удаяном. Каждый вечер он оставлял ее в постельке и чувствовал, как сердце на миг замирало — когда пытался представить себе, что

она скажет в один прекрасный день, когда узнает правду о нем.

По субботам они с Белой ездили в супермаркет — это была их единственная возможность провести время вместе вне квартиры, и этих моментов он ждал с нетерпением всю неделю. Она больше уже не умещалась на детском сиденьице перед тележкой, поэтому цеплялась за нее сзади и ехала стоя, то и дело спрыгивала, чтобы помочь Субхашу выбрать яблоки или взять с полки коробку овсяных хлопьев, баночку джема.

Она заставляла его разгонять тележку с силой, особенно если проход впереди был свободен. Эта тяга к озорству явно досталась ей от Удаяна, и Субхаш еще больше любил ее за это.

В отделе деликатесов она с удовольствием пробовала рекламные образцы всякой вкусной продукции — кубики сыра, насаженные на шпажки из зубочисток, картофельный салат на ложечке с подноса, тонко нарезанные ломтики розовой ветчины. За кассами супермаркета был кафетерий, и там Субхаш угощал Белу хот-догами, хрустящими луковыми колечками и чашечкой безалкогольного пунша.

Однажды, направляясь с полной тележкой продуктов к своей машине, он увидел Холли.

Бела, как всегда, ехала, прицепившись к тележке сзади, лицом к нему. Это был погожий, но прохладный и ветреный осенний день.

Все эти годы он старательно обходил стороной места, где они могли бы случайно встретиться. Больше не ездил к тому соленому лиману, где поблизости стоял ее дом, и всегда смотрел, чтобы на парковке пляжа, где они познакомились, не стояла ее машина.

Но сейчас он неожиданно встретил ее там, где бывал каждую неделю. Она была не одна, но не с Джошуа, а с мужчиной. Мужчина обнимал ее рукой за талию.

Это был ее муж — Субхаш узнал его по фотографии в комнате Джошуа. Теперь он, правда, выглядел значительно старше, волосы поредели, появилась проседь.

Она явно чувствовала себя легко рядом с этим мужчиной, который когда-то бросил ее одну с ребенком. Субхаша она не заметила. Он издалека слышал ее веселый смех и видел, как она игриво откидывала назад голову. Ему еще не было тридцати, когда они познакомились. Сейчас ей должно было быть уже за сорок, а Джошуа — четырнадцать, и он теперь уже мог оставаться дома один, пока мама с папой ходят за покупками.

Их разница в возрасте для Субхаша не значила ровным счетом ничего, но он пытался понять, не из-за этой ли разницы в годах она порвала с ним отношения. Не из-за того ли, что она считала его еще молодым и незрелым и неспособным заменить ей мужчину, который теперь был снова рядом с ней.

Потом Холли заметила Субхаша, махнула ему рукой, продолжая идти навстречу. У нее теперь была другая прическа — короткая неровная стрижка. Сабо, брюки клеш, водолазка. Ее лицо и фигура ничуть не изменились.

— Ты куда смотришь, папа?

— Да никуда.

— Ну, тогда пошли!

Но Холли шла им навстречу, и деваться ему было некуда.

Бела спрыгнула с подножки тележки и встала рядом, прижавшись к его бедру. Он гладил ее рукой по волосам.

— Субхаш! — сказала Холли. — У тебя маленькая девочка?

— Да.

— А я и не знала. Познакомься: это Кит.

— А это Бела.

Они с Китом пожали друг другу руки, при этом

Субхаш мог только гадать, знает ли Кит про их былые отношения с Холли. Холли разглядывала Белу, восхищаясь.

— И давно ты женат?

— Около пяти лет.

— Значит, решил все-таки здесь остаться?

— Да, решил. А как Джошуа? Нормально?

— Да. Он теперь уже вот такого роста, — показала она на себе.

Холли потянулась к нему, дотронулась рукой. Она, похоже, была искренне рада этой встрече и ее знакомству с Белой. Субхаш тогда много рассказывал о своем детстве, о Калькутте. Интересно, что она помнит из того? Например, о смерти Удаяна ей точно неизвестно.

— Ну, очень рада была повидаться, Субхаш. Пока!

Они пошли дальше, а Субхаш почему-то вдруг почувствовал укол ревности. Он теперь видел — Холли сошлась опять с мужем не только ради Джошуа. Они до сих пор любят друг друга.

Субхаш и Гори спали в одной постели по ночам, у них была Бела. Уже почти пять лет прошло с тех пор, как они официально расписались, но он все еще ждал, когда их отношения потеплеют. Придут к такому состоянию, когда ему не придется

сомневаться в правильности того решения.

Гори никогда не показывала, что несчастна, никогда не жаловалась. Но улыбающейся беззаботной девушки с фотографии, когда-то присланной ему Удаяном, больше не было.

И ей недоставало еще одной вещи — и это беспокоило его даже больше, чем он хотел бы признать. Ему неприятно было вспоминать то ужасное пророчество его матери.

Но мать откуда-то знала! Как-то предвидела, что Гори не будет испытывать к Беле материнской нежности. Такой безграничной, необузданной нежности, с какой относился к девочке Субхаш.

Да, она всячески заботилась о Беле — купала ее, причесывала, кормила, — но при этом чувствовалась какая-то ее отстраненность. Субхаш редко видел, чтобы она улыбнулась Беле или вдруг просто так, ни с того ни с сего, взяла да и поцеловала дочку. Наоборот, как-то с самого начала повелось, что они будто бы поменялись ролями — будто Бела была ей просто родственницей, а не родной дочерью.

Он ходил на пляж с Белой и видел там счастливые семьи, приезжавшие на побережье издалека не только отдохнуть, но и еще больше объединить членов семьи. Он видел, что этот процесс

был для многих из них почти священным обрядом.

А Субхаш с Гори никогда нигде не отдыхали вместе — ни вдвоем, ни втроем с Белой. Субхаш сам этого не предлагал, заранее знал — эта идея не покажется Гори заманчивой. Он проводил время только с Белой, всегда возил ее куда-нибудь. И он даже не мог вообразить себе, как они втроем могли бы, например, исследовать какое-нибудь новое место или поехать куда-нибудь и снять коттедж в складчину с другой семьей, как это делали его коллеги.

Субхаш надеялся: теперь Гори уже будет готова завести с ним общего ребенка и подарить Беле братика или сестренку. Однажды он даже осмелился заговорить с ней об этом, сказал: так установится равновесие, если их будет не трое, а четверо. Что это поможет сократить дистанцию между ними.

Гори пообещала ему подумать об этом через годик-другой, ведь ей нет тридцати лет, и у них есть время обзавестись еще одним ребенком.

И он продолжал надеяться, хотя каждый месяц в аптечке в ванной комнате появлялась новая пачка противозачаточных таблеток.

Временами ему казалось: его бунтарская выход-

ка — женитьба на ней — кончилась неудачей. Он ожидал большего сопротивления от Гори тогда, но не сейчас. Он мог только гадать, сожалеет ли она о своем согласии выйти за него. Считает ли это решение поспешным и ошибочным?

«Она жена Удаяна, и тебя она никогда не полюбит», — помнится, сказала ему мать, когда пыталась переубедить. Тогда он не соглашался с матерью, надеялся сделать Гори счастливой. Он тогда во что бы то ни стало решил доказать матери, что она не права.

Ради Гори, ради того, чтобы жениться на ней, он практически порвал узы с родителями. Порвал, возможно, даже навсегда. Но теперь он был отцом, и не мог представить себе какой-то другой жизни — жизни, которая могла бы состояться, не пойди он тогда на этот шаг.

Глава 6

— Поиграй со мной! — требовала Бела.

Когда Субхаша не было дома, Бела просилась к Гори посидеть у нее в комнате на полу, требовала, чтобы мать переставляла фишки на детской настольной игре или помогала ей одевать и раздевать кукол. Или разбрасывала по полу несметное количество картонных квадратиков с рисунками, среди которых они вместе должны были выискать пары.

Гори периодически нарочно поддавалась, украдкой поглядывая в книгу, пока был черед Белы ходить. Гори играла с дочкой, но без интереса и азарта.

— Ты невнимательно смотришь! — возмущалась Бела, когда замечала рассеянность Гори.

Гори сидела на ковре, смущенная этими упреками. Она понимала: другой ребенок мог бы привнести в ее жизнь много хорошего. С братом или сестрой Беле не было бы скучно. Гори понимала теперь, зачем люди заводят себе не одного ребенка.

Но она не стала признаваться Субхашу тогда в разговоре, что почти решила — не становиться

матерью во второй раз.

Она спала с ним просто потому, что спать с ним было легче, чем не спать. В какой-то момент ей просто захотелось покончить с его ожиданиями в отношении ее. И еще погасить в себе этот светящийся призрак Удаяна. Как-то избавиться от преследований прошлого.

В том, как они занимались любовью, ничто не напоминало ей Удаяна, поэтому в итоге тот факт, что они были братьями, уже больше не смущал ее так. В сексе она искала удовольствия и забвения, помогающего избавиться от разных мыслей. После секса к ней приходил крепкий сон.

Тело у него было не такое, как у Удаяна, — какое-то более робкое, что ли, но вместе с тем и более чуткое. Временами ее даже тянуло к этому телу, хотелось ощутить его. Такое желание походило на удовольствие попробовать различные сочетания продуктов, которые он готовил во время беременности. С Субхашем она узнала: акт, призванный выразить любовь, мог не иметь ничего общего с настоящей любовью. Душа и тело — это разные вещи.

В студенческом клубе она часто видела объявления с предложениями платных услуг по присмотру за ребенком. Такие объявления дава-

ли студентки или жены преподавателей. Гори переписала себе несколько номеров телефонов.

Она спросила Субхаша, не могли бы они нанять кого-нибудь, чтобы она могла в освободившееся время посещать лекции по немецкой философии, их читали в университете дважды в неделю. Хотя Беле было уже пять, она все равно ходила в детский садик только на полдня.

На просьбу Гори Субхаш ответил отказом. Не из-за денег, а из-за принципа — не хотел, чтобы за Белой присматривал чужой человек.

— Но здесь так принято, — попыталась возразить Гори.

— Нет, Гори, с ребенком будешь сидеть ты, — сказал он.

Хотя он разрешал ей посещать в свободное время лекции, она поняла: он не считает ее занятия работой. В свое время, предлагая ей выйти за него замуж, он говорил о возможности продолжить учебу в Америке, но теперь неуклонно настаивал — приоритетом должна быть Бела.

«Она не твой ребенок», — в такие минуты ей хотелось напомнить ему правду.

Но это конечно же не было настоящей правдой. На детском празднике в танцевальной группе она видела, как изменилось личико Белы, когда в

зал вошел опоздавший к началу Субхаш. Девочка просто преобразилась — увидев отца, она гордо вскинула головку и весь остаток выступления танцевала только для него.

Спустя несколько дней Гори снова завела этот разговор и объяснила:

— Для меня это очень важно.

Он очень хотел пойти ей на уступки и пообещал попробовать как-то перекроить рабочее расписание. Он начал уходить раньше по утрам и несколько раз в неделю возвращался с работы в дневное время. Гори записалась на учебный курс и накупила себе книг, тетрадок, ручек и словарь.

Когда Гори оставалась с Белой одна, у нее появлялось ощущение, что время не движется, несмотря на темнеющее небо в конце каждого дня. Она не любила тишину в квартире — тишина подчеркивала ее изолированность от всего и от всех, кроме Белы. С Белой она чувствовала так, словно они были одним человеком. Это чувство связанности по рукам и ногам, эта зависимость угнетали ее морально и физически. И иногда ее просто ужасало то, что при такой спаянности жизни их обеих она оставалась такой одинокой.

По будням, приводя Белу из садика, она первым делом шла на кухню, мыла там оставшуюся от

завтрака посуду и начинала заниматься ужином. Замачивала в кастрюле рис, чистила лук, картошку, перебирала чечевицу, приготовив, кормила Белу. Она все никак не могла понять, почему этот набор вроде бы не столь уж обременительных домашних обязанностей действует на нее так убийственно. И каждый раз после окончания домашних дел она не могла понять, почему так устала.

Гори с нетерпением ждала, когда Субхаш подменит ее, отпустит на лекцию или в библиотеку. Дома она заниматься не могла — негде закрыться, не было своего письменного стола.

Она завидовала Субхашу — он может целый день быть на работе, свободно приходить и уходить. Она чувствовала уколы ревности, когда он по утрам перед уходом на работу общался с Белой.

Она обижалась на него, когда он на два-три дня уезжал на океанографические конференции или на исследования в открытом море. Гори понимала: здесь совсем не было его вины, но, когда он появлялся, ей иной раз с трудом удавалось переносить даже просто его вид или звук голоса, в самом начале так нравившегося ей.

Она стала ужинать до его прихода, вместе с

Белой, а еду для него оставляла на плите. Как только Субхаш входил в квартиру, она убегала на вечернюю лекцию. Свежий ветерок обдувал ей лицо, пока она спешила по улице — еще засветло весной и уже в потемках осенью.

Сначала она ходила вечерами только на лекции, но потом стала оставаться и в библиотеке. Субхаш любил проводить время с Белой, поэтому не возражал и охотно отпускал ее. Так постепенно она начала чувствовать отчуждение со стороны мужчины, от которого видела в жизни только добро, и от Белы, которая, в силу своего возраста, еще даже и слова-то такого не знала.

Но в душе Гори гнездилась и еще более страшная моральная кара. Она не только стыдилась своих чувств, но и боялась, что окажется неспособной выполнить задачу, возложенную на нее Удаяном. Нелегкую долгую задачу — вырастить Белу. Задача эта была ей не по нутру и не имела в ее жизни никакого смысла.

Поначалу она твердила себе — в этом нет ничего дурного или страшного. Это похоже на пропажу любимого предмета, например: твоя любимая ручка затеряется где-нибудь между диванными подушками или под ворохом бумаг, а потом, недели через три, случайно найдется.

А когда найдется, то уже всегда будет у тебя на глазах. Искать такие пропажи бесполезно, только хуже сделаешь, а вот если подождать, то все в конце концов встанет на свои места.

Но ничего не вставало на свои места. За пять лет, несмотря на огромное количество времени, проведенного с Белой вместе, в ней так и не родилось любви, какую она испытывала, например, к Удаяну. Вместо любви она чувствовала в душе растущее онемение, от которого ей становилось все сильнее не по себе.

Гори не удавалось делать то, что любая женщина на земле делала просто по закону природы, без малейших усилий над собой. Не удавалось, как бы она ни старалась. Даже ее мать, в общем-то не растившая ее, все равно любила ее. А вот Гори боялась, что заплывает в такую даль, откуда уже не доплыть обратно до Белы и ухватиться за нее.

Да и любовь к Удаяну тоже уже померкла и почти совсем не грела. Эту любовь всегда сверху покрывала шапка злости, елозившая туда-сюда зигзагами, словно пара беспомощно спаривающихся насекомых. Да, она злилась на Удаяна за то, что он нелепо погиб, когда мог бы жить. За то, что дал ей счастье, а потом отнял. За то, что верила ему, а он предал. За то, что верил в жертвенность,

а сам в итоге оказался эгоистом.

Она больше не искала вокруг знаков его незримого присутствия. Ей больше не казалось, что он в эту минуту находится в комнате, стоя у нее за спиной и заглядывая через ее плечо в книгу. Она больше не находила утешения в таких мыслях. Иногда она могла не вспоминать и не думать о нем по нескольку дней. Видимо, он просто, в отличие от Белы, не переехал с ней в Америку, не захотел последовать за ней.

На философском факультете женщины служили только секретаршами. Преподаватели и студенты в ее группе все были мужчины. Семь мужчин, включая преподавателя. Очень скоро все уже знали друг друга по именам. Они любили поспорить об антипозитивизме и праксисе, об имманентности и абсолюте. Они поначалу не интересовались мнением Гори, но когда она начала участвовать в дискуссиях, они слушали и удивлялись, как много она знает и временами даже способна доказать неправоту некоторых.

Преподавателем у них был Отто Вайс, невысокий рыжий человек с очками в металлической оправе, говоривший медленно, с очень сильным акцентом. Одевался он строже, чем другие преподаватели. Всегда начищенные до блеска ботинки,

пиджак и заколка на галстуке. Родился он в Германии, во время войны мальчишкой попал в один из концлагерей.

— Я не люблю об этом вспоминать, — сказал он, когда кто-то из студентов спросил его, когда он покинул Европу. Словно хотел сказать: «Не надо жалеть меня». Вся его семья погибла в том концлагере, так и не дождавшись освобождения, а на руке у него на всю жизнь осталось татуированное клеймо с лагерным номером.

Он был, возможно, всего лет на десять старше Гори, но казалось, принадлежал к другому поколению, к другой формации. Перед тем как приехать в Соединенные Штаты, жил в Англии. Докторскую диссертацию защитил в Чикаго. В Германию, сказал, никогда не вернется. Зачитывая список группы в первый день занятий, он произнес фамилию Гори без запинки. И ей в кои-то веки не пришлось его поправлять за неправильное ударение.

Лекции он всегда читал без бумажки. Конечно же рекомендовал для изучения всякие тексты, но, судя по всему, ему было важнее, чтобы студенты умели развивать и высказывать собственные мысли. Он, оказывается, читал Упанишады и рассказывал о том, какое влияние они оказали на

Шопенгауэра. С этим философом он чувствовал некое духовное родство. Гори даже захотелось как-то выразить ему свое одобрение.

В конце семестра, после написания работы на тему сравнительного анализа концепций кругового времени у Ницше и Шопенгауэра, Гори было предложено зайти в его кабинет после очередного занятия. Она писала эту работу несколько недель — сначала черновик от руки, потом печатала в кухне на пишущей машинке Субхаша. Среди посуды и домашней утвари, при неудобном освещении. Почти каждый день засиживалась за работой до рассвета.

Она увидела на полях своей рукописи множество пометок и комментариев.

— Это амбициозная работа. Можно даже сказать, дерзкая.

Она не нашлась что ответить.

— Вы считаете эту работу удачной? — спросил он.

Гори опять ничего не сказала.

— Я просил написать эссе страниц на десять. Вы накатали почти сорок. И при этом умудрились так и не доказать своей точки зрения.

— Простите.

— Не надо извиняться. Я всегда радуюсь, когда

вижу на занятиях в аудитории интеллектуала. Такой гегелевской хватки я пока не встречал среди студентов.

Он просмотрел отдельные части сочинения, ведя пальцем по строчкам, потом сказал:

— Эта работа требует пересмотра.

— Мне подготовить ее к следующей неделе?

Он покачал головой:

— Я завершил этот курс. Предлагаю вам убрать эту работу в стол и не заглядывать в нее несколько лет.

Она решила, что разговор окончен, поблагодарила его за занятия и встала.

— Что привело вас в Род-Айленд из Индии?

— Я приехала из-за мужа.

— Чем он занимается?

— Работает, он тоже здесь учился.

— Вы познакомились в Америке?

Она отвернулась.

— Я спросил что-то, чего не следовало спрашивать?

Он терпеливо ждал, не сводил с нее внимательного взгляда, похоже, почувствовал: ей есть что еще сказать. Он не давил, не требовал ответа.

Она вернулась к его столу, обвела взглядом книги и бумаги на нем, посмотрела на его хрустя-

щую сорочку с запонками на манжетах, пытаясь представить себе, что он пережил в возрасте, даже еще младшем, чем возраст Белы.

— Моего первого мужа убили у меня на глазах. Я вышла замуж за его брата, чтобы уехать оттуда.

Вайс продолжал внимательно смотреть на нее, но выражение его лица ничуть не изменилось. Потом он коротко кивнул, и она поняла: узнал достаточно.

Он поднялся из-за стола, подошел к окну и приоткрыл его.

— Вы читаете на французском языке или на немецком?

— Нет, но я учила санскрит.

— Чтобы продолжать, вам понадобятся оба этих языка, их будет просто освоить.

— Продолжать?

— Вам надо в аспирантуру, миссис Митра. Но здесь нет аспирантуры по вашему разделу.

Она покачала головой:

— У меня маленькая дочка.

— О-о? А я и не знал, что вы уже мама! Привели бы ее как-нибудь показать мне.

Он перевернул лицом к ней стоявшую на его столе фотографию в рамочке. Там была изображена его семья. Жена, дочь и два сына. Они стояли

на фоне долины, охваченной буйством осенних красок.

— С детьми часы переустанавливаются. Мы забываем, что было раньше.

Он вернулся за свой стол и написал на листке названия нескольких рекомендуемых им книг, объяснил, какие их разделы он считает наиболее важными. Потом он дал ей со своих книжных полок собственные экземпляры Адорно и Мак-Таггарта, выпущенные под его редакцией, и несколько номеров «Нью Джерман критик», отметил статьи, которые следовало прочитать.

Он посоветовал ей доучиться здесь, тогда у нее будет статус магистра. А потом он сможет найти в каком-нибудь из университетов подходящую для ее тематики аспирантуру и проследит за тем, чтобы ее приняли. Конечно, ей придется ездить туда несколько раз в неделю в течение нескольких лет, но саму диссертацию писать можно где угодно. И он охотно потом, когда придет время, войдет в состав ученой комиссии.

Он вернул ей работу, встал и пожал руку.

Глава 7

Школьный автобус останавливался на другом конце покатой лужайки, разбитой перед их жилым комплексом. Первые несколько дней Гори провожала первоклашку Белу на тот конец лужайки, сажала ее в автобус. Днем возвращалась, чтобы встретить дочку.

Но уже через неделю Бела захотела ходить до автобуса самостоятельно, так делали другие дети из окрестных домов. Некоторые мамы, еще продолжавшие провожать своих детей, уверили Гори, что будут рады присмотреть и за ее девочкой.

Но все же Гори наблюдала из окна, когда Бела шла по дорожке вдоль дома и через лужайку. Для этого она даже передвинула обеденный стол, за которым всегда работала, к самому окну. Автобус приходил всегда в одно и то же время, с редким опозданием в пять минут, не больше.

Такое изменение утреннего распорядка явилось для Гори существенным облегчением. Теперь ей не надо было утром одеваться, выходить из квартиры, тратить время на разговоры с другими мамашами, а можно было сразу садиться за

работу. Она занималась индивидуально с профессором Вайсом, читала Канта, теперь уже начала понимать суть его мыслей по-настоящему.

Однажды утром после ночного ливня, когда продолжал еще моросить маленький дождичек, она вручила Беле коробочку с завтраком и отправила дочку в школу. Гори все еще была в ночной рубашке и халате, ведь до трех часов день был полностью в ее распоряжении.

Но примерно через минуту раздался стук в дверь. Это вернулась Бела.

— Ты что-то забыла? Хочешь взять дождевик?

— Нет.

— А что тогда?

— Посмотри, там, на улице…

— Бела, я занята.

Но дочка тянула ее за руку.

— Нет, мам, ты должна посмотреть!

Гори вылезла из халата и тапочек, натянула на себя дождевик и сапоги, взяла зонтик, и они вышли.

Напитанный влагой воздух отдавал запахом рыбы. Бела указала на дорожку — та была почти сплошь покрыта копошащимися дождевыми червями, выбравшимися на поверхность умирать. Не два и не три червяка, а сотни. Сотни

свернувшихся кольцами или вытянутых по земле червей. Их извивающиеся кольчатые тела распадались на части.

Бела зажмурила глазки. Это зрелище и этот запах ее ужасали. Она заявила: ни за что на свете не пойдет по этой дорожке и по газону, откуда эти червяки вылезли.

— Почему их так много?

— Ну, так бывает иногда. Они вылезают подышать, когда в почве накапливается слишком много воды.

— Ты отнесешь меня на руках?

— Нет. Ты слишком большая и тяжелая.

— Тогда можно я останусь дома?

Гори головой указала на остановку, где под зонтиками, в капюшончиках, ждали автобуса другие дети.

— Смотри, они-то преодолели свой страх!

— Пожалуйста… — прошептала Бела, слезы навернулись у нее на глаза и покатились по щекам.

Другая мать уступила бы своему ребенку, разрешила бы не пойти в школу, остаться дома. И не сочла бы проведенное со своим ребенком время потраченным впустую.

Гори сейчас пришло на память, как радовался

Субхаш, когда прошлой зимой из-за обильных снегопадов почти все в городе было закрыто. Целую неделю он торчал дома с Белой, и для него это оказалось настоящим праздником. Он играл с ней, читал сказки, выводил на улицу поиграть в снежки.

А еще ей почему-то вспомнилась картина из прошлой жизни. Как на закате повстанческого движения полиция складывала в кучу мертвые тела убитых активистов на поле в Толлиганге — для устрашения остальных, для назидания. Чтобы дать людям понять: мятеж не имеет будущего.

На дороге показался школьный автобус.

— Иди.

Но Бела покачала головой:

— Нет.

— Если ты сейчас не сядешь в автобус, то мы пойдем в школу пешком, а по дороге будет еще больше червей.

Но Бела отказывалась двинуться с места, и тогда Гори, схватив ее крепко за руку, потащила ее за собой вперед по дорожке. Бедная Бела уже всхлипывала.

Другие матери и дети на автобусной остановке смотрели в их сторону. Подъехавший автобус

открыл двери, и дети стали забираться туда. Водитель ждал только Белу и Гори.

— Прекрати устраивать сцену, Бела! Не будь трусихой!

«У меня на глазах убили твоего отца!» — хотелось сказать ей.

— Я не люблю тебя! — крикнула ей Бела, вырывая свою руку. — Больше никогда не буду любить тебя! Никогда в своей жизни! — И она побежала к автобусу, больше не желая, чтобы Гори провожала ее.

Это были просто детские капризы, проявление характера. Днем, когда Бела вернулась из школы, инцидент был забыт. Но слова Белы врезались в память Гори, как пророчество.

Вечером Белу уже уложили спать. Субхаш сидел за кухонным столом и разбирал счета и платежки.

— Я хочу, чтобы она знала, — сказала Гори Субхашу, оторвавшись ненадолго от печатной машинки.

— Знала что?

— Я хочу рассказать ей об Удаяне.

Субхаш поднял голову и посмотрел на нее. В его глазах она увидела страх. Ей вспомнилось дуло винтовки, приставленное к горлу, когда Удаян

прятался в зарослях водяного гиацинта. Она сейчас вдруг осознала: страшное оружие на этот раз находится у нее в руках. Сейчас она могла забрать то, что было для Субхаша главным в жизни.

— Хочу рассказать ей правду, — продолжала она.

Субхаш покачал головой и, поднявшись из-за стола, посмотрел ей в глаза. На лице его было уже другое выражение.

— Субхаш, ты пойми, она заслуживает того, чтобы узнать правду.

— Она еще слишком мала. Ей всего шесть.

— Когда же тогда, по-твоему?

— Когда будет к этому готова. А сейчас это не принесет ей добра, только вред.

Гори была намерена настаивать на своем, освободить наконец их жизнь от этой ложной и лживой кожуры, но она сейчас все-таки признавала его правоту. Такое Бела не могла пока воспринять. И это могло подорвать союз Белы с Субхашем, их прочные и нежные отношения, на которые Гори привыкла рассчитывать. У Белы, вполне возможно, изменился бы свой взгляд на Субхаша.

— Тогда ладно. — Она повернулась, чтобы уйти.

— Подожди!

— Что?

— Ты согласна со мной?

— Я же сказала, да.

— Тогда обещай мне кое-что.

— Что?

— Обещай, что ты не станешь рассказывать ей сама. Мы сделаем это когда-нибудь вместе.

Она пообещала, но почувствовала — это обещание опустилось на дно ее души тяжелым осадком. Осадком, поддерживавшим иллюзию того, что Субхаш является отцом Белы. Осадок никогда не бывает на поверхности, а всегда опускается на дно.

Она чувствовала: теперь ему нужно было от нее только это, от остального он начал отказываться.

Она стала замечать — на нее обращает внимание какой-то мужчина. Она видела это краем глаза, чуть поворачивая голову, когда проходила мимо. Он сразу отводил глаза и никогда не приближался, чтобы представиться, причины для этого не было. Она понимала свою непохожесть на других женщин-индусок в студенческом городке. Большинство ходило в сари, а она носила джинсы, сапоги и подпоясанный ремешком кар-

диган. Но она знала — несмотря на эту одежду, а может быть, и благодаря ей, выделяется среди остальных.

Сначала внешне он показался ей непривлекательным. На вид лет за пятьдесят и немного толстоват. Маленькие глазки, непроницаемый взгляд. Светлые, чуть слипшиеся волосы. Тонкие губы, небольшие морщины.

Он носил коричневый вельветовый пиджак и водолазку. В руке всегда держал потертый кожаный портфель. Хотя пути их все время пересекались до комичного предсказуемо и они молча узнавали друг друга, она ни разу не видела его улыбки. Однажды она заметила у него на пальце обручальное кольцо.

Она подозревала, что он преподаватель, но конечно же понятия не имела, с какого факультета. Она всегда встречала его по пути на занятия по немецкому языку. Всегда только на одном и том же отрезке пути.

Как-то она посмотрела ему вслед пристально, с вызовом, как бы приказывая остановиться, сказать что-нибудь. Она не знала, что сделает, но очень хотела, чтобы он остановился, то есть посылала по воздуху свою волю. Тут она почувствовала реакцию своего тела — как сильно

забилось ее сердце, как напряглись ее члены, как увлажнилось внизу между ног.

Ночью, занимаясь сексом с Субхашем, она представляла себя с этим мужчиной — в номере отеля или у него дома, — как они целуются и… делают все остальное.

По средам — она его встречала на дороге — начала готовиться к этим встречам. Представляла себе, как встретится с ним на часик, перед тем как забрать Белу. По вторникам старалась приготовить больше еды — на следующий день.

Но совершенно неожиданно она встретила его в понедельник днем, в другой части студенческого городка. Она узнала его со спины. Через полчаса ей нужно было забирать Белу. Гори просто шла в библиотеку взять книгу, но, увидев его, она изменила маршрут и пошла за ним — не отставая и в то же время держа дистанцию.

Она следовала за ним до студенческого клуба и чувствовала: рушились запреты, внутренние барьеры, которые воздвигала. Она готова была подойти к нему сама, заглянуть ему в глаза, сказать: «Пожалуйста…»

Она вошла следом за ним в двухкомнатное помещение с диванами и телевизорами по углам. Он остановился у входа, купил газету, потом по-

дошел к дивану и наклонился, чтобы поцеловать сидевшую там в ожидании женщину, дотронулся до ее колен.

Гори убежала в дамскую туалетную комнату — единственное место, куда она могла спрятаться. Буквально ворвалась туда и, промчавшись по толстому ковру, заперлась в кабинке. Она была там одна, соседние кабинки пустовали, и она, уткнувшись лбом в металлическую дверцу кабинки, просунула руку себе под блузку и стала ласкать свои груди, другой рукой расстегнула джинсы и запустила туда пальцы.

Она привела себя в спокойное состояние в считаные секунды, потом вымыла руки, пригладила волосы перед зеркалом, заметив, как покраснело лицо. Она прошла по вестибюлю и даже не посмотрела в ту сторону, даже не проверила, сидят ли мужчина и его женщина до сих пор на диване.

В среду, идя на занятия, она изменила маршрут, чтобы никогда больше не встречаться с ним и, если что, иметь возможность повернуть обратно.

Однажды днем Бела ножницами вырезала аппликации из цветной бумаги. Стоял июль. Школа Белы была закрыта на каникулы. Опустел и весь студенческий городок. Субхаш утром вел летние

курсы в Провиденсе, а вторую половину дня проводил в лаборатории в Наррагансете. Гори же вынуждена была все время находиться с Белой, без отдыха и без машины.

Гори так и сидела дома, стараясь не отрываться от книги — «Этики» Спинозы, — пыталась дочитать очередную главу до конца. И она вдруг поняла: что-то изменилось. Теперь стало возможно, будучи с Белой, читать книгу. Быть вместе, но при этом заниматься своими делами.

Телевизор был выключен, в квартире стояла тишина, нарушаемая лишь пощелкиванием ножниц Белы.

На кухне Гори хотела приготовить чай и обнаружила — у них кончилось молоко. Она вернулась в гостиную. Бела сидела спиной к ней и бубнила что-то себе под нос, разговаривала на разные лады со своими бумажными куклами.

— Обувайся, Бела!

— Зачем?

— Нам надо выйти.

— Я занята! — отозвалась Бела, и интонации ее голоса больше походили не на интонации шестилетней девочки, а двенадцатилетней. Эти интонации, словно ножницы, отрезали Гори с ее домашними проблемами.

Она быстро сообразила, как поступить. Магазин находился в двух минутах ходьбы от дома, был виден из окошка.

— Я только спущусь вниз взять почту.

Гори выскочила из квартиры, заперла дверь на ключ и бросилась вниз по ступенькам, потом через парковочную стоянку помчалась по жаркой улице.

В магазине она чувствовала себя как будто бы воровкой — все боялась, что охранник у кассы, вечно сюсюкавший с Белой, заподозрит ее в краже пакета молока.

— А где же ваша дочка?

— Оставила с подругой.

С улыбкой он протянул ей мятную карамельку:

— Передайте ей, скажите: от меня.

Быстро, но старательно она пересчитала сдачу, не забыла сказать спасибо. Подходя к квартире с пакетом молока в авоське, она достала из кармана подаренную карамельку.

На следующий день она усадила Белу за столиком перед телевизором. Она продумала каждую деталь — поставила стакан воды на случай, если Бела захочет пить, блюдо с печеньем и виноградом. Запасной набор карандашей, если

какой-нибудь грифель сломается. Полчаса сборов, чтобы отлучиться на пять минут.

Потом пять минут удвоились до десяти, а иногда и больше. Пятнадцатиминутная возможность побыть наедине с собой, проветрить голову. За эти пятнадцать минут она успевала сбегать в университетскую библиотеку и сдать книжку. Она могла сделать это и в любое другое время, но хотелось именно тогда. Успевала заскочить на почту и отправить письмо в очередной рекомендованный Отто Вайсом университет с заявлением о приеме в аспирантуру. Иногда старалась подумать о том, какой могла бы быть ее жизнь без Белы и Субхаша.

Каждая такая вылазка походила для нее на подвиг, и она спешила совершить этот подвиг снова и снова. Перед выходом из дома она обязательно проверяла, выключена ли плита, закрыты ли окна, не лежат ли на виду ножи. Хотя Бела была не из тех детей, за которых надо бояться.

* * *

Так она начала предпринимать свои дневные вылазки. Не каждый день, но часто. Даже слишком часто. Сбитая с толку ощущением свободы, она жадно цеплялась за эти счастливые

минутки.

Иногда она просто ходила в магазин и обратно, ничего не купив. Иногда она и в самом деле получала почту и тогда садилась на улице на лавочку, разбирала письма. А подчас бегала в студенческий клуб купить свежий номер университетской газеты. А потом сломя голову бежала домой, счастливая и довольная, в ужасе от своей дерзости. Отпирала дверь квартиры, заставала Белу за тем же занятием, за каким ее оставила. Бела никогда не спрашивала, где она была, и никогда ни в чем ее не подозревала.

Однажды тем летом Субхаш пришел домой пораньше, чтобы воспользоваться хорошей погодой и повести Белу погулять на пляж.

Он застал Белу в самодельном детском домике, который она выгородила себе из одеяла — натянула его между диваном и журнальным столиком. Радостная дочка самозабвенно играла внутри этого сооружения.

Она сказала, что мама пошла забрать почту. Но Субхаш не встретил Гори на лестнице. Более того, он забрал почту из ящика сам.

Минут через десять Гори вернулась с газетой. Она не заметила машины Субхаша на стоянке. Ведь он же не позвонил и не предупредил, что

вернется раньше, поэтому она его и не ждала.

— Ну, вот же она, — сказала Бела, увидев мать на пороге. — Видишь? Я же говорила тебе, мама всегда быстро возвращается!

Но Субхаш, стоявший у окна спиной к двери, не сразу повернул голову.

Он не набросился на нее сразу с упреками. Просто наказал ее тем, что не разговаривал с ней неделю, делал вид, как будто не замечает ее, — так вели себя его родители после гибели Удаяна. Не выказывал ни злости, ни гнева, просто жил с ней в одном доме так, словно там находились только он и Бела. Наконец он нарушил молчание со словами:

— Моя мать была права. Из тебя получилась плохая мать. Тебе лучше было вообще не рожать.

Она извинялась, говорила: этого больше никогда не повторится. Она восприняла его слова как оскорбление и ненавидела его в тот момент, но понимала — он прав и никогда не простит ей того, что она сделала.

Они продолжали жить в одном доме, но теперь он отвернулся от нее так же, как она до сих пор отворачивалась от него. Теперь она получила для себя это вожделенное свободное пространство,

ради которого выходила за него замуж. Теперь он сам охотно дал его. Он больше не прикасался к ней в постели и не заводил разговоров о втором ребенке.

Когда весной ее приняли в платную аспирантуру в Бостоне, Субхаш не возражал. Не возражал, когда она начала ездить туда на рейсовом автобусе дважды в неделю или когда она договаривалась со студентками, чтобы те за небольшую плату посидели с Белой в ее отсутствие. Он не винил ее за этот раскол в семье или за желание провести свободное время по своему усмотрению.

Вопрос о разводе у них не поднимался. Они поженились ради Белы, и, несмотря на урон, причиняемый Гори их браку, несмотря на ее новую свободу, существование Белы оставалось фактом.

Кроме того, Гори, будучи теперь еще и студенткой, не имела собственных средств. Как и Бела, она целиком и полностью зависела от Субхаша и не смогла бы выжить без него.

Часть пятая

Глава 1

Каждый день она убывает. Убывает вода, почти не видно ее через решетку террасы. Биджоли видит, как и в прудах, и в низине вода уходит, обнажается земля. На дне становятся видны всякие старые тряпки, газеты, пустые пакеты из-под молока, блестящие обертки от иностранных шоколадок, пустые стаканчики из-под йогурта, темные пузырьки, даже спутанные клочья волос из расчески.

Весь этот мусор грудой сбивается к берегу. Издалека груда кажется белесой, а подойдешь — разноцветная.

Люди всегда бросали мусор в воду, но сейчас это делается с умыслом. Вроде бы нелегально, но повсеместно принято теперь в Калькутте так избавляться от отходов. Делается для того, чтобы заболоченные места затвердели, чтобы их можно потом разбить на участки и застроить, чтобы заселить их людьми и растить там новые поколения.

Так уже было на севере, в Бидханнагаре. Она читала в газетах про то, как голландские специалисты осушали тамошние земли. Вместо воды

появлялась суша. Выстроили на этой свалке целый город и назвали его Солт-Лейк.

Когда-то давно — они только приехали в Толлиганг — вода здесь была первозданно чистой. Субхаш с Удаяном в жаркие дни купались. Люди из бедных семей вообще здесь мылись. После сезона дождей бродили цапли, а в чистейшей воде отражался по ночам лунный свет.

Теперь вода здесь остается всегда только в середине — противного зеленоватого цвета с разводами, напоминающая военную технику. А когда солнце палит нещадно, низина прямо на глазах превращается в вязкое илистое поле, вода из нее сильно испаряется.

Водяной гиацинт растет, несмотря на свалку, упорно пускает новые корни, разрастается. Застройщикам, положившим глаз на эту землю, видимо, придется выкорчевывать гиацинт, вырывать его с корнем то ли вручную, то ли машинами.

Каждый день в определенный час Биджоли встает со своего стула. Спускается вниз во двор, срывает цветы бархатцев, жасмина и еще георгинов, что муж выращивает в горшках. Они такие красивые — люди из-за забора заглядываются на них. Получается небольшой букетик.

Мимо прудов она идет к краю низины. Походка у нее теперь не та. Координации, считай, нет, оттого и равновесие шаткое. Она переставляет кое-как ноги, шлепает вразвалочку, лишь бы не упасть.

Пока идет, вспоминает тот страшный вечер. Давно он случился, о нем теперь могут слагать легенды. Соседские дети, родившиеся уже после гибели Удаяна, как увидят ее с букетиком и медным кувшином, так сразу притихнут-присмиреют.

Она моет тряпочкой памятный столбик, убирает вчерашние цветы и кладет свежие. В этом октябре уже двенадцать лет. Она окунает руку в воду и брызгает на новые цветы — чтобы продержались подольше.

Биджоли понимает, что пугает этих детей. Для них она какой-то призрак, целый день маячит на террасе, а потом, в одно и то же время дня, выплывает из дома. Ей каждый раз так и хочется сказать, что они правы, что призрак Удаяна обитает здесь — и в доме, и вокруг дома, и в окрестностях. Блуждает по всему кварталу.

Когда-нибудь, если они попросят, она расскажет, что видит его все время. Как он появляется вдалеке, приближается к дому после долгого

рабочего дня в колледже. Как проходит через калитку во двор с сумкой на плече. По-прежнему чисто выбритый, сосредоточенный, просит поесть, попить чайку, спрашивает, почему она до сих пор не поставила чайник, а потом спешит поскорее засесть за свой письменный стол.

Она слышит его шаги на лестнице, слышит, как он включает вентилятор у себя в спальне. Слышит шумы в его коротковолновом радиоприемнике, который уж давным-давно не работает. Слышит, как он чиркает спичкой, как та с шипением загорается.

И пределом бесчестия для их семьи было то, что им так и не вернули его тело. Им даже было отказано в утешении воздать ему последние почести. Они не имели возможности обмыть его, как полагалось, и украсить цветами. Не могли проводить его в последний путь на плечах боевых товарищей с возгласами «хари бол!».

Да их семья и не пыталась прибегнуть к помощи закона. Как обращаться к такому закону, который позволил полиции убить сына? Они с мужем еще какое-то время искали его имя в газетах. Искали доказательства тому, что и так видели собственными глазами. Но в газетах не было ни упоминания, ни строчки. О его гибели

свидетельствовал только вот этот небольшой памятник, установленный его партийными товарищами, его соратниками.

Все-таки не зря они с мужем назвали его в честь солнца. В честь солнца, дарящего жизнь и не берущего взамен ничего.

На следующий год после гибели Удаяна, в год, когда Субхаш увез Гори в Америку, муж Биджоли вышел на пенсию. Он поднимался до рассвета и на первом трамвае ехал в Бабу-Гхат, где совершал омовение в Ганге. Возвращался, завтракал, а потом он запирался в своей комнате, сидел там целый день и читал. На обед он отказывался от риса, просил вместо него дать ему теплого молока или нарезать дольками фрукты.

Так в затворничестве, в маленьких ограничениях и лишениях проходили его дни. Он больше не просматривал газеты и перестал сидеть с Биджоли на террасе, жалуясь на сырой ветер и на кашель. Он читал Махабхарату по-бенгальски, по нескольку страниц в один присест, путался в этих историях, которые вроде бы знал назубок, в этих античных конфликтах, ничуть не затрагивавших его за живое. Когда глаза его стали слепнуть и мутнеть от катаракты, он не пошел к врачу проверить зрение, а просто начал пользоваться лупой.

Потом он принялся заводить разговор о продаже дома и отъезда из Толлиганга и вообще из Калькутты. Совсем в другую часть Индии, например в какой-нибудь тихий городок в горах. Или получить визы и уехать в Америку к Субхашу и Гори. Ничто, говорил он, не привязывает их больше к этому месту. И большой пустой дом — только насмешка над будущим, о котором они мечтали когда-то.

Она, конечно, думала над этими предложениями, но недолго. Представляла себе, что это будет означать. Поехать в такую даль, мириться с Субхашем, признать и принять Гори, познакомиться с ребенком Удаяна.

Но Биджоли не могла бросить дом, где Удаян жил с самого рождения, и окрестности, где он погиб. Террасу, с которой она в последний раз видела его, пусть даже издалека. Поле за низиной, куда потащили его убивать.

На этом поле, кстати, выстроили дома. Новенькие дома, на чьих крышах гнездятся телевизионные антенны. По утрам рядом с новым кварталом работает базар, где, Дипа говорит, цены на овощи гораздо ниже.

Однажды, месяц назад, муж ее, как всегда, натянул перед сном москитную сетку и завел

будильник. Утром Биджоли заметила — дверь в его комнату по-прежнему закрыта, а он не поехал окунаться в Ганг.

Она не стала стучаться к нему, пошла на террасу и сидела там, пила чай и глядела на небо, где ползали тучки, но дождя не было. Она велела Дипе отнести ее мужу чай и разбудить его.

Через несколько минут, когда Дипа вошла в комнату, Биджоли услышала, как разбились вдребезги чашка с блюдцем. Еще до того, как Дипа прибежала на террасу и сообщила, что ее муж умер во сне, Биджоли уже догадалась сама.

Она стала вдовой. Как Гори. Теперь Биджоли носит белые сари, без узора и без каймы. Она сняла с себя все браслеты и не ест рыбу. И больше не красит киноварью пробор в волосах.

А тогда Гори снова вышла замуж. За Субхаша. Такой поворот событий до сих пор не укладывается в голове Биджоли. В некотором смысле та новость явилась еще более неожиданной и убийственной, чем смерть Удаяна. Да, еще более убийственной и опустошающей душу.

Теперь все в доме делает Дипа. Смышленая девочка-подросток из деревни, где у нее остались пять братишек и сестренок, которых надо растить. Биджоли подарила Дипе свои украшения

и цветную одежду, дала ей ключ от дома. Дипа моет и причесывает волосы Биджоли, умело маскирует залысины. По ночам она спит рядом с Биджоли в доме, в молельной комнате, где Биджоли больше уже не молится.

Она управляется со счетами, ходит на базар, готовит еду, забирает почту. По утрам приносит с колонки питьевую воду. По вечерам проверяет, заперты ли ворота на замок.

Когда надо что-то прострочить, она пользуется швейной машинкой, которую смазывал еще Удаян. Он всегда сам чинил ее, избавляя мать от необходимости отдавать ее в мастерскую. Биджоли разрешила Дипе пользоваться машинкой, и та теперь подрабатывает надомными заказами — подшивает юбки и брюки, подгоняет по размеру кофточки для женщин по соседству. В свое время и Биджоли выполняла заказы — вышивала на машинке.

Днем в самую жару Дипа сидит с Биджоли на террасе и читает ей вслух газету. Не целиком каждую статью, а по нескольку строчек, пропуская трудные слова. Вот прочла недавно, что в Америке президентом стал знаменитый киноактер. Что Коммунистическая марксистская партия Индии опять возобновила свою деятельность в Западной

Бенгалии. Что Джиоти Басу, которого всегда так ругал Удаян, стал премьер-министром.

Дипа заменила Биджоли всех — мужа, невестку, сыновей. Биджоли считает, что Удаян так или иначе подготовил это.

Биджоли помнит, как он сидел во дворе на корточках с кусочком мела в руках и учил читать и писать детишек прислуги, которые не ходили в школу. Он дружил с этими детьми, играл, ел с ними вместе, делился с ними мясом из своей тарелки, если на всех не хватало. Вступался за них, если Биджоли набрасывалась на них с бранью.

Став постарше, он собирал для бедняков из трущоб старые вещи — постельные принадлежности, посуду. Он провожал девушку-горничную до дома в один из самых бедных и опасных кварталов города, покупал для ее семьи лекарства, вызывал им доктора, если кто-то болел, и помогал с похоронами.

Но полиция объявила его злодеем, экстремистом. Членом нелегальной политической партии. Человеком, якобы неспособным отличать хорошее от дурного.

Биджоли живет на пенсию мужа и на доход от нижних комнат, которые они начали сдавать чужим людям после отъезда Гори. Иногда при-

ходит по почте долларовый чек от Субхаша, для обналичивания которого требуются месяцы. Она не просит денежной помощи у Субхаша, но и отказываться ей не резон — не в том она положении, чтобы отказываться.

Всего этого ей вполне хватает на еду и на оплату трудов Дипы, даже смогла выкроить на маленький холодильник и провести телефон. Телефон этот, конечно, штука ненадежная, но она с первой попытки сумела набрать номер и сообщить в Америку Субхашу о смерти отца. Позвонила спустя несколько дней после случившегося. Вроде как-то нехорошо, рано муж умер. А с другой стороны, не так уж и задела ее за живое эта смерть.

Ведь уже больше десяти лет они с мужем жили в разных комнатах. Больше десяти лет он не разговаривал с ней о гибели Удаяна. Ни с ней, ни с кем-либо еще. Каждое утро после омовения в реке он заходил на базар за фруктами, а потом останавливался на улице поговорить о том о сем с соседями. А дома молчал. Ужинали они вдвоем всегда молча, сидя на полу под портретом Удаяна, чьей смерти он упорно не хотел признавать вслух.

А ведь как они раньше любили этот дом. В некотором смысле он был их первенцем. Они

гордились каждой его деталью, каждым новым приобретением для него.

Когда его только построили, когда в нем было всего две комнаты, и электричество начали проводить в квартал, они готовили ужин при фонарях. А уличный газовый фонарь? Этот элегантный образчик британских городских красот. Его тогда еще не переделали в электрический. Каждый день перед закатом и потом на рассвете приезжал обходчик из корпорации, забирался на столб и вручную зажигал и гасил газ.

Земельный участок у них был небольшой — двадцать пять футов в ширину и шестьдесят в длину. Сам домик узенький — шестнадцать футов в поперечнике. Между домом и уличной стеной — проход в четыре фута шириной.

Биджоли внесла в строительство свой личный вклад — продала украшения из своего приданого. Муж считал, что надежным домом надо обзаводиться раньше, чем детьми.

Крышу первоначально покрыли квадратами сушеной глины и только позже заменили шифером. Субхаш с Удаяном первое время спали у себя в комнате вообще без оконных рам — на ночь оконные проемы просто завешивали джутовой мешковиной. Иногда туда заливал дождь.

Она помнит, как муж лоскутами ее старых сари оттирал ржавчину с петель и задвижек, как выбивал пыль из матрасов. Потом, когда устроили ванную комнату, он раз в неделю отмывал ее всю и отчищал от паутинок перед тем, как пойти мыться.

Биджоли целыми днями перебирала в доме вещи. Передвигала, переставляла, сдувала пыль. И точно знала, где что лежит. Следила за прислугой, чтобы та ровно застилала простыни, чтобы на зеркалах не было ни пятнышка, чтобы никаких разводов внутри чашек.

Воду качали вручную из колонки, набирали несколько ведер на день. Питьевую воду наливали в кувшины. Так делали уже в пятидесятых годах, а до этого воду им приносил на голове водонос.

Земельный участок им продал Меджо Сахиб, второй из трех братьев Наваб, владевший всей землей в их квартале. Он был потомком убитого британцами султана Типу, чье княжество было поделено на части и чьи отпрыски какое-то время содержались в заключении в «Толли-клаб». Биджоли слыхала: если поехать в Англию, то можно там увидеть меч Типу, его туфли, куски его шатра и трон, выставленные на обозрение как трофеи в

одном из замков королевы Елизаветы.

Давно, когда Субхаш с Удаяном были еще маленькие, когда неясно еще было, кому будет принадлежать Калькутта — Индии или Пакистану, — потомки султанского рода жили среди них, среди простых людей. Они всегда были очень добры к Биджоли, приглашали ее зайти в их богатые дома выпить чашечку шербета. Субхаш с Удаяном гладили их домашних кроликов, содержавшихся в клетках во дворе. Качались на качелях, подвешенных на толстенном суку бугенвиллеи.

В 1946 году они с мужем стали опасаться, как бы волна насилия не прикатилась в Толлиганг и как бы их соседи-мусульмане не начали относиться к ним враждебно. Они даже подумывали о том, чтобы собрать кое-какие вещи и уйти пожить где-нибудь в другой части города, где население составляли преимущественно индусы. Но племянник Меджо Сахиба высказался по этому поводу со всей искренностью и прямотой: «Всякий, кто вздумает угрожать индусам из этого квартала, пусть сначала убьет меня!» Так он сказал.

Но после раздела Индии на две страны семья Меджо Сахиба вместе с другими мусульманами уехала отсюда. Земля, на которой они выросли,

оказалась изъедена коррозией — как почва, залитая соленой водой, губит корни растений. Их щедрые гостеприимные дома были разграблены, а то и вовсе уничтожены.

Дом самой Биджоли теперь тоже постигла почти та же участь. Удаяна больше нет в живых, а Субхаш не хочет возвращаться в родные края. А ведь какое ей было бы утешение — одного сыночка забрали, но другой остался. Она как-то не привыкла любить их по отдельности. Так что Субхаш только усилил скорбь ее утраты.

Когда он приехал тогда после гибели Удаяна и стоял перед ней, она испытывала только злость и ярость. Она злилась на Субхаша за то, что он напоминал ей Удаяна. Напоминал всем, даже голосом. Биджоли тогда подслушала его разговор с Гори, и ее бесило, что он был так добр с ее невесткой, уделял ей столько внимания.

А когда он заявил, что женится на Гори, то сказала — такие вещи не ему решать. Он продолжил упорствовать, и она предсказала: он рискует всем, и они с Гори никогда не войдут в этот дом как муж и жена.

Она хотела тогда навредить им. Потому что девушка, которая не понравилась ей с самого начала, которую она не хотела видеть членом

своей семьи, намеревалась стать ее невесткой во второй раз. Потому что у этой Гори тогда уже находился в утробе ребенок Удаяна.

Она не очень-то хотела этого, когда произносила это вслух. За двенадцать лет Субхаш с Гори так и не нарушили свою часть уговора. Они не вернулись в Толлиганг ни вместе, ни по отдельности — остались жить в чужих краях. Поэтому теперь на ее голову пал самый худший позор для матери — потеряв одного сына, она потеряла и другого, хотя тот живехонек.

А ведь сорок один год назад Биджоли мечтала зачать Субхаша. Она почти пять лет была замужем, ей уже перевалило за двадцать, и она уже начала опасаться, что им с мужем не суждено иметь детей, что они зря вложились в этот дом, потратили уйму денег понапрасну.

Но в конце 1943 года у нее родился Субхаш. Толлиганг тогда был самостоятельным городком. Только-только открыли для движения Хоура-Бридж, но люди по-прежнему ездили на вокзал на телегах, запряженных лошадьми. В Толлиганге в то время было полным-полно иностранных солдат, приготовившихся сбивать японские самолеты.

Тем летом, когда она была беременна, вокзал

Бэллиганг-Стэйшн был заполонен крестьянами — отощавшими, похожими на скелеты, теряющими разум от голода. Еще недавно они кормили чуть ли не всю страну, а теперь сами умирали от голода. Беспомощными иссохшими мумиями они валялись в тени деревьев на улицах южной Калькутты.

Тайфун пронесся над этими краями год назад и уничтожил урожай на побережье. Но все знали: причина повального голода не тайфун, а политика. Правительство занималось военными вопросами, совсем не заботилось о распределении продовольствия, и в условиях военных действий рис стал недоступен для большинства людей.

Она помнит, как смердели на солнце эти разлагающиеся мертвые тела, облепленные роем мух. Валялись прямо на дороге, пока их не увозили куда-то на телеге. Она помнит, какими тонкими были руки у некоторых женщин — такими тонкими, что обручальные браслеты надевались выше локтя, чтобы не соскальзывали.

А те, у кого были еще хоть какие-то силы, приставали на улице к незнакомцам, клянчили подаяние, хоть плошечку рисового отвара. Но их гнали прочь.

Биджоли тогда не выливала этот отвар, а сливала в кувшин и раздавала этим несчастным, собиравшимся возле ее калитки каждый день в обеденное время. Беременная, она ходила помогать на походные кухни, где кормили голодных. Их жалобные просящие стоны разносились и по ночам, словно блеяние каких-то умирающих животных, словно завывание шакалов на территории «Толли-клаб». Звуки эти вызывали у нее жалость и в то же время пугали.

Голодные полумертвые люди бродили по воде в прудах и в низине в поисках хоть чего-то съестного. Они пожирали насекомых, личинок, даже землю ели. И вот в тот год повального голода и смертей она дала жизнь своему первому ребенку.

А спустя пятнадцать месяцев, незадолго до конца войны, когда японцы наконец сдались, на свет появился Удаян. Вторая беременность казалась ей нескончаемой. Дети родились у нее практически один за другим — она еще не успела дать имя Субхашу, как родился Удаян. Ей вообще казалось: разница у них не пятнадцать месяцев, а три.

Она кормила их с одной тарелки, с ложечки. Рисом и далом. Из рыбы вынимала кости и клала на край тарелки.

Удаян с самого начала вел себя очень требовательно. Словно не был уверен в ее любви. Горланил, выражая какой-то свой протест, буквально с первых моментов рождения. Плакал, если она отдавала его кому-то на руки или выходила на минутку из комнаты. И успокоить его было не так-то просто. Она, конечно, ужасно уставала с ним, но видела, как он нуждается в ней.

Возможно, по этой причине она до сих пор чувствует какую-то более тесную связь с Удаяном, чем с Субхашем. Они оба не послушались ее, сбежали от нее и женились на Гори. Правда, в случае с Удаяном она поначалу пыталась принять Гори, надеялась: женитьба поможет ему остепениться, отвлечет его от этой политики. Она продолжит учиться, говорил он им, не превращайте ее в домохозяйку, не стойте у нее на пути.

Он возвращался домой с подарками для Гори, водил ее по ресторанам, по кинотеатрам, ходил с ней в гости к своим друзьям. После начала событий в Наксалбари Биджоли с мужем узнали, что студенты разрушают здания и убивают полицейских. Тогда они даже рады были женитьбе Удаяна. Ему нужно было думать о будущем, о создании собственной семьи, и они надеялись, что он не станет участвовать в этих студенческих

бесчинствах.

Они без разговоров и без всяких обсуждений были готовы прятать его, если понадобится, врать полиции, если та придет в их дом. Они просто считали себя обязанными защитить его.

Родители не спрашивали, куда он уходил по вечерам, не знали, с кем встречался, просто заранее были готовы простить ему все. Потому что он был их сыном. И они оказались совсем не готовы в тот вечер потерять его.

Она поняла: больше не может видеть перед собой эти картины прошлого. Как и не может больше представлять себе жизнь Субхаша и Гори в Америке, в каком-то месте под названием Род-Айленд. И ребенка по имени Бела, которого они вместе воспитывают как муж и жена. Но теперь Субхаш потерял еще и отца. Разве он не должен приехать повидаться с ней? Всего во второй раз приехать.

Однажды утром Биджоли, как всегда, сидит на террасе, и ее посещает идея. Она спускается по лестнице и выходит через калитку на улицу. Ребятишки в школьной форме, с ранцами спешат в школу. Девочки в синих юбочках, мальчики в шортах и галстуках.

Они смеются, но видят ее, смолкают и рассту-

паются. Да и как же им не притихнуть при виде беззубой старухи в замызганном сари? Она сама-то уж толком не помнит, сколько ей лет, зато точно знает: Удаяну этой весной исполнилось бы тридцать девять.

Она несет с собой пустую корзину из-под угля. Бредет по низине, подоткнув сари и оголив старческие икры, покрытые синюшными прожилками. Начинает водить палкой в воде. Потом наклоняется и руками выгребает из мутной зеленой воды всякий мусор. Понемножку каждый день делать так — ее план. Чтобы вокруг памятника Удаяна не накапливался мусор.

Она собирает всю эту пакость в корзину и уносит ее содержимое подальше, потом принимается наполнять корзину заново. Голыми руками она собирает все эти пустые бутылочки, пузырьки, смятые пачки от сигарет, кровавые прокладки. Все, чем побрезговали крысы. Все, что не захотели утащить вороны.

Она понимает: никогда не сможет разгрести эту свалку. Но все равно таскает мусор в корзине по нескольку раз за день. И она не обращает внимания на людей, когда те, проходя мимо, останавливаются и начинают говорить ей, что это бесполезно. Что это противно и унизительно.

Что она может подцепить какую-нибудь заразу. Она уже привыкла к этим увещеваниям соседей и ничего не отвечает.

Каждый день она собирает этот мусор, эти предметы, которые когда-то были для людей полезными. Солнце печет ей затылок. Жарища стоит нестерпимая, до дождей еще несколько месяцев. Но от этой работы Биджоли получает удовлетворение. И не замечает, как пролетает время.

Однажды она находит рядом с памятником Удаяна неожиданные предметы — кучу банановых листьев, испачканных остатками еды, грязные бумажные салфетки, мятые одноразовые стаканчики, гирлянды искусственных цветов.

Это остатки от свадебного торжества. Свидетельство чьего-то счастливого празднества. Предметы эти внушают ей такое омерзение, что она не может прикоснуться к ним.

Ее сыновья не устраивали ничего подобного, когда женились. Не праздновали, не созывали гостей. В ее доме вообще угощали гостей только на поминках Удаяна. Разложили на крыше банановые листья с горками соли и ломтиками лимона, и родственники и товарищи Удаяна цепочкой поднимались по лестнице, ожидая своей очере-

ди, чтобы подняться на крышу и приобщиться к поминальной трапезе.

Ей хочется знать: что это за семья, у кого из соседей была свадьба? Квартал их теперь сильно разросся, она теперь уж и не знает, где у него начало и где конец. А ведь раньше она могла постучаться в любую дверь, и ее бы сразу узнали, пригласили войти, угостили бы чашечкой чая. И на свадьбу ее обязательно пригласили бы. Но теперь тут понастроили новых домов, и в них заселились незнакомые люди, которые предпочитают смотреть телевизор и совсем не хотят поговорить с ней.

Ей надо знать, кто устроил здесь эту помойку. Кто осквернил это святое место? Кто оскорбил память Удаяна?

Она кричит соседям. Кто это сделал? Почему никто не вышел, не остановил это безобразие? Неужели уже забыли, что здесь произошло? Или не знали, что здесь когда-то прятался от полиции ее сын? И что вон там, чуть подальше, на пустом поле его расстреляли?

И она стоит, простирает руки, словно за милостыней, к людям, для которых она когда-то делала все, что могла. Она собирала для них рисовый отвар, приносила еду, когда они голодали, но

никто из них теперь не обращает внимания на Биджоли.

«Да выйдите хоть кто-нибудь!» — кричит она людям, которые смотрят на нее из окон и со своих террас. Ей вспоминается крик военного в мегафон: «Выходи медленно! Выходи из своего укрытия!»

И она ждет: Удаян сейчас выйдет из зарослей гиацинта и направится к ней. «Иди, сынок, сейчас безопасно, — говорит она ему. — Полиция ушла, никто тебя не заберет. Иди быстро в дом. Ты, наверное, голодный. Иди скорее. Ужин готов. Ведь уже темнеет. Твой брат женился на Гори. Я теперь совсем одна. У тебя в Америке дочь. А твой отец умер».

Она стоит и ждет. Она уверена: сын слышит ее. Она разговаривает сама с собой. Она уже устала ждать, но все равно ждет. Потом приходит Дипа, ополаскивает перепачканные грязью руки и ноги Биджоли чистой водой, укрывает ее плечи шалью и ласково ведет к дому.

— Пойдемте пить чай.

Однажды усадив ее на террасе, Дипа ставит перед ней чай, блюдце с печеньем и протягивает ей что-то еще.

— Что это?

— Письмо, мамони. Было в почтовом ящике сегодня.

Письмо из Америки, от Субхаша. В нем он подтверждает свой план приехать этим летом, называет дату своего приезда. К тому времени уже три месяца пройдет со дня смерти его отца.

Он пишет, что раньше приехать никак не сможет. Пишет, что привезет с собой дочь Удаяна, а Гори не приедет. Сам он собирается читать в Калькутте какие-то лекции. Что они пробудут здесь шесть недель. «Она считает меня своим отцом, — пишет он, имея в виду эту девочку по имени Бела. — Но больше ей ни о чем не известно».

Воздух замер, застыл, ни ветерка. Это все из-за нового многоэтажного дома — как выстроили его, так теперь на террасе всегда духотища. Она возвращает письмо Дипе. Словно это не письмо от сына, а чайный мешочек, ненужный ей сейчас, она больше не хочет чая. Биджоли просто запомнила сообщение и теперь обращает свои мысли к другим вещам.

Глава 2

Бела и Субхаш прибыли в Калькутту к началу сезона дождей. В Бенгалии его называют «барша кааль». Отец говорит Беле: каждый год в это время направление ветра меняется, и он дует не с суши на море, а с моря на сушу. Отец показал ей на карте, как путешествуют тучи от Бенгальского залива, через материковую часть к горам на севере. Они поднимаются и охлаждаются, не могут там набрать достаточной высоты, чтобы перевалить через огромные Гималайские горы, поэтому зависают над Индией.

Отец говорит: когда придет дождь, все притоки в дельте выйдут из берегов. Улицы в городе и окрестные поля — все будет затоплено водой. Урожай потом будет или очень щедрый, или погибнет. С террасы бабушкиного дома он показал ей два пруда и сообщил: они разольются и превратятся в один. А лишняя вода соберется в низине, иной раз она поднимается высоко, будет Беле примерно до плеч.

День начинался с ясного утра, а потом приходили громовые раскаты и тяжелые тучи с черной каймой. Бела видела, как они быстро опускались

все ниже, похожие на гигантские серые шторы, и заслоняли дневной свет. Иногда солнце упрямо пробивалось, его бледный диск на их фоне напоминал скорее полную луну.

В доме сразу темнело, а потом тучи разверзались дождем. Вода хлестала в окна, и нужно было спешно закрывать ставни. Горничная Дипа бросалась развешивать на просушку то, что успело намокнуть на полу.

С террасы Бела наблюдала, как гнулись от буйного морского ветра тонкие стволы пальм. Их заостренные листья хлопали, словно крылья больших птиц. Если пристально смотреть на них, то казалось, будто крутятся лопасти каких-то мельниц, взбивающих мякоть небес.

Бабушка не приехала в аэропорт их встретить. Она ждала, сидя на террасе на верхнем этаже дома, где вырос отец.

Там она подарила Беле ожерелье. Из маленьких золотистых бусинок, плотно нанизанных на леску. Бабушка наклонилась и молча застегнула ожерелье на шее Белы, потом переместила его так, чтобы застежка оказалась сзади.

Волосы у бабушки были седые, зато кожа на руках гладкая, ровная. На ней было белое хлопковое сари без узоров и рисунков — просто белое, как

простыня. Глаза у нее были мутные, и не черные, а синие. Разглядывая Белу, она то и дело переводила взгляд на отца, словно пыталась найти между ними сходство.

Когда они распаковали чемоданы, бабушка расстроилась, что они не привезли никакого подарка для Дипы. Служанка Дипа носила сари и камешек в ноздре, называла Белу «мемсахиб». Лицо у нее имело очертания сердечка. Она была худенькая, но сильная — своими тонкими руками помогла отцу Белы нести чемоданы вверх по лестнице.

Дипа спала в комнате рядом с бабушкиной. Комната эта размерами больше походила на шкаф, там был такой низкий потолок, что выпрямиться во весь рост было нельзя. В этой тесной комнатушке Дипа каждый вечер расстилала свой узенький матрасик.

Бабушка отдала ей американское мыло, лосьоны и наволочку с простыней в цветочек, присланные ей в подарок матерью Белы. Сказала, что Дипе они нужнее. Еще отдала Дипе катушки с разноцветными нитками, пяльцы для вышивания и красивую алую подушечку для иголок, при этом сказала: шитьем теперь занимается Дипа. Черную кожаную сумочку в форме большого конверта с одной-единственной застежкой

посередине, которую Бела с матерью купили в торговом центре «Уоруик-Молл» в Род-Айленде, она тоже отдала Дипе.

На следующий день после приезда отец сел в молельной комнате, чтобы по обряду почтить память дедушки, умершего несколько месяцев назад. В центре комнаты горел маленький огонь, которым занимался приглашенный монах. Рядом с огнем на медных блюдах и подносах лежали горы фруктов.

На стене висела большая фотография дедушки, а рядом с ним в потертой деревянной рамке фото какого-то улыбающегося юноши. Фотографии были окаймлены гирляндами белых ароматных цветов, и перед ними поднимались дымки зажженных благовоний.

Перед началом обряда в дом явился цирюльник, во дворе сбрил отцу бороду и все волосы на голове, отчего его лицо стало выглядеть каким-то странно маленьким. Беле сказали вытянуть вперед руки, и тут же без всякого предупреждения цирюльник постриг ей ногти на руках, а потом и на ногах.

С наступлением сумерек Дипа жгла веревочные фитили, чтобы прогнать москитов. Зелененькие гекконы шмыгали по дому, норовя взобраться по

стене на потолок. По ночам Бела с отцом укладывались спать в одной комнате, на одну постель. Посередине между ними лежал толстый валик. Подушка под головой Белы походила на мешок с мукой. В крохотных просветах москитной сетки синела ночь.

Каждый вечер, когда они запирались в своей комнате, Бела чувствовала облегчение, знала: никто уже не войдет. Лежа к ней спиной, с лысой головой и голый по пояс, отец казался каким-то совсем другим человеком. Вставал он раньше Белы. Когда она просыпалась, он, уже совершивший утреннее омовение и одетый, ел манго, вгрызался зубами в его сочную мякоть. Занятие это явно было для него привычным делом.

На завтрак Беле подавали хлебец, поджаренный на открытом огне, подслащенный йогурт и бананчик в зеленой кожуре. Бабушка наставляла Дипу, когда та отправлялась на базар, — не покупать определенные виды рыбы. Говорила, что они слишком костлявые.

Насмотревшись на то, как Бела пытается есть руками рис и чечевицу, бабушка велела Дипе купить ложку. Когда Дипа стала наливать для Белы воду из кувшина, стоявшего в углу на маленькой табуреточке, бабушка сказала:

— Нет, не эту. Налей ей кипяченой. Она же не здешняя.

По прошествии первой недели отец начал выбираться днем в город, сказал, что должен дать в местных университетах несколько лекций, а также встретиться с какими-то учеными — помощниками в его проекте. Поначалу Белу это расстраивало — она не хотела оставаться в доме с бабушкой и Дипой. Все смотрела отцу вслед через решетку на террасе — как он идет под зонтиком, чтобы уберечь свою лысую голову от палящего зноя.

Целый день она нервно ожидала его возвращения — когда он позвонит снизу, когда ему на веревочке спустят ключ, когда он отопрет ворота и поднимется к ней. Она очень боялась, что его поглотит этот громадный город, ветхий и одновременно величественный, который она видела из окошка такси в день приезда в Толлиганг. Ей очень не хотелось, чтобы так или иначе отец стал добычей этого древнего хищного города.

Однажды Дипа предложила Беле пойти с ней на базар, а потом прогуляться по узеньким улочкам квартала. Они пошли мимо маленьких зарешеченных окошек с занавесками, натянутыми на проволоку. Мимо прудов с берегами, заваленных

мусором и заросших какой-то пышной зеленой ботвой.

На этих тесных улочках, зажатых с обеих сторон каменными стенами оград, их на каждом шагу останавливали люди и набрасывались на Дипу с расспросами: кто такая Бела и почему она здесь?

— Внучка моей хозяйки.

— Дочка старшего сына?

— Да.

— А мать приехала?

— Нет.

— Ты понимаешь нашу речь? Ты говоришь по-бенгальски? — спрашивала Белу какая-то женщина, беззастенчиво разглядывая ее. Глаза ее были недобрыми, кривые зубы все в каких-то пятнах.

— Немножко.

— Нравится тебе тут?

Бела так хотела с утра выйти из дома, прогуляться с Дипой на базар, обследовать место, ради которого она проделала такой длинней путь. Но сейчас ей вдруг ужасно захотелось вернуться в дом. Она прямо спиной чувствовала, как соседи следят за ними из-за занавесок.

Специально для Белы кипятили и охлаждали питьевую воду. Бабушка сказала, что Бела может

простудиться — даже если на улице стоит жара. Воду для мытья нагревали, а если надо было, то горячую воду разбавляли холодной водой из бочки во дворе, которую периодически заполняли из резинового шланга.

Дипа проводила ее во двор, вручила оловянный ковшик и говорила делать так: налить горячей воды, разбавить ее холодной из бочки, намылиться темным мылом и ополоснуться, при этом нужно было стоять в тазу, чтобы не тратить даже мыльную воду, которую потом сливали обратно в бочку.

Бела хотела сразу встать в бочку, чьи бортики показались ей подобием душевой кабины, но ей не разрешили. Поэтому она мылась прямо так, на открытом пространстве, безо всяких стен, рядом с ворохом грязных тарелок и кастрюль, ожидавших своей очереди. Под присмотром Дипы, а также банановых пальм и сидевших на них ворон.

— Вам надо было приехать не сейчас, а попозже, — сказала Дипа, вытирая ноги Белы клетчатым полотенцем, грубым, похожим на посудное.

— Почему?

— Тогда будет праздник Дурга-Пуджо. А сейчас

одни только дожди.

— Зато я здесь отмечу свой день рождения, — сказала Бела.

Дипа говорила, что ей то ли шестнадцать, то ли семнадцать. Когда Бела спросила Дипу, когда у нее день рождения, та сказала, что точно не знает.

— Ты не знаешь, когда родилась?

— В месяц «басанта каль».

— А это когда?

— Когда кокилы начинают петь.

— А в какой день именно ты отмечаешь день своего рождения?

— А я не отмечаю.

На солнечной террасе бабушка натерла руки, ноги и голову Белы каким-то сладковатым маслом из стеклянной бутылочки. Бела послушно стояла в одних трусиках, словно маленький ребенок, держа руки вдоль туловища и расставив ноги.

Потом бабушка расчесывала Беле волосы, пальцами расплетая спутавшиеся пряди. Она подолгу держала их в руках — разглядывала.

— Мать не учила тебя завязывать волосы?

Бела покачала головой.

— А в школе у вас этого разве не требуют?

— Нет.

— Тебе нужно заплетать косы. Особенно на ночь. Сейчас пока две, а потом, когда станешь постарше, одну.

Мать никогда не говорила ей ничего про косы, сама носила короткую, как у мужчины, стрижку.

— У твоего отца тоже были такие волосы. Непослушные. Особенно в сырую погоду. И он не давал мне прикасаться к ним. Да ты даже на фотографии можешь увидеть, какой беспорядок был у него на голове.

Обедала Бела в бабушкиной спальне. Дома в Род-Айленде она привыкла есть рис, но здесь он был какой-то слишком острый и почему-то не белый. Иногда попадались крошечные камешки, которые не выбрала Дипа, они противно скрипели во рту, и этот хруст отдавался в ушах.

Обеденного стола в комнате не было. Вместо него на полу расстилали расшитое покрывало, на него ставили блюда с едой и на нем же сидели. Бабушка устраивалась в сторонке, поджав под себя ноги и сложив на коленях руки, и наблюдала, как Бела ест.

На стене висели две фотографии, которые отец недавно приносил в молельную для поминального обряда. Фотографии дедушки Белы и юноши,

которого бабушка почему-то назвала отцом Белы. Девочка никогда не видела отца таким молодым, ни в жизни, ни на фотографии.

Под фотографиями на стене, наколотая на гвоздь, висела пачка всяких квитанций и чеков, шуршащих на ветерке от лопастей вентилятора. Отец с фотографии на стене с интересом наблюдал за тем, как Бела ест ложкой рис, а вот дедушка, чей усталый взгляд был устремлен куда-то вдаль, похоже, совсем не замечал ее присутствия.

Кроме этих двух фотографий и пачки квитанций, на стенах больше не на что было смотреть. Ни полок с книгами, никаких сувениров, привезенных из путешествий, — ничего, что могло бы подсказать, как бабушка любит проводить время. Часами напролет бабушка сидела на террасе и смотрела через решетку вдаль.

Каждый день в одно и то же время Дипа помогала бабушке спуститься во двор, где они срезали цветы, росшие в горшках и вдоль каменного забора, ставили букетик из них в медный кувшинчик с водой и уходили.

Дипа и бабушка брели мимо прудов к берегу затопленной низины. Там они подходили к какому-то определенному месту, довольно долго стояли, а потом шли обратно. Когда бабушка

возвращалась, цветов в кувшинчике не было.

— Что ты там делаешь? — однажды спросила ее Бела.

Бабушка сидела на своем складном стуле со сложенными на коленях руками, не поднимая глаз, ответила:

— Разговариваю с твоим отцом.

— Мой отец в доме.

Бабушка устремила на нее свои синие глаза.

— Разве?

— Да, пришел недавно.

— Да? И где же он?

— В нашей комнате.

— И что он делает?

— Прилег. Сказал, что ходил в офис «Американ экспресс» и очень устал.

— А-а… — Бабушка отвернулась.

Небо померкло. На нем снова собирались грозовые тучи. Дипа побежала на крышу снять развешанное на веревке белье. Бела тоже помчалась — помочь ей.

— А у вас в Род-Айленде такие дожди бывают? — спросила Дипа.

Беле трудно было давать такие длинные объяснения на бенгальском. Но ураган в Род-Айленде являлся одним из самых ранних ее детских

воспоминаний. Она не помнила сам ураган, но помнила приготовления к нему и последствия. Помнила ванну, до краев заполненную водой про запас. Забитые людьми супермаркеты и опустевшие полки. Помнила, как помогала отцу наклеивать крест-накрест на оконные стекла липкую ленту, следы от которой долго потом оставались на стекле, даже когда ленту содрали.

На следующий день она ходила с отцом в университетский городок и видела там отломанные ветки и зеленые листья на улицах и во дворе перед учебными корпусами. Видела даже вырванное с корнем дерево. Оно лежало теперь на земле и казалось даже еще огромнее, чем когда росло.

Отец привез с собой в Калькутту фотографии, чтобы показать их бабушке. Большинство было сделано в доме, где Бела и ее родители жили сейчас. Они переехали туда два года назад, в то лето Беле исполнилось десять лет. Этот дом находился ближе к заливу, недалеко от океанографического института, где когда-то учился отец. Отсюда ему было удобно добираться до лаборатории, где он работал, зато далеко от их прежнего дома в университетском городке, где выросла Бела и где ее мать теперь дважды в неделю по вечерам вела семинары по философии.

Белу расстраивало, что моря из окон не было видно, хотя дом их находился всего в миле. Близость моря ощущалась только в солоноватом запахе ветра.

Там была фотография с обеденным столом, с камином, с верандой. Со всеми ее знакомыми вещами. Была фотография огромных камней, отгораживавших их дом от соседской территории, на камни Бела иногда взбиралась. Фотографии фасада в осеннюю пору с красно-желтой листвой и зимние фото с голыми ветками, покрытыми инеем. Фотография Белы на фоне маленького японского клена, который весной посадил отец.

На другой фотографии Бела стояла на красивом, выгнутом полумесяцем пляже в Джеймстауне, куда они ездили по утрам в воскресенье, и папа покупал пончики и кофе. Там папа учил ее плавать, и она прямо из воды любовалась овечками, пасущимися недалеко на лугу.

Бабушка разглядывала фотографии с таким видом, словно на них было изображено одно и то же.

— А где Гори-то?

— Она не любит фотографироваться, — объяснил папа. — Да ей и некогда. Она сейчас преподает и заканчивает диссертацию.

Мать Белы целые дни напролет, даже в субботу и воскресенье, проводила в свободной спальне, служившей ей кабинетом. Когда она там запирала дверь, Бела должна была вести себя так, словно мамы просто нет дома.

Но Белу такой порядок вещей не расстраивал. Она считала: уж лучше так, а раньше мама половину недели проводила в Бостоне. В течение трех лет она ездила туда в университет на учебу в магистратуре. Уезжала рано утром и возвращалась поздно вечером. Бела в это время уже спала.

Но сейчас, кроме вечеров, когда она вела семинары, мама почти не выходила из дома. Почти весь день она сидела в своей комнате. Только иногда из-за двери слышался какой-нибудь звук — покашливание, или скрип стула, или шум упавшей со стола книги.

Иногда мама спрашивала, не беспокоит ли Белу по ночам стук пишущей машинки, и Бела говорила: нет, не беспокоит, хотя слышала этот звук прекрасно. В ожидании отца Бела иногда просто лежала на постели и прислушивалась, не звякнет ли в прихожей дверной замок.

Именно с матерью Бела проводила большую часть времени на неделе, но у них не было ни одной фотографии, где их запечатлели бы вместе.

Например, когда Бела смотрит днем телевизор или за кухонным столом занимается уроками, а ее мать в это время готовит ужин или пролистывает экзаменационные буклеты с шариковой ручкой в руке. Или, например, как они вместе идут в большую университетскую библиотеку сдать книги.

И не было ни одной фотографии из их поездок в Бостон во время каникул Белы. Они тогда ехали на автобусе, а потом еще на трамвае добирались до университетского городка в центре города, зажатого между Чарльз-Ривер и оживленной автомобильной трассой. Там Бела до изнеможения таскалась за матерью по учебным корпусам и ждала, пока та беседовала с профессорами, а потом, в награду, мама водила ее в «Куинси-Маркет».

— Да вот же она, — сказала Бела, когда бабушка взяла в руки следующую фотографию.

Там мать Белы случайно попала в кадр. Несколько лет назад Белу фотографировали в их старой квартире, где пол был устлан линолеумом. Бела в костюме Красной Шапочки, купленном дня праздника Хеллоуин, держала в руках блюдо с леденцами.

А на заднем плане как раз стояла ее мать, со-

биравшая со стола грязную посуду. В брюках и просторной кофте.

— Какая модница! — воскликнула Дипа, заглядывая через бабушкино плечо.

Бабушка протянула фотографии папе, тот сказал:

— Оставь их себе, мам. Я же для тебя их сделал.

Но бабушка отдала ему фотографии обратно, разжала пальцы, так что несколько фотографий упали на пол, и ответила:

— Я их уже посмотрела.

Последние несколько лет Бела постоянно слышала слово «диссертация», но понятия не имела, что оно означает. Однажды, уже в новом доме, мать сказала ей:

— Я пишу сочинение. Вроде тех, что ты пишешь в школе, но только гораздо длиннее. Когда-нибудь оно может стать книгой.

Это открытие разочаровало Белу. До сих пор она считала, что мать занимается какими-то таинственными экспериментами, похожими на дела отца на соленых лиманах. Он брал ее с собой туда несколько раз, и она там видела кругленьких крабов, смешно перекатывавшихся по грязи и норовивших спрятаться в свои норки. А мать, оказывается, сидела целыми днями взаперти

над книгами только для того, чтобы написать еще одну.

Когда мама отсутствовала дома или принимала душ, Бела заходила к ней в комнату. Находила на столе очки и примеряла — от них сразу кружилась голова, и все становилось каким-то расплывчатым.

Везде стояли чашки с остатками чая или кофе на донышке. В корзинке под столом скомканные листы бумаги с помарками и исправлениями. Все книги были обернуты коричневой крафтовой бумагой, и на корешках мать написала их названия: «Природа сущности», «Затмение разума», «Феноменология осознания внутреннего времени».

С недавних пор мать начала говорить о своей диссертации, как о маленьком ребенке. Однажды за ужином она призналась отцу: боится, как бы страницы не унесло ветром в окно или не уничтожило пожаром, и еще боится оставлять свою рукопись без присмотра в доме.

Как-то в выходные на хозяйственной ярмарке Бела с отцом остановились посмотреть на товары. Среди разных предметов отец заметил коричневый металлический сейф и, проверив, хорошо ли работает замок, купил. Отец достал его из багажника машины, отнес в дом и постучался

в дверь к матери, чтобы вручить этот подарок.

Мать сидела за пишущей машинкой, уткнувшись в нее чуть ли не носом. Отец внес сейф, дал матери ключик от него и сказал:

— Я подумал, тебе это пригодится.

Мать встала из-за стола, подобрала с пола разбросанные вещи.

— Куда тебе его поставить? — спросил отец.

И мать указала на пол в углу.

К удивлению Белы, мать совсем не разозлилась в тот день, что ее оторвали от работы. Наоборот, она в кои-то веки вылезла из своей комнаты, спросила, проголодались ли они, и приготовила им обед.

Каждый день Бела слышала, как мать открывала и закрывала сейф, подкладывала туда новые страницы рукописи. Однажды Беле даже приснился сон: их дом сгорел дотла, и только металлический сейф остался стоять на почерневшей траве.

Бегая вниз и вверх по лестнице дома в Толлиганге, Бела заметила по бокам перил небольшие металлические кольца — такие черные чугунные петельки. Дипа как раз ползала на коленках с мокрой тряпкой — мыла лестницу.

— А что это такое? — спросила Бела и показала

пальцем на одно из колец.

— Это чтобы она никуда не выходила, когда меня нет.

— Кто?

— Твоя бабушка.

— И как же этим пользоваться?

— Я вешаю сюда цепочку.

— И зачем ты делаешь это?

— Ведь она может потеряться.

Как и бабушка, Бела не могла выйти из дома самостоятельно. Ей даже не разрешалось передвигаться свободно внутри дома — одной спуститься во двор или подняться на крышу.

Она не могла пойти поиграть с детьми на улице или взять себе на кухне что-нибудь поесть. Даже если хотела просто попить, воду нужно было попросить.

А вот в Род-Айленде после третьего класса мама отпускала Белу одну в студенческий городок. Ну, не совсем одну, а с Элис — ее ровесницей из их дома. Просто им велели не выходить за территорию университетского городка. Но университетский городок такой большой — целый огромный мир для Белы. Две маленькие девочки могли вполне там заблудиться.

Они играли, бегали, прятались, без конца шмы-

гали в библиотеку, где работала мама Элис.

Девочки заскакивали к ней, сидели в пустых библиотечных кабинках, жевали бутерброды, которыми угощала мама Элис. Пили воду из фонтанчика в здании и прятались среди книжных полок.

А потом опять убегали на улицу. В ботанический уголок, к своей любимой беседке рядом с оранжереей и цветником, над которым вечно кружили и порхали бабочки. В дождливые дни они играли в студенческом клубе.

Бела очень гордилась своей самостоятельностью, гордилась тем, что за ней никто не надзирает, никто не ведет ее домой. Они с Элис просто должны были прислушиваться и, когда на часах в университетском дворе пробьет половина пятого, бежать домой.

Об этих вещах она никогда не говорила папе — чтобы он не расстраивался. Ее походы в университетский городок оставались секретом. Бела с мамой держали в секрете от папы тот факт, что они провели это время не вместе. Бела дарила матери свободные часы — не хотела потерять с ней последнюю связь.

Теперь Бела была уже достаточно большая, чтобы просыпаться сама, есть зерновую кашу,

самостоятельно заправляя ее молоком. Она сама ходила до остановки школьного автобуса. Папа уходил раньше. А мама спала после своих ночных научных бдений.

Никто не стоял у Белы над душой, когда она завтракала, потом ставила пустую мисочку из-под каши в раковину и заливала ее водой из крана. А после школы, если матери не было дома, она доставала ключ, оставленный папой в скворечнике, и заходила в дом.

Каждое утро она поднималась наверх и просто стучалась в дверь родительской спальни — давала маме знать, что уходит. Она не хотела ее беспокоить, но все же надеялась: та ее слышит.

Однажды утром ей понадобился листок, чтобы заложить две страницы в книге. Она зашла в кабинет матери, предполагая, что там никого нет. Мать спала на диване, спиной к двери, одна рука закинута за голову. Так Бела поняла: комната, которую мать называла своим кабинетом, служила ей также и спальней. А папа, оказывается, ночует в другой спальне один.

— Сколько тебе лет на той фотографии? — спросила она как-то раз у отца, когда они проснулись утром и лежали на постели под москитной сеткой.

— На какой фотографии?

— Ну, на той, в бабушкиной комнате, где мы едим. Рядом с фотографией дедушки. Бабушка все смотрит на нее.

Отец закрыл глаза и ответил:

— На той фотографии мой брат.

— У тебя есть брат?

— Был. Он умер.

— Когда?

— Еще до твоего рождения.

— А почему он умер?

— Болел.

— Чем?

— Какой-то неизлечимой инфекцией.

— Он был моим дядей?

— Да, Бела.

— А ты вспоминаешь о нем?

Он повернул к ней лицо, погладил ее по голове.

— Конечно. Он был частью меня. Мы вместе выросли.

— Скучаешь по нему?

— Да, скучаю.

— А бабушка говорит, что это ты на той фотографии.

— Бабушка стала старенькая, Бела, путает неко-

торые вещи иногда.

Субхаш начал брать Белу с собой в город. Они пешком шли до мечети на углу, а там садились в такси или коляску рикши. А иногда шли до трамвайного депо и на конечной остановке забирались в трамвай. Бела ждала, сидя в коридоре на стульчике с книжкой комиксов в руках, пока он встречался с коллегами.

Он водил ее обедать в китайские ресторанчики и в магазины бижутерии, покупал ей там браслеты, заколки, ленты. В магазинчиках канцтоваров она выбирала себе красивые тетрадки, альбомы для рисования и прозрачные ластики с приятным фруктовым запахом.

Отец водил ее в зоопарк смотреть на белых тигров, мирно дремлющих на камнях. На людных тротуарах он останавливался перед нищими и бросал им в плошку несколько монеток.

Однажды они зашли в магазин одежды, чтобы купить сари для бабушки и Дипы. Бабушке купили несколько белых, а Дипе цветных. На манекенах в витрине сари были еще красивее — шелковые, дорогие.

— Может, купим такое сари маме? — спросила Бела.

— Да она же не носит их.

— Но могла бы.

Продавец бросился показывать им такое сари, но отец, покачав головой, сказал:

— Мы найдем маме в подарок что-нибудь другое.

Он отвел Белу в ювелирный магазин, где она выбрала себе ожерелье из бусин тигрового глаза. И они все-таки купили матери одну вещь, которую она просила, — красные кожаные шлепанцы. Папа вспомнил о них в последнюю минуту и купил сразу две пары.

Из такси она наблюдала за гигантскими потоками городского транспорта, загрязнявшего кожу и легкие копотью и создававшего на дорогах, казалось, нескончаемые пробки. Иногда отец не выдерживал, расплачивался с таксистом, и они продолжали путь пешком.

На одной из улиц тянулись длинные ряды книжных лотков, и папа сказал: по этой улице ее мать ходила в колледж. Бела попыталась представить себе свою маму молоденькой студенткой в сари, с косой и холщовой сумкой с учебниками.

А на других улицах она видела красивые здания. Хотя стоял август, их украшали рождественскими электрическими гирляндами, фасады драпировали яркими полотнищами. Из

окошка такси, застрявшего в пробке, она однажды увидела такое здание вблизи. Множество припаркованных машин и красная ковровая дорожка, ведущая к входу. По ней под музыку шли люди в нарядных одеждах.

— А что там у них?

— Свадьба. Видишь впереди машину, украшенную цветами?

— Да.

— Оттуда сейчас выйдет жених.

— А невеста?

— Она ждет его внутри.

— А вы с мамой так же женились?

— Нет, Бела.

— Почему?

— Потому что мне нужно было возвращаться в Род-Айленд, и у нас не было времени на празднества.

— Я не люблю большие празднества.

— Ну, ты еще можешь сто раз изменить свою точку зрения.

— Мама однажды сказала мне, что вы с ней были чужими, когда женились.

— Эти молодожены, возможно, тоже пока не знают друг друга хорошо.

— А если они не любят друг друга? Как им тогда

быть?

— Они постараются полюбить.

— А кто решает, что людям надо пожениться?

— Иногда родители, а иногда сами жених с невестой.

— А вы с мамой сами решили?

— Да, сами.

* * *

Ее двенадцатилетие они отмечали в клубе неподалеку от бабушкиного дома. Папин знакомый, его приятель еще со времен учебы в колледже, был членом этого клуба и пригласил их туда как своих гостей.

Там в распоряжении Белы был бассейн. Откуда-то волшебным образом вдруг взялся купальник — потому что мама не дала ей купальник, когда собирала ее в дорогу. И столики на веранде с видом на зеленые лужайки.

В бассейне и на детской площадке были и другие англоговорящие дети — европейцы и индийцы, приехавшие, как и Бела, из других стран. Познакомившись с ними, она почувствовала себя увереннее, с удовольствием каталась на пони, а потом было угощение — сыр, сэндвичи с огурцом и порция острого томатного супа. А на десерт

мороженое.

Папа с приятелем пили сначала чай, а потом пиво. Бела с папой гуляли по красным хрустящим дорожкам у поля для гольфа, среди красивых цветов в горшках и больших деревьев, в чьей зелени пели птицы.

Под раскидистым баньяном папа остановился, заглядевшись на игроков в гольф. Папа объяснил: это огромное дерево выросло прямо из кроны другого дерева. Его узловатые корни действительно вплетались в ствол старого, уже погибшего, дерева.

Папа сфотографировал Белу под этим баньяном. Когда они сидели потом на скамейке, он достал из нагрудного кармана рубашки небольшой сверточек. В нем оказалась пара блестящих браслетов, которые очень понравились Беле однажды на рынке и за которыми папа потом съездил, чтобы купить их.

— Тебе все нравится?

Она кивнула, а папа наклонился к ней и поцеловал в макушку.

— Ну и хорошо. И дождя нет. Не то что в тот день, когда ты родилась.

Они продолжили прогулку, уходили все дальше и дальше от здания клуба, шли мимо полянок, где

мирно отдыхали шакалы. Москиты уже начали кусать Белу за ноги.

— А куда мы идем?

— Там дальше есть одно место, где мы с братом любили играть.

— Ты в детстве здесь бывал?

Подумав секунду, он признался, что был пару раз с братом, они тайком пробирались сюда.

— А почему тайком?

— Так нас бы не пустили.

— Почему?

— Ну, тогда были совсем другие времена.

Он вдруг заметил что-то в траве и подошел посмотреть. Это был мячик для гольфа.

Они с Белой продолжили путь.

— А чья это была идея — пробраться сюда тайком?

— Удаяна. Он вообще был очень храбрый.

— А вас поймали?

— В конечном счете да.

Отец остановился, закинул мячик далеко в траву, потом стал озираться по сторонам, посмотрел на верхушки деревьев. Вид у него был растерянный.

— Может, нам повернуть обратно, папа?

— Думаю, да.

Ей хотелось остаться в клубе, еще погулять здесь, побегать по зеленым лужайкам за светлячками, про которых ей рассказали другие дети. Хотелось, чтобы они вместе с папой переночевали в здешних гостиничных номерах, где она приняла бы горячую ванну, и следующий день провела бы точно так же, плавая в бассейне и потом просматривая журналы в читальном зале.

Но папа сказал, что им пора. Они вернули купальник и вызвали рикшу, который отвез их до бабушкиного дома.

Она не могла представить себе бабушку в этом клубе, в котором побывала с папой, среди всех этих смеющихся людей за столиками — веселых, раскованных, курящих сигареты и потягивающих из высоких бокалов пиво. Среди этих мужчин, заказывающих официантам коктейли для своих нарядно одетых жен. Она не могла представить себе бабушку вообще нигде, кроме террасы в доме в Толлиганге, где та сидела, отгороженная от мира цепочкой, или брела по дорожке к обочине низины, наполненной грязной водой и мусором.

Бела вдруг поняла: соскучилась по маме. Она никогда еще не проводила свой день рождения без мамы. Утром она ждала от мамы звонка, но

папа сказал, что телефон не работает.

— Можно нам попробовать позвонить сейчас?

— Бела, телефон пока еще не работает. Но вы же с ней скоро и так увидитесь.

Бела представила себе маму на диване в своем кабинете. Книги и бумаги разложены по всему ковру, за окном жужжит кондиционер. Утренний свет проникает в комнату.

В Род-Айленде на ее день рождения мама всегда готовила персиковый пудинг. Просыпаясь, Бела чувствовала запах молока на плите. Потом приходила из своей комнаты мама, добавляла в него сахар и рис. А потом днем, когда смесь была уже разлита по формочкам и остыла, мама звала Белу отведать угощение. Она разрешала Беле соскрести вкусные остатки из кастрюли.

— Папа?

— Да, Бела?

— А мы пойдем еще когда-нибудь в этот клуб?

— Может быть, когда приедем в следующий раз.

А теперь, сказал папа, ей надо отдохнуть перед дальней дорогой в Род-Айленд. Пять или шесть недель в Индии пролетели. Папины волосы уже начали опять отрастать.

Они ехали на рикше мимо выстроившихся в

ряд на обочине лотков с цветами, сладостями, сигаретами, газировкой. У мечети на углу рикша замедлил ход. Гудение морской раковины возвещало о приходе вечера.

Папа остановил рикшу, расплатился с ним и сказал, что дальше они пойдут пешком.

Глава 3

Из аэропорта Логан в Бостоне они доехали на автобусе до Провиденса, а потом на такси до дома. На загорелых ручках Белы красовались зеркальные браслеты. Косы, заплетенные бабушкой перед отъездом, доходили ей уже до талии.

В Род-Айленде все выглядело по-прежнему. Все то же синее небо, те же дороги, те же дома. Вдали залив и яхты с парусами на нем. На пляже люди. Звук газонокосилки. Солоноватый воздух. Листва на деревьях.

Когда они подъезжали к дому, Бела заметила, что трава выросла очень высокой — выше почтового ящика и выше некоторых кустов. И она не зеленела, высохла от нехватки воды.

— Вы, похоже, надолго уезжали, — сказал таксист. Он подвез их к дому, помог отцу выгрузить чемоданы из багажника и донести их до крыльца.

Бела первым делом бросилась в траву — окунулась в нее, словно в море. Вытянула вперед руки и начала продираться сквозь заросли. Колючие колоски поблескивали в солнечных лучах, щекотали ей лицо, спину и ноги. Бела нажала

на кнопку дверного звонка и стала ждать, когда мама откроет.

Но мама не открыла, и отцу пришлось открывать своим ключом. Они вошли в дом и принялись звать маму. В холодильнике не нашли никакой еды. Все окна были закрыты. В комнатах задернуты занавески, земля в цветочных горшках сухая.

Бела поначалу решила, что это игра, в какую они с мамой играли, когда Бела была маленькая. Мама тогда пряталась от нее где только можно — в душе за занавеской, в платяном шкафу, за комнатной дверью. Она подолгу сидела в укрытии молча, не кашлянув, не давая Беле ни малейшей подсказки.

Бела, как сыщик, прошлась по всему дому, осмотрела и кухню, и гостиную, и спальни.

Она нашла совсем мало вещей — заколки для волос в ванной, степлер на пыльном письменном столе матери и стоптанные босоножки в шкафу. И всего несколько книг на полках.

Отец сидел на диване, не замечая Белы, остановившейся на пороге. Он изменился в лице, оно было каким-то другим, словно в нем провалились скулы, как будто их вовсе не было.

— Папа?

На столе, рядом с диваном, лежал листок бумаги. Письмо.

Я пришла к этому решению не поспешно. Наоборот, обдумывала его много лет. Ты старался как мог. Я тоже старалась, но не так хорошо. Мы хотели верить, что сможем стать друг другу спутниками в жизни.

Я отлично понимаю, какой плохой матерью Беле всегда была. Мне даже немного хочется, чтобы она оказалась сейчас еще маленькой и могла бы просто забыть меня. Но теперь понимаю: она будет меня ненавидеть. Если она захочет поговорить со мной или увидеться, я сделаю все, чтобы это устроить.

Объясни ей все такими словами, какие, по-твоему, ей будет не так больно услышать. Надеюсь, ты скажешь правду. Что я не умерла и не исчезла, а уехала в Калифорнию. Там мне предложили преподавательскую работу в колледже. Хотя ее это не утешит, но все-таки скажи ей, что я буду скучать по ней.

Как ты знаешь, я много лет все думала, когда же мы с тобой сможем рассказать ей об Удаяне. Для этого я все ждала ее подходящего возраста, но теперь стало уже не важно. Ее отец — ты. Когда-то давно ты сказал, а я никак не хотела

с тобой согласиться, что ты оказался лучшим родителем, чем я. И я точно знаю: ты — отец лучше, чем получился бы отец из Удаяна. Сейчас я не вижу смысла подвергать ваши с ней отношения каким-либо изменениям.

У меня нет пока точного адреса, но ты можешь связаться со мной через университет. Я никогда больше тебя ни о чем не попрошу. Средств, которые мне здесь предлагают, будет вполне достаточно. Ты конечно же сердишься на меня, и я даже пойму, если ты не захочешь поддерживать со мной связь. Надеюсь, со временем вы с Белой поймете, что мой уход только облегчит нашу ситуацию. Буду верить, что так и будет.

Удачи тебе, Субхаш, и до свидания!

P. S. Благодарю за все, что ты для меня сделал, оставляю тебе Белу.

Письмо было написано по-бенгальски, так что Бела сама не могла прочитать его. Субхаш передал ей только урезанную версию, как-то умудряясь при этом смотреть в ее расстроенное личико.

Бела уже достаточно выросла и понимала, как далеко отсюда находится Калифорния. Она спросила, когда мама вернется, и он ответил, что не знает.

Он приготовился утешать ее, выводить из потрясенного состояния, но Бела сама стала утешать его, обвила его шею руками и крепко прижалась к нему. Словно боялась, что он тоже куда-нибудь от нее денется.

— Папа, я с тобой никогда не расстанусь, — сказала она.

Он давно знал: их брак с Гори потерял всякие шансы превратиться в настоящее супружество, но за все эти годы Гори ни разу не завела разговора о своем желании уйти от него.

Иногда он даже и сам думал о том, что после поступления Белы в колледж, после ее отъезда, они с Гори, наверное, начнут жить порознь. Вот Бела подрастет еще, станет независимой, не будет нуждаться в их заботе, тогда в их жизни может начаться новая фаза.

Он всегда считал: Гори, как и он, терпит их брак ради Белы. Ему в голову не могло прийти, что Гори недостанет терпения подождать.

Из трех женщин, имевшихся в жизни Субхаша — мать, Гори и Бела, — у него осталась теперь только одна. Мать повредилась рассудком. В ее голове больше не было ясности — там все теперь заполонили воспоминания об Удаяне и о его смерти.

И умопомешательство играло роль ее единственной отдушины. Она сидела дома взаперти, только один раз в день выбиралась за порог. За ее физическим благополучием и безопасностью следила Дипа.

А вот рассудок Гори спас ее. Он позволил ей распрямиться, расчистил для нее путь. Путь, по которому она пошла дальше.

Что еще оставила Беле ее мать? На ее правой руке чуть повыше локтя темное пигментное пятно — того же смуглого цвета, какого была кожа у матери. И такое же пятнышко, только маленькое, находилось на безымянном пальце правой руки Белы.

А в их доме в Род-Айленде, в комнате Белы, появилось новое воспоминание о матери — тень на стене, очертаниями напоминавшая мамин профиль. Эту тень Бела стала замечать только после ухода матери и с тех пор все время смотрела на нее.

Лоб, нос, рот, подбородок — все точно как у мамы. Что давало такую тень, Беле было неизвестно. То ли ветка дерева, то ли какой-то выступ на карнизе, так преломлявший солнечный свет.

Каждый день, после заката солнца, тень исчезала и каждое утро возвращалась на свое место.

Бела никогда не видела, чтобы тень изменила форму или поблекла.

В тени на стене Бела каждое утро узнавала профиль матери, и у нее оставалось ощущение — та опять навестила ее. Так иногда люди угадывают какой-то родной и близкий им облик в облаке на небе. Только, в отличие от облаков, этот образ никогда не распадался, никогда не менял очертаний, никогда не превращался во что-то другое.

Глава 4

В ежедневной жизни с ней стало теперь легко. То, что раньше требовало усилий, теперь перешло в настоящее отцовство — превратилось в исключительную связь, которую нельзя разорвать или пересмотреть. Теперь у него была дочь, и все. Только он знал, что она не его дочь. Усеченные стороны его жизни как-то постепенно улеглись, притерлись одна к другой. Это была не победа, но и не поражение.

Бела пошла в седьмой класс, учила испанский язык, алгебру, экологию. Он надеялся, что новая школа, новые учителя и предметы отвлекут ее от душевного разлада. Поначалу так и казалось.

Он изменил свое рабочее расписание и теперь по утрам готовил завтрак и отправлял ее в школу. Смотрел, как она идет к автобусной остановке с рюкзачком, набитым учебниками.

Однажды он заметил, что грудь у нее под футболками и свитерами уже не плоская. Словно юное деревце, выжившее после наезда машины, она продолжала расти и расцветать.

Фигура стала стройнее, характер спокойнее, выходные дни она теперь проводила самосто-

ятельно. Вела себя как Гори в свое время. Она больше не приставала к нему с просьбами погулять с ней в воскресенье. Говорила, что ей надо делать уроки. Это новое настроение поселилось в ней быстро и неожиданно — как сумерки в осеннем небе. Он не спрашивал у нее, в чем дело, потому что знал ответ.

Она училась существовать отдельно от него. Субхаша это по-настоящему потрясло. Он-то полагал, что будет всегда пестовать ее, ограждать от всего, утешать, приободрять. Но он вдруг почувствовал себя отброшенным, словно его обвинили вместе с Гори. Он боялся потерять свою власть над ней, свой авторитет, и теперь, когда он стал таким одиноким, его отцовская уверенность пошатнулась.

Бела попросила разрешения перебраться из своей спальни в комнату Гори. Просьба его покоробила, но он разрешил, убедив себя в том, что это у нее естественный порыв. Он помог ей перенести вещи, переклеил ее плакаты, устроил настольную лампу на письменном столе Гори, расставил книги на полках. Но уже через неделю она решила, что ей больше нравится ее бывшая комната, и захотела перебраться обратно.

Бела разговаривала с ним только по мере необ-

ходимости. Иногда могла не обратиться целый день. Он гадал, не рассказала ли она друзьям о произошедшем в их семье. Но она вроде бы ни с кем не виделась, не отпрашивалась погулять, и к ней никто не приходил. Он уже пожалел, что они живут в этой отдаленной части города в доме, а не в многоэтажке поближе к университетскому городку, где у нее могло быть много друзей. Он ругал себя за то, что повез ее в Толлиганг и дал Гори возможность сбежать. Он мог только гадать, что Бела думает о матери и об Удаяне. О них обоих она никогда не упоминала, а ему оставалось только догадываться, как много ей известно.

В декабре ему исполнилось сорок один год. Раньше Бела любила отмечать его день рождения. Просила у Гори немного денег и покупала ему в подарок одеколон или носки. В прошлом году она даже испекла какой-то простенький пирог. А в этом году, когда он пришел с работы, она сидела, как всегда запершись, в своей комнате. Они просто поужинали, никакой открытки, никакого подарочка. Субхаш понял: она окончательно отдалилась от него.

Однажды ему на работу позвонила ее классная руководительница. Она была обеспокоена поведением и состоянием Белы. Учителя жаловались,

что девочка постоянно не готова к урокам и рассеянна. По рекомендации прошлогоднего учителя ее перевели в старший класс, но это оказалось ей не по силам.

— Так переведите ее обратно.

— Вы понимаете, дело не только в этом. Очень настораживает то, что Бела перестала общаться с другими учениками, — пожаловалась учительница. — В школьном буфете сидит одна, не посещает никакие кружки. После занятий только бродит по улицам.

— Нет, этого не может быть. Она возвращается из школы на автобусе, приходит домой и делает уроки. Когда я прихожу с работы, она всегда дома.

Но учительница сообщила ему, что Белу частенько видят одну в разных частях города.

— Ну… Бела вообще любит пешие прогулки со мной. Возможно, так она расслабляется, гуляет на свежем воздухе.

— Но ее видели на оживленной трассе, где машины несутся на большой скорости, а пешеходный тротуар узенький. Не просто на улице, а на скоростном шоссе. Она стояла, балансируя, на перилах ограждения на эстакаде с поднятыми руками, — сообщила классная руководитель-

ница, — а потом села в машину к абсолютно незнакомому человеку, остановившемуся спросить, все ли у нее в порядке. Хорошо, что это оказался порядочный человек, папа одного из наших учеников.

И тут классная руководительница предложила Субхашу прийти к ней на беседу вместе с мамой девочки.

У Субхаша засосало под ложечкой.

— Ее мама больше не живет с нами, — только и смог выдавить из себя он.

— Давно?

— С лета.

— Вам следовало поставить нас об этом в известность, мистер Митра. Вы с женой перед разводом уладили этот вопрос с Белой? Как-то подготовили ее?

Субхаш просто положил трубку. Он хотел первым делом позвонить Гори и наорать на нее. Но у него не было ее номера телефона, только адрес университета, где она преподавала. Но писать ей он не хотел. Упорно не хотел ставить ее в известность о том, что творится с Белой после ее ухода. Ему очень хотелось сказать ей: «Ты оставила ее со мной, а получается, что забрала с собой!»

Теперь он стал раз в неделю, вечером, возить

Белу к психотерапевту-женщине, которую посоветовала ему классная руководительница Белы. Та принимала в кабинете, расположенном в том же здании, куда Субхаш ходил к своему оптометристу. Он поначалу возражал, обещал сам поговорить с Белой, но преподавательница настояла.

Она сказала, что Беле нужна квалифицированная психологическая помощь, которую он не сможет ей обеспечить самостоятельно. Что это сродни вывиху, который нельзя вылечить просто временем — нужно умело вправить. Она сообщила, что уже побеседовала с Белой, и та не против пойти на прием к доктору.

Тут ему снова вспомнилась Гори. Ведь ей-то он так и не смог помочь, как того ни хотел. А сейчас начал бояться, что и Бела точно так же замкнется и окончательно отдалится от него.

Поэтому он все-таки выписал чек на имя психотерапевта доктора Эмили Грант. Потом ему пришлось выписывать такие чеки регулярно, как и на многие другие вещи. Но выводить на чеке фамилию доктора Грант ему было особенно неприятно.

Бела ходила на прием к доктору одна. И ему, конечно, было интересно, что она рассказала

доктору Грант, если вообще склонна рассказать что-либо про себя абсолютно незнакомому человеку. Интересно, добра ли эта докторша с его дочерью.

Ему вспомнилось, как он впервые узнал о том, что Удаян женился на Гори, тогда она заменила брату его. Сейчас Субхаш опять испытывал то же чувство — его снова кем-то заменили.

По всего лишь одной встрече с доктором Грант ему трудно было составить о ней впечатление. Дверь открылась, и он просто встал и пожал этой женщине руку. Вопреки его ожиданиям она оказалась гораздо моложе, пышная шапка густых каштановых волос, бледное строгое лицо, черные колготки, выпуклые икры, кожаные туфли без каблуков. Одета словно девочка-подросток с материнского плеча — пиджачок великоват и длинноват, хотя в открытую дверь он заметил развешанные в рамочках на стене многочисленные сертификаты ученых степеней. И подумал: неужели такая несолидная с виду женщина может помочь Беле?

Доктор Грант не проявила никакого интереса к его персоне, только внимательно посмотрела ему в глаза. Твердый и непроницаемый взгляд. Она провела Белу в свой кабинет и закрыла дверь

перед самым его носом.

Этот проницательный взгляд выбил Субхаша из колеи. Взгляд врача, который еще осматривает больного, а уже знает диагноз. Теперь он мог только гадать, выяснила ли она во время сеансов тайну, которую он скрывал от Белы. Догадалась ли, что он не настоящий ее отец. И что все это время день за днем он просто врал девочке.

Она ни разу не пригласила его зайти в кабинет. Месяцами он не получал никаких сведений о том, есть ли у Белы какой-то прогресс. Просто сидеть и ждать Белу в приемной для него оказалось невыносимо, поэтому он использовал этот час с пользой — например, покупал домой продукты. А потом уходил на стоянку и сидел в машине. Она приходила и опускалась рядом на переднее сиденье, захлопнув дверцу.

— Ну, как сегодня прошло, Бела?

— Отлично.

— Тебе помогают эти сеансы?

Она пожала плечами.

— Может, поужинаем где-нибудь в ресторане?

— Я не голодна.

Она уклонялась от общения с ним — точно так же, как это делала Гори. Мысли Белы где-то блуждали, она ничем с ним не делилась. Она не

могла наказать Гори и поэтому наказывала его.

— А ты не хочешь написать маме письмо? Или поговорить с ней по телефону?

Она мотала головой. Голова ее всегда была опущена, плечи сгорблены, лицо нахмурено, в глазах слезы.

Он стоял на пороге ее комнаты и любовался ею спящей, вспоминал, какой она была в детстве. В шесть или в семь лет. Их прогулки по берегу. По пустынному пляжу. Его любимое время, когда солнце садится в море и зажигает воду своей огненной полосой — широкой у горизонта и сужающейся к берегу.

Бела всегда так радовалась, всегда была там такой оживленной. И она казалась такой маленькой, просто крошечной на фоне огромного бескрайнего моря.

Он учил ее распознавать моллюсков, отличать их друг от друга. И морских птиц. Они с Белой даже придумали игру — кто первым выкрикнет правильное название, тот заработает очко.

Она брела за ним по берегу, вечно отставая, то и дело останавливаясь и на что-нибудь показывая пальцем. По каменистым выступам пробиралась с осторожностью. И всегда напевала что-нибудь себе под нос.

Когда она сильно отставала, он останавливался и ждал ее, а она вдруг во внезапном порыве резвости пробегала мимо, обгоняя его. Прыгала, скакала, забегала в воду босыми ножками. Ее темные волосы трепал ветер, а она все бежала и бежала вперед, а потом вдруг останавливалась и ждала его. Запыхавшись, стояла руки в бока и смотрела, как он приближается, словно боялась, что он отстанет навсегда.

На следующий год после ухода Гори медленно, постепенно она вроде бы освободилась от своей душевной тяжести. Взгляд ее прояснился, на лице появилось выражение безмятежности. Она будто бы снова повернулась к миру, к людям. Даже ходить начала по-другому — словно ветер дует ей не в лицо, сшибая с ног, а в спину, как бы подталкивая ее в этот мир.

Если раньше она все время сидела дома, то теперь, наоборот, ее никогда не было дома. К восьмому классу телефон в доме звонил по вечерам не переставая. Голоса звучали разные — и мальчики, и девочки. В своей закрытой комнате она часами болтала по телефону со сверстниками.

У нее повысилась успеваемость и заметно улучшился аппетит. Она больше не откладывала в сторону вилку после всего двух съеденных ку-

сочков со словами, что наелась. Она записалась в духовой оркестр и разучивала теперь патриотические песни на кларнете, а после ужина настраивала свой инструмент и упражнялась в гаммах.

На праздновании Дня ветеранов он любовался ею, когда она маршировала со своими ровесниками по центральным улицам города. Однажды, вытряхивая содержимое мусорной корзинки в ванной, он нашел там обертку от женской гигиенической прокладки и понял: у нее начались менструации. Она не сказала ему об этом ни слова, сама покупала прокладки и взрослела тайком от него.

В старших классах она записалась в биологический кружок и помогала учителю кольцевать черепах и препарировать птиц, ходила на берег очищать от мусора места гнездований. Она ездила в Мэн изучать тюленей и в Кэп-Мэй — бабочек-монархов. Она начала участвовать в общественной деятельности — вместе с другими школьниками собирала подписи под петициями в защиту окружающей среды и по подъему минимальной заработной платы.

Потом она получила водительские права и стала развозить остатки еды из ресторанов по

благотворительным столовым для бездомных. На лето находила себе сезонную работу — поливала газоны в детском садике или помогала воспитателям в летних лагерях. А вот обычных девичьих пожеланий у нее совсем не наблюдалось — модные тряпки и наряды ее не интересовали.

Летом в год окончания школы она не поехала с ним, когда Дипа сообщила, что его мать хватил удар. Она честно призналась о желании провести время с друзьями, пока те не разъехались по разным учебным заведениям. Ему, конечно, очень не хотелось расставаться с ней на несколько недель, но он все-таки даже был немного рад не везти ее в Толлиганг.

Субхаш еще не знал, до какой степени мать способна узнавать его. Когда увидел, понял: память ее была какой-то отрывочной: она то считала его Удаяном, то разговаривала так, словно они с Удаяном еще мальчишки, — наказывала не пачкать в грязи обувь, когда бегают в низину, и не играть на улице допоздна.

Мать теперь жила в каком-то другом времени, в своей собственной реальности. Ноги отказали ей, так что отпала необходимость вешать на лестнице цепочку. Мать отныне окончательно и навсегда была привязана к террасе на верхнем

этаже дома.

Он понимал: возможно, его уже нет в ее сознании, она, наверное, исключила его из своих мыслей. Он тоже исключил ее из своих, когда женился на Гори, когда годами не общался с ней, когда жил в далеких краях. Хотя в детстве он, помнится, проводил рядом с матерью много часов.

Но теперь расстояние между ними было не только географическим и не только эмоциональным. Оно было непреодолимым. Оно вызвало в Субхаше какую-то запоздалую вспышку чувства ответственности. Теперь, когда это стало уже в общем-то никому не нужно, ему хотелось быть рядом с ней.

В течение трех последующих лет он каждый год ездил в Калькутту зимой, чтобы повидаться с матерью. Посидеть рядом, почитать ей газету, попить с ней чаю. И он все время чувствовал себя отрезанным от нее — как, должно быть, Бела чувствовала себя отрезанной от Гори.

Находясь в Толлиганге, он вел себя опять как в детстве — не ходил дальше мечети на углу. Гулял только по своему кварталу, обязательно останавливаясь перед памятником Удаяну. Остальной город, его бьющая ключом жизнь и суета его больше не интересовали. Для Субхаша он был

просто коридором из аэропорта и обратно. Субхаш отрезал себя от остальной Калькутты, ушел от нее — как в свое время Гори ушла от Белы. В сущности, уже очень давно он оставил и отделил от себя этот город.

В его последний приезд мать пришлось отвезти в больницу. Сердце у нее совсем ослабело и требовало кислорода. Он приезжал в больницу рано утром и целыми днями сидел у ее постели, держал за руку. Конец близился, и доктора сказали, что он приехал очень своевременно. Но роковой приступ случился посреди ночи.

Биджоли умерла не в Толлиганге, не в доме, к которому была так сильно привязана. И хотя Субхаш специально приехал из Америки, чтобы быть рядом с ней, его очередной утренний приход в больницу оказался уже не нужен. Она умерла одна, в палате, где лежали чужие ей люди, отказав ему в возможности побыть рядом с ней в эти ее последние на земле минуты.

В качестве колледжа Бела выбрала для себя школу гуманитарных наук на Среднем Западе. Он отвез ее туда сам, и, пока они ехали по просторам Пенсильвании, Огайо и Индианы, время от времени давал ей порулить. Он познакомился с ее будущей соседкой по комнате в общежитии

и с ее родителями, после чего сразу уехал. В колледже имелся альтернативный курс обучения, без экзаменов и присвоения степеней. Такой нетрадиционный порядок как раз подходил для Белы. Судя по отметкам в семестрах, она училась хорошо. Основным для себя предметом она избрала окружающую среду, а диплом писала о воздействии пестицидных отходов на местные речные ресурсы.

Но магистратура вопреки его ожиданиям Белу совершенно не интересовала. Она сказала, что не хочет провести всю свою жизнь в стенах университета, занимаясь кабинетными исследованиями. Что из книг и лабораторных занятий она узнала уже достаточно и хочет жить иначе.

Она заявила ему об этом не без доли некоего презрения. По-видимому, так она выразила пренебрежение к тому пути, какой выбрали они с Гори. Ему тут же вспомнился Удаян — он тоже, как и Бела сейчас, холодно отнесся к образованию брата.

Она иногда упоминала о миротворческих силах, когда заводила разговор о том, что хотела бы побывать в разных частях света. А он все думал, появится ли у нее желание съездить в Индию. В свои двадцать один она была достаточно взрос-

лая, чтобы принимать подобные решения. Но после окончания колледжа она уехала, слава богу, не так далеко — в Западный Массачусетс, где ей предложили работу на ферме.

Он сначала думал, что это будут какие-то научные исследования — пробы почвы, исследования урожаев. Но оказалось — просто работа помощника агронома: контроль орошения полей, посевы и жатвы, чистка помещений на ферме, расфасовка овощей для продажи.

Когда она приезжала на выходные домой, Субхаш видел ее огрубелые руки, мозоли на ладонях, грязь под ногтями. От нее пахло землей. Ее шея, спина и лицо были очень загорелые.

Она носила джинсовый комбинезон, тяжелые ботинки и повязку на волосах. Спала в мужской рубашке, а на руках вместо звенящих браслетов красовались кожаные веревочки.

Каждый раз он замечал что-нибудь новое — татуировку на лодыжке, выбеленную прядь волос или колечко в ноздре.

Она теперь разъезжала по всей Америке. Работала в штатах Вашингтон, Аризона, Кентукки, Миссури. В каких-то городишках, в которых, по ее словам, не было даже светофоров. Эти места Субхаш вынужден был искать на карте. Она ездила

туда, где нужно было снимать урожай, где нужно было сажать всякие растения, где нужно было ухаживать за пчелиными ульями или растить цыплят или ягнят.

Она говорила ему, что живет недалеко от работы, часто трудится не за зарплату, а просто за еду и кров. Ее зарплата часто шла в общий котел, и она могла по нескольку месяцев жить в какой-нибудь там Монтане в палатке. Она находила себе поденную работу — высаживала орхидеи, разбивала клумбы. Она жила без страховки, без каких бы то ни было видов на будущее. Даже без точного адреса.

Иногда она посылала ему открытку со своим новым адресом или посылочку с увядшей капустой брокколи или грушами, завернутыми в газетную бумагу, высохший красный перчик, тоже во что-нибудь завернутый. И Субхаш все думал: была ли она в Калифорнии, где жила до сих пор Гори, или, наоборот, Калифорнию избегала.

С Гори он вообще не имел никакой связи. Только номер абонентского почтового ящика, на который он первые несколько лет, пока они официально не разделили счета, слал квитанции к оплате. Кроме этой деловой корреспонденции у него не было ничего, что он мог бы ей послать

или сообщить.

Они с Гори жили, разделенные громадными просторами этой страны, и Бела скиталась без них. Они оба не удосужились подать на развод — Гори не просила, а Субхаша этот вопрос не волновал. Быть женатым для него в некотором роде даже было удобно. Конечно, его ужасало то, что Гори совсем не контактировала с Белой, не прислала ей за все это время ни одного письма. Ее сердце по-прежнему оставалось холодным. А с другой стороны, он был рад, что их отношения закончились мирно.

Бывая в домах своих коллег — американцев или индийцев, — он время от времени встречал там какую-нибудь вдову или женщину, ни разу не бывшую замужем. Пару раз он звонил таким женщинам, или они звонили ему, приглашали его на концерт классической музыки в Провиденс или на театральный спектакль.

Его не интересовало такое времяпровождение, но он ходил, а иногда пытался заглушить чувство одиночества и даже проводил ночь в постели женщины. Но заводить длительные отношения не хотел — ему это было не интересно. Ему было уже более пятидесяти лет, и обзаводиться новой семьей он не планировал. Субхаш слишком да-

леко зашел с Гори и не мог себе представить, что способен пойти на такое снова.

Он скучал только по Беле, только с ней хотел общаться. Но она была неуловима, недосягаема, и он не знал, когда сможет снова с ней встретиться. Она старалась приехать домой на свой день рождения или на Рождество. Пару раз обещала, но так и не приехала — сослалась на изменившиеся обстоятельства.

Когда она все-таки приезжала, то спала в своей постели, растирала руки и ноги камфорными мазями и подолгу отмокала в ванне. В эти короткие приезды она позволяла ему заботиться о ней, готовить для нее. Вместе они смотрели по телевизору старые фильмы и гуляли по их старым излюбленным местам.

Но ей нужно было побыть и одной, поэтому она засиживалась далеко за полночь, жаря себе какие-нибудь кукурузные хлебцы, или брала его машину и ехала куда-нибудь далеко, не приглашая его с собой. И он знал: когда она вернется, душа ее, как всегда, будет открыта для него не полностью. Что ее чувство границы и дистанции опять не позволит более тесного сближения. Она вроде бы и нашла себя, но ему по-прежнему казалось: она потеряна для него.

Каждый раз перед отъездом она застегивала на молнию сумку и уходила, не сказав, когда вернется. Она исчезала так же, как это сделала в свое время ее мать. Гори словно бы направила дочку, указала своим поступком ее курс.

С годами к ее работе стала приплетаться определенная идеология. Во всем, что она делала, чувствовался какой-то дух противоречия.

Она видела города — больные, отравленные районы Балтимора и Детройта. Она помогала передать заброшенные владения в общественное пользование, учила бедных выращивать овощи, чтобы прокормиться. И совсем не радовалась, когда Субхаш хвалил ее за эти усилия. «Это просто необходимость», — говорила она.

Дома в Род-Айленде она заглядывала в холодильник и ругала его за яблоки, купленные в супермаркете. Она была против пищи, требующей доставки на длинные расстояния, против закупки заморских семян. Она объясняла ему, почему люди до сих пор умирают от голода, почему фермеры до сих пор голодают. Виновата в этом, она считала, система неравного распределения богатства.

Она ругала Субхаша за то, что он выбрасывает очистки от овощей, вместо того чтобы собирать

их в компост. Однажды Бела съездила в магазин стройматериалов, купила там листы фанеры, гвозди и устроила у него на заднем дворе место для компостной кучи, объяснила ему, как с этим обращаться.

«Что мы потребляем, то мы и даем», — приговаривала она, убеждая его освоить это новшество, и чувствовала свою правоту. В этом она очень походила на Удаяна.

Его беспокоили и настораживали эти ее страстные идеалы, но продукты он стал покупать не в супермаркете, что было быстрее и дешевле, а в фермерском магазине, куда он ездил по субботам за овощами, фруктами и яйцами на неделю.

Тамошние работники взвешивали для него товар и укладывали его в холщовые мешочки, производили вычисления на бумажке вместо кассового аппарата — в этом они очень походили на Белу. Напоминали ее прагматичную простоту. Благодаря Беле он стал есть то, что было по сезону и что было доступно. То есть то, что он поглощал в детстве, даже не задумываясь.

Этой цели — изменить мир к лучшему — она, видимо, должна была посвятить всю свою жизнь. Но он продолжал переживать за нее, ведь она по-прежнему отказывалась от любой стабильно-

сти в жизни. Не принимала и не видела корней, а избрала себе путь, казавшийся ему опасным и ненадежным. Путь, где не было места ему. Но он позволил ей, как и Гори, пойти по выбранному пути.

О своих друзьях она всегда тепло отзывалась и никогда с ними не знакомила, они заменяли ей семью. Она рассказывала про их свадьбы, вязала свитерочки для их детей или шила им тряпичных кукол и посылала потом бандеролью как сюрприз. Если у нее и был в жизни какой-то сердечный друг, то Субхашу об этом ничего не было известно. Когда она приезжала домой, то они всегда были только вдвоем.

Он научился воспринимать ее такой, какая она есть. Порой ее второе рождение казалось ему более чудесным, чем первое. Ему казалось чудом, что она открыла для себя смысл жизни, что не сломалась и устояла после ухода Гори. Бела со временем сумела восстановить, пусть даже и не полностью, свою привязанность к нему.

И все-таки иногда его одолевал страх, какое-то ощущение влияния Удаяна. Какая-то уверенность, что Удаян сильнее. Гори бросила их, Субхаш давно уже привык к этому и уже не надеялся на ее возвращение. Но порой ему казалось,

что вернется не Гори, а Удаян. Выйдет из могилы и потребует свое. Захочет занять отцовское место. Предъявит права на Белу.

Часть шестая

Глава 1

В их доме в Толлиганге она расчесывает волосы перед сном. Дверь спальни заперта на задвижку, ставни закрыты. Удаян лежит под пологом из москитной сетки, на груди у него коротковолновый приемник. Одну ногу согнул, положив ее на другое колено. Рядом на покрывале виднеются металлическая пепельница, спичечный коробок и пачка сигарет «Уиллз».

Это 1971 год, второй год их супружеской жизни. Почти два года прошло с момента основания партии. И год после полицейских рейдов в редакции «Дешабрати» и «Либерейшн». Номера выпускаются подпольно и ходят по рукам. Их читает Удаян и затем прячет под матрасом. Газеты эти объявлены мятежными, хранение такой литературы считается преступлением.

Начальником полиции города назначен Ранджит Гупта, и тюрьмы переполнены. Полиция хватает сочувствующую повстанцам молодежь прямо в домах, в студенческих общежитиях, на подпольных квартирах. Этих людей швыряют в камеры и выбивают из них признания. Кого-то выпускают через несколько дней, других

оставляют в заключении на неопределенный срок. Им прижигают спину окурками, заливают в уши горячий расплавленный воск, загоняют металлические прутья в задний проход. Те люди, чье жилье расположено рядом с калькуттскими тюрьмами, не могут спать по ночам.

Недавно в районе Колледж-стрит полицейские застрелили четверых студентов. Один из них вообще не имел никакого отношения к партии. Просто шел на занятия.

Удаян выключает приемник.

— Ты жалеешь о своем решении? — спрашивает он.

— О каком решении?

— Что вышла замуж.

Она застывает на мгновение с расческой в руке, пытается разглядеть в зеркале его отражение, но лица мужа почти не видно из-за москитной сетки.

— Нет, не жалею.

— Вышла замуж за меня.

Она встает со своего стула, поднимает москитную сетку, садится на край постели. Потом ложится рядом с ним.

— Нет, не жалею, — повторяет она.

— Синху арестовали.

— Когда?

— Несколько дней назад.

Он говорит об этом совершенно невозмутимо, словно с ним такого произойти не может.

— И что теперь будет?

— А будет что-то одно: или заставят его заговорить, или убьют.

Она снова садится на постели и начинает заплетать косу на ночь.

Но он останавливает ее пальцы, разматывает на ней сари, обнажая ее тело, распускает ее волосы по плечам.

— Оставь их так сегодня.

Волосы ниспадают волнами прямо ему в ладони, рассыпаются тяжелыми прядями, доставая до постели. Потом вдруг их тяжесть исчезает, они теперь снова короткие, больше уже не такие шелковистые, и в них блестит седина.

Но Удаян в этом сне по-прежнему остается двадцатилетним мальчишкой. На тридцать лет младше теперешней Гори, почти на десять лет младше, чем Бела сейчас. Его волнистые волосы откинуты назад со лба, талия тонкая, по сравнению с широкими плечами. А она в этом сне женщина пятидесяти шести лет, непонятно как дожившая до такого возраста.

Но Удаян не видит этой разницы в возрасте. Он притягивает ее к себе, расстегивает пуговки на блузке, тянется к ее спавшему долгие годы телу. Она пытается остановить его, уговаривает отказаться от нее. Говорит, что вышла замуж за Субхаша.

Но это сообщение никак не действует на него. Он снимает с нее остальную одежду. Эти прикосновения кажутся ей запретными, потому что она обнажилась сейчас перед юношей, который годится ей в сыновья.

Когда она была замужем за Удаяном, ей часто снился один и тот же страшный сон: они с Удаяном не встретились, и он не пришел в ее жизнь. И в такие моменты к ней всегда возвращалось ощущение, которое испытывала еще до знакомства с ним, — ей суждено провести жизнь в одиночестве. Она ненавидела тогда первые моменты после пробуждения в их постели в доме в Толлиганге, когда лежала рядом с ним, все еще пребывая в другом мире, где им не суждено быть вместе.

Она тогда знала его всего несколько лет. Только начинала открывать его для себя, постигать его душу. Но в каком-то смысле она словно бы знала его практически всю свою жизнь. После его

смерти какое-то внутреннее знание приходило из воспоминаний о нем, из постоянных мыслей о нем. Из тоски по нему и одновременно из обиды. Без этих воспоминаний, мыслей и чувств она просто не смогла бы помнить его и горевать по нему.

Она пытается представить себе, как он выглядел бы сейчас. Как переносил бы старение, какими болезнями и хворями страдал, от какого недуга мог бы умереть. Она пытается представить себе, как постепенно с возрастом приобретает дряблость его плоский живот, как седеют волосы у него на груди.

За всю свою жизнь она, кроме Субхаша и Отто Вайса, не рассказала ни единой живой душе о том, что произошло с Удаяном. Никто, кроме них, об этом не знал, а стало быть, и не мог расспрашивать. Не задавать вопросов о том моменте в Калькутте. О том, что она видела с террасы дома в Толлиганге. О том, что она сделала для Удаяна по его просьбе.

* * *

В Калифорнии ее поначалу преследовали не мертвые, а живые. Ей то и дело мерещились Бела с Субхашем, она все боялась, как бы кто-нибудь

из них не появился неожиданно перед ней в аудитории или на кафедре во время заседания. В первый день лекций она все всматривалась в ряды студентов, искала среди них глазами мужа или дочь.

Она боялась, что они найдут ее где-нибудь на аллее, когда она будет идти из одного учебного корпуса в другой. Найдут ее, остановят, начнут устраивать сцены. Поймают ее, как полиция поймала тогда Удаяна.

Но за двадцать лет ни муж, ни дочь этого не сделали. Ее не звали вернуться. Ей даровали свободу, которую она так жаждала.

К тому времени, когда Беле исполнилось десять, Гори научилась представлять себе ее вдвое старше — двадцатилетней. Бела тогда большую часть времени проводила в школе, а в выходные иногда гостила у подруги. Дочка по две недели могла жить в летнем детском лагере для девочек. За ужином она сидела между Гори и Субхашем, а потом ставила пустую тарелку в раковину и поднималась к себе наверх.

Но Гори по-прежнему ждала — ждала, пока ей предложат работу, пока подвернется случай, а Субхаш поедет в Калькутту. Она понимала, что допущенных ею в первые годы жизни Белы ошибок

уже не исправить. Все ее попытки в этом направлении терпели крах, потому что не имели под собой надежного основательного фундамента. Со временем надежда что-либо изменить покинула ее, обнажив ее эгоизм, ее неспособность быть настоящей матерью и ее недовольство собой.

Она стала воспринимать Субхаша как своего соперника, они как бы соперничали из-за Белы, и это соперничество представлялось ей оскорбительным и несправедливым. На самом же деле никакого соперничества не было, а было с ее стороны просто расточительное и пренебрежительное отношение к предоставленным возможностям. Ее уход, ее самоустранение казались неизбежными. Она собственной рукой нарисовала себя в уголочке картины, а потом и вовсе стерла себя оттуда.

Во время того первого ее полета через всю страну в салоне самолета было так светло и ярко, что она надела солнцезащитные очки. Гори прижалась лбом к овальному иллюминатору и разглядывала землю внизу. Там, далеко-далеко внизу, словно погнутый провод, поблескивала какая-то река. Коричневые и золотистые пятна земли сменялись расселинами оврагов. Скалистые горы вздымались в небо, и казалось,

трескались от солнечного жара.

И были еще какие-то черные горы, на которых, похоже, не росли ни трава, ни деревья. И какие-то тонкие извилистые линии ответвлениями вели в никуда. Это были не реки, а дороги.

А иногда встречались какие-то геометрические фигуры, похожие на коврик из лоскутов — розовых, зеленых, желто-коричневых. От пассажира, сидевшего рядом, она узнала — это поля. Но Гори они казались какими-то рассыпанными монетками, только гладкими, без чеканки.

Потом они летели над пустыней, безликой и ровной, и наконец достигли другой оконечности Америки, где раскинулся вширь нескончаемый Лос-Анджелес. В этом городе она надеялась найти надежное убежище, вернее, надеялась затеряться. Душу ее наполняло чувство вины и какой-то адреналиновый страх от своего решения.

Она теперь попала в новое измерение, в совершенно новое место, где ее ждала совершенно новая жизнь. Всего три часа полета теперь отделяли ее от Белы и Субхаша как барьер, как те громадные горы, через которые она перелетела, чтобы добраться сюда. Она отгородилась от них этим барьером, хотя раньше никогда не смогла бы и подумать, что способна совершить такое

чудовищное деяние.

Первую работу она сменила быстро и переехала дальше к северу — сначала преподавала в Санта-Крус, потом в Сан-Франциско. Но потом она все-таки вернулась в Южную Калифорнию и обосновалась в маленьком научном городке, окаймленном песочного цвета горами, высившимися по другую сторону скоростной автострады. В городке жили в основном аспиранты и преподаватели в общежитии, расположенном в крепком еще здании школы, построенной после Второй мировой войны.

В таком маленьком местечке затеряться было просто невозможно. Ее преподавательской целью было не только делиться знаниями со студентами, но и стать для них наставником, то есть постоянно общаться с ними.

Она вела семинары для групп из десяти-двенадцати человек, знакомила их с величайшими философскими трудами, с неразрешимыми вопросами и знаменитыми философскими спорами былых столетий. Она учила их основам политической философии, метафизики и герменевтики — науки о понимании и толковании текстов. Ее специализированной темой был германский идеализм и философия франкфуртской школы.

Она разбивала студентов на дискуссионные группы, иногда по воскресеньям приглашала их к себе домой, угощала чаем. В университете занятия она проводила в своем кабинете на кафедре среди стеллажей книг, при свете лампы, которую принесла из дома. Она выслушивала их признания о неурядицах в личной жизни, мешающих учебе. Если какой-то студентке случалось расплакаться, она утешала ее, даже давала салфетку вытереть слезы.

Поначалу это вроде бы вынужденное общение давалось ей с трудом, ведь она ехала в Калифорнию, чтобы затеряться там, раствориться, спрятаться ото всех. Но со временем эти ни к чему не обязывающие отношения стали занимать в ее душе определенное пространство. Коллеги поддерживали ее. Студенты восхищались ею и любили. За три-четыре месяца учебного семестра они начинали обожать ее, а потом уходили, и она скучала по ним, потому что успевала к ним привыкнуть, как бы исполняла роль их ангела-хранителя.

Ей поручили опекать студентов, приехавших из Индии. Раз в год она устраивала для них званый ужин, угощала их бирьяни, кебабом и другими индийскими традиционными блюдами.

Они были людьми другого поколения, родились уже в совершенно другой Индии. Им хорошо дышалось в Америке, они стремились к богатству и карьере.

Иногда ее бывшие студенты присылали приглашения на свою свадьбу. И она ходила на эти торжества, так как свободного времени у нее теперь было много, а заботиться не о ком.

Помимо преподавания она еще писала научные труды. У нее вышли три монографии: феминистская оценка Гегеля, анализ интерпретивных методов Хоркхаймера и книга, написанная на основе диссертации. Тема выросла из студенческой работы, которую она когда-то сдала профессору Вайсу, — «Эпистемология ожидания у Шопенгауэра».

Она часто вспоминала то медленное рождение этой диссертации за закрытой дверью в доме в Род-Айленде. Хорошо помнила, как насущность этой работы вытеснила тогда у нее насущность материнских инстинктов. Она помнила свое вечное чувство раздражения, по мере того как годы шли, а работа не продвигалась, и ей казалось: она никогда не завершит, в этой сфере жизни ее тоже постигнет неудача. Но профессор Вайс сам позвонил ей, когда прочел ее работу, и сказал, что

гордится такой перспективной студенткой.

Теперь она могла разговаривать с профессором Вайсом по-немецки, все-таки выучила этот язык — сначала учила сама, а потом год стажировалась в Гейдельбергском университете. Он теперь был уже пожилым человеком и, выйдя на пенсию, переехал во Флориду. В свое время Отто Вайс помог Гори попасть в аспирантуру в Бостоне, а впоследствии получить преподавательскую работу в Калифорнии. Он принимал в ее профессиональной деятельности такое участие, что даже и не подозревал, что она предпочтет эту работу, отказавшись от воспитания своего ребенка.

Сейчас она не поддерживала с ним контактов — подозревала, что в университете в Род-Айленде стало известно об ее уходе из семьи, боялась, что Вайс, который был ее наставником, который так верил в нее, так живо всегда интересовался Белой и расспрашивал о ней, потеряет к ней уважение.

Ее мировоззрение было начисто изолировано от практической стороны жизни из-за длительного стремления заниматься вопросами чистой науки. Когда-то она считала, что будет работать из уважения к Удаяну, но теперь стало ясно: ее работа оказалась предательством всего, во что она когда-то верила. Даже предательством самого

Удаяна, а ведь он так вдохновлял ее на дальнейшую учебу и на собственный путь в жизни.

Несколько раз в году она ездила на конференции и симпозиумы, проводившиеся в Америке и за рубежом. Эти дальние поездки помогали както развеяться, она находила некое удовольствие в такой перемене обстановки, в этой нечастой возможности прервать уединение.

Расшитую бирюзовую шаль — единственную вещь, оставшуюся из подарков Субхаша, — она всегда брала с собой в салон самолета. Ей приходилось бывать и на Восточном побережье, но она всегда объезжала стороной Провиденс и даже Бостон и Нью-Хэйвен. Слишком близко от них пролегала граница, которую она боялась нарушить.

Гори не задумывалась о практических сторонах, оставила себе индийское гражданство, имела грин-карту и продлевала по мере необходимости срок действия своего индийского паспорта. Но в Индию она не летала ни разу — не хотела этих лишних хлопот с очередями в пунктах паспортного контроля, собеседованиями и отпечатками пальцев на въезде обратно в Соединенные Штаты. Она всегда знала: в любой момент может туда вернуться.

Но она знала также, что для оформления пенсии ей потом придется стать гражданкой США, и это тоже являлось предательством идеалов Удаяна.

Так или иначе, Калифорния стала для нее домом. Она быстро привыкла к здешнему климату, иной раз жаркому, но не гнетущему. В отличие от Калькутты климат здесь был сухой, если не считать редких вечерних туманов.

Здесь не было зимних холодов, затяжных сезонов дождей и буйных пустынных ветров. Снег здесь виднелся только далеко на горных вершинах.

Она встречала здесь многих людей с Восточного побережья, пустившихся на поиски новой доли, каждый по своим причинам. Как и Гори, они облюбовали для себя Калифорнию и не собирались возвращаться, поэтому ее предыстория никого не интересовала. Наоборот, на всяких сборищах она чувствовала себя хорошо среди этой публики и просто поддерживала в разговорах общую тему — нахваливать это благословенное место.

Некоторые здешние растения были ей знакомы. Например, чахлые банановые пальмы, низенькие и суховатые, чьи фиолетовые соцветия свекровь, помнится, вымачивала, а потом

стругала мелкими кусочками и готовила. Эвкалипт легко узнавался по белесой коре. Финиковые пальмы с остроконечными листьями тоже росли здесь.

И море было совсем другое — спокойное, доброжелательное, не такое разрушительное, как в Род-Айленде, где оно всегда вызывало чувство беспокойства. Другими были здесь и расстояния между поселками и городами. Сотни миль по шоссе иной раз составляли эти расстояния.

У нее возникло чувство защищенности среди безликих просторов, хотя она совсем ими не интересовалась. Ей нравилось тут все: колючая растительность, жаркий сухой воздух, бетонные домики с черепичными красными крышами. И люди здесь ей тоже больше нравились — какие-то более открытые, не слишком придирчивые и улыбчивые, при этом никогда не лезли в душу. Просто приветствовали ее желание жить в этих краях.

И все же, несмотря на свою западную манеру одеваться, несмотря на свою работу, она из-за акцента и необычной внешности ощущала себя здесь немного чужой. Она продолжала представляться людям своим индийским именем и индийской фамилией, которой ее наградили

братья Митра.

Из-за акцента и ее внешности люди не переставали расспрашивать ее, откуда она приехала, и, видимо, строили какие-то свои предположения обо всем остальном. Однажды из университета Сан-Диего за ней прислали машину, и, когда она открыла дверь, шофер принял ее за прислугу, сказав: «Передай хозяйке, что я подожду сколько надо».

* * *

Поначалу она соблюдала все традиционные условности вдовства, которыми в свое время пренебрегла из-за Белы и Субхаша. Избегала ситуаций, где ее могли знакомить с кем-то, и в соответствии с западной привычкой носила на пальце обручальное кольцо.

Она отказывалась от приглашений на обеды и на ужины. Во время поездок на конференции и симпозиумы держалась обособленно, не переживала из-за того, что люди могут счесть ее недружелюбной и необщительной. После того как она поступила с Субхашем и Белой, просто не могла себе позволить искать дружеских отношений с кем-либо.

Уединение было ей своеобразным другом — ти-

хий дом, безмятежные вечера. Гарантированная уверенность — найти вещи там, где положила их, никто не оторвет от дела, никто не устроит неожиданных сюрпризов. С этой уверенностью она каждый вечер ложилась в постель и просыпалась по утрам. У нее не было ни малейшего желания изменить свой образ жизни. Наоборот, она оставила бы его таким, случись ей теперь вступить в какие-то новые отношения, более удовлетворяющие и более терпимые, чем в обоих браках.

Впрочем, иногда в ней все-таки просыпалось желание, и тип ее жизни, необходимость принимать приглашения от коллег на званые вечера давали ей возможность в этом отношении.

В основном это были ее коллеги-гуманитарии, но не всегда. Однажды у нее был мужчина, чье имя она потом забыла, он смастерил для нее стеллажи для книг. А еще был неработающий муж одной дамы-музыковеда из Американской академии в Берлине.

Порой она меняла любовников довольно часто, а временами у нее подолгу не было никого. В некоторых мужчин даже влюблялась, оставаясь с ними друзьями. Но она никогда не позволяла себе доходить до той грани, когда эти мужчины

могли бы усложнить ее жизнь.

Только Лорна смогла по-настоящему расшевелить ее душу. Она постучалась однажды в дверь ее кабинета на факультете и, стоя на пороге, представилась. Высокая женщина за тридцать, с красивой прической на прямой пробор. На ней были симпатичные брючки в обтяжку и белая блузка на пуговках. Гори поначалу решила, что она тоже преподаватель, только с другого факультета.

Но Лорна оказалась аспиранткой из Лос-Анджелеса, которая прочла все печатные труды Гори и приехала сюда специально найти ее. Она сколько-то лет работала в рекламе, жила в Нью-Йорке, Лондоне, Токио, но потом бросила работу и вернулась в университет. Она искала стороннего рецензента для своей диссертации по теме родственной автономии, привезла с собой черновик. Она готова была помогать Гори в любых ее исследованиях в обмен на рецензирование.

Лорна очень трогательно просила согласиться.

Она находилась в самом расцвете женской красоты — длинная шея, большие серые глаза, изящные брови. Гладкая кожа и почему-то крошечные мочки ушей.

— Я слушала в прошлом месяце вашу лекцию в

Дэвисе, — сказала Лорна. — В конце даже вопрос вам задала.

— Да? Не помню.

— Вы не помните вопрос?

— Я не помню вас.

Лорна достала из рюкзачка шоколадный батончик.

— Вопрос был об Альтюссере. Вы меня извините, я не обедала. Это ничего?

Гори кивнула и слушала, как Лорна объясняла, в связи с чем задала тот вопрос, при этом жевала батончик. Она энергично жестикулировала, и Гори заметила, какие у нее маленькие аккуратные руки. Она призналась Гори, что почти год набиралась смелости, чтобы подойти к ней.

Гори была смущена. Как она могла не запомнить такое лицо?

Тема была интересна обеим, и они стали переписываться по электронной почте, встречаться в ресторанчиках и кафе. Лорна, бывало, пропадала несколько дней, а потом появлялась с готовой главой. Она звонила Гори, когда работа у нее не шла, когда испытывала неуверенность в каких-то вопросах.

Она была так симпатична Гори, что та вела эти бесконечные телефонные разговоры безо всяких

границ. Она теперь даже ждала эти встречи, начала даже наряжаться как-то более тщательно. Она не могла припомнить, чтобы когда-то в ней шевелилось желание женского тела. Но с Лорной она поняла, что переступила ту грань, за которой начинаются подобные желания.

Иногда они сидели рядом, и руки их соприкасались при работе над рукописью Лорны. Тогда Лорна что-то говорила, а Гори слушала, стоя в нескольких шагах от нее, и чувствовала, что теряет контроль над собой. Она боялась не выдержать соблазна и сделать один шаг ближе, потом еще ближе, пока расстояние между ними не исчезнет.

Но она сдерживала эти порывы — не была уверена, что Лорна испытывает к ней такое же притяжение.

Однажды вечером Лорна явилась к ней в кабинет без предварительного звонка, что делала довольно часто. Она закончила последнюю главу и принесла ее в толстом конверте, который держала в руках.

В коридорах факультета было пустынно, студенты разошлись по общежитиям, только охранники и некоторые преподаватели оставались еще в этот поздний час в здании.

Лорна протянула конверт Гори. Она выглядела усталой, но счастливой. Впервые за все время она была одета очень просто — в джинсы и футболку, впервые без аккуратной прически. Она поставила на стол пакет с покупками — сыр, виноград, печенье, бутылку вина и два бумажных стаканчика.

— Что это?

— Может, нам отпраздновать?

— Прямо здесь?

Гори встала из-за стола и заперла дверь. Когда она обернулась, Лорна стояла к ней лицом, совсем близко, и напряженно смотрела на нее.

Она взяла руку Гори, просунула ее себе под футболку и положила на свою грудь под мягкую материю бюстгальтера. Гори почувствовала, как соски на этой груди мгновенно увеличились и затвердели, как и у нее самой.

Мягкость этих поцелуев явилась для нее каким-то новым откровением. Запах ее безукоризненно красивого тела, когда стопки бумаг сдвинули в сторону, чтобы освободить место на офисном диване. И гладкость ее кожи, и лирический беспорядок волос. И ощущение прикосновения губ Лорны у нее в паху.

У Гори никогда не было любовников младше ее

по возрасту. На тот момент ей было сорок пять, и тело ее начинало потихоньку стареть — кожа немного провисла, появились морщинки, пятна лопнувших сосудов. Гори осознавала теперешнее несовершенство своего тела, и оттого смутилась и хотела отказаться.

Все-таки Лорна была ее ученицей, и такая ситуация выходила за все рамки. Мог бы разразиться страшный скандал, если об их отношениях узнали на факультете. Не только о первом вечере в кабинете, но и о последовавших затем встречах, когда они, довольно часто, предавались ласкам в постели Гори или дома у Лорны, а однажды даже в номере отеля на побережье.

На защите диссертации Гори входила в состав комиссии и вместе с другими рецензентами задавала Лорне вопросы. Как чужой, посторонний человек — словно и не было тех упоительных, наполненных ласками вечеров вдвоем.

А потом Лорне предложили работу в Канаде, в Торонто, и она уехала. Уехала без разговоров и обсуждений, ни разу не задала вопроса о дальнейших их отношениях. Их связь закончилась, без обид, но резко и решительно. И все же Гори восприняла это расставание довольно тяжело и потому чувствовала себя немного униженной.

Они с Лорной умудрились остаться друзьями и, встречаясь на симпозиумах и конференциях, всегда находили время для чашечки кофе. Просто теперь они были не любовницами, а коллегами.

За свою жизнь Гори вообще-то привыкла к такой перемене ролей — сначала жена, потом вдова, сначала невестка, потом жена, сначала мать, потом одинокая бездетная женщина. Только смерть Удаяна была здесь особым обстоятельством. Другие перевоплощения она сама или инициировала, или предприняла для этого активные шаги.

Сама вышла замуж за Субхаша, сама бросила Белу. В тех перевоплощениях она настойчиво искала себя, выбирала такую дорогу и платила жестокую цену. Нанизывала на себя слоями эти роли только лишь для того, чтобы однажды содрать и оказаться в конце концов одинокой.

Теперь даже это приключение с Лорной, случившееся более десяти лет назад, тоже ушло в прошлое. Оно поблекло, обесцветилось и увядало там среди других событий ее жизни.

А нынешняя ее жизнь окончательно свелась к одиночеству под девизом самодостаточности, к черным брюкам и просторным блузам, книгам и ноутбуку, необходимому для работы. Ну и к авто-

мобилю, без которого ей никак нельзя обойтись.

Волосы она по-прежнему стригла коротко, причесывала на прямой пробор. Носила овальные очки с цепочкой на шее. Под глазами у нее легли голубоватые круги. Голос стал резким за долгие годы чтения лекций и выступлений. Кожа была иссушена южным солнцем.

Она больше не засиживалась за письменным столом до глубокой ночи, сама изменила себе рабочий режим — в десять вечера в постель, с рассветом подъем. В своем строгом укладе она позволяла себе кое-какие вольности. Например, выращивала цветы в горшках во дворике. Жасмин начинал благоухать по вечерам, росли огненно-красные гибискусы, кремовые гардении с блестящими листьями.

После долгого рабочего дня она любила посидеть во дворике среди увитых растениями шпалер, перебирала накопившиеся счета за чашечкой чая. А иногда даже ужинала там.

В машине, когда ей надоедало радио, она слушала аудиокниги.

Вот и все радости жизни. Больше она не хотела давать себе никаких поблажек. Ее жизнь все эти годы, после смерти Удаяна и после ухода от Субхаша и Белы, и так была для нее большой

поблажкой. Жизнь Удаяна прервалась в одно мгновение, а ее жизнь продолжалась.

Ее судьба не сломалась, несмотря на события и прожитые годы, как и ее глиняный чайничек в восточном стиле с пробковой ручкой на крышке, который она купила когда-то на распродаже в Род-Айленде. Этот чайничек до сих пор скрашивал ее одиночество. Он пережил перелет в Калифорнию, обернутый в шерстяную кофту, и по-прежнему исправно служил ей.

Однажды Гори листала рекламный каталог, какими был вечно набит ее почтовый ящик, и наткнулась на фотографию круглого деревянного столика, предназначенного для установки в саду. Хотя столик ей не был особенно нужен, она все-таки позвонила по указанному телефону и заказала его. Вообще-то ей давно уже хотелось избавиться от плетеного столика со стеклянной столешницей, стоявшего в патио и пережившего уже несколько поколений скатертей.

Примерно через неделю перед ее домом остановился грузовик доставки. Она ждала, что привезут тяжелую коробку и ей придется провести целый день за изучением инструкции по сборке, путаясь в болтиках и шурупах комплекта. Но оказалось, стол доставили уже в собранном виде — двое

дюжих парней внесли его прямо во двор.

Гори показала, куда его поставить, расписалась в квитанции о получении груза и дала ребятам чаевые. Потом уселась за новый столик, поглаживая его по столешнице, принялась вдыхать запах свежей древесины. Не просто древесины, а тика.

Это был запах мебели, оставшейся в ее спальне в доме в Толлиганге — запах платяного шкафа, туалетного столика и кровати, на которой они с Удаяном зачали Белу. Тот запах, заказанный в американском каталоге и доставленный на грузовике, вернулся к ней.

Теперь, когда она сидела во дворике, он всегда сопровождал ее. Этот запах усиливался от солнца и ветерка, его немного острый аромат стирал расстояния и будил воспоминания.

Интересно, что Субхаш сказал Беле? Возможно, ничего не сказал. Возможно, это и есть наказание за ее преступление. Теперь она, конечно, понимала, что означало бросить своего ребенка. Это равнозначно убийству. Она убила родственную связь, и такое преступление гораздо страшнее преступления, совершенного когда-то Удаяном.

За все эти годы она ни разу не написала Беле. Ни разу не осмелилась обратиться к ней и как-то утешить. Да и какое утешение она могла ей дать?

Содеянное нельзя было перечеркнуть или как-то исправить. Ее молчание, ее отсутствие все эти годы казались даже каким-то более благоразумным решением, чем любые утешения.

Что же касалось Субхаша, то он все сделал правильно: дал ей уйти, не домогался, не увещевал, не пытался усовестить. По крайней мере, открыто, в лицо. Она надеялась, что он нашел семейное счастье. Он счастье заслужил. А она — нет.

Пусть их брак был ненастоящим, но благодаря ему она выбралась из Толлиганга. Субхаш отвез ее в Америку и выпустил там, как зверушку, из клетки. А когда она сидела в клетке, он заботился о ней, делал над собой усилие, чтобы ее полюбить. Каждый раз она открывала баночку с джемом, как учил ее Субхаш, — подковыривала крышку чайной ложечкой несколько раз, чтобы та легко отвинтилась.

Глава 2

В новом тысячелетии наконец пустили скоростной экспресс от вокзала Кингстон до причала Наррагансет.

Модная рельсовая дорога пролегала через леса, вдоль реки. На остановках имелись удобные скамейки и табло электронной очереди.

По воскресеньям утром Субхаш приезжал к зданию старого вокзала, куда когда-то приехал в самый первый раз студентом и потом приезжал встречать Белу, когда она навещала его. Много лет назад это здание пострадало от пожара, потом его перестроили, а еще позже пустили здесь скоростные поезда. Он оставлял на вокзальной парковке машину и шел пешком по городу, чьим размерам и просторам он до сих пор не переставал удивляться.

Он шел час, иногда больше, преодолевал путь в шесть миль и обратно. В этом городе он прожил больше половины своей жизни, этому городу он втайне был предан. Новая скоростная дорога в чем-то изменила сам город, сделала опять для него чуть-чуть чужим. Он шел вдоль жилых кварталов, вдоль полей, детских площадок, через

пешеходный деревянный мостик, потом мимо болота и бывшей текстильной фабрики.

Прогулкам по побережью он теперь предпочитал городскую тень. Хоть он родился и вырос в Калькутте, но солнце Род-Айленда, пробивающееся сквозь истощенный озоновый слой, казалось ему теперь более жестоким, чем солнце его индийского детства. Оно безжалостно жгло его кожу, особенно летом, когда пекло становилось совсем невыносимым. Его смуглая кожа не обгорала, но отделаться от ощущения скорого солнечного удара он не мог.

В начале своего пути он проходил мимо болота, где гнездились птицы и обитали всякие зверушки, где на мшистых кочках росли кедры и красные клены. Это было самое крупное лесистое болото на севере Новой Англии. Когда-то давным-давно оно образовалось на месте ледника и до сих пор было окаймлено по краям моренами.

Болото это являлось также местом исторического сражения, о чем гласили придорожные таблички. Прочитав их и заинтересовавшись, он даже зашел потом в Интернет, чтобы узнать подробности происходивших здесь зверств.

На маленьком островке посреди болота стояло когда-то укрепление индейского племени

наррагансет. Лагерь из вигвамов, обнесенный бревенчатым частоколом. Индейцы считали свою крепость неприступной. Но зимой 1675 года, когда болото замерзло, а листва с деревьев осыпалась, на крепость напали отряды колонистов-ополченцев. Триста индейцев сгорели заживо, а те, кто выбрался из огня, погибли в лесах от ран, болезней и голода.

Субхаш также прочел, что где-то здесь установили памятную плиту. Как-то раз он даже отправился на ее поиски, но заблудился. А ведь раньше он любил такие походы с Белой, когда они путешествовали по лесам, находили заросли голубики или лесные озера с чистейшей водой. Но теперь он разучился хорошо ориентироваться на местности, утратил умение находить нужное направление. Теперь в нем навсегда поселилось острое чувство одиночества — не ощущая надежной опоры, он знал лишь одно: ему уже больше шестидесяти лет.

Однажды во время такой прогулки, погруженный в свои мысли, он заметил едущего навстречу велосипедиста в шлеме.

Тот затормозил и крикнул:

— Ну же, Субхаш, сколько я тебя учил не зевать, когда находишься на дороге!

Субхаш опешил: перед ним на отличном алюминиевом десятискоростном велосипеде сидел Ричард, его давнишний сосед по дому. Смотрел на него и улыбался, недоуменно качая головой.

— Какого черта ты здесь делаешь?! Приехал?

— А я и не уезжал.

— Надо же, а я полагал, ты уехал в свою Индию. Даже не думал тебя здесь встретить.

Они нашли неподалеку скамейку и сели. Волосы под шлемом у Ричарда уже не были такими темными, заметно поредели, но по-прежнему завязаны сзади в хвост. Он несколько прибавил в весе, но перед Субхашем был все тот же сухощавый красавец студент, которого он когда-то знал и который чем-то напоминал ему Удаяна. Удаяна и те далекие времена, когда они оба были молоды, не женаты, когда жили в одном доме и вместе ездили в супермаркет за продуктами.

Ричард был не только женат, успел стать уже дедушкой. Уехав из Род-Айленда, он очень скучал по нему и всегда мечтал вернуться сюда, когда выйдет на пенсию. Год назад они с женой Клэр продали свой дом в Ист-Лэнсинге и купили коттедж в Сондерстауне, неподалеку от Субхаша.

Ричард открыл курсы вольных слушателей при одном из университетов Среднего Запада

и до сих пор числился там членом правления, хотя за всю свою жизнь умудрился ни разу не надеть галстука. Он был полон радужных планов: писал книгу, затеял перепланировку кухни, вел в Интернете политический блог. А еще они с Клэр планировали поехать в Южную Азию — в Пномпень и Хошимин.

— Нет, ты можешь в это поверить? Я наконец-таки съезжу во Вьетнам!

Субхаш выборочно поведал ему подробности своей жизни. Рассказал о жене, с которой они теперь жили порознь, о дочери, которая выросла и уехала в другие края. О лаборатории, в которой он работал уже почти тридцать лет. О дополнительной работе приглашенного консультанта по вопросам нефтяных загрязнений. Как и в те далекие студенческие времена, сейчас он не имел семьи, но его теперешнее одиночество было совсем другого рода.

— По-прежнему работаешь полный рабочий день?

— Пока да.

— И по-прежнему ездишь на моей машине?

— Нет. С тех пор, как президент Никсон ушел на пенсию и трансмиссия полетела.

— Ой, а я всегда рассказываю Клэр, как ты класс-

но готовил карри, лук измельчал в блендере.

Ричард, оказывается, ездил в Индию, побывал в Нью-Дели и навестил родные места Махатмы Ганди в Гуджарате. Правда, до Калькутты он так и не добрался.

— Может, на обратном пути из Вьетнама, — сказал он. А потом вдруг спросил: — А твой брат-наксалит? Что с ним приключилось?

Они с Ричардом обменялись номерами телефонов и электронными адресами. Иногда стали встречаться, чтобы прогуляться или выпить в городе пива. Два раза ездили на рыбалку — забрасывали удочки у камней в Пойнт-Джудит и оба раза отпускали выловленных рыб обратно в море.

Субхаш все собирался пригласить Ричарда и Клэр к себе домой, приготовить карри. Он хотел подгадать с этим приглашением к приезду Белы, чтобы Ричард мог с ней познакомиться. Но это почему-то пока никак не получалось. Они с Ричардом продолжали общаться все так же легко и свободно, как в былые времена. Перезванивались, переписывались по электронной почте и в блоге Ричарда, где тот вел статистические обзоры о военных расходах в Ираке.

Однажды утром Субхаш смотрел по телевизору

новости Си-эн-эн и увидел замигавший сигнал на мобильнике, пультом убавил громкость. Он не ожидал услышать в трубке голос жены Ричарда Клэр, женщины, с которой он пока еще даже не был знаком. Она сообщила ему, что Ричард умер несколько дней назад. В ноге оторвался тромб и добрался до легких, это произошло через день после велосипедной поездки Ричарда и Клэр к мысу Роум-Пойнт.

Субхаш положил трубку, выключил телевизор. Он растерянно и сиротливо смотрел в окно — в кронах деревьев галдели птицы.

Он подошел поближе к окну, всмотрелся в этих птиц, они как-то пытались кормиться на дереве в эту зимнюю пору. Яростная энергия проявлялась в их шумной возне, в их прыжках с ветки на ветку. Так шел процесс выживания, который сейчас казался ему оскорбительным.

Первый раз в жизни Субхаш был на похоронах в морге. Первый раз в жизни видел мертвое тело в гробу. Он смотрел на безжизненное лицо Ричарда, и ему казалось, будто чья-то умелая рука отлила его из воска. Вспомнилась мать, мертвая, накрытая покрывалом.

После похоронной церемонии в морге он был на поминках в доме Ричарда. Длинный стол,

уставленный закусками — тарелками с сыром, салатами. Люди в темной одежде подходили к столу, пили вино, закусывали.

Клэр стояла в окружении детей и внуков, выражала признательность людям за то, что пришли, пожимала им руки. Рассказывала, как все произошло. У Ричарда, оказывается, не было никаких признаков недуга, пока он не пожаловался, что ему трудно дышать. А на следующее утро он растормошил Клэр и, не в силах говорить, указал ей на телефон. Он умер в машине скорой помощи, за которой Клэр ехала следом.

Люди собирались кучками в кружок, разговаривали. Кто-то из дальних родственников фотографировался — для них это скорбное собрание было возможностью в кои-то веки повидаться. Те, кто приехали издалека в Род-Айленд, собирались съездить в Ньюпорт на следующий день.

Элиза Силва была соседкой Ричарда и Клэр.

Она подошла к Субхашу, стоявшему перед окном с видом на березовую рощу. Когда он повернулся к ней, она представилась и сказала:

— Я видела Ричарда и Клэр несколько недель назад — они шли держась за руки, словно только что познакомились. — И еще добавила, что на пруду за рощей, когда он покрылся льдом, Ричард

с Клэр катались бы на коньках, тоже держась за руки, как обычно.

У нее была кожа оливкового оттенка, почти такого же, как у Субхаша. Волосы уже поседели, но брови оставались еще черными. Волосы забраны сзади в хвост заколкой, как это часто делала Бела. На ней хорошо сидело черное платье с длинными рукавами, на шее — серебряная цепочка.

Они говорили о том, насколько давно каждый из них знал Ричарда. Но оказалось — у них есть и еще одна общая тема. Это выяснилось случайно, когда он назвал свое имя. И она тогда спросила, имеет ли он отношение к Беле Митра, которая училась у нее, когда она преподавала историю Америки в школе.

— Я ее отец.

Он до сих пор нервничал, когда произносил эту фразу вслух.

Субхаш с интересом смотрел сейчас на женщину, которая когда-то учила его дочь. Элиза Силва относилась к ряду людей, которые участвовали в жизни его дочери и о которых он ничего не знал с той поры, как Бела достигла определенного возраста. Он до сих пор помнил имена учителей из ее начальной школы. В старших классах она предъявляла только дневник с оценками, где

надо было расписаться кому-то из родителей.

— Вот вы не знали меня, а все-таки разрешили взять вашу дочь в ту поездку в Хэнкок-Шэйкер-Виллидж, — сказала она, имея в виду экскурсию, куда возила тогда учеников.

— Да, мне стыдно за свое невежество. Я даже не знаю, где этот Хэнкок-Шэйкер-Виллидж находится.

Она рассмеялась:

— Это действительно стыдно.

— А почему только одна экскурсия?

Она объяснила, что были экскурсии и в другие места, потом спросила, где Бела живет сейчас.

— Да нигде. Кочует с места на место.

— А-а, дайте-ка угадаю! Ездит с рюкзачком: все свое ношу с собой, делает все, чтобы этот мир стал лучше.

— Да. А как вы узнали?

— Некоторые дети формируются рано. Они уже с малолетства сосредоточенны. Бела как раз такая. У нее другого выбора не было. — Элиза сделала глоток вина, внимательно посмотрела на него и кивнула, давая понять: ей известны их семейные обстоятельства, она знает об уходе Гори.

— Бела говорила с вами об этом?

— Нет, я узнала от других учителей.

— А вы до сих пор работаете в школе?

— Нет. После пятидесяти пяти лет я поняла: уже не справляюсь с ними, мне нужно сменить род деятельности.

Она рассказала, что работает на неполную ставку в местном историко-краеведческом обществе — переводит архивы в цифровой формат, издает информационные бюллетени.

Субхаш рассказал ей, что читал в Интернете про резню в Большом Болоте. И спросил, остались ли какие-нибудь архивные записи о тех событиях.

— Конечно остались! Вы даже можете найти мушкетные пули, если покопаете хорошенько вокруг обелиска.

— Да я пытался однажды найти этот обелиск, но заплутал.

— Да, я знаю, это непросто. Надо было обратиться к фермеру, к чьим владениям относится этот участок дороги.

Он вдруг понял, что устал стоять и хочет есть.

— Я хочу пойти что-нибудь съесть. Вы как? Не против?

Они подошли к длинному закусочному столу. Вдова Ричарда находилась у другого его конца. Она плакала, ее обнимал, пытаясь утешить, один из гостей.

— Я тоже в свое время прошла через такое, — сказала Элиза.

Она, оказывается, пережила смерть мужа, умершего от лейкемии в сорок шесть лет. Он оставил ее с тремя детьми — двумя сыновьями и дочерью. Младшему ребенку было всего четыре года. После смерти мужа она с детьми переехала в дом своих родителей.

— Простите меня, что заставил вас вспоминать.

— Да ничего. Это же была семья. Как и у вас.

Ее дочь вышла замуж за инженера из Португалии, теперь живет в Лиссабоне. Собственно говоря, оттуда были предки Элизы, но до свадьбы дочери она не была в Европе ни разу. Ее сыновья жили в Денвере и в Остине. Выйдя на пенсию, она какое-то время разрывалась между их семьями, помогала растить внуков, но раз в год ездила в Лиссабон. Примерно год назад, после смерти отца, она вернулась в Род-Айленд, чтобы быть поближе к матери.

Элиза пригласила его на экскурсию в следующие выходные — в какой-то старинный дом в поселке, отреставрированный их краеведческим обществом, вручила открытку-приглашение. Он принял ее с благодарностью и убрал в карман

пиджака.

— Передайте Беле привет от меня, — на прощание сказала она и отошла, оставив его одного.

После похорон он несколько ночей лежал без сна до самого утра — в этом беззвучном доме, в этом беззвучном мире, где даже машины на дороге не нарушали тишину. Ее не нарушало ничто, кроме его собственного дыхания или звуки его пересохшего горла.

Дом его, к сожалению, находился слишком далеко от берега, чтобы слышать волны. Но, когда шторм на море бушевал, сюда долетал шум необузданной стихии, страстной и могучей, рождавшейся ниоткуда. Подчас страшная буря грозила залить весь дом, повалить деревья в палисаднике, сразить под корень и уничтожить всю его жизнь.

Один коллега на работе, заметив его усталость, посоветовал больше бывать на воздухе, или выпивать стаканчик вина за ужином, или чашку ромашкового чая. У Субхаша были для улучшения самочувствия лекарства, но к совету он прислушался. Он уже принимал средства для снижения холестерина, для поднятия уровня калия и дневную дозу аспирина для улучшения движения крови по сосудам к сердцу. Он держал

таблетки в пластиковой коробочке с семью отделениями на каждый день недели, отсчитывал необходимое количество по утрам и принимал вместе с овсяной кашей.

Но все равно его терзало какое-то беспокойство. Конечно, беспокойство не такого рода, какое он испытывал после ухода Гори, когда знал, что Бела спит в соседней комнате. Он отчетливо понимал: у Белы во всем мире остался только один родной человек — он.

Субхаш помнил Белу младенцем, когда она не знала различия между днем и ночью — в течение часа или двух могла просыпаться и бодрствовать, чередуя эти состояния по многу раз. Он читал где-то, что в начале жизни человек путает эти понятия, потому что время внутри утробы было перевернуто наоборот. И ему в связи с этим вспоминались киты и дельфины. Те выныривают из морских глубин на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, и каждый такой вдох является у них сознательным актом.

И он тогда сам пытался вдыхать через ноздри, надеясь, что эта дыхательная функция, будучи задействована наравне с биением сердца, даст ему какое-то облегчение на несколько часов. Он даже закрывал в эти моменты глаза, но мозг

закрыть не получалось.

После смерти Ричарда у него появилось острое нескончаемое ощущение того, что он живой. Ему не хватало крепкого и продолжительного сна, который все никак не шел к нему. Сон избавил бы его от ночных мучений.

Когда он был немного моложе, подобные бодрствования не могли бы доставить ему таких проблем. Наоборот, он воспользовался бы этими дополнительными часами, чтобы прочесть какую-то статью или вообще выйти на улицу и полюбоваться на звезды. Иной раз даже чувствовал в теле легкость и энергию, ощущал в себе силы свернуть горы, но хотел дойти только до лавочки, возле которой повстречал Ричарда два года назад, сесть на нее и размышлять.

А лежа в постели, он путешествовал в прошлое, бесконечно перебирал наугад события своего детства, вспоминал те годы, когда он еще не покинул семью родителей. Вспоминал, как отец каждое утро возвращался с базара, как мать резала на куски, солила и жарила на завтрак принесенную рыбу.

Вот мать склонилась над ножной швейной машинкой, нажимает на педаль, молчит, нет возможности произнести ни слова, потому что

во рту зажаты булавки. Она просиживала за машинкой все вечера — строчила белье и занавески для заказчиц. Удаян смазывал ей эту машинку, иногда даже разбирал моторчик. Какая-то птица здесь во дворе в Род-Айленде своей трескотней напоминает ему ту швейную машинку.

А вот отец учит их с Удаяном играть в шашки, чертит квадратики на чистом листе бумаги. Или как Удаян сидит скрестив ноги на полу и собирает пальцем остатки вкусной подливы с уже опустевшего блюда.

Удаян присутствовал во всех его воспоминаниях. Вместе с Субхашем он шел по утрам в школу, а днем обратно домой. По вечерам занимался, разложив на кровати учебники, что-то писал, склонившись над тетрадкой. А по ночам, лежа рядом с Субхашем, прислушивался к завыванию шакалов в «Толли-клаб». На поле за низиной, где играли в футбол, он лучше всех мальчишек гонял мяч.

Эти отрывочные маленькие воспоминания наполняли Субхаша. Когда-то давно они почему-то пропали, но позднее вновь вернулись к нему. Они мелькали перед его мысленным взором, как мелькают за окошком поезда части пейзажа. Весь этот пейзаж был ему родным и знакомым,

но некоторые детали поражали, словно видел их впервые.

До того как Субхаш покинул Калькутту, его жизнь едва ли могла оставить какой-либо отпечаток в памяти. Все его личные вещи могли бы поместиться в одну авоську для продуктов. Что он имел, живя в родительском доме? Зубную щетку, сигареты, которые они с Удаяном покуривали тайком, холщовую сумку с учебниками, несколько предметов одежды. До отъезда в Америку у него даже не было своей комнаты. Он принадлежал родителям и Удаяну, а они принадлежали ему. Вот и все.

А здесь он добился многого: получил образование, нашел увлекательную работу, отправил Белу в колледж, имел приличное жилье. То есть в материальном отношении он неплохо преуспел.

Но ему по-прежнему недоставало сил сказать Беле то, что ей следовало знать. Он по-прежнему именовал себя ее отцом, то есть продолжал присваивать это звание не по праву. Прав был все-таки Удаян, когда сказал, что он умеет думать только о себе.

Осознание этой острой необходимости довлело над ним и страшило с каждым днем все больше. Это было самое большое незавершенное дело

всей его жизни. Бела была уже совсем взрослая и сильная и вполне могла справиться с таким признанием, но он любил ее больше всего на свете и именно поэтому не в силах был сделать признание.

Он все отчетливее осознавал, насколько плотно оброс обязательствами и вещами, которых теперь все больше требовало его физическое существование. Тысячи покупок в магазинах, бесконечные сумки с продуктами, выгружаемых из багажника и рассовываемых потом по кухонным шкафчикам и буфетам, — и все только для того, чтобы прокормить одного человека, поддержать одно человеческое тело. А эти таблетки, которые он глотал по утрам? А приправы, без которых он не мог приготовить карри или дал?

Когда-нибудь он умрет, так же как и Ричард, а вещи его останутся, и люди будут с изумлением перебирать их и выбрасывать на помойку. Постепенно он уже начал ограничивать свои потребности, отрезать все лишнее и незначительное, включая и отношения с людьми, с которыми его мало что связывало. Одно только оставалось для него священной в своей нетронутой целостности — история Удаяна.

* * *

Этот дом он узнал сразу — дом напротив колонки и водонапорной башни, его они с Ричардом когда-то снимали на двоих. Белый деревянный дом с черными ставнями. Поскольку нумерация домов с тех пор изменилась, а на открытке с приглашением, врученной Элизой, не было фото, он, конечно, не мог догадаться, когда ехал сюда, что это тот самый дом.

Элиза улыбалась, когда отрывала ему экскурсионный билетик и выдавала сдачу. Сегодня она выглядела иначе. На ней было свободное цельнокроеное платье шафранового цвета, солнцезащитные очки на голове поверх волос.

— Спасибо, что пришли. Как у вас дела?

— А я знаю этот дом. Я жил здесь. С Ричардом.

— Вы? Жили здесь?

— Да, когда только приехал в Америку. А вы не знали?

Улыбка ее как-то сникла, в глазах появилось озабоченное выражение.

— Надо же, я понятия не имела.

Она не поделилась этой информацией с остальной группой, когда экскурсия началась. В доме все изменилось до неузнаваемости, даже число

комнат увеличилось. Много деревянной обшивки — и на дверях, и на стенах. Камин отделан дубом. Появилась мебель темного дерева. Столы отреставрированы, покрыты лаком.

Он не помнил толком, как здесь было раньше. И все-таки он жил здесь, глядел из этих маленьких окошек, когда занимался. Это было так давно, он только приехал в Род-Айленд, и Удаян тогда был еще жив. Здесь, в этом доме, он читал письма Удаяна. Здесь он увидел фотографию Гори, разглядывал ее, пытался представить себе, какая она в жизни, и даже не подозревал, что ему будет суждено жениться на ней.

Элиза рассказывала о мебели и об истории поселка, который когда-то принадлежал к коммерческому кварталу города. Рядом с домом когда-то располагалась шляпная мастерская, а за ней цирюльня, куда жители поселка ходили бриться.

Этот дом, оказывается, раньше принадлежал портному, здесь он жил и держал свое ателье. Потом здесь находилась контора адвоката, а еще позже дом просто служил жильем для четырех поколений владельцев. В шестидесятых годах его сдали внаем. Последний владелец перед смертью завещал дом местному историко-краеведческому

обществу, которое, постепенно собрав средства, отреставрировало его в сотрудничестве с местной галереей искусств для проведения художественных выставок на первом этаже.

Он был потрясен таким рвением — сохранить для потомков подобные места. Всю эту старинную мебель, посуду, утварь, канделябры и паркетные полы. Чтобы нынешние поколения могли иметь представление о том, как жили люди в старые времена.

Экскурсия произвела на него волнительное, почти гнетущее впечатление. Он чувствовал себя здесь чужим, лишним. Не только в этом доме, но и вообще на земле. Прошлое закрывало перед ним двери, отказывалось впустить его. Оно только напоминало ему: здесь он оказался случайно, осел и обжился, но это не его место. Как и Бела, оно приняло его, но в то же время сохранялась дистанция. Среди здешних людей и здешней природы, которую уже хорошо изучил и полюбил, он по-прежнему оставался гостем. Возможно, даже самым худшим типом гостя — который отказывается уходить.

Он подумал сейчас о двух домах, принадлежавших ему. О доме в Толлиганге, где он не был ни разу после смерти матери, и о доме в Род-Айленде,

где его бросила Гори. За домом в Толлиганге присматривал один его родственник — сдавал дом в аренду, собирал плату и помещал ее на банковский счет, вычитал только сумму, необходимую для ремонтных надобностей.

Он точно знал: никогда не вернется туда, и все же никак не мог решиться продать этот крошечный клочок земли и этот дом, который по-прежнему называл родительским.

Дом в Толлиганге сейчас снимал врач с семьей, первый этаж служил ему приемной и кабинетом. Вряд ли этому жильцу была известна история дома и его владельцев, хотя, возможно, он и слышал что-то от соседей. Какую-нибудь искаженную версию. И вряд ли лет через двести в дом будут приходить группы восхищенных экскурсантов.

Когда экскурсия закончилась, он записал свое имя, номер телефона и электронный адрес в журнале историкокраеведческого общества. Элиза вручила ему еще одну открытку с приглашением на распродажу садовых растений в следующем месяце.

После их короткой беседы перед началом экскурсии она не уделяла ему особого внимания и обращалась только ко всей группе. Не подошла к нему, когда он стоял один на втором этаже в

холле, в той части дома, которая казалась ему особенно близкой.

Из этого он сделал заключение: она пригласила его только ради своего краеведческого общества, а не по какой-либо еще причине. Но спустя несколько дней она вдруг сама позвонила:

— У вас все в порядке?

— Да. А почему вы спрашиваете?

— Да вы в тот день выглядели каким-то потрясенным. Я не хотела вам мешать.

Она позвонила, чтобы пригласить его еще на одну экскурсию. Не на спектакль и не на концерт, от которых он, скорее всего, отказался бы. Она сказала, что помнит, как на похоронах Ричарда он упоминал, что любит пешие прогулки по велосипедной трассе. А она, оказывается, была членом походного клуба, раз в месяц устраивавшего экскурсии к местным памятникам природы.

— Мы в следующий раз встречаемся у Большого Болота, вот я и подумала о вас, — сказала она перед тем, как спросить, готов ли он присоединиться.

Глава 3

Листва на деревьях гинкго пожелтела. В это пасмурное утро только она ярко выделяется в городском пейзаже. Дождь лил всю ночь, опавшая листва особенно сильно усеяла каменные плиты дорожки. Плиты неровные, со всех сторон на них напирают корни. Верхушек деревьев вообще не видно из окон комнаты Белы, расположенной на две ступеньки выше над землей. Их видно, только если выйти на крыльцо.

Квартал представляет собой ряды домов, выстроенных лицом друг к другу. Дома по большей части нежилые, только несколько из них заселены. Бела оказалась здесь случайно. Вообще-то она жила в другой части штата, к востоку от Олбани, а сюда приезжала каждую субботу за продуктами на фермерский рынок. И кто-то на рынке сообщил: здесь запросто можно снять комнату.

То есть ей выпала хорошая возможность задешево поселиться на некоторое время в Бруклине. Тут она и работу себе нашла. Хорошая работа — превращение заброшенной детской площадки в огород. Ей помогают после занятий школьники. Она учит их вскапывать грядки, правильно уда-

лять сорняки, сажать подсолнухи вдоль ограды, объясняет разницу между грунтовыми овощами и парниковыми. Бела уже сумела привлечь к этому труду и граждан постарше, а теперь добровольцы все прибавляются.

Еще десять человек живут с ней в доме, рассчитанном на одну семью. Писатель, ювелир, программист. Разные профессии. Одни только закончили колледж, у других за плечами вся жизнь. Каждый из них живет сам по себе, по своему расписанию, но готовят еду для всех, по очереди. У них общая кухня, общие коммунальные счета, общий телевизор, общее хозяйство и обязанности. Ванную по утрам они занимают тоже по очереди, по графику. По воскресеньям готовят еду все вместе.

Люди здесь до сих пор говорят о стрельбе, произошедшей несколько лет назад средь бела дня на углу у аптеки. Тогда погиб четырнадцатилетний мальчик, его родители живут через дорогу. Местные жители теперь обходят эту аптеку стороной, и папы по утрам провожают своих детей в школу.

Один из домов в конце квартала затянут реставрационной сеткой. Там, рядом с нетронутым цветником, полным ходом идут работы. Фамилия

подрядчика на табличке итальянская, но трудятся там выходцы из Бангладеш. Они говорят на языке, на котором разговаривали друг с другом родители Белы, этот язык она в детстве понимала лучше, чем английский, но не слышала с тех пор, как мать ушла из семьи.

Уход матери постичь было так же трудно, как иностранный язык, который становится понятен во всех своих сложностях и нюансах только после долгих лет изучения. Но поскольку остается все равно чужим, то не бывает понят до конца.

Она не понимает толком смысл разговоров этих людей. Только отдельные разрозненные слова. И произношение у них какое-то другое. Но она все равно каждый раз замедляет шаг, когда проходит мимо стройки. У нее нет болезненных воспоминаний детства, но эта деталь из ее прошлого, до боли родная и вместе с тем какая-то чужая, заставляет ее приостановиться и задуматься. Ей интересно, вспомнит ли она когда-нибудь этот язык, сможет ли сказать что-нибудь на нем.

Иногда она видит этих рабочих во время перекура на крыльце. Они болтают о чем-то, шутят, смеются. Один из них почти старик — его белая борода достает почти до груди. Ей интересно, как давно они живут в Америке, приходятся ли друг

другу родственниками, нравится ли им здесь, обязаны ли они вернуться в Бангладеш или могут остаться здесь навсегда. Она представляет себе, как они живут все вместе, в одном доме, как вечером ужинают вместе, едят рис руками, ходят в мечеть в Куинсе.

И что они думают о ней? О ее линялых серых джинсах, о ее ботинках без шнурков. О ее длинных волосах под воротом свитера, не всегда завязанных в хвост. О ее лице, не знающем макияжа, и сумке через плечо. Что они думают о ней, эти люди, которые могли быть ее соотечественниками, если бы страна когда-то давно не распалась на части.

Кроме языка и оттенка кожи, эти люди больше ничем не похожи на ее отца. И все-таки, глядя на них, она вспоминает его: как он там сейчас в Род-Айленде?

А еще она вспоминает об отце, когда видит Ноэля. Этот мужчина живет в том же доме, что и Бела, со своей подругой Урсулой и их дочкой Виолеттой в мансарде, куда Бела никогда не поднималась. Урсула, симпатичная женщина с прикольной стрижкой, работает поваром в ресторане и кормит семью, а Ноэль занимается ребенком.

По утрам Ноэль ведет Виолетту в детский садик,

а через несколько часов забирает, потом он и Виолетта идут в парк, где он учит девочку ездить на велосипеде. Он бежит за ней, держит за шарф, которым специально обматывает ей не шею, а грудь. Он подогревает дочке обеды, а иногда специально для нее жарит гамбургер на решетке на заднем дворе.

Виолетта не сердится на Урсулу за то, что ее почти всегда нет дома. И Ноэль не сердится. Они целуют ее по утрам, когда она уходит, и бросаются к ней с объятиями, когда она возвращается вечером и приносит иногда из ресторана разные вкусные десерты. У Виолетты не обычное отношение к Урсуле — не такое, какое обычно бывает к матерям. Они видятся редко, но от этого их чувство родства только крепче. Виолетта ждет, когда у матери будет свободная минутка. Так ждала когда-то и сама Бела.

Иногда Ноэль с Урсулой стучатся в дверь Белы и зовут ее к себе еще раз поужинать — уже поздно вечером, когда Виолетта уже спит. «Еды полно, пошли!» — говорят они. Бутерброды с сыром, салат, который Урсула обычно перемешивает прямо руками. Урсула очень устает на работе, приходит оттуда немножко взвинченная, поэтому любит отдохнуть вечером в тихой компании

на троих, послушать музыку, рассказать о событиях за день.

Беле нравится проводить с ними время, и она старается сделать для них что-нибудь хорошее. Сидит с Виолеттой, когда Урсула с Ноэлем уходят в кино. Однажды водила Урсулу в свой общественный огород, где та насобирала всяких кулинарных травок и подсолнухов для своего ресторана. Но Бела старается не привыкать к этому общению, чтобы не быть от него зависимой. Например, отказалась поехать с ними на пикник на Файр-Айленд в день рождения Урсулы. Она вообще дружит со многими молодыми семейными парами, не только с Ноэлем и Урсулой. С парами, которые уделяют ей время, приглашают в свою компанию. Но такие отношения напоминают ей, что она одинока.

Она легко сходится с людьми везде, где бывает. Но потом идет своей дорогой и больше не видится с этими людьми. Она не может представить себя половинкой такой пары или вообще членом какой-то семьи. У нее никогда не было более или менее продолжительных любовных отношений.

Она не испытывает горечи или зависти, когда видит Ноэля, Урсулу и Виолетту вместе. Наоборот, смотреть на эту счастливую троицу ей приятно.

Ведь даже до ухода матери она, мать и отец никогда не были настоящей семьей. Мать не хотела семьи. Теперь Бела это поняла.

Навещая отца прошлым летом, она узнала: он кое с кем встречается. Не с кем-то, а именно кое с кем. Миссис Силва когда-то преподавала у них в школе историю. Но Белу отец и ее учительница попросили в тот день, когда они отправились вместе позавтракать в ресторан, звать ее просто Элизой.

Она была порядком удивлена, узнав об их отношениях. Ее это даже чуточку покоробило, хотя отец сыграл самую важную роль в ее жизни, а учительница незначительную. Поначалу Бела даже расстроилась, но потом поняла: так относиться нечестно с ее стороны, ведь она крайне редко видится с отцом, до сих пор отмеряет для него маленькие порции своего внимания.

Бела видела, как он нервничал, когда сообщал об этом, боялся ее отрицательной реакции, а может, и воспользуется этим как поводом для дальнейшего отдаления. Чувствуя его нерешительность, она не хотела усугублять его страх и постаралась ободрить, сказала: рада тому, что он нашел себе спутницу жизни.

На самом деле Элиза Силва ей всегда нравилась.

После окончания школы Бела, конечно, забыла о ней, но теперь вспомнила, как всегда ждала ее уроков. Только она приехала к отцу прошлым летом, то сразу догадалась: у него с Элизой что-то есть. Догадалась по их виду, как на том завтраке в ресторане отец склонился к Элизе и читал ее меню, хотя мог бы взять и свое. И Элиза советовала ему, что взять из блюд. От Белы тогда не ускользнула какая-то особая безмятежность их лиц. Между ними уже образовался союз, какого никогда не было у отца с матерью Белы.

Конечно, Беле теперь стало интересно, поженятся ли отец с Элизой. Правда, для этого ему сначала придется развестись с ее матерью. О себе же Бела точно знает: она никогда не выйдет замуж. Несчастливый брак ее родителей сыграл свою отрицательную роль.

Когда она была моложе, то злилась на отца больше, чем на мать. Она винила его в уходе матери и в том, что он ничего не предпринял, чтобы ее вернуть. Возможно, остатки той злости и мешают ей сейчас сообщить ему, что она живет всего в трех часах езды от него, в Нью-Йорк-Сити. Впрочем, она всегда вела такую политику — видеться с ним только по ее желанию и никогда не ставить его в известность, где она находится.

К настоящему моменту она прожила почти половину своей жизни отдельно от него. Восемнадцать лет в Род-Айленде и пятнадцать — самостоятельно. В следующий день рождения ей исполнится тридцать четыре. Порой ей хочется, чтобы время летело не так быстро, хочется какой-то другой жизни. Но она даже не представляет, чем еще могла бы заниматься.

Бела предпочла бы, чтобы встречи с отцом были не такими угрюмыми, чтобы горячо любимый в детстве Род-Айленд не напоминал сейчас о матери, которая его так ненавидела. Когда Бела бывает там, чувствует себя нежеланной и с еще большей остротой осознает: мать никогда не вернется к ней. В Род-Айленде она испытывает какое-то душевное опустошение. Бела нечасто продолжает наведываться туда, более или менее наладила отношения с отцом и теперь считает его своей единственной семьей. Одно она точно знает: не смогла бы жить там длительное время.

Когда-то давно, много лет назад, доктор Грант научила ее оформлять свои чувства в слова. Она говорила Беле: это чувство брошенности будет периодически ослабевать, но никогда не уйдет навсегда. Оно будет сопровождать ее везде, где бы она ни была. Уход матери всегда будет присут-

ствовать в ее мыслях. И еще доктор Грант сказала: Бела никогда не найдет ответа на вопрос, почему мать ушла от нее.

Доктор Грант оказалась права: чувство это и в самом деле пока не гложет ее уж очень сильно, просто живет где-то на периферии, словно бы на расстоянии, словно бы со стороны. Как ее бабушка в Толлиганге, которая все свои дни проводила на террасе, смотрела на низину и пруды.

Бела проходит мимо рабочих, пытается вникнуть в их разговор, понять их речь — чужую, иностранную и вместе с тем какую-то очень близкую и знакомую. Им даже в голову не может прийти, что их речь на нее так действует. Она машет им, а сама размышляет, куда еще податься бы после Бруклина, они машут ей в ответ.

Во время следующей встречи с отцом она будет говорить с ним по-английски. Но если бы ей довелось встретиться с матерью, то на любом языке мира Бела не нашла бы что ей сказать.

Хотя нет, это неправда. Она и так постоянно общается с матерью. Все поступки, совершенные Белой в жизни, были как раз реакцией на поступок матери. «Я такая, какая есть, — сказала бы Бела ей. — И я живу так, как живу, из-за тебя».

Глава 4

В июне тучи заслонили солнце, и штормы выкрасили море в серый цвет. В доме ощущалась какая-то промозглая сырость, так что Субхаш ходил в вельветовых шлепанцах вместо вьетнамок и, как зимой, продолжал пользоваться электрическим одеялом. Дождь лил по ночам — то барабанил со всей силы по крыше, то слабенько моросил ближе к утру, слегка утихал, но не прекращался. Вроде бы иссякал, потом набирал силу и снова обрушивался что есть мочи.

Снаружи на стене дома уже появилась какая-то плесень — пришлось отскребать, чтобы не разрасталась. Из подвала пошел ужасный запах. В огороде земля раскисла от воды, все посаженные Субхашем семена размыло. С рододендрона слишком рано осыпался цвет, едва распустившиеся пионы побило дождем, и они теперь лежали в грязной черной жиже. Повсюду стоял запах сырости и гниения.

По ночам его будил дождь — стучал по оконному стеклу, по дорожке перед домом. Субхаш прислушивался к нему и думал, нет ли в нем какого-нибудь знака. Не ждать ли ему каких-то

перемен в жизни. Ему вспоминался тот жуткий ливень в их с Холли первую ночь в ее коттедже. И другой жуткий ливень — в тот вечер, когда родилась Бела.

Он уже начал опасаться, что вода просочится через крышу, зальет дымоход, затечет в щель под дверью. Ему без конца вспоминались муссонные дожди в Толлиганге и два пруда, вышедшие из берегов.

В июле огород начал зарастать сорняками. Дни теперь были длинными, по утрам небо светлело уже в пять. Бела позвонила и сообщила о своем приезде. Иногда она прибывала на поезде, иногда прилетала рейсами до Бостона или Провиденса. А один раз прикатила за сотни миль во взятой напрокат машине.

Он пропылесосил ковер в ее спальне, постирал постельное белье, хотя никто на нем не спал с прошлого приезда Белы в Род-Айленд, притащил из подвала еще один запасной кондиционер, отвинтил пластмассовую решетку, протер его внутри от сырости, собрал обратно и повесил у нее возле окна.

На полках в ее комнате хранились всякие их совместные находки, сделанные во время походов по лесу и по берегу. Птичьи гнездышки,

сплетенные из прутиков. Череп гадюки. Дельфиний позвонок, напоминающий маленький пропеллер. Он помнил, какой восторг их обоих охватывал, когда они находили все эти штуки, их Бела предпочитала игрушкам и куклам. Он помнил, как она, еще совсем маленькая, пихала сосновые шишки в капюшон курточки, когда все карманы были уже забиты.

Она всегда вносила элемент буйной стихии в его размеренную, упорядоченную жизнь. Разбрасывала свои вещи по всему дому, одежду по полу. А ее длинные волосы? Они даже не промокали, когда она стояла под душем. К ее приезду он покупал для нее специальную еду в магазине здоровой пищи — амарантовые хлопья, зерновые хлебцы, травяные чаи, миндальное масло, рисовое молоко. А потом она опять уезжала.

Он поехал в Бостон встречать ее. По дороге вспоминал, как в 1972 году встречал в аэропорту Гори, искренне полагая, что проведет вместе с ней всю свою жизнь. А еще вспоминал, как спустя двенадцать лет вернулся из этого же аэропорта с Белой и обнаружил, что Гори ушла от них.

Бела появилась с холщовой сумкой на плече и рюкзачком — прилетела рейсом из Миннесоты. Она отличалась от остальной толпы пассажиров,

названивавших по мобильнику и усердно кативших свои чемоданы на колесиках. Загорелая, крепкая, без украшений и макияжа, она стояла на месте и ждала. Потом, завидев его, быстро пошла ему навстречу, обняла его своими крепкими руками.

— Ну, как ты, Бела?

— Да я нормально, у меня все хорошо.

— Ты голодная? Может, поедим где-нибудь в городе?

— Да ну, я хочу домой. Давай лучше завтра пойдем на пляж! Ты как сам-то?

Он сообщил ей, что на здоровье не жалуется, чувствует себя отлично, занят своими исследованиями и статьей. Еще сообщил, что помидоры в огороде, видимо, погибнут — на листьях у них появились черные пятна.

— Не переживай. Тут ничего не поделаешь — такая уж весна выдалась дождливая. А как там Элиза?

Он сказал, что у Элизы все отлично. Но этот разговор о личной жизни показался ему каким-то куцым, особенно если учесть, что Бела никогда не приезжала к нему со своим молодым человеком.

Подростком она никогда не спрашивала у него разрешения пойти на свидание с мальчиком. В

этом отношении она вообще не создавала ему проблем. Но отсутствие у нее ухажеров сейчас его беспокоило.

Вот даже сегодня он втайне надеялся, что она сделает ему сюрприз — появится в аэропорту не одна, а со спутником. С кем-то, кто заботится о ней, разделяет с ней неприкаянную кочевую жизнь. «Я не буду жить вечно», — сказал ей однажды, набравшись смелости, по телефону, когда сообщал о смерти Ричарда. Но в ответ Бела только упрекнула его в мелодраматизме, что он преждевременно сгущает краски.

Теперь он уже, конечно, начал отучать себя от чувства ответственности за ее будущее — от идеи сыграть свою роль в ее будущем выборе. Если бы он растил дочь в Калькутте, то такая роль еще могла бы состояться, в Калькутте он еще мог бы заводить разговоры о ее замужестве. Здесь же подобные вещи считались вмешательством в чужую личную жизнь. Независимо от степени родства. Он вырастил свою дочь в местах, свободных от подобных традиционных оков и устоев. Когда он однажды поделился своими переживаниями на этот счет с Элизой, она посоветовала ему просто молчать на эту тему, напомнила: у современной молодежи принято теперь жениться

в тридцать, а то и в сорок лет.

С другой же стороны, если хорошенько подумать, то как он мог ждать от Белы желания выйти замуж, когда у нее перед глазами их с Гори дурной пример? Продемонстрировали пример семьи, где каждый был одиночкой. Семьи, которая лопнула и распалась. И вот такое наследство досталось Беле. Уж что-что, а это она точно от них унаследовала.

Она скучала по Новой Англии, всегда говорила ему об этом по дороге из аэропорта домой. Бела смотрела из окошка машины и узнавала близкие сердцу места, просила его остановиться, когда видела на обочине грузовики, торговавшие замороженным лимонадом.

Дома она распаковывала сумки, доставала завернутые в салфетки сливы и нектарины и раскладывала их по блюдам.

— Ты на сколько приехала? — спросил отец за ужином, он специально приготовил баранину с рисом. — Надеюсь, недели на две, не меньше?

Она съела две порции и теперь отложила вилку в сторону.

— Не знаю. Это будет зависеть от обстоятельств.

— От каких?

Она внимательно посмотрела ему в глаза. В них он на этот раз заметил нервозность, явное желание что-то сказать и попытку собраться с силами. Ему вспомнилось сейчас, как она в детстве складывала вместе ладошки, перед тем как нырнуть, когда он учил ее плавать на мели около берега. Сложив ладошки, напрягалась вся, сосредотачивалась, готовила себя к новой попытке, собирая всю волю для окунания с головой.

— Папа, я должна тебе что-то сказать. У меня есть новости.

Сердце у него сначала чуть не выпрыгнуло из груди, потом забилось учащенно. Только сейчас он это понял. Причину этой улыбки на ее лице в аэропорту, это отсутствие в кои-то веки желания спорить, которое он наблюдал обычно.

Хотя нет, он опять обманулся. Она же не привезла с собой друга, не пригласила его в свой дом, чтобы познакомить с отцом.

Она набрала полную грудь воздуха и, шумно выдохнув, объявила:

— Я беременна.

У нее уже был четырехмесячный срок. Отец будущего ребенка не был частью ее жизни и даже не знал о том, что скоро у него может появиться ребенок. Это просто был какой-то парень, с кото-

рым ее связывали отношения. Может, год, может, всего одну ночь — этого она не уточняла.

Она решила оставить ребенка. Хотела родить. Субхашу она сказала, что тщательно все продумала и полностью морально подготовилась.

Бела считала, что отцу ребенка лучше об этом не знать. Так, дескать, будет меньше сложностей.

— Это почему?

— Не такого отца я хотела бы своему ребенку, — сказала она и, помолчав, прибавила: — Он совсем не похож на тебя.

— Понимаю.

На самом деле он не понимал. Не понимал, что это за мужчина — скоро должен стать отцом и даже не знает об этом. Такой мужчина не заслуживает права называться отцом.

Субхаш начал разговор осторожно, издалека:

— Ой, Бела, ты не представляешь, как это трудно растить ребенка в одиночку.

— Да ладно, ты же растил. И другие люди тоже.

— Все-таки у ребенка должно быть двое родителей — и папа и мама.

— Я не понимаю, тебя это волнует?

— Что?

— То, что я не замужем.

— Бела, меня волнует другое. То, что у тебя нет стабильного заработка, нет постоянного дома.

— У меня есть вот этот дом.

— Да, есть. И ты здесь всегда желанна. Но ты здесь бываешь всего две недели в году, а остальное время ты находишься где-то еще.

— Находилась.

— Находилась?

Она объяснила, что хочет вернуться домой. Хочет жить у него, родить своего ребенка в Род-Айленде. В том же доме, где выросла сама. Хочет некоторое время не работать.

— А тебе будет здесь хорошо?

Это совпадение его поразило. Опять беременная женщина, опять ребенок без отца. Ей нужно приехать в Род-Айленд, ей нужен он. Какой точный повтор! До мельчайших деталей! Та же история, что была с Гори много лет назад.

После ужина, когда со стола было убрано и посуда вымыта, Бела сказала, что хочет прокатиться на машине.

— Куда?

— Хочу посмотреть закат с мыса Пойнт-Джудит.

— А отдохнуть не хочешь?

— Да нет, я не устала. Ты со мной поедешь?

Он отказался — признался, что устал после поездки в Бостон в аэропорт и обратно, что предпочел бы сегодня больше не выходить из дома.

— А я поеду.

Спорить он не мог. Она водила автомобиль с шестнадцати лет, но сейчас эта мысль вызывала у него беспокойство. Вдруг безотчетно вспыхнуло желание не выпускать ее из дома.

Она, по-видимому, это почувствовала — покачала головой, когда брала у него ключи от машины, и сказала:

— Я буду осторожна. Скоро вернусь.

Они не виделись год, она только что пригласила его прокатиться вместе, и все же он понял: ей хотелось сейчас побыть одной, подумать, поразмыслить в одиночестве.

Он включил свет на крыльце, а в доме включать не стал — наблюдал из окна, как темнеет небо, как все его краски растворяются в надвигающейся черноте.

Гори тоже, помнится, пыталась навязаться Беле. Но Гори делала это не так унизительно, как он. Гори хотя бы была честна в этих приставаниях. Они у нее были не такими бесконечными, не такими собственническими, как у него.

И вот их дочь теперь собралась стать матерью.

Он уже сейчас видел: она будет не такой матерью, как Гори. Видел, с какой легкостью и гордостью она носит своего нерожденного еще ребенка.

У него, конечно, не умещалось в голове, как это она будет растить ребенка одна, без отца. Но переживал он не потому, что Беле предстояло стать матерью-одиночкой. Он переживал потому, что она теперь следовала его примеру, он сам вдохновил ее на такое ненормальное родительство.

На память ему пришел сейчас их давнишний разговор.

— А почему вас не двое? — спросила она как-то, сидя за столом напротив него.

Вопрос этот поразил его и озадачил. Он даже не сразу понял, а она продолжила:

— Но у меня же два глаза! Почему тогда я вижу только одного из вас?

Такой невинный вопрос и такой умный. Беле тогда было всего шесть или семь лет. Он объяснил ей, что каждый глаз воспринимает свое отдельное изображение, под своим конкретным углом. Он закрыл ей ладонью сначала один глаз, потом другой — дал сравнить. Потом попросил посмотреть двумя глазами, несколько раз меняя ракурс.

Он объяснил ей — человеческий мозг соединяет раздельные образы воедино. Одни и те же образы

полностью совпадают, а к ним добавляется то, что от них отличается. И мозг выбирает то, что необходимо.

— Значит, я вижу мозгом, а не глазами?

Вот и сейчас ей предстояло видеть мозгом. Работать мозгом — обдумать его слова.

Он так и сидел в потемках, когда примерно через час услышал звук подъезжающей машины, скрип тормозов, тихонько захлопнувшуюся дверцу.

Не дожидаясь звонка в дверь, он открыл ей. Она стояла на крыльце, за москитной сеткой, облепленной ночными мотыльками. Долгие годы он ограждал ее от этой информации, которую собирался сообщить ей сейчас. Именно сейчас, когда она сама уже носила ребенка, когда вернулась к нему в поисках какой-то стабильности. Сейчас опять было не самое лучшее время, но больше уже нельзя оттягивать с признанием.

Новое поколение требовало изменений. В свое время он заменил Удаяна — стал Беле отцом. Но он не мог так же, тайком, украдкой, стать дедушкой.

Он боялся: Бела возненавидит его, как она возненавидела Гори. За то, что вместо мужчины у нее будет только ребенок. Но он все равно со-

брался это сделать — сказать ей правду, вернуть ее Удаяну. Оттолкнуть ее от себя именно в тот момент, когда она решила вернуться к нему. Наконец отпустить ее на свободу.

— Что ты делаешь, папа? — спросила она, разгоняя встрепенувшихся мотыльков и переступая через порог. — Поздно, а ты свет даже не включал. Ты чего здесь вообще стоишь?

В темной прихожей она не смогла бы разглядеть слез, навернувшихся ему на глаза.

Они не ложились всю ночь. Когда уже стало светать, он наконец предпринял попытку:

— Я не твой отец.

— Тогда кто ты?

— Приемный отец. Я твой дядя. И приемный отец, и дядя.

Она просто не поверила ему. Решила, что он чокнулся, повредился рассудком, сошел с ума — все что угодно. Она опустилась перед ним на колени, обняла его за плечи, приникла к нему лицом. Близко-близко.

— Да ладно тебе, хватит городить ерунду.

Он сидел неподвижно в ее объятиях, но в этой неподвижности шла какая-то борьба. Какое-то сопротивление. Он чувствовал грубую силу напирающей правды, и она была страшнее любого

физического удара. Но при этом он еще никогда в жизни не чувствовал себя таким жалким, хрупким и уязвимым.

Она заорала на него, спрашивая, почему он не сказал этого раньше, со злости толкнула его в грудь, придавив к спинке дивана. Потом зарыдала. Она повела себя так, как он и предполагал — так, словно он внезапно умер у нее на глазах.

Она начала трясти его, как будто пыталась вернуть к жизни, словно он был покойником или пустой раковиной, пустым крабовым панцирем.

Когда ночь перешла в утро и эти слова как-то улеглись у Белы в голове, она стала расспрашивать Субхаша об обстоятельствах смерти Удаяна. Расспрашивала о повстанческом движении, о котором до сих пор не имела ни малейшего понятия, а теперь заинтересовалась. Но и только.

— А он был в чем-то виновен?

— Да, в некоторых делах был. Твоя мать никогда не рассказывала мне всей правды.

— А что она рассказывала?

Он рассказал, что знал: Удаян был заговорщиком, готовил акты насилия, собирал взрывные устройства. Еще сообщил ей, что все эти годы вина Удаяна не была доказана и степень его вины не определена.

— А он знал обо мне? Знал, что я должна родиться?

— Нет.

Бела сидела напротив, глядела ему в глаза и слушала. Он сказал: где-то в доме остались письма, которые он не выбросил и сохранил. Письма Удаяна, в которых Гори упоминалась как его жена.

Он предложил ей прочесть эти письма, но она покачала головой. Выражение лица ее в тот момент было жестким и неумолимым. Она сумела растормошить его, вернуть к жизни, но теперь он был для нее чужим человеком.

У него не осталось ощущения полного окончания разговора. Это признание измотало его. Он прикрывал ладонью глаза, уже не мог больше держать их открытыми. Бессонные ночи, накопившиеся после смерти Ричарда, проявили себя, и он, извинившись, что не может больше бодрствовать, поднялся к себе.

Когда он проснулся утром, ее уже не было в доме. В душе он был готов к этому — сейчас удержать ее было невозможно. Конечно, на всякий случай он заглянул в ее спальню, увидел там застеленную после сна постель, но сумки с ее вещами отсутствовали.

На кухне на столе среди блюд с фруктами ле-

жал телефонный справочник, он был раскрыт на странице вызова городского такси.

Она узнала правду о своем отце. Вернее, о двух своих отцах. Теперь их, оказывается, было двое. Правда, одного она никогда не видела. Как не видела пока того, кто сидел у нее в утробе.

С этим неизвестным ей пока человечком, росшим внутри ее, Бела чувствовала крепкую связь, пока ехала обратно из Род-Айленда, пытаясь успокоиться и переварить все, что она там услышала. Только этому маленькому человечку, сидевшему внутри ее, она могла доверять, и только его могла считать родным. Из окошка междугороднего рейсового автобуса она смотрела на пейзажи своего детства и не узнавала их.

Теперь она знала, что ее обманывали всю жизнь. Но эта ложь никак не увязывалась с правдой. Ее отец оставался отцом, хотя и сказал ей, что им не является. Хотя и сказал, что ее отцом является Удаян.

Она не винила отца и не злилась на него за то, что он не открыл ей этой тайны раньше. С таким же успехом ее ребенок, который сидел сейчас у нее в животе, мог бы в один прекрасный день возмутиться по той же примерно причине.

Зато теперь у нее имелось объяснение, почему

мать ушла от них. Почему в детстве она почти никогда не видела родителей вместе.

Теперь ей стало ясно, почему она в детстве не испытывала радости от общения с матерью. Почему чувствовала себя белой вороной среди других детей.

И мать никогда не притворялась, не пыталась ввести Белу в заблуждение. Она всегда буквально источала несчастье, потому что действительно была несчастна, хотя никогда не выражала этого словами. И Бела улавливала эту скрытую информацию, воспринимала, как высокую гору. Громадную, высоченную гору, через которую нельзя перебраться.

Теперь оказалось: у нее есть еще и третий родитель. На него отец указал ей как на новую звезду, различать звезды на ночном небе он учил ее в детстве. Некое светило, которое, оказывается, существовало все это время, но которое можно было заметить только с определенного ракурса. Мертвая, погасшая звезда, ожившая только для Белы. Звезда имела отношение к появлению на свет Белы, но не имевшая на нее никакого влияния.

Ей смутно вспоминался портрет на стене в доме в Толлиганге — портрет под наколотыми

на гвоздь квитанциями. Улыбающееся лицо в потертой деревянной рамочке. Лицо молодого мужчины, которого бабушка почему-то называла ее отцом. А потом отец сказал ей, что это портрет Удаяна. Она быстро забыла это лицо. Когда ей сказали, что это не ее отец, она просто перестала обращать внимание на эту фотографию.

Теперь она поняла, почему ее мать не поехала с ними в то лето в Калькутту. Почему она вообще никогда туда не ездила и почему никогда не рассказывала о своей жизни там, когда Бела просила.

Эту свою неудовлетворенность несчастливым супружеством мать увезла с собой, когда уехала из Род-Айленда. Она обделила Белу даже в этом, лишила ее возможности понять, пожалеть или сопереживать. Невозможное случилось. Непреодолимая гора исчезла.

На ее месте с тех пор лежал тяжелый камень — из тех, что врастают намертво в песок на пляже, и их ни за что нельзя выкопать. Очертания таких камней видны только над землей, но истинные сокрытые размеры никому не известны.

Она уговаривала себя плюнуть на все это, отвернуться. Но в ней уже прострелили какую-то дырочку, через нее теперь могла появиться угро-

за ее существованию.

Она вернулась сейчас к этой дырочке. Слои песка наконец поддались, и она могла теперь выковырять то, что ранее было намертво в них зарыто. В какой-то момент она даже почувствовала размеры своей находки, смогла подержать ее в руках. Наконец Бела ощутила всю тяжесть находки, а потом выпустила ее из рук, вернее, уронила в море.

Несколько дней от нее не было ни слуху ни духу. Субхаш звонил ей на мобильник и понимал, почему она не отвечает. Он понятия не имел, где она находится. И спросить было не у кого. Мучаясь догадками, он решил, что она поехала в Калифорнию — разыскать Гори и выслушать ее версию.

В следующем разговоре с Элизой он сообщил, что планы Белы изменились и она уехала. Он много раз порывался сказать Элизе, что он не родной отец Белы и поэтому Гори в свое время ушла из семьи. Ему казалось: Элиза его обязательно поймет. Но все-таки молчал, считал: Бела должна узнать первой.

Он все спал и спал, просыпался, не чувствуя бодрости, и опять спал. Когда не мог уже больше спать, все равно оставался в постели. Ему вспоми-

нались неторопливые покачивания на морских волнах, когда во время долгого штиля капитан выключал мотор.

Вроде бы ничего плохого не было, но Субхаш постоянно чувствовал дискомфорт, никуда не уходивший, никуда не пропадавший. Несколько дней он не выходил на работу — позвонил в лабораторию и сказал, что болен.

Он лежал в постели и думал, не выйти ли ему на пенсию. Или продать дом и уехать. Ему хотелось позвонить Гори, наорать на нее, спустить на нее всех собак, сказать, что из-за нее жизнь его пошла наперекосяк. Что он выложил наконец правду Беле, и Бела всегда будет знать, кем он приходится ей. Но на самом деле ему нужно было не это. Ему нужно было, чтобы Бела простила его.

По ночам он маялся в душной комнате, все ждал прохладного ветерка, ужасно хотел, чтобы такая жуткая жара прошла.

В конце недели зазвонил телефон. К горлу подступила тошнота — ведь он полноценно не ел несколько дней, только пил чай, кое-что пробовал из привезенных Белой фруктов. Он оброс щетиной и подолгу продолжал лежать в постели. А о звонке подумал: это Элиза проверяет его.

Он не хотел даже подходить к телефону, но в

последнюю минуту все-таки снял трубку. Решил Элизе все рассказать и услышать ее совет.

Но это звонила Бела.

— А чего ты не на работе? — спросила она.

Его буквально подкинуло, он сел на постели в растерянности, как будто она застукала его в неприглядном виде.

— Я… ну… взял выходной…

— А я видела китов-лоцманов. Так близко от берега, даже можно было доплыть до них. Это вообще нормально в такое время года?

В тот момент он плохо соображал и не смог толком ничего ответить. Обрадовался, что слышит ее голос, но боялся получить в ответ что-нибудь страшное для него, боялся, что она повесит трубку.

— Ты где? Где ты находишься сейчас?

Оказывается, она уехала на такси в Провиденс, потом на автобусе в Кейп-Код. Оказывается, в Труро жила ее школьная подружка.

— Ой, здесь так здорово! Такой шикарный пляж! — сказала она в трубку.

Таких восторгов он не слышал с ее школьных времен.

Он помнил, как возил ее на мыс Кейп-Код, когда она была маленькая. Поздней весной, в

тот год, когда от них ушла Гори. Бела тогда все бежала впереди, искала под ногами что-нибудь интересное.

Когда находила, он подбегал и смотрел на ее находку. На дохлого дельфина с выпученными, но даже в смерти усмехающимися глазами. Он доставал фотоаппарат и фотографировал бедного дельфина. Фотографировал и видел, как Бела плачет, сначала молча, а потом и вслух — когда он утешительно обнимал ее за плечи.

— И долго ты там пробудешь? — спросил он.

— Я сейчас еду в Хианнис. В восемь вечера обратный автобусный рейс.

— Рейс куда?

— В Провиденс.

Первые несколько мгновений он молчал, как и она. Ему трудно было понять, слышит ли она его, или линия оборвалась.

— Папа?..

Он слышал ее голос. Слышал, как она кричит:

— Папа! Папа! Ты можешь забрать меня отсюда, или мне взять такси?

Потом она благодарила за сообщение и рассказ об Удаяне. Удаяна она называла по имени — говорила, что это помогло ей разъяснить некоторые обстоятельства жизни. Она узнала самое необхо-

димое, больше никаких подробностей не нужно.

Как она сама призналась, это помогло ей почувствовать свое родство и близость с ребенком. Какой-то неведомый для него момент жизни, который он, Субхаш, не осознавая, должен был разделить с ней.

Осенью у Белы родилась дочь. Став матерью, она призналась Субхашу, что стала любить его еще больше, когда узнала обо всем.

Часть седьмая

Глава 1

Гори сидит у себя во дворике в Калифорнии. На столе у нее хлебцы, фрукты, чай. Она включает ноутбук, надевает очки, читает заголовки новостей, не только сегодняшних — любых. Одним нажатием мышки она перемещается в архивные публикации старых лет. Вытягивает прошлое наружу. Это очень похоже на детское определение Белы вчерашнего дня.

Гори вдруг натыкается на публикацию из американских газет, где речь идет о деятельности наксалитов в разных частях Индии и в Непале. Коротенькие сообщения о повстанцах-маоистах, о взрывах машин и поездов. Они сжигают полевые лагеря полиции, ведут борьбу с корпорациями в Индии, вновь и вновь замышляют свержение государственного строя.

Она не вчитывается в содержание, потому что не хочет знать лишних подробностей. Некоторые из публикаций рассказывают о былых событиях в Наксалбари, знакомя с ними тех, кто еще о них не слышал. Рассказывают, как и когда возникло это движение, которым в течение нескольких лет была охвачена постколониальная Бенгалия, дви-

жение подавили, но оно послужило примером того, как из тлеющих угольков может разгореться пламя. Ибо и сейчас еще оно, оказывается, продолжало существовать.

Интересно, какие эти нынешние повстанцы? Похожи ли они на Удаяна и его соратников? Как действует их движение? Так же ли оно лишено руля? Так же ли разрываемо внутренними противоречиями? Суждено ли Калькутте снова пережить времена такого террора? Что-то подсказывает Гори: нет, повтора не должно произойти.

Теперь в ее распоряжении так много средств и возможностей. Прежде всего, компьютеры. Благодаря беспроводной связи она может дома пользоваться фондами библиотек. Мерцающие экраны мониторов, ноутбуки становятся все более удобными и компактными. Они предугадывают каждый возможный вопрос, способный родиться в человеческом мозгу. И содержат в себе больше информации, чем может понадобиться человеку.

Все в них устроено так, чтобы разделаться с любыми загадками и тайнами, свести к минимуму понятие неизвестности. В них есть карты и схемы, по которым каждый может выяснить интересующий его маршрут, есть фотографии

номеров отелей, где можно остановиться. Чтобы узнать о задержке авиарейса, теперь не надо ехать в аэропорт. Здесь есть ссылки на контакты с людьми — знаменитыми и простыми, — с людьми, с которыми ты можешь познакомиться, влюбиться в них, нанять их на работу. Это прогрессивное, революционное понятие уже перестало быть новшеством и воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Граждане пространства Интернет не знают иерархии. Здесь все равны, здесь ни для кого нет рамок и ограничений, здесь есть место для каждого. Удаяну, наверное, понравилось бы такое устройство.

Многие из ее студентов уже давно не ходят в библиотеку. Не лезут в замусоленный толстенный словарь в поисках нужного слова. В принципе им даже не обязательно ходить на ее занятия. В ее ноутбуке содержится столько знаний, сколько не способен охватить один человеческий мозг в течение своей жизни. Краткое изложение философских учений в онлайн-энциклопедиях, на их изучение у нее ушли годы. Тексты книг, которые ей в свое время приходилось разыскивать и раздобывать, делать ксерокопии или оформлять на них заблаговременно заказы во всевозможных библиотеках. Пространные статьи, обзоры, иссле-

дования, опровержения — все это теперь можно легко найти в Интернете.

Ей вспоминается, как она стоит на балконе в северной Калькутте, беседует с Удаяном. Библиотека в Президенси-колледже, где он отыскивает ее иногда за столом, заваленным стопками книг, чьи раскрытые страницы шевелит ветерок от гигантского вентилятора на потолке. Он молча стоит у нее за спиной — ждет, когда она почувствует его присутствие.

Ей вспоминается, как она читает провезенные контрабандой книги, их можно было раздобыть на книжном развале рядом с Санскрит-колледжем, где Удаян брал свою запрещенную литературу. Как она заказывает иностранные издания по почте. Как просиживает часами напролет за картотекой в читальном зале в Президенси, потом в Род-Айленде и даже в Калифорнии. Выписывает карандашом индексы и номера, затем ищет нужную книгу в рядах стеллажей. Вспоминаются отчетливо целые главы из прочитанных книг, точные места в них, где можно найти интересующую информацию. И набитая книгами сумка, ремень режет плечо, когда она идет домой.

Гори никуда не может деться от этих образов,

она теперь житель виртуального мира, есть и ее след в этом море информации, в этом океане человеческих знаний, доминирующем теперь на земной поверхности. На веб-сайте колледжа размещена сравнительно недавняя ее фотография в профиль, перечень курсов, которые она читает, ее послужной список — ученые степени, публикации, участие в симпозиумах и конференциях, ее научные связи. Даже ее электронный адрес и почтовый адрес ее кафедры — на случай, если кому-то понадобится послать ей что-то или как-то с ней связаться.

Если покопаться в Интернете подольше, то можно найти ее фамилию в списке ученых — историков, социологов, принимающих регулярное участие в организованной университетом Беркли научной дискуссии. Там даже показано, как она входит в аудиторию, садится за стол с табличкой с ее именем. Внимательно слушает, заглядывает в свои каталогизированные записи, как обменивается мнением с остальными участниками дискуссии.

Словом, информации много. Очень много. Но все же недостаточно. В этом мире исчезающих тайн и загадок остается еще много белых пятен.

Она нашла в Интернете Субхаша — он работает

все в той же лаборатории в Род-Айленде, нашла его опубликованные статьи по океанографии.

Но только один раз за все время всевозможных поисков по Интернету она не удержалась и начала искать там Удаяна. Но, как она и предполагала, во всем этом море информации не нашлось ни одного упоминания о его деятельности. В то время в Калькутте были сотни таких, как он, — безвестных добровольных бойцов, посвятивших свою жизнь борьбе и этой борьбе ее отдавших. Его вклад в эту борьбу не был отдельно замечен, полицейская расправа над ним была нормой того времени.

В Интернете нет и Белы. Набираешь ее имя, и поисковик не выдает никаких сведений. Никакого университета, никакой фирмы, никаких ссылок на средства массовой информации. Ни фотографии, вообще ничего.

Правда, это ни о чем не говорит. Это означает только то, что Бела не существует в пространстве, где Гори могла бы почерпнуть информацию о ней. Только то, что дочь отказывает Гори в доступе к ней. Гори интересно: этот отказ действует в международном Интернете или только в Америке? Сознательный ли это выбор Белы, действительно ли это желание оградить себя от

попытки контактов извне?

Только брат Манаш разыскал ее через Интернет. Написал ей на электронный адрес, спрашивал, как у нее дела, собирается ли навестить его в Калькутте. Она написала ответ, сообщила, что рассталась с Субхашем, а про Белу ей мало известно, знает только, что та вышла замуж.

И все же Гори продолжает свои поиски в Интернете, и эти поиски каждый раз оканчиваются неудачей. Она знает точно одно: если сама не будет искать, то Бела к ней не придет. И обратиться к Субхашу Гори не осмеливается. Такое желание бьется в ней, как только что пойманная рыбина. Она даже набирает в поисковике его имя, но потом рука ее застывает. И надежда гаснет в ней по мере того, как утихает ее порыв.

* * *

В ее электронной почте вдруг вылезло имя — Дипанкар Бисвас. Студент-бенгалец когда-то учился у нее. Он родился в тот же год, что и Бела, вырос в пригороде Хьюстона. Она испытывала к нему легкую материнскую нежность, они даже разговаривали иногда по-бенгальски. Глядя на него, она тогда представляла себе, какой примерно вырастет Бела.

На лето он уезжал в Калькутту, жил у бабушки и дедушки на улице Джамир-Лейн. Как-то она слышала: он намеревался поехать туда работать школьным учителем, но оказалось, не поехал, передумал. Объяснил ей в одном из электронных писем, что устроился здесь, в Америке, преподавателем политэкономии в колледже, специализирующемся по региону Южной Азии. Сказал ей, что это она повлияла на его решение.

Теперь он вдруг снова объявился, на следующей неделе должен приехать в ее колледж на заседание дискуссионного клуба. Спрашивал Гори, сможет ли она пообедать с ним. И во время обеда он поделился бы с ней планом работы над своей новой книгой.

Она сначала хотела отказаться от встречи, но ей было интересно увидеться с ним снова, поэтому она предложила тихий ресторанчик, в котором иногда сама бывала в одиночестве.

Дипанкар уже ждал ее за столиком. Он больше не ходил в шортах и сандалиях, с ожерельем из ракушек на шее. Полосатая хлопковая рубашка, брюки с ремнем, на ногах туфли-мокасины. Как выяснилось, аспирантуру он закончил в Небраске, первую работу нашел в Буффало. Он был рад снова оказаться в Калифорнии, достал свой ай-

фон, показал фотки своих близнецов — мальчика и девочки, — которых держала на руках его жена-американка.

Гори поздравила его, тотчас пришли мысли о Беле: вышла ли она и вправду замуж? Родила ли ребенка?

Они заказали официанту еду. У Гори на все про все был только час — дальше дела в колледже.

— Давай расскажи мне, о чем твоя книга? — спросила она Дипанкара.

— Вы же учились в Президенси в конце шестидесятых, так ведь?

Оказалось: он получил заказ от академической прессы написать о жизни тогдашних студентов Калькутты, когда движение наксалитов было в самом разгаре. Целью работы стал сравнительный анализ этого движения со студенческими движениями в Америке. Дипанкар задумал оформить свою работу как интервью, снабженные комментариями.

У Гори задергалось веко. Такое с ней бывало в особенно нервные моменты. Ей было интересно, заметил ли это Дипанкар?

— Я не участвовала в этом движении, — ответила она, едва шевеля пересохшим от волнения языком.

Она приложила к губам стаканчик со льдом. Крошечные кусочки льда так и норовили проскользнуть в горло.

— А это не важно, — сказал Дипанкар. — Мне просто нужно знать, какая атмосфера была там тогда, что делали и о чем думали студенты, что происходило на ваших глазах.

— Прошу прощения, но я не хочу давать такое интервью.

— Даже если мы сохраним вашу анонимность?

Она вдруг испугалась от мысли: ему что-то известно, может, ее имя стоит в каком-то списке. Что оно всплыло из каких-то недавно открытых папок. Она прикрыла рукой дергающееся веко.

Но нет, она увидела: он просто рассчитывал на ее помощь, как на ценный и удобный источник информации. Разговор их возобновился не сразу — официант принес еду.

— Хорошо, я расскажу тебе что знаю. Только не хочу, чтобы ты упоминал мое имя в своей книге.

— Идет, профессор!

После полученного разрешения он включил диктофон, но первый вопрос задала Гори:

— А почему тебя заинтересовала эта тема?

Он рассказал ей, что его родной дядя, брат отца, был участником этого движения. Его втянули

туда помимо его воли, потом власти бросили его в тюрьму. Дедушка и бабушка Дипанкара сумели вытащить его оттуда и отправить в Лондон.

— А чем он сейчас занимается?

— Он инженер, о нем у меня написано в первой главе книги. Правда, под вымышленным именем.

Она кивнула и задумалась: как сложились судьбы многих других? Так же ли счастливо? Тут она могла бы многое ему поведать.

— Он рассказывал мне о митинге в день провозглашения партии, — продолжал Дипанкар.

Гори и сама помнила тот день. Жаркий первомайский день, когда она стояла на площади и слушала речь Кану Санъяла, только что освобожденного из тюрьмы.

Они с Удаяном тогда находились среди многих тысяч людей на площади и вместе со всеми восторженно внимали речи Санъяла. Это было настоящее людское море. Трибуну, с которой выступал Санъял, украшал огромный портрет Мао.

Она помнила голос Санъяла, гремевший в мегафон. Голос этого невзрачного, но очень харизматичного молодого человека. Он обращался к толпе «Товарищи и друзья!», и его речи вызывали у нее, как и у всех собравшихся, настоящий

трепет.

Ее воспоминания несколько поблекли с годами, но у Дипанкара они были яркими — все имена, все события тех лет он сохранял во всей полноте и красках. Он мог цитировать отрывки из брошюр Чару Маджумдара, знал все о расколе в партии — о расхождении во мнениях между Маджумдаром и Санъялом из-за того, что Санъял возражал против проведения жестокой линии массовых убийств.

Дипанкар исследовал обреченную на провал тактику повстанческого движения, отсутствие координации, его совершенно оторванную от реальности идеологию. Даже намного лучше, чем Гори, он понимал причины возникновения движения и причины его краха.

— Мой дядя был еще там, когда Санъяла опять арестовали в 1970 году. В Лондон дядя отправился вскоре после этого.

Арест Санъяла она тоже хорошо помнила. Его арест произошел через год после провозглашения партии, тогда накатила и волна насилия, охватившая Калькутту.

— Я в тот год вышла замуж.

— А ваш муж? Он участвовал в движении?

— Он учился тогда в Америке, — сказала она, —

и не имел к движению никакого отношения.

— А я вот планирую поехать в Калькутту, постараюсь собрать еще как можно больше материала. У вас остались там еще какие-то знакомые? Люди, которые могли бы пролить свет на интересующие меня вопросы?

— Мне очень жаль, но боюсь, что нет.

— Я даже хочу съездить в Наксалбари, если удастся. Собственными глазами увидеть деревню, где жил Санъял после освобождения из тюрьмы.

Она кивнула:

— Да, тебе это было бы интересно.

— Меня вообще поражает то, как повернулась его жизнь.

— Что ты имеешь в виду?

— После всех испытаний, мучений и пыток он остался героем. Спустя годы еще ездил по деревням на велосипеде, поднимал народ на дальнейшую борьбу. Жаль, нельзя встретиться и поговорить с ним.

— Почему?

— А он умер. Вы разве не слышали?

Это, оказывается, произошло почти год назад. Здоровье его было подорвано, отказали почки и зрение. На склоне жизни он страдал тяжелой депрессией. В 2008 году у него случился инсульт,

он остался частично парализованным. От лечения в государственной больнице отказался — не хотел ничего получать от государства, с которым продолжал бороться.

— Он умер от почечной недостаточности?

Дипанкар покачал головой:

— Нет, покончил с собой.

Дома она первым делом включила компьютер. Набрала имя Кану Санъяла в поисковике. Одна за другой посыпались ссылки на многочисленные индийские сайты, в которые она никогда раньше не заглядывала.

Гори стала открывать их и читать подробности его биографии. Наряду с Маджумдаром он считался одним из основателей движения, оно до сих пор грозило подорвать устои индийского государства.

Он родился в 1932 году. Работать начал рано, одно время клерком в суде в Силигури.

Был активистом Коммунистической марксистской партии Индии в Дарджилинге, потом, после начала восстания в Наксалбари, порвал с партией. Ездил в Китай, встречался там с Мао. Не менее десятка лет провел в тюрьме. Стал председателем Коммунистической марксистско-ленинской партии Индии. После выхода из тюрьмы снова

активно включился в революционную борьбу.

На протяжении всей жизни он оставался коммунистом, посвятил свою жизнь борьбе за интересы крестьян, работающих на чайных плантациях, рикш и других трудовых людей. Никогда не был женат. Пришел к выводу: Индия не является единым государством. Выступал за независимость Кашмира и Нагаланда.

За всю жизнь он не нажил ничего, кроме нескольких книг, кое-какой одежды и кухонных принадлежностей. И портретов Маркса и Ленина в рамках. Умер в нищете. «Раньше я был популярен, но потерял свою популярность. Я нездоров», — сказал он в одном из своих последних интервью.

Во многих публикациях о нем писали как о герое, как о человеке-легенде. Его критики и противники осуждали его, называли отпетым террористом.

Одна и та же информация повторялась многократно в разных ссылках, но Гори не могла остановиться и все равно открывала их и читала.

На одной даже было видео. Отрывок из теленовостей от 23 марта 2010 года. Женский голос за кадром передавал краткий обзор событий тех лет.

А на экране шла черно-белая документальная лента съемок улиц Калькутты конца шестидесятых годов, флаги, лозунги, несколько секунд протестного уличного шествия.

Потом показали плачущих крестьян. Люди толпились перед глинобитной хижиной, служившей Санъялу и жильем, и рабочим кабинетом. Его повариха давала интервью телевидению. Она выглядела возбужденной, очень нервничала перед камерой, говорила на местном диалекте. Она захотела проверить его после обеда. Сначала заглянула с улицы в окно, но не увидела его, как обычно, лежащим в постели. Дверь была не заперта, она нашла Санъяла в другой части комнаты.

Гори тоже увидела его — на мониторе своего компьютера в Калифорнии.

Семидесятивосьмилетний старик в пижаме висел, удавленный нейлоновой веревкой. Под ним находился стул, на который он встал. Этот стул не опрокинулся из-за последних конвульсий умирающего тела.

Голова старика была склонена вправо, из воротника пижамы торчала вытянутая шея. Ноги касались пола, словно земная поверхность до сих пор поддерживала его, ему нужно было только

расправить плечи и пойти.

Увиденная картина не шла у нее из головы несколько дней. Гори не переставала думать о том, как пассивно повел себя в самом конце человек, который всю жизнь отказывался склонить голову.

На душе у нее было тяжело и пусто.

Через неделю она спускалась по крутым ступенькам одного из учебных корпусов, потеряла равновесие и упала. Успела только выставить вперед руку, тем самым немного смягчив падение. Из раненой руки потекла кровь.

Кто-то бросился на помощь. Она смогла встать и сделать несколько шагов. Жуткая боль пронизывала запястье, ныл бок и кружилась голова.

Университетская «скорая помощь» доставила ее в больницу. В запястье обнаружили растяжение связок, а из-за неунимающейся головной боли назначили сканирование и анализы.

Ей дали заполнить бумажные формы и попросили указать там кого-нибудь из ближайших родственников. Всю свою жизнь она вписывала в подобные формы имя Субхаша. Но это всегда были формальные бумажки, не требовалось связываться с ним лично.

Она кое-как заполнила анкеты, накорябала

буквы левой рукой. Адрес в Род-Айленде и номер телефона она еще помнила. Раньше она очень переживала из-за совершенного поступка и остро сожалела о нем, тогда часто набирала этот номер и никогда не дожидалась ответа. Она это делала, когда думала о Беле.

В больнице Гори не лежала со времени родов. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, воспоминания о том дне остались яркими и целостными. Дождливый летний вечер. Ей двадцать четыре года. На руке у нее больничный браслет. Когда все позади, все поздравляют Субхаша, с его кафедры в университете прибывают все новые и новые букеты цветов.

И вот опять ей прикрепили на руку больничный браслет, она предъявила свою страховую медицинскую карточку и дала медикам всю необходимую информацию о своем здоровье. Но в этот раз рядом с ней в больнице никого не было. Никто не навещал ее, никто не справлялся о ее состоянии, кроме медсестер и докторов.

Ей сделали рентген, компьютерную томографию. Рука у нее была забинтована, как у Удаяна после несчастного случая со взрывчаткой. А еще обнаружили легкую стадию обезвоживания и назначили капельницы.

Она пробыла там до вечера. Сканирование не обнаружило наличия гематом мозга. Ее выписали домой, посоветовали принимать обезболивающие средства и обратиться к физиотерапевту. Ей пришлось попросить коллегу отвезти ее домой, так как за руль она теперь не может сесть в течение нескольких недель.

Коллега Эдвин отвез ее сначала в аптеку купить по рецепту необходимые лекарства. Он даже предложил ей пожить пока у него дома, сказал, что она не доставит никаких неудобств им с женой. Но Гори отказалась. Дома она сразу же села за свой письменный стол, взяла ножницы и кое-как срезала с руки больничный браслет.

Потом она включила компьютер и поставила чайник. Наливать чай оказалось теперь непросто. Она все делала медленно и неловко, только одной рукой.

В холодильнике было пусто, молока в пакете — на донышке. Она сейчас вспомнила: до случившейся травмы как раз собиралась ехать в магазин за продуктами. Поняла: видимо, придется все-таки позвонить еще раз Эдвину и попросить его купить для нее кое-какие продукты.

На следующее утро она задумалась, как ей быть дальше. Пятница, ни занятий, ни планов на

вечер. Она налила себе стакан воды, расплескав немного по столу, как-то умудрилась открыть пузырек с таблетками. Закрывать пузырек не стала — чтобы потом опять не мучиться.

Она не хотела никого нагружать лишними заботами, но справляться сама тоже не могла, поэтому приняла решение — уехать на выходные. Одной рукой собрала чемоданчик, ноутбук оставила дома и заказала себе номер в отеле в одном маленьком городке, который, помнится, очень нахваливали ее коллеги. Там она могла несколько дней отдыхать и не притрагиваться к хозяйству, не хлопотать у плиты и у раковины с грязной посудой. Наконец вызвала платного водителя.

В бассейне на крыше отеля она наблюдала за пожилой индийской супружеской четой, с ними был маленький мальчик. Супруги пытались научить мальчика не бояться воды, показывали ему, как плавают пластмассовые игрушечки, дедушка даже продемонстрировал внуку приемы плавания. Дедушка с бабушкой немного ссорились между собой на хинди, следует ли надеть ребенку панамку и вообще можно ли держать его на солнце.

Супруг имел на голове уже изрядную лысину,

но был подвижен и энергичен. Его жена выглядела заметно моложе, волосы выкрашены хной, педикюр, симпатичные босоножки. За завтраком Гори видела, как они кормили внука с ложечки йогуртом и кашкой.

Они поинтересовались у Гори по-английски, откуда она родом, сказали, что приезжают в Америку каждое лето — здесь у них живут оба сына, и им здесь очень нравится. Один их сын живет в Сакраменто, другой — в Атланте.

Сами они постоянно берут с собой на отдых по очереди внуков, чтобы те не отвыкали от бабушки с дедушкой и чтобы родители малышей могли ненадолго вздохнуть свободно.

— А ради чего еще жить в наши-то годы? — сказал Гори дедушка с маленьким внуком на руках.

И все же они предпочитали жить в Индии и не переехали в Америку навсегда.

— А вы часто ездите на родину? — поинтересовалась у Гори жена.

— Нет, давно уже не была.

— А внуки у вас есть?

Гори покачала головой, но все-таки хотела подчеркнуть нечто общее с этой парой и прибавила: скоро и у нее будет внук.

— А сколько у вас детей?

— Один ребенок. Дочь.

Обычно она говорила людям, что у нее вообще нет детей. И люди отставали от нее с дальнейшими расспросами.

Но в тот день Гори не смогла заставить себя отказать Беле в существовании. А женщина не стала теребить ее расспросами, только со смехом заметила: дети в наше время привыкли жить своим умом.

Рука Гори потихоньку заживала. Она ходила на сеансы физиотерапии, где ей обертывали руку компрессами из теплого воска. Она уже могла держать зубную щетку, чистить зубы, могла подписать чек, повернуть дверную ручку. Потом снова оказалась за рулем машины, через какое-то время уже писала этой рукой и правила студенческие работы.

Этот учебный семестр был для нее последним — осенью ей предстояло выйти на пенсию.

Однажды она вынула из почтового ящика кипу листков и нашла среди счетов, каталогов и прочих бумаг его письмо. На конверте почерк Субхаша и его обратный адрес в Род-Айленде. А почтовая марка, надо понимать, была приклеена его слюной.

Письмо вообще-то было отправлено на адрес ее

кафедры, но секретарша любезно переслала на ее домашний адрес.

Внутри конверта она нашла лист формата А4 с текстом, написанным по-бенгальски. Уже несколько десятилетий ей не приходилось читать рукописных бенгальских текстов — с Манашем она переписывалась по-английски, по электронной почте.

Гори,

Твой адрес я узнал в Интернете, но ты, пожалуйста, подтверди получение. Я, как видишь, нахожусь все там же и в добром здравии. Надеюсь, что и ты тоже. Но мне скоро стукнет семьдесят. Мы с тобой вступаем в ту пору жизни, когда все что угодно может случиться. Я не знаю, что ждет нас впереди, но хотел бы кое-что урегулировать, учитывая то обстоятельство, что официально мы остаемся связанными друг с другом. Если ты не возражаешь, я хотел бы продать дом в Толлиганге, на какую-то его часть ты имеешь законное право. Я также полагаю: настало время вычеркнуть тебя из владельцев дома в Род-Айленде. Его я конечно же оставлю Беле.

Она перестала читать, погрела онемевшую руку о поверхность стола и продолжила.

Субхаш писал, что не хочет тащить ее в Род-Айленд в спешном порядке, ради каких-то, пусть даже и экстренных обстоятельств.

Я не говорю, что это нужно сделать так уж срочно, но мне хотелось бы разрешить все вопросы к концу года. Я не думаю, что у нас с тобой есть что сказать друг другу. Конечно, я не могу простить тебе того, как ты поступила с Белой, но я от этого только выиграл. И продолжаю оставаться в выигрыше от твоего поступка, каким бы несправедливым и неправедным он ни был. Бела является самой важной частью моей жизни, а твоей, насколько я знаю, нет. Но я ничуть не желаю тебе зла, просто не считаю обязательным нам встречаться лично. В конце концов, это всего лишь вопрос нескольких подписей, а это можно сделать и по почте.

Ей пришлось прочесть письмо дважды, чтобы понять его смысл и цель. Оказалось: после всех этих долгих лет он просто-напросто просил у нее развод.

Глава 2

Удаян и Гори поженились, не сказав об этом никому из родственников, даже Манату. Это было в январе 1970 года. Регистратор пришел прямо в дом в Четла. Тот дом в Четла принадлежал одному из товарищей Удаяна, старшему другу, члену партии, профессору литературы. Мягкий, добрый человек был, поэт. Они называли его Тарун-да.

На том собрании присутствовали и другие товарищи. Они задавали ей всякие вопросы и объяснили, как она теперь должна себя вести. Перед подписанием бумаг Удаян поклялся ей в верности на… Красной книге. Он тогда уже носил усы и бороду. После окончания процедуры он повернулся к ней и улыбнулся. Этой улыбкой хотел передать ей то, как он счастлив.

Ей не было никакого дела до того, что станут говорить о поступке ее тети, дяди и сестры. Таким оборотом дела она отделила себя от них. Единственным человеком в ее семье, чье мнение ее волновало, был Манаш.

В комнату внесли блюдо с котлетами и жареными рыбными биточками, коробки со сладостями. Собственно, в этом угощении и состояло праздно-

вание. Первую неделю супружества они жили в доме в Четла, в свободной комнате, выделенной им профессором.

Именно там однажды ночью после долгих разговоров они начали общаться по-другому. Именно там он впервые протянул к ней руку, чтобы потрогать ее тело. Именно там она почувствовала рядом с собой его твердое плечо, когда они спали вместе, его теплые коленки, подпиравшие ее сзади.

В доме было полно книг, они лежали повсюду стопками высотой в рост ребенка. Ими были забиты все шкафы и полки. Гостиная имела маленький балкончик, нависавший над улицей. Их с Удаяном попросили не выходить туда, чтобы не привлекать к себе внимания.

Через несколько дней она послала Манашу письмо, где призналась, что не поехала с подругами на экскурсию в Сантиникетан, а вышла замуж за Удаяна и больше не вернется домой.

Потом Удаян отправился в Толлиганг сообщить родителям о женитьбе на Гори. Он сказал им, что они не собираются жить дома. Родителей это сообщение потрясло. Но его брат уже жил тогда в Америке, и родителям хотелось, чтобы дома остался другой их сын. А Гори втайне надеялась

— родители Удаяна не пустят их к себе. Ведь в Четла, в вечно переполненном людьми, но веселом доме, где они прятались с Удаяном, она не должна была ничего бояться и смущаться. Там она чувствовала себя свободной и счастливой.

Удаян обещал: когда-нибудь они будут жить самостоятельно. Он не приветствовал идею совместной жизни с родителями. Но в какой-то момент они должны были срочно освободить комнату в профессорском доме для кого-то еще, поскольку дом служил явочной квартирой партийцев. Денег же на съемное жилье у Удаяна не хватало, поэтому он повез ее в Толлиганг.

Путь туда в общем-то не считался далеким — всего несколько миль, но по дороге Гори почувствовала разницу. Здесь уже был большой город, и огни ярче, и деревья гуще.

Родители встречали их во дворе — им не терпелось увидеть невестку. Дом оказался просторный, но устроенный как-то утилитарно и примитивно. Она сразу поняла, в какой атмосфере вырос Удаян, какие условности он отвергал.

Первым делом ее голову накрыли краем ее сари — знак принадлежности теперь мужу. Голова свекрови также была накрыта сари кремового цвета, с золотой узорной нитью. Свекор ее оказался вы-

соким худым мужчиной с усами, невозмутимым выражением лица и зачесанными назад седеющими волосами.

Свекровь спросила Удаяна, не возражает ли он против нескольких укороченных обрядов. Тот ответил, что возражает. Но мать его слушать не стала, а подула в морскую раковину и повесила им на шею гирлянды из тубероз. К голове, к груди и к животу Гори подносили плетеное блюдо с разными полезными подарками и с фруктами, символизирующими плодородие.

Гори получила в подарок коробочку с ожерельем. На подносе также стояла баночка с порошком киновари. Мать объяснила Удаяну, как он должен посыпать этим порошком пробор в волосах Гори. Потом она надела на руку Гори железный браслет.

Какие-то чужие люди, ставшие теперь ее соседями, наблюдали за всей этой картиной из-за забора.

— Ты теперь наша дочка, — сказали родители Удаяна и осенили ее голову благословляющим жестом. — Все наше теперь принадлежит и тебе.

Гори поклонилась им в ноги.

Каменные стены двора в честь приезда невесты были украшены узорами. На пороге дома на

угольной жаровне грелось в кастрюле молоко, начавшее закипать к моменту ее приближения. Две чахлые банановые пальмочки высились по обе стороны входной двери. Внутри ее ждала другая кастрюля с молоком, только выкрашенным чем-то красным. Ей пришлось наступить в эту красную жижу и подняться наверх по лестнице. Лестницу еще не достроили, еще не сделали перила.

Белое сари устилало ступени, через каждые несколько ступенек стояла перевернутая вверх донышком глиняная плошка. Гори надлежало наступить на нее со всей силы и раздавить. Это было ее первое действо, когда она вступала в дом Удаяна.

Улицы квартала показались ей ужасно узкими, там редко слышалось шуршание шин или скрипы велорикш. Удаян объяснил: любой транспорт ходит только до угловой мечети, а оттуда все обычно добираются пешком. Большинство домов было обнесено каменными оградами, но из-за них до Гори все равно доносились звуки чьей-то жизни: как готовят и подают еду, как наливают воду для купания. Как отскребают от гари сковородки и ополаскивают их водой. Как ругают детей и как они плачут, как зубрят свои

уроки. Как по крыше цокают коготки ворон, как птицы хлопают крыльями и тюкают клювами, роясь в объедках.

По утрам она вставала в пять часов, поднималась на новый надстроенный этаж дома и получала от свекрови чашечку чая с печеньем из жестяной коробки. В дом еще не успели провести газ, поэтому день приходилось начинать с разжигания огня спичками и керосином в глиняной печурке, куда подбрасывали уголь и сухие коровьи лепешки.

От едкого дыма щипало глаза и застилало все вокруг, когда она раздувала огонь. Свекровь в первый же день после брачного обряда велела ей оставить книжку и заниматься хозяйственными делами.

Приходила бригада рабочих с обмотанными вокруг головы засаленными тряпками. Целый день они орали и стучали молотками, так что заниматься в доме было просто невозможно. Вокруг все покрывала серая известковая пыль, на проходе вечно лежали груды кирпичей, предназначенных для недостроенных еще комнат.

Когда свекор приносил с базара рыбу, задачей Гори было выпотрошить ее, порезать на куски, посолить, посыпать куркумой и пожарить в масле.

Пока рыба жарилась, Гори сидела на корточках перед печкой и караулила, чтобы не пригорело. Потом она готовила соус по рецепту свекрови, с ним эту рыбу подавали вечером к столу. Помогала рубить капусту, выбирать из стручков горошек, вытряхивать из листьев шпината песок.

Когда служанка задерживалась или ее отпускали на выходной, Гори вместо нее толкла в каменной ступке корни куркумы и жгучий перец, горчичные и маковые зернышки. От жгучего перца ладони жгло так, словно с них содрали кожу. Сливая из кастрюли с рисом отвар, она должна была следить, чтобы ни одна рисинка не уплыла с водой. От тяжелых сковородок у нее ныли суставы запястий, лицо обдавало жаром, если она не успевала вовремя отвернуться.

Гори выполняла всю работу по хозяйству и еще дважды в неделю ездила на трамвае в северную Калькутту, чтобы позаниматься в библиотеке и посетить лекции. Удаяну она не жаловалась, но он сам все понимал и просил ее потерпеть немного.

Он говорил: когда его брат Субхаш вернется из Америки и женится, то в доме появится еще одна невестка, тогда станет полегче. Гори иногда пыталась представить себе, какой будет эта

женщина.

По вечерам она ждала возвращения Удаяна, высматривала его с террасы. Входя во двор через калитку, он всегда задирал голову и смотрел на нее — как когда-то на перекрестке смотрел на нее, стоящую на балконе бабушкиной и дедушкиной квартиры. Но теперь все происходило по-другому, его приходы не были неожиданными, она — его жена, и они жили вместе в одном доме.

Он умывался, ужинал, а потом она надевала красивое сари, и они отправлялись на прогулку. Гори обожала эти прогулки с ним, хотя тишина кварталов Толлиганга казалась ей непривычной и настораживающей.

В северной Калькутте она привыкла к пестрой многолюдной толпе, к громкой музыке на улицах, к грохоту транспорта, к шуму и суете.

А здесь не происходило ничего интересного, за чем она привыкла наблюдать с балкона бабушкиной и дедушкиной квартиры. Только другие дома, белье, вывешенное сушиться на крышах, кокосовые пальмы и другие деревья. Кривые извилистые улочки, а еще пруды и низина, густо поросшая водяным гиацинтом.

Удаян начал просить ее выполнить для него

кое-какие поручения. Конечно, она согласилась — хотелось помочь ему и самой участвовать в общем деле. Сначала поручались совсем простые дела — пойти туда-то и там (на бумажках он рисовал ей схемы) просто посмотреть, стоит ли возле определенного дома мотоцикл или велосипед.

Она носила от него записки, сначала бросала их в почтовый ящик где-нибудь в Толлиганге, потом стала вручать их лично. Покупая в киоске чернила, она вместе с деньгами подсовывала продавцу записку. В записках этих обычно содержалась информация о месте или времени. Эта связь через нее не имела для Гори никакого смысла, но была важна для кого-то еще.

Много записок она отнесла работнице в швейном ателье. Гори приходила туда и просила вызвать женщину по имени Чандра, якобы для обмера перед пошивом блузки. В самый первый приход Гори полная курчавая женщина приветствовала ее так, словно они дружат давно.

Она завела Гори за занавеску, стала нарочито громко называть абстрактные цифры и записывала их в свой блокнот. Конечно, снимать размеры с Гори на самом деле она и не думала. Просто она взяла у Гори записку, прочла ее, снова сложила, засунула себе под блузку и только потом

отдернула занавеску.

Поручения, которые выполняла Гори, конечно, были крошечным, совсем маленьким вкладом в одно большое общее дело. Гори оказалась незаметным звеном в какой-то цепи, а о размерах даже представления не имела. Ее словно задействовали в какой-то пьесе, где актеры в масках, не зная друг друга, играли роли, кем-то написанные и контролируемые. Конечно, ей хотелось узнать, какой вклад она вносит в общее дело и кто контролирует ее действия. Она спрашивала Удаяна, но он отмалчивался, считал: так от нее будет больше пользы. Что лучше ей ничего не знать.

В следующем году в феврале, сразу после первой годовщины их свадьбы он подыскал ей репетиторскую работу. На всех углах тогда уже выставили статуи богини Сарасвати, студенты бросали к ее ногам свои учебники. Кокилы заводили свои весенние брачные песни.

Брата с сестрой из Джадавпура требовалось «поднатаскать» к экзамену по санскриту. Гори должна будет приходить к ним на дом каждый день, добираться на велорикше, представляться вымышленным именем. Перед самым первым занятием Удаян подробно описал дом и его внутреннее расположение, словно не раз бывал там.

Описал ей комнату, где будут проходить уроки, и мебель, и цвет обоев, и даже большой стол у окна.

Удаян сказал ей, на какой стул надо будет сесть. Если занавески окажутся задернутыми, ей нужно будет немного отдернуть одну, сослаться при этом на нехватку освещения.

Ей надлежало все время поглядывать в окно — ждать, когда мимо дома пройдет полицейский. Записать, в какое время он прошел, и запомнить, была ли на нем полицейская форма.

— Зачем это?

На этот раз он объяснил:

— Маршрут этого патрульного пролегает мимо явочной квартиры. Подпольщикам нужно знать, в какое время он ходит там и бывают ли у него выходные. Подпольщикам нужно устранить его с пути.

Она занималась с учениками, натаскивала их по грамматике и все время поглядывала на свои наручные часы, положенные на стол рядом с открытым блокнотом, и вдруг увидела полицейского. Это был мужчина лет тридцати пяти, гладко выбритый, в полицейской форме. Из окна второго этажа она разглядела его черные усы и макушку. Вечером она описала его Удаяну.

Со своими учениками — братом и сестрой — она читала отрывки из Упанишад и Ригведы. С этими древними учениями, с этими священными текстами ее впервые познакомил дедушка. «Атма деванам, бхуванасья гарбхо» — «Духом богов населены все миры». «Паук достигает пространственной свободы благодаря своей паутине».

В четверг полицейский прошел не слева направо, как обычно, а в обратном направлении, в кои-то веки был не в форме, а в простой гражданской одежде. Он вел из школы маленького мальчика. Часы показывали двадцать минут второго.

Когда она сообщила об этом Удаяну, тот сказал:

— Продолжай наблюдать за ним. На следующей неделе, когда он опять будет не при исполнении служебных обязанностей, сообщи мне. Обязательно запиши точно день и время.

В следующий четверг в то же время она снова увидела того полицейского в гражданской одежде. Он опять шел в противоположном направлении, вел за руку маленького мальчика. Мальчик в шортиках и рубашечке нес на спине ранец и фляжку с водой на ремешке, он торопливо перебирал ножками, стараясь не отставать от отца.

Из окна она слышала, как мальчик весело рассказывал отцу, что узнал на уроках за день, и как отец смеялся в ответ.

Прошло четыре недели. И все четыре недели он водил мальчика по четвергам. Гори каждый раз сообщала об этом Удаяну.

— Ты уверена, что в четверг? Ни в какие другие дни недели?

— Нет, только в четверг.

Информация эта, похоже, удовлетворила Удаяна. Но потом он уточнил:

— А ты уверена, что это его сын?

— Да.

— Большой?

— Лет шесть или семь.

Удаян отвернулся. Больше он ни о чем не спрашивал.

За неделю до отъезда в Америку с Субхашем она наняла рикшу и поехала в Джадавпур. В тот квартал, где жили брат с сестрой, которым она давала частные уроки. На ней теперь красиво выглядело цветное сари, потому что она опять стала замужней женщиной, а не вдовой. Чтобы ее не узнали, глаза закрывали черные солнцезащитные очки. Она была на пятом месяце беременности.

Гори добралась до знакомой улицы, велела

рикше остановиться и вышла из коляски, дальше пошла пешком, внимательно разглядывая почтовые ящики у каждого дома.

На самом последнем ящике она прочитала наконец интересовавшее ее имя. Это имя упоминал следователь, когда допрашивал ее и Субхаша. Почтовый ящик относился к одноэтажному дому с зарешеченной верандой. На деревянном почтовом ящике белело имя убитого полицейского — Нирмал Дей. Того самого полицейского, которого партийные товарищи собирались в свое время «устранить с пути».

На веранде стояли обитатели дома — словно поджидали ее. Среди них Гори узнала и того маленького мальчика, которого полицейский все водил домой из школы. Она всегда видела его только со спины, но сейчас все равно узнала.

Гори впервые посмотрела ему в лицо. Увидела на этом лице утрату, которую невозможно восполнить. Такая же утрата постигла и ее еще не рожденного ребенка.

Мальчик сейчас был не в школьной форме, а в простых шортиках и рубашечке. Он стоял неподвижно, вцепившись ручонками в решетку веранды. Взгляд его задержался на одно мгновение на Гори и устремился вдаль.

Она представила, как однажды он ждал после уроков в школе, что папа придет и заберет его домой. И как кто-то сказал ему потом, что папа больше не придет.

Рядом с мальчиком стояла его мама — молодая женщина, возможно, всего на несколько лет старше Гори. На ней теперь было белое траурное сари, какое сама Гори носила еще несколько недель назад. Жизнь этой женщины ужасно переменилась, на ее лице отразилась внутренняя пустота.

Увидев Гори, мать мальчика не отвернулась, а спросила:

— Кого вы ищете?

Гори не растерялась, назвала фамилию брата и сестры, которым раньше давала частные уроки.

— Вам нужно вернуться, они живут в начале улицы, — указала женщина.

Гори пошла своей дорогой, спиной чувствуя, что мальчик и его мама уже забыли о ней. Она в их глазах походила на мотылька, впорхнувшего в комнату и тут же выпорхнувшего. Правда, они не знали ее тайны — она приняла небольшое участие в самой страшной утрате в их жизни.

Глава 3

Мегне уже исполнилось четыре года. Она посещала летнюю подготовительную группу при детском садике, туда ей предстояло пойти осенью. Садик располагался у озера за железнодорожным вокзалом.

Несколько дней в неделю она ходила в этот садик, где играла с другими детьми на лужайке, ела с ними за одним столом на травке, рисовала, лепила фигурки из пластилина, а потом приносила их домой.

Поскольку Бела уходила по утрам рано, то Мегну в детский садик водил Субхаш. А мать забирала ее после работы. Беле нравилось работать — вставать с рассветом, трудиться целый день, уставать к вечеру.

На эту ферму она приезжала в детстве со школьным классом на экскурсию — смотреть, как стригут овец. А с отцом они ездили сюда собирать в октябре тыквы и сажать рассаду весной. Сейчас она тоже занималась посадкой — сеяла семена в каменистую кислотную почву, предварительно рыхлила ее тяпкой и уничтожала сорняки.

Она вскапывала длиннющие грядки под карто-

фель, оставляла между ними узенькие дорожки, занималась ранними урожаями в парнике, выращивала рассаду в специальных одноразовых горшочках перед высадкой в открытый грунт.

Однажды в погожий день она отвезла Мегну в бухту в Джеймстауне, где отец учил ее, маленькую, плавать. На обратном пути на обочине продавалась кукуруза, и Бела остановила машину.

На столе красовалась жестянка из-под кофе с прорезью для монеток. Один доллар — за три кукурузных початка. Были там и другие овощи с ценниками, а вот продавца не было.

Бела взяла в руки жестянку, внутри звякнули монетки. Она опустила в жестянку деньги, набрала себе початков и несколько пучков редиски. На следующей неделе она специально поехала к тому месту прямо из дома. Там опять не было ни души. Ее мучило любопытство, кто вырастил все эти овощи и так доверчиво выложил их здесь на дороге без присмотра, ведь их могли поклевать чайки или украсть люди.

В следующий раз в субботу наконец появился продавец. В фургоне у него лежали всякие овощи: корзины с луком и морковью, салат татцой с зелененькими ложковидными листьями. Там же, в

клетке на соломенной подстилке, находились два черных ягненка в красных ошейничках. Мегна конечно же сразу бросилась к ягнятам, и продавец показал, как кормить их с руки, разрешил потрогать их шерстку.

— Вы выращиваете все здесь, на острове? — спросила у него Бела.

— Нет, я сюда приезжаю рыбачить, а прилавок разрешил мне поставить на своей территории мой друг. Ведь здесь много туристов проезжает.

Бела взяла из корзинки огурец-лимон, понюхала его ароматную кожицу.

— А мы тоже в этом году такие посадили.

— Это где?

— На ферме Кинанов, на сто тридцать восьмой миле.

— Я знаю ферму Кинанов. А вы в Род-Айленде недавно?

Она покачала головой. Оказалось, они оба родились здесь, даже ходили в школы по соседству.

У него были зеленые глаза, прокаленное солнцем загорелое лицо, волосы с легкой проседью. Держался он раскованно, но вместе с тем учтиво.

— В следующий раз я привезу кроликов. Меня зовут Дрю. — Он присел на корточки и протянул руку Мегне. — Как тебя зовут?

Но Мегна растерялась, и за нее ответила Бела.

— Какое красивое имя. А что оно означает?

Бела объяснила: это название реки, впадающей в Бенгальский залив. Имя для девочки придумал Субхаш.

— А тебя кто-нибудь называет просто Мег?

— Нет.

— А я буду, ладно? В следующий раз твоя мама здесь остановится?

Он стал привозить разных других животных — цыплят, щенков, котят, — так что Мегна с этих пор только и говорила всю неделю о Дрю, без конца спрашивала Белу, когда они опять поедут к Дрю. Он стал давать Беле разные экзотические овощи — совал ей в сумку красную фасоль, которая потом зеленела при варке, красноголовый чеснок, горошек прямо в стручках. При этом всегда Дрю отказывался от денег.

Ферма принадлежала его семье, он прожил там всю жизнь. Сейчас это было всего несколько акров земли, хотя предшествующим поколениям принадлежало больше. Но его родителям пришлось продать часть земли арендаторам. Сейчас Дрю владел этими угодьями в доле с пайщиками.

Однажды он пригласил Белу с Мегной приехать

посмотреть ферму, находившуюся на другом берегу залива, ближе к границе штата Массачусетс. Сказал: там есть еще много всякой живности — павлины, цесарки, овечки, пасущиеся на выгоне.

— Нам поехать за вами?

— Да нет, экономьте бензин, садитесь ко мне.

— Но тогда вам придется везти нас и обратно.

— А мне все равно потом в ту сторону.

И Бела села в кабину его пикапа, усадила рядышком Мегну и захлопнула дверцу.

Бела стала встречаться с ним по выходным. Раньше она не принимала ничьих ухаживаний, но он был внимателен и совсем не назойлив. Со временем начал даже наведываться к ней на ферму, когда она трудилась на грядках, и спрашивал, не хочет ли сделать перерыв и пойти поплавать.

Иногда она ездила с ним по субботам на фермерский рынок в Бристоле — стояла там под белым тентом и резала на дольки помидоры на пробу покупателям. Помогала ему развозить продукцию по ресторанам и другим заказчикам. Они ходили на морской берег и собирали водоросли для мульчирования почвы. Даже во время отдыха Дрю никогда не сидел без дела, всегда находил себе какое-нибудь занятие — например выстругивал что-нибудь из деревяшки или мастерил

домики и мебель для кукол Мегны.

На ферме у него работало несколько наемных рабочих. Жил он один, родители его уже умерли. Когда-то он был женат на своей бывшей однокласснице, детей они не заимели и развелись довольно давно.

Через месяц их знакомства Бела представила его отцу и Элизе. В день ее рождения он приехал к ним домой утром. Ботинки снял и оставил в машине, пошел к дому по лужайке босиком. Он привез с собой арбуз, который они все вместе весело и с удовольствием съели. Восхищался кабачками, которые отец вырастил в огороде на заднем дворе, и пообещал приехать попробовать, когда Субхаш приготовит из них тушеное рагу. Ему Дрю очень понравился, и он готов был теперь отпускать с ним Белу и сам присматривать за Мегной.

Бела сказала Дрю, что мать ее умерла. Она всегда так говорила, когда люди ее расспрашивали. Просто представляла себе в этот момент, что Гори поехала в Индию, там подхватила какую-то инфекцию и умерла. С годами Бела сама уверовала в эту историю. Представляла себе, как тело матери сжигали на огромном костре, а пепел потом развеяли по ветру.

Потом Дрю предложил ей оставаться у него по субботам на ночь. Ему хотелось встречать с ней утро, завтракать вместе в стилизованной под старину кухне, устроенной в бывшем амбаре, его он отреставрировал собственными руками. По приставной лесенке там можно было забраться на чердак, оттуда виднелся краешек моря.

Но Бела сказала, что считает такие отношения преждевременными и что ради Мегны не хочет торопиться менять жизнь.

Дрю резонно возразил: для Мегны в доме тоже есть спальня. Там можно построить для Мегны двухэтажную кровать и детский домик для игры во дворе. В конце лета он признался Беле, что любит ее и ему больше не требуется времени на раздумья — он точно уверен в своем чувстве. Он искренне хочет помочь ей вырастить Мегну, стать ей отцом, если позволит Бела.

В тот день Бела и рассказала Дрю правду о своей матери: мать ушла из семьи и никогда не возвращалась.

Она объяснила, что именно по этой причине всегда избегала каких-либо серьезных отношений с мужчинами и не любила жить подолгу в одном месте. Именно по этой причине решила родить Мегну и растить ее сама. И именно по этой

причине она, несмотря на то что Дрю нравится ей и возраст ее уже приближается к сорока годам, не очень уверена пока, сможет ли она дать ему в жизни то, чего он от нее, наверное, ждет.

Она рассказала, как после ухода матери часто сидела в ее шкафу, пряталась за оставленной одеждой, сумочками и поясами, которые отец так и не выбросил на помойку. Как она плакала навзрыд, зажимая себе рот подушкой, чтобы не услышал отец. Как ходила вечно с опухшими от слез глазами.

А под конец она рассказала ему об Удаяне. Что ее зачали два любящих человека, а вырастили двое, не любившие никогда.

Дрю обнимал ее за плечи, слушал, а в конце сказал:

— Я никуда не уйду.

Глава 4

До Провиденса автомобиль доехал за час и потом еще почти столько же. Она включила GPS, но скоро поняла: он и не нужен. На дорожных указателях мелькали знакомые названия — Фоксборо, Эттлборо, Потакет. Деревянные дома, ограды, палисадники, вдалеке купол исторического здания Старого Капитолия. Она даже вспомнила развязку на выезде из Крэнстона, вспомнила, что там нужно брать влево, а если свернуть направо, поедешь в Нью-Йорк.

Она прилетела в Бостон, в аэропорту взяла напрокат машину. Сейчас ехала по тому же шоссе, по которому вез ее сюда впервые Субхаш. По ленте этого шоссе она когда-то гоняла дважды в неделю на занятия в аспирантуре. В Новой Англии сейчас стояла осень — бодрящий воздух, желтеющая листва.

Еще одна развязка с левым поворотом, и вскоре путь ее будет закончен. За этим поворотом должна быть деревянная башня в сосняке с видом на залив. Дома в Калифорнии в письменном столе Гори хранилась фотография Белы: девочка стояла на верху этой башни, щурясь на солнышке, в

своей желтой курточке с отороченным мехом капюшоном. Гори, помнится, второпях вытащила эту фотографию из семейного альбома перед самым своим уходом.

Получив от Субхаша письмо, Гори сначала все пыталась сочинить ответ. Сообщить ему, что дает согласие на его требование. Ответное письмо она сочиняла несколько дней, но у нее ничего не получалось. Написанное каждый раз вызывало у нее недовольство.

Гори понимала: официальный развод не изменит ситуации — их брак исчерпал себя уже давно. И все же данное вполне разумное и здравое требование потрясло и ошеломило ее. Она захотела увидеться с ним.

Даже отдельно прожитые долгие годы, она чувствовала, не разрушили их какие-то незримые, не имеющие названия узы. Он увез ее из Толлиганга. Субхаш оставался единственным связующим звеном между ней и Удаяном. Его заботливая любовь к Беле, его верность и преданность девочке компенсировали черствое отношение ее нематеринской души.

И время получения этого письма показалось ей знаковым. Ей как раз предстояло вскоре лететь через Восточное побережье в Лондон на

симпозиум. Она выбрала подходящие рейсы с однодневным пребыванием в Род-Айленде. Гори собиралась дать ему свое согласие и подписать все бумаги, но хотела встретиться с ним — чтобы порвать раз и навсегда эти отношения, глядя друг другу в глаза. В своем письме он не возражал против личной встречи, просто считал ее необязательной.

Субхаш не приглашал ее. И вот теперь, без приглашения, без предупреждения, опять она демонстрировала неумение вести себя разумно и прилично и ехала к нему.

Листва еще не опала, поэтому с дороги залив не было видно. Она свернула на неровную двухрядную дорогу через лес, за которым уже начинался университетский городок. Потом свернула на гравийную дорожку к маленькой частной гостинице, перед которой висела на цепях доска с названием и годом основания. Здесь у нее был заказан номер с ночевкой и завтраком.

Она внесла чемодан на крыльцо и постучала дверным кольцом. Никто не вышел ей навстречу, и тогда она повернула ручку — дверь оказалась незапертой. Когда глаза привыкли к сумраку помещения, она увидела стойку со звонком и табличкой с просьбой нажать на кнопку.

К ней вышла женщина примерно ее лет — седые волосы на косой пробор, румяное лицо. Поверх джинсов и флисового жакета — запачканный краской холщовый передник. На ногах сабо.

— Вы — миссис Митра?

— Да.

— Ой, а я была у себя в студии, — сказала женщина, вытерла о тряпку руку и протянула ее Гори: — Меня зовут Нэн.

В общей гостиной было полно интересных вещей: кувшины, блюда, застекленные шкафчики с фарфоровой посудой и книгами. На отдельном столике керамика: тарелки, кружки, чаши, покрытые глазурью.

— Вот это все на продажу, — сказала Нэн. — А в мастерской у меня еще много всего, если вам интересно.

Гори дала ей свою кредитную карточку и университетское удостоверение, подождала, пока Нэн запишет данные в журнал.

— Вечером, наверное, дождь будет. А может быть, и нет. Вы первый раз в наших краях?

— Я раньше жила в Род-Айленде.

— А где именно?

— Здесь недалеко, в нескольких милях.

— Значит, эти места вам знакомы.

Нэн не спросила ее, зачем она приехала. Провела по лестнице наверх, дала ключ от номера и еще один — от общей входной двери, на случай если Гори вернется после одиннадцати.

В номере ее ждала высокая двуспальная кровать, застеленная белым хлопчатобумажным покрывалом. Маленький телевизор на тумбочке, кружевные занавески на окне. Из книжного шкафа она вытянула наугад томик Монтеня и сразу положила его на ночной столик.

Нэн объяснила:

— Это книги моего отца. Он преподавал в университете, жил в этом доме, пока не умер в девяносто пять лет. Ни за что не хотел уезжать отсюда. Под конец пришлось купить ему инвалидную коляску детского размера — у нас дверные проемы очень узкие.

Имя преподавателя звучало для Гори знакомо, но лица человека почти не помнила.

Она освежилась с дороги, переоделась в свитер. В комнате гуляли сквозняки, а камин оказался декоративным. Внизу горел настоящий камин — возле него уже грелась молодая парочка. На журнальном столике стоял поднос с чайником и чашками, виноградом и печеньем. Молодая парочка разглядывала хозяйкину керамику, вы-

бирала себе что-нибудь купить. Гори слушала, как они спорят, как серьезно и тщательно обсуждают будущую покупку.

Потом молодые люди повернулись к ней и представились. Они приехали из Монреаля. Гори пожала им руки, но их имена мгновенно вылетели из головы — ведь она всегда помнила только имена своих студентов.

Они присели на желтоватый диванчик, молодой муж налил чаю.

— Присоединяйтесь к нам!

— Нет, благодарю. Приятного аппетита!

— Вам тоже.

Она вышла к машине. Еще продолжался день, но небо уже потихоньку гасло. Гори достала мобильный телефон, нашла в нем номер Субхаша. И только теперь задумалась: что сказать? Ей предстояло как-то объяснить свою новую вопиющую выходку — приезд без приглашения.

Ведь она сейчас попросту вторгалась в его жизнь, нарушая все принятые у нормальных людей правила. Он элементарно мог быть занят в эти дни. Мог вообще уехать. И хотя тон его письма был дружелюбным, он мог, в конце концов, просто не хотеть встречаться с ней лично.

Только сейчас она осознала всю степень непри-

личия ситуации. Она всю жизнь чувствовала себя обузой для него, в ней всегда присутствовало ощущение, что она ему навязана.

Гори говорила себе, что не обязана ехать к нему прямо сейчас, что еще есть время до завтрашнего вечера. Можно явиться к нему завтра — днем, а не на ночь глядя, — потом сразу отправиться в аэропорт. А сегодня просто узнать, не в отъезде ли он.

Она ехала по университетскому городку, мимо знакомых зданий, мимо аллей, где возила Белу в колясочке на прогулке, мимо студенческих общежитий, мимо старых корпусов и новых, выстроенных уже после ее отъезда. Мимо жилого квартала, где они поселились в самом начале и куда привезли Белу из роддома. Мимо прачечной самообслуживания, куда она ходила стирать белье. После кампуса уже начинался город.

На месте супермаркета, где Субхаш покупал продукты, теперь стоял почтамт. Зато магазинов вокруг прибавилось. Магазинов, круглосуточных аптек и всевозможных кафешек и ресторанчиков.

Из всего многообразия этих заведений она выбрала знакомое кафе-мороженое, где Бела любила покупать в окошке навынос вафельные рожки с

карамельной прослойкой. Внутри за столиками сидели посетители. Компания старшеклассников с молочными коктейлями, чуть подальше студенты ели жареного цыпленка с картофельным пюре.

Здесь у нее опять возникло неприятное чувство душевного дискомфорта, которого она не испытывала только в стенах университета. Везде, куда бы она ни пошла, ее преследовало это ощущение — казалось, на нее не обращают внимания, не видят ее в упор, считают какой-то подозрительной и странной. Так что ела она без удовольствия — обжигая язык, торопливо похлебала горячего супа, потом проглотила порцию мороженого. Все представляла себе предстоящую встречу с Субхашем. Изменился ли он теперь? Ходит ли тоже по ресторанам?

После кафе она проехала мимо набережной, где прогуливались в сумерках люди, отсюда немного оставалось до дома.

В окне горел свет. Она очень нервничала, поэтому не остановилась, а просто притормозила, проезжая мимо. На дорожке перед домом стояло две машины — к этому Гори не была готова. Может, и третья в гараже? Кто-то гостит у него? Кто? Друзья? Любовница? Суббота — самое время

принимать гостей.

Она вернулась в гостиницу, несмотря на ранний час, чувствуя усталость. Парочки из Монреаля не было. Нэн, по-видимому, находилась на своей половине.

Гори поднялась в комнату, где на столике ее ждала кружка травяного чая и два имбирных печенья на тарелке.

Гостеприимство Нэн было тщательно выверенным, но Гори внутренне поблагодарила все-таки ее за заботу. Вроде бы посторонний человек, а старается принять ее радушно, беспокоится об удобстве. Ждать ли ей завтра такого же приема от Субхаша? Над этим она могла только ломать голову.

Утром после завтрака Гори собрала чемодан, она вот-вот покинет гостиницу, а цель приезда пока так и не достигнута. Немного прибрала за собой в номере — разровняла смятую подушку, разгладила кружевную салфетку на ночном столике.

Противоречивые чувства боролись в ней, когда она расплачивалась с хозяйкой и отдавала ключи. С одной стороны, ей не терпелось поехать, а с другой — не хотелось двигаться навстречу неизвестности. Но ехать было надо.

Светофор на перекрестке давал последний шанс развернуться и отправиться в Бостон. Она даже дернулась в левый ряд, но тут же передумала и снова поехала прямо, судя по всему вызвав раздражение у водителя сзади.

На этот раз на дорожке перед домом стояла только одна машина. Небольшой, порядком потрепанный хетчбэк, который вполне мог принадлежать ему, но удивительно, почему он до сих пор ездит на таких машинах. Номера род-айлендские. На бампере наклейка с изображением Обамы. И еще одна, с надписью: «Прояви сознательность — покупай местную продукцию!»

Она узнала японский клен на лужайке. Когда Субхаш сажал его, он был тонюсеньким беззащитным прутиком, а теперь вымахал большой — в три раза выше ее роста, крепкие ветки, толстый ствол с блестящей сероватой корой. И цветов на клумбе перед домом прибавилось. На крыльце красуются хризантемы в горшках.

Может быть, ей следовало привезти с собой что-нибудь? Какой-нибудь гостинец из Калифорнии — тамошних фисташек или лимонов. Как свидетельство, что она действительно живет там.

Бумаги на развод ею уже были подписаны, она просто хотела вручить их ему лично, поблагода-

рить за все, что он для нее сделал в свое время. И сказать: их брак требует какого-то официального завершения, а оба дома в Толлиганге и Род-Айленде по праву должны принадлежать ему. Она представляла себе этот натянутый разговор в гостиной, скупой обмен информацией, разбавленный, может быть, всего одной чашечкой чая.

Такой сценарий их встречи виделся ей, когда она летела в самолете и когда лежала без сна в гостиничной постели, и потом по дороге, когда ехала сюда.

Она сидела в машине и смотрела на дом. Вероятно, Субхаш находится сейчас там, внутри. Она предполагала, что он, должно быть, расстроится при виде такой незваной-непрошеной гостьи, и понимала: даже не следует рассчитывать, что он попросту откроет ей дверь.

Вспомнилось сейчас, как она искала почтовый ящик полицейского из Джадавпура, страшилась и уже заранее знала, что там найдет.

Ей вдруг пришло в голову: можно просто бросить бумаги в почтовый ящик и уехать. Но она отстегнула ремень безопасности и вытащила ключ зажигания. Гори не ждала его прощения, но хотела поблагодарить его за то, что он стал самым лучшим отцом для Белы, и за то, что ее

саму привез сюда, в Америку, и потом отпустил на свободу, позволил пойти своей дорогой.

Ее мучило чувство стыда. Не только в данную минуту, а постоянно. От этого стыда ей никогда не суждено избавиться.

Этот стыд привел ее к тому, что она захотела найти способы общения с Белой. Расспросить Субхаша о жизни Белы, попросить у него телефон или ее адрес и узнать, готова ли Бела открыться ей теперь, пока еще не слишком поздно, пока последняя связь между ними не оборвалась.

Холодный воздух защипал лицо, когда она вышла из машины, ветер здесь, на побережье, дул гораздо сильнее. Она достала из сумочки перчатки.

Час не ранний — десять тридцать. Субхаш, наверное, читает сейчас газету, которую, как она заметила, уже вынули из почтового ящика.

Скорее всего, он появится перед ней, как копия Удаяна, только постаревшая. Опять она услышит знакомый голос. Ведь Субхаш продолжал оставаться для нее заменой Удаяну — чужим и вместе с тем близким человеком. Она прошла по дорожке к дому и нажала на кнопку дверного звонка.

Глава 5

Воскресное утро. Небо чистое и безмятежное после недавних сильных дождей, хорошенько поливших капусту в огороде. Скоро настанет пора снимать урожай, после нескольких ночных заморозков капуста будет только слаще. Вчера они даже накрывали ее на ночь пленкой.

Мегна сидела за журнальным столиком и рисовала. Субхаш с Элизой ушли позавтракать где-нибудь в кафе и прогуляться.

Бела мыла посуду, когда Мегна подбежала к ней, потянула ее за свитер и сообщила:

— Там кто-то звонит в дверь.

Бела решила: наверное, Дрю приехал без звонка, он часто так делает. Она закрыла кран и вытерла руки, побежала выглянуть из окошка гостиной.

Но пикапа Дрю не было перед домом. Вместо него стояла какая-то незнакомая белая машина, припаркованная прямо рядом с ее машиной. Бела посмотрела в глазок, но звонивший, видимо, стоял сбоку.

Она открыла дверь, ожидая, что сейчас что-нибудь попросят — подпись на что-нибудь или

деньги. Стекло на ветровой двери только заменили в преддверии наступающих холодов.

На пороге стояла женщина в перчатках.

Одного роста с Белой. Волосы, подернутые сединой, гладко зачесаны назад. Не полная. Под глазами легкие круги. Довольно ухоженное лицо, губная помада, серьги в ушах, шейная косынка под воротом плаща.

Бела, босая, в старом свитере Дрю, надетом поверх пижамы, потянулась к ручке ветровой двери и к задвижке, запиравшей ее изнутри.

— Бела! — вдруг услышала она голос матери, увидела ее слезы и это выражение облегчения на лице человека, не верящего своим глазам.

Она сразу узнала этот голос. Прибежала Мегна:

— Мама, кто эта тетенька?

Бела не ответила ей. Она смотрела, как мать входит в дом — медленно, но в то же время уверенными шагами человека, знакомого с обстановкой. Прошла в гостиную.

Там они и сели — Бела с Мегной на диван, а мать напротив них в кресло. Матери, похоже, сразу бросилась в глаза грязь под ногтями Белы, огрубевшая кожа на руках.

Кое-какая мебель — Бела знала — осталась прежней. Два торшера с абажурами кремово-

го цвета по бокам дивана. Маленькие столики под чай или кофе. Кресло-качалка с плетеной спинкой. Циновка на стене с изображением индийской рыбачьей лодки.

Но некоторые предметы явно свидетельствовали о том, что Бела живет здесь. Ее корзинка с вязаньем. Ее рассада на подоконнике. Ее кулинарные книги на полках.

Мать долго смотрела на Мегну, потом перевела взгляд на Белу:

— Это твоя?

Бела молчала, не в силах вымолвить ни слова. И мать после паузы сама ответила на свой вопрос:

— Да, вижу, твоя. — После небольшой паузы она продолжила: — Когда она родилась? Когда ты вышла замуж?

Простые, незатейливые вопросы, на которые Бела обычно не отвечала людям, когда те расспрашивали. Но в устах матери вопросы звучали оскорбительно и возмутительно. Бела совершенно не собиралась выкладывать матери факты своей жизни, ублажая ее любопытство. Она просто молчала.

Тогда мать повернулась к Мегне:

— Сколько тебе лет?

Мегна подняла руку, показав ей четыре пальца,

и сказала:

— Скоро будет пять.

— А когда у тебя день рождения?

— В ноябре.

Белу буквально трясло. Она едва сдерживала себя. Как это вообще могло произойти? Почему она так расслабилась? Почему открыла дверь?

— Ты очень похожа на свою маму, когда та была маленькой, — сказала Мегне мать. — Как тебя зовут?

Мегна показала ей на журнальном столике свой рисунок, подписанный ее именем. Она приподняла его, чтобы незнакомой тетеньке было легче прочесть.

— Мегна, а ты здесь живешь, да? Или ты только приезжаешь сюда погостить?

Мегна была удивлена.

— Конечно, мы живем здесь.

— И твой папа тоже?

— У меня нет папы, — ответила девочка. — А вы кто?

— Я твоя…

— Тетя, — поспешила вставить Бела, впервые за все время открыв рот.

Она гневно сверкнула глазами на Гори, одним лишь взглядом заставила ее замолчать, то есть

исходящей предупреждающей угрозой сразу поставила ее на место.

Для Гори этот суровый решительный взгляд был сродни начальным толчкам калифорнийского землетрясения, когда никто не знает, чем оно кончится — либо заставит просто чашки на столе поплясать и уляжется, либо похоронит тебя под обломками.

— Эта тетя была подругой твоей бабушки, — ответила Бела Мегне. — Поэтому для тебя она просто тетя. Мы не виделись с тех пор, как твоя бабушка умерла.

— А-а, понятно, — сказала Мегна и вернулась к журнальному столику, опустилась на колени, склонила голову набок и принялась оценивающе разглядывать рисунок. На столике перед ней лежала стопка белой бумаги и коробка цветных карандашей.

Гори сидела, выпрямившись, в кресле, обводила глазами комнату. Многие предметы были знакомы, но за эти десятилетия здесь все изменилось. Результатом перемен стала пропасть, через нее нельзя уже было перешагнуть.

Последнее время Гори хотела контакта с Белой, и вот какой она нашла ее. Бела сидела от нее в трех шагах — абсолютно недоступная. Это была

взрослая женщина, почти сорока лет от роду. Бела сейчас старше той Гори, которая уходила от дочери. Пропорции лица ее изменились. Скулы стали более широкими, более продолговатыми и какими-то более явными. Брови же теперь выглядели какими-то расплывчатыми, волосы скручивались в беспорядочные завитушки на затылке.

— А ты поиграешь со мной в крестики-нолики? — спросила Мегна у Белы.

— Да, но не сейчас, — ответила та.

Тогда Мегна перевела взгляд на Гори. У нее было такое же смуглое личико, как у Белы, и ее светло-карие глаза смотрели так же пытливо.

— А ты?

Гори думала, что Бела станет возражать, но та молчала. Тогда она потянулась к девочке и взяла у нее из рук карандаш, потом спросила:

— Вы с мамой живете здесь с дедушкой?

Мегна кивнула и уточнила:

— А Элиза приходит каждый день.

— Элиза? — вырвалось у Гори.

— Когда дедуля женится на ней, у меня будет бабушка, — сказала Мегна. — А я буду цветочницей, когда вырасту.

Кровь прихлынула к голове Гори. Она схва-

тилась за подлокотники, пытаясь прогнать неприятное чувство. Она видела, как Мегна нарисовала на листке черточку.

— Смотри, я выиграла!

Гори достала из сумочки конверт с подписанными бумагами, положила его на столик и придвинула Беле со словами:

— Это для твоего отца.

Бела смотрела на нее, как смотрят на маленького ребенка, который сделал первый самостоятельный шаг и который может, упав, что-нибудь разбить или испортить. Хотя Гори сидела совершенно ровно и прямо.

— Как он вообще? Как его здоровье?

Но Бела по-прежнему не удостаивала ее ответом, по-прежнему не желала разговаривать и тем более пускаться в какие-то откровения. Лицо ее выражало непреклонность и отсутствие всякого снисхождения.

— Ну ладно, тогда…

Гори буквально жгло сейчас неприятное, болезненное чувство неоправдавшихся ожиданий. Она так высокомерно и самонадеянно возлагала надежды на данный визит, ее глупые мечты о возвращении обернулись неудачей. Оказывается, развод нужен был ему не для того, чтобы упро-

стить свою жизнь, а наоборот, обогатить, сделать более яркой. Даже сейчас, когда ей давно не было места в его жизни, он еще имел возможность и способы вырвать ее оттуда с корнем.

Она подумала о комнате, которая когда-то служила ей кабинетом. Наверное, это теперь комната Мегны. Тогда ей постоянно хотелось закрыться там, чтобы как-то отгородиться от Субхаша и Белы. Но эта комната у нее была, а она не смогла ничего сохранить.

Гори встала, повесила на плечо сумку и произнесла:

— Мне пора.

— Подожди! — остановила ее Бела, потом встала, подошла к шкафчику и взяла курточку и ботинки Мегны, рывком открыла дверь из кухни на заднее крыльцо. — Пойди нарви свежих цветочков, — сказала она Мегне. — Только большой букет, хорошо? А потом проверь птичьи кормушки. Посмотри, может, пора насыпать туда зерен. — И закрыла дверь.

Теперь Гори и Бела остались одни.

Бела подошла к Гори почти вплотную — так близко, что Гори невольно попятилась. Бела подняла руки, замахнулась — словно хотела оттолкнуть Гори, — но даже не прикоснулась

к ней.

— Как ты посмела?! — яростно проговорила Бела тихим голосом, почти шепотом. — Как ты посмела явиться снова в этот дом?

Никогда в жизни никто не смотрел на Гори с такой ненавистью.

— Ты зачем сюда приехала?

Гори продолжала пятиться и спиной уперлась в стену.

— Я приехала отдать твоему отцу бумаги. А также…

— А также что?

— Хотела расспросить его о тебе, хотела найти тебя. Он не возражал против нашей с ним встречи.

— И ты, конечно, это не упустила, воспользовалась. Как ты вообще пользовалась им самим с самого начала.

— Я была не права, Бела. Я как раз приехала сказать…

— Убирайся вон! Убирайся туда, где тебе жить удобнее и приятнее! — Зажмурив глаза, Бела закрыла себе уши ладонями. — Я не могу видеть тебя! Я не собираюсь тебя слушать!

Гори направилась к входной двери. Горло ее болезненно сжалось, ей нужен был глоток воды,

на она не осмелилась попросить. Гори взялась за дверную ручку и обернулась:

— Прости, Бела. Я больше никогда вас не побеспокою.

— А я знаю, почему ты бросила нас! — крикнула Бела ей в спину. — Я знаю про Удаяна и знаю, кто я!

Гори застыла на месте, слова застряли в горле. Ее словно всю скрутило, когда она услышала имя Удаяна из уст Белы.

— Но разницы от этого никакой! Твоему поступку нет оправдания! — крикнула Бела.

Слова Белы попадали в нее, как пули. Как те пули, что сразили когда-то Удаяна. Сейчас они убивали Гори.

— Ничем и никогда ты не сможешь себя оправдать! Ты мне не мать! Ты вообще ничто! Ты меня слышишь? Покажи, что ты меня слышишь!

У Гори в душе образовалась пустота. Может быть, такую же пустоту в душе чувствовал Удаян, когда прятался от полицейских в том болоте в низине, когда весь квартал наблюдал за ним из окон? Но за происходящим сейчас наблюдать было некому. Гори заставила себя кивнуть.

— Ты для меня так же мертва, как и он! С той лишь разницей, что ты бросила меня доброволь-

но, по собственному желанию!

Бела, конечно, была права. Тут нечего прояснять и не о чем говорить.

В наружную кухонную дверь раздался стук, Бела пошла открывать. Это вернулась Мегна.

Девочка отдала Беле сорванные цветы и спросила, понравился ли маме букет. Бела к тому моменту овладела собой и переключила внимание на дочь, словно Гори уже не было в доме. Мама с дочкой вместе выбросили в мусорное ведро старые цветы и поставили в вазу новые.

Гори не смогла совладать с собой — перед уходом подошла к девочке, погладила ее по голове и похлопала по холодной щечке со словами:

— До свидания, Мегна. Мне было приятно с тобой познакомиться.

Девочка вежливо улыбнулась ей и, как все дети, тут же забыла.

Больше не было произнесено ни слова. Гори направилась к двери — на этот раз быстро и решительно. Бела даже не повернулась в ее сторону, никак не попыталась остановить ее.

Бела вскрыла конверт, как только мать вышла за порог и еще не успела даже включить в машине зажигание. Она убедилась: мать подписала все бумаги, о которых говорил ей отец несколько

месяцев назад.

Все подписи красовались на своих местах. Бела радовалась, что это она, а не отец, оказалась в тот момент дома. Радовалась, что сумела дать отпор матери, что защитила и оградила отца от нее.

Короткое пребывание матери в доме произвело на нее такое же впечатление, как если бы она увидела чей-то труп. Но мать, слава богу, как появилась, так и ушла. Бела собственными ушами слышала, как завелась машина матери, как удалялась, как шум ее затих где-то вдали. А потом у Белы возникло ощущение, будто мать и не приезжала вовсе, будто и не случился тот короткий неприятный разговор. И все же мать была здесь, стояла тут перед ней, говорила с ней, погладила по голове Мегну. Эту встречу Бела представляла себе много раз.

Сегодня утром при виде матери она сама поразилась силе своего гнева, никогда прежде не испытывала таких мощных чувств.

Гнев пророс сквозь ее любовь к отцу, сквозь ее любовь к дочери, сквозь ее столь оберегаемую привязанность к Дрю. Этот разбушевавшийся гнев раскинулся мощной кроной над теми, кого она так любила и кого так оберегала.

Память на мгновение вернула ее в один из лет-

них дней детства, когда они с отцом вернулись из Калькутты. Августовская жара, распахнутая дверь в кабинет матери, пустой, будто обчищенный грабителями письменный стол. А во дворе трава, трава колыхалась, как море.

Даже сейчас, когда машина матери скрылась вдали, Бела готова была обороняться от нее, готова была снова принять бой и стоять насмерть. Лишь бы только избавиться от нее, а если надо, то даже убить ее. Убить столько раз, сколько понадобится.

Глава 6

Вип-Роуд — бывшая дорога в аэропорт Дум-Дум — когда-то слыла опасной бандитской территорией. Ее старались объезжать стороной. Но теперь вдоль бывшей трассы появились кварталы высоченных многоэтажек, громады современных офисных зданий, стадион, ярко освещенные торгово-развлекательные центры, офисы иностранных компаний и пятизвездочные отели.

Название города Калькутта теперь звучало по-бенгальски — Колката. Такси мчалось через север города, через его оживленный центр. Сейчас, вечером, движение интенсивное, но свободное, без заторов. Вдоль обочин высятся деревья, красуются цветочные клумбы. На месте бывших полей и болот — эстакады и новые кварталы. Среди машин много иномарок.

За поворотом у заново отстроенной больницы знакомых мест стало больше. Железнодорожные пути в Бэллиганге, оживленный перекресток в Гарихате. Жизнь на этих людных улицах бурлила мелкой торговлей. Одежда, шлепанцы, кошельки — все это продавалось с лотков вдоль дороги.

Город ждал наступления Дурга-Пуджо — са-

мого любимого и популярного праздника. На улицах толпы людей. В переулках и на площадях уже установлены статуи Дурги, окруженной ее четырьмя детьми. Раскрашенные глиняные изваяния. Яркие и величественные. Иногда у ее ног находился лев, помогающий ей убить демона. Она была дочерью этого города, прибывшей навестить свой город, родную семью.

Меблированные комнаты находились на Южной авеню. Квартира на седьмом этаже, с видом на озеро. Внизу дамский фитнес-клуб. Лифт размером не больше телефонной будки как-то все-таки вместил ее, чемодан и портье.

— Вы приехали на праздник Пуджо? — спросил портье.

Вообще-то она летела в Лондон, а не сюда. Но где-то над Атлантикой стал ясен ее конечный пункт назначения.

В Лондоне она даже не выезжала из аэропорта. Так и не прочла предполагавшейся лекции, так и не развернула приготовленных записей.

Она даже не потрудилась сообщить по электронной почте организаторам симпозиума причину своего отсутствия. Ей стало просто наплевать. Наплевать на все после слов Белы.

В Хитроу в бюро заказа билетов она узнала все

о рейсах в Индию. Индийский паспорт она всегда носила с собой, и сохраненное индийское гражданство позволило ей быстро получить билет на утренний рейс до Мумбай.

Теперь эти рейсы были прямыми, без посадки на дозаправку на Ближнем Востоке. Ночь она провела в отеле в аэропорту Мумбай. Холодные белые простыни, индийские программы по телевизору. Черно-белые киноленты шестидесятых годов, выпуски новостей Си-эн-эн. Уснуть она не могла, поэтому открыла ноутбук, подыскала себе гостиницу в Колкате и заказала номер.

Продукты для кухни доставят только утром, но ей сейчас могут прислать ужин в номер, сообщил портье.

— Это не обязательно, — сказала она.

— Мне договориться насчет водителя на завтра? — спросил портье.

Он также предложил ей заплатить за проживание сразу и сказал, что придет за ней утром в любое время, какое она назовет. Еще сообщил: водитель отвезет ее, куда она скажет, только в пределах города.

— Я буду готова в восемь, — сказала она.

Гори открыла глаза, когда еще было темно. Пять утра. В шесть она приняла душ, почисти-

ла зубы. В кухонном шкафчике нашла коробку «Липтона», зажгла конфорку и приготовила себе чай. Выпила его с печеньем, оставшимся у нее еще с самолета.

В семь в дверь позвонили. Горничная принесла пакет с фруктами, хлеб, масло, печенье. Это и были продукты, о которых говорил портье.

Горничную звали Абха. Разговорчивая женщина лет тридцати пяти, мать четверых детей. Старшему, как она сообщила Гори, уже исполнилось шестнадцать. Она также успела поделиться, что подрабатывает еще в клинике красоты уборщицей, и приготовила для Гори еще чаю, выложила на тарелку новое печенье.

У Абхи чай получился вкуснее, крепче, к нему подала сахар и молоко. Через несколько минут она вынесла из кухни еще одну тарелку.

— А это что?

Оказывается, Абха приготовила ей омлет. Омлет со жгучим красным перцем и жареными хлебцами. Гори съела все, запила чаем.

В восемь утра, выглянув с балкончика в спальне, Гори увидела внизу ожидающую ее машину. Водитель, курчавый молодой человек, уже чуть располневший, в брюках и кожаных шлепанцах, облокотился на капот и курил.

Он повез ее на север города, по Колледж-стрит, мимо Президенси. Она ехала в свой старый родной квартал к Манашу. Но оказалось, Манаш жил сейчас у одного из сыновей в Шиллонге. В бабушкиной и дедушкиной квартире ее встретила жена Манаша.

Они сели в одной из комнат и начали разговаривать. Гори познакомилась с другим сыном Манаша и с внуками. Они все очень удивились ее неожиданному приезду, действительно обрадовались, были очень обходительны. Угощали ее, поили чаем. Из окон доносились свистки полицейского, звон трамваев.

Ей хотелось попросить разрешения выйти на балкон, но она передумала. А сколько часов она когда-то провела там, наблюдая за жизнью оживленной улицы, сколько времени простаивала, облокотившись на перила и подперев рукой подбородок! А сейчас вдруг поняла, что не представляет себя опять на этом балконе.

Они позвонили по сотовому телефону в Шиллонг. Гори услышала в трубке его голос. Голос брата, за которым она когда-то последовала в этот город, благодаря которому она познакомилась с Удаяном. Манаша, первого и самого верного спутника ее жизни.

— Гори, неужели это ты?! — воскликнул он. Его голос потерял былую звонкость и зычность. Звучал голос старика, но преисполненный чувств.

— Да, я.

— И что тебя сюда привело?

— Вот захотелось побывать здесь снова.

Он разговаривал с ней нежно, как и прежде, в теплых уменьшительно-ласкательных формах, как родители разговаривают с детьми, как Удаян с Субхашем разговаривали когда-то друг с другом. Как разговаривают брат с сестрой, а не возлюбленные. И как никогда не разговаривали с ней ни Удаян, ни Субхаш.

— Приезжай в Шиллонг на несколько деньков. А нет, так дождись меня, я скоро вернусь в Колкату.

— Постараюсь. Просто не знаю, сколько я здесь пробуду.

Он сообщил, что из всех сестер у него в живых осталась только она. Что вообще из всей семьи живы только они двое.

— А как там моя племянница, моя Бела? Я увижу ее? Когда-нибудь-то познакомлюсь с ней?

— Обязательно! — поспешила уверить его она, хотя знала, что этого не произойдет никогда. Вскоре попрощалась с ним.

Водитель снова повез ее в южную часть города. Они ехали мимо Чаурингхи, мимо Эспланады, мимо «Метро Синема», мимо Гранд-отеля.

Она сидела в машине, пробиравшейся сквозь пробки, и представляла себя юной, стоящей в одном из этих битком набитых автобусов. На ней хлопчатое сари, какие носила в колледже, и она ехала на свидание с Удаяном, чтобы посидеть с ним в каком-нибудь тихом уютном кафе, где их никто не смог бы узнать и окликнуть.

— Может, отвезти вас в «Нью Маркет»? Или в какой-нибудь торговый центр?

— Нет.

Когда они свернули на Южную авеню, она велела ему ехать прямо.

— В Калигхат?

— Нет, в Толлиганг. Это за трамвайным депо.

Они ехали мимо реконструированной мечети султана Типу, мимо кладбища. Теперь здесь находилась станция метро, прямо напротив депо. Водитель сказал, что ветка эта длинная, тянется до самого аэропорта Дум-Дум.

На противоположной стороне дороги она увидела высокие кирпичные стены киностудии и «Толли-клаб». А потом впереди показалась маленькая мечеть с красно-белыми минаретами.

По прошествии сорока лет она так и стояла здесь, на углу.

Гори велела водителю остановиться, дала ему чаевые и попросила подождать здесь.

— Я недолго, — сказала она.

Люди смотрели на нее с любопытством — на ее солнцезащитные очки, на американскую одежду и обувь. Им даже в голову не могло прийти, что она тоже когда-то жила здесь. Очень давно, а не теперь, когда клаксоны велорикш смешивались с трезвоном мобильных телефонов.

За мечетью начинались улицы бедных домишек с плетеными бамбуковыми стенами. Она шла мимо них, старательно обходила на дороге бродячих собак. Некоторые дома стали выше, в окнах появились стекла. На крышах торчали антенны, дворики вымощены плиткой.

И дома располагались все так же тесно — ни детских площадок, ни футбольного поля. И дорога такая же узкая, что в нее едва протиснется машина.

Она подошла к дому, где когда-то жила и собиралась состариться вместе с Удаяном. К дому, где она зачала Белу и где Бела могла вырасти.

Дом вопреки ее ожиданиям не постарел, как она сама, а выглядел даже помолодевшим и поче-

му-то не таким уже угловатым и нескладным, как прежде. Фасад его выкрасили оранжевой краской. Старую двустворчатую деревянную калитку заменили веселенькие зеленые воротца, одного цвета с решеткой террасы.

Двора вообще больше не существовало. Дом как-то выдвинулся вперед, фасад оказался почти впритык к улице. Судя по всему, к нему спереди сделали пристройку и использовали это место, например, как гостиную или столовую. Слышно было, как в одной из комнат работает телевизор. А перед домом возле самого входа больше нет открытой водосточной канавы.

Она обогнула дом и направилась к прудам, но их там больше не было. На их месте теперь тоже выросли дома.

Пройдя еще дальше, она обнаружила, что и низина исчезла. Место, где когда-то была низина, теперь тоже заполонили дома, перед ними стояли мопеды, сушилось на веревках белье.

Конечно, ей хотелось узнать, помнит ли кто-нибудь из проживающих здесь людей те события, что навсегда остались в памяти у нее. Ей даже захотелось остановить проходившего мимо мужчину примерно ее возраста в майке и штанах-лунги, чье лицо показалось ей смутно знакомым.

Не исключено, что он был одним из бывших школьных товарищей Удаяна. Видимо, он шел на базар, в руках держал авоську. Он прошел мимо, не узнав ее.

Где-то поблизости от того места, где она сейчас остановилась, Удаян когда-то прятался от полиции в воде, в зарослях гиацинта. Где-то здесь установили в его память мемориальный столбик. Или тоже снесли?

Она, конечно, была совершенно не готова увидеть здесь такие перемены. Совсем не ожидала, что не найдет ни единого следа от того памятного вечера сорокалетней давности.

От тех почти двух лет ее жизни, когда она была сначала женой, а потом беременной вдовой-затворницей. И соучастницей преступления.

Тогда эти просьбы, которые она выполняла для Удаяна, казались ей вполне здравыми и разумными. Ведь что он говорил ей? Что они хотят убрать с дороги полицейского. Честно сказал, в его словах не было лжи.

И она не стала задумываться тогда над сутью, хотя в душе ее шевелилось какое-то сомнение, но она душила и подавляла его в себе, посматривая из окошка со своего репетиторского места в доме ее учеников.

Никто не связал ее тогда с этим убийством. И до сих пор никто не знал о том, что она совершила.

Она сама осталась единственным своим обвинителем, единственным хранителем своей тайны и своей вины. Удаян ее не выдал, следствие этой детали не заметило, а Субхаш увез ее потом в другую страну. Так что приговором ей теперь стало забвение и одиночество, а наказанием — свобода.

И еще она теперь все время помнила, что сказала ей Бела: ее появление не изменит ровным счетом ничего, она для Белы так же мертва, как и Удаян.

Поэтому Гори стояла сейчас здесь, на месте его гибели, не зная, где отыскать его памятник, и испытывала какую-то новую солидарность с ним. Она остро почувствовала эту новую связь, объединившую их еще крепче в одном — они оба больше ни для кого не существовали.

В ночь за сутки до того, как за ним пришли, он спал. Наконец-то, впервые за многие дни, смог уснуть, но во сне вдруг закричал, разбудил ее своими криками.

Она трясла его за плечи, но разбудить его поначалу не удавалось. Потом он проснулся и сел на постели, дрожа, как в лихорадке. Лоб горел, щеки

пылали. При этом он громко жаловался на холод в комнате, на сквозняк, несмотря на то что было очень тепло. Попросил ее выключить вентилятор и закрыть ставни.

Она поспешила достать из сундука под кроватью ватное одеяло, укрыла его до самого подбородка и сказала:

— Усни, постарайся уснуть.

— Ну, точно как на Независимость… — пробормотал он.

— Что?

— Ну, мы с Субхашем. Оба заболели тогда. Родители рассказывали, как мы оба метались в жару, стучали зубами. В ту ночь Неру произносил речь, а страну объявили свободной. Я разве не рассказывал тебе?

— Нет.

— Вот не повезло же дурачкам. Как и мне сейчас.

Она налила ему попить, но он оттолкнул поднесенную воду, расплескав ее на одеяло. Тогда она смочила водой платок и отерла ему лицо. Она боялась, что этот жар вызвала инфекция, попавшая в его рану на руке. Но на боль в руке он не жаловался, а потом жар постепенно начал спадать и сменился изнеможением.

Он уснул и проспал здоровым сном до утра. А она до утра просидела над ним в душной запертой комнате, разглядывая в темноте его лицо.

Слабый рассвет просачивался сквозь ставни, давал ей возможность различить его профиль — лоб, нос, губы.

Щеки покрывала всклокоченная борода, а под усами пряталась ее любимая ямочка над верхней губой. Во сне, с закрытыми глазами, он был таким безмятежным. Она положила руку ему на грудь, почувствовала, как та вздымается и опускается.

Он вдруг открыл глаза — на этот раз вроде бы в полном сознании, не в бреду.

— Я думал, — сказал он.

— О чем?

— О том, иметь или не иметь детей. Ничего, если мы с тобой совсем не будем заводить их?

— А почему ты думаешь об этом сейчас?

— Я не могу стать отцом, Гори. — И, помолчав, прибавил: — Не имею морального права после того, что сделал.

— А что ты сделал?

Но он так и не сказал ей, что сделал. Но сказал: что бы ни случилось, он сожалеет только об одном — что не встретил ее раньше.

И снова закрыл глаза, потянулся к ее руке, их

пальцы переплелись. И он не отпускал ее руку уже до самого утра.

В гостинице она подогрела в микроволновой печке еду, оставленную для нее Абхой, — тушеную рыбу с рисом. Ела в комнате перед телевизором, за овальным столиком, покрытым цветастой скатертью и поверх нее еще прозрачной пленкой. Не доев, она отставила тарелку в сторону.

Кровать с нейлоновой москитной сеткой на крючьях была аккуратно застелена. Она опустила сетку, подоткнула ее по бокам, разобрала постель, отметила, что ночника у постели нет, только верхнее освещение, почитать не получится. Гори просто лежала в темноте и наконец всего на несколько часов уснула.

Ее разбудили карканьем вороны. Она встала с постели и вышла на балкон, увидела мутный молочный рассвет, какой бывает только высоко в горах, а никак не на равнине.

На тесном балкончике места хватало только для пластмассовой табуретки и маленького тазика для замачивания белья.

Внизу — пустынная улица, еще закрытые магазины и киоски. Тротуар уже подмели и даже полили водой. К озеру на утреннюю прогулку идет всего несколько человек — по одному и

парочками. На противоположной стороне улицы уже начинает работать лавочка с газетами, фруктами, водой в бутылках и чаем.

Уличный уборщик уже переместился в следующий квартал. Вдалеке слышен грохот транспорта. Скоро он станет непрерывным и всеподавляющим.

Она прижалась к перилам балкона. Посмотрела вниз. Как высоко! В душе волной поднималось отчаяние. А еще ощущение ясности. И порыв.

Вот тут — подходящее место. За этим она и приехала. Вернулась в родные края, чтобы попрощаться.

Она представила себе, как закидывает на перила сначала одну ногу, потом другую… Ничто не держало ее здесь, в этом мире, ничто не тянуло назад. Всего несколько секунд, и ее время на земле закончится.

Сорок лет назад у нее не хватило на это духу. У нее внутри тогда находилась Бела, и Гори не ощущала вокруг себя этой пустоты, этой бессмысленной оболочки никчемного бытия.

Ей вспомнился Кану Санъял и женщина, нашедшая его мертвое тело. Женщина, как Абха, заботилась о его ежедневных потребностях.

А вдруг внизу будет кто-то проходить в этот

момент? Возвращаясь с прогулки у озера, увидит, как она падает. Поймет: ее уже нельзя спасти, и торопливо прикроет глаза ладонями, поспешит отвернуться.

Она закрыла глаза. В голове пустота. Только один настоящий момент — ни прошлого, ни будущего. Момент, которого она до сих пор ни разу не видела. Она полагала, что это походит на состояние, если посмотреть на ослепительное солнце. Но ей не хотелось зажмуриться.

Потом, одну за другой, она начала сбрасывать с себя вещи, будто это оковы. Избавляться от тяжести — так она снимала с себя металлические браслеты после гибели Удаяна. Перед ней мгновенно промелькнуло: Удаяна она видит с террасы в Толлиганге, видит маленькую Белу в их доме, видит полицейского под окошком за руку с маленьким сыном.

И последнее воспоминание: Удаян стоит рядом с ней на балконе в северной Калькутте. Они смотрят вниз на улицу, и он расспрашивает о ее жизни, хочет узнать ее лучше. Они находятся близко-близко друг к другу, всего несколько дюймов. А перед ними расстилается будущее. В тот момент жизнь ее началась заново, началась во второй раз.

И она сейчас опять на балконе перед перилами, посмотрела на то место, куда должна была упасть. И вспомнился трепет, охватывавший ее при встрече с ним, вспомнилось ее обожание, ее восхищение им. И момент утраты, когда он ушел от нее навсегда. И как сжалось ее сердце, когда узнала, во что он вовлек ее тогда. И муки в момент рождения Белы уже после его ухода.

Она открыла глаза — его не было.

Утро вступило в свои права. Матери вели детишек в школу, мужчины и женщины торопились на работу. Во дворике картежники рассаживались вокруг дощатого стола. Настройщик сародов раскладывал на расстеленной прямо на тротуаре простыне сломанные инструменты, чьи струны ему предстояло натянуть за день.

Прямо под балконом Гори разложил товар зеленщик: красные помидоры, оранжевая морковка, зеленая стручковая фасоль. Сам уселся на потертой циновке, зазывая покупателей. Наладил весы, поставил гирьки. Уже успел обслужить одну покупательницу.

Тут появилась Абха — она шла готовить завтрак и заваривать чай. Задрав голову, она увидела Гори, показала ей свои покупки: связку бананов, бутылочку моющего средства, хлебный каравай.

Другая ее рука держала газету.

— Что-нибудь еще надо?! — крикнула она.

— Нет, больше ничего!

А что ей еще надо? Она в конце недели покинет Колкату, чтобы вернуться к своей жизни. Когда Абха позвонила в дверь, Гори уже ушла с балкона, чтобы открыть ей.

Несколько месяцев спустя в Калифорнию пришло второе письмо из Род-Айленда.

На конверте светло-синими чернилами небрежно написан адрес — как только почтальон сумел разобрать его? И куда делся тот аккуратный почерк, которому Белу научили в школе? Но разобрать адрес все же возможно, поэтому оно и дошло до адресата.

Гори изучила конверт. На марке — лодочка с парусом. Она села за стол в своем патио и вскрыла письмо. В него были вложены два листка, один — рисунок Мегны, подписанный ее именем. На рисунке — широкая полоска синего неба, внизу полоска зеленой земли, а в белом пространстве между ними плывет разноцветная кошка.

Письмо на этот раз написано по-английски, никакого обращения ни к кому.

Мегна спрашивает о тебе. Может, она чув-

ствует что-то, не знаю. Рассказывать ей все пока рано. Но когда-нибудь я объясню ей, кто ты такая и что ты сделала. Моя дочь обязательно узнает правду о тебе. Я ничего не прибавлю и ничего не скрою, скажу только правду. Если после этого она все равно захочет знаться с тобой и поддерживать с тобой отношения, то я, может, этому посодействую. Но это касается только ее, а не меня. Ты уже научила меня обходиться без твоей персоны, и про Удаяна мне большего знать не нужно. Но может быть, когда Мегна станет постарше, когда и она, и я будем готовы, то мы можем попробовать встретиться с тобой снова.

Часть восьмая

Глава 1

На западном побережье Ирландии, на полуострове Беара движется по дороге машина. В ней супружеская чета едет из Корка по сонным просторам и ближе к вечеру попадает в пустынную гористую местность. Здешние долины хранят следы доисторического земледелия: полевые разметки, остатки каменных стен, погребенные под торфяными отложениями.

В одном из здешних городков супружеская чета сняла себе домик — беленые стены, а дверь и ставни покрашены синей краской. Весь городок едва ли больше квартала, в котором когда-то вырос мужчина.

Узкая пологая улочка, по обочинам цветут фуксии, припаркованы машины. В двух шагах от домика находится паб, еще в двух шагах — желтая церковь, куда ходят местные прихожане. В магазинчике при почтовом отделении супружеская чета покупает продукты — молоко, яйца, консервированную фасоль и сардины, баночку черничного джема. Здесь даже можно посидеть на улице за столиком, заказать чаю, свежих сливок и масла, блюдо ячменных лепешек.

Ночью после долгой дороги и пинты пива в пабе мужчина крепко спит. Но посреди ночи он просыпается и просто лежит рядышком с женой. Со своей новой женой. Она мирно спит, повернув голову набок, скрестив на груди руки.

Он встает с постели и спускается вниз. Прямо босиком выходит на заднее деревянное крыльцо с видом на сад и на пастбища, раскинувшиеся до самого Кенмаре-Бэй. Его густые волосы от седины белы как снег. Жена любит ерошить их пальцами. Он стоит на крыльце, любуется дорожкой лунного света на воде. Ясность здешнего неба и такое громадное количество звезд просто ошеломляют.

Буйный морской ветер вторит шуму прибоя. Мужчина поднимает голову и смотрит на звезды, хотя давно уж забыл их названия, которым когда-то учил свою дочь. Сгустки горящего газа, а на земле их принято считать холодными светящимися точками.

Он возвращается в постель, но все равно лежит и смотрит из окна на небо, на звезды. Красота здешних звезд, видимых даже днем, его поражает. А еще его преисполняет чувство благодарности к прожитым годам. Он благодарен жизни за данную возможность — увидеть эту безграничную

роскошь и величие мироздания.

Утром после завтрака они выходят на свою первую прогулку по побережью. Шагают мимо некошеных пастбищ, где на фоне горизонта молчаливо щиплют травку овцы и коровы, мимо лугов, поросших наперстянкой и папоротником. День облачный, но не хмурый, сквозь облака сочится ясный свет. Океан мирно плещется у подножия каменистых утесов.

Мужчина и женщина любуются величием этих пейзажей. Первозданной безмятежностью этих мест. В течение нескольких часов они преодолевают меньше половины пути, который отмерили себе на день по карте.

Эта поездка — их медовый месяц. Для мужчины первый в жизни, хотя он был уже однажды женат. Несколько дней назад, по другую сторону океана, в Америке, они обменялись торжественными клятвами перед алтарем красно-белой церквушки в Род-Айленде. Церквушки, чьим шпилем, возвышающимся над заливом Наррагансет-Бэй, мужчина любовался с таким восхищением многие годы.

На заключении супружеского союза присутствовали друзья и родственники. Мужчина обрел теперь двух сыновей и еще одну дочь. И у моло-

доженов теперь на двоих семеро внуков. Вся эта молодежь, живущая в разных местах, приехала и имела возможность встретиться, пообщаться. Ведь очень важно — знать свои корни и свою родню.

Решение объединить отдельно прожитые жизни было у мужчины и женщины взвешенным и тщательно продуманным. И нет никакого смысла гадать, как сложилась бы их жизнь, если мужчина встретил бы эту женщину в сорок или в двадцать лет. Вполне вероятно, в те годы он мог и не жениться на ней.

На следующий день, выйдя из дома, они видят на улице похоронную процессию. В какой-то миг мужчине и женщине кажется, что они тоже оказались в числе скорбящих, траурно одетых во все черное людей. Ибо скорбь по усопшим не знает границ, ведь у каждого есть кого оплакивать. Потом мужчина и женщина отделяются от людской толпы и идут своей дорогой.

Если бы с ними сейчас были их внуки, то все поехали бы по канатной дороге в дельфинарий в Дерси-Айленд. Но внуков с ними нет, поэтому они целыми днями просто совершают пешие прогулки. Шагают, взявшись за руки, по дорогам и полям, и по морскому берегу, укутавшись в

толстые свитера, защищающие их от осеннего холода.

Когда устают, то устраивают привал. Сидят, любуются красивыми видами, перекусывают печеньем и сыром. На прибрежных отмелях среди каменных пещер и гротов они находят плоские серые камешки-голыши и раковины, истертые и проеденные временем. Мужчина набирает пригоршню красивых ракушек — на ожерелье для своей внучки в Род-Айленде, он воображает, как нанижет их на нитку, наденет ей на голову, как корону.

А еще им встречаются интересные древние камни. Громадные каменные столпы чуть в стороне от проселочных дорог. Камень «Огхэм» на фермерском поле, исписанный именами, одинокий валун; по преданию, в него превратилась после смерти колдунья.

Однажды на мокром поле они подошли к группе камней, словно выросших из-под земли. На первый взгляд их расположение кажется произвольным, но на самом деле камни образуют круг, лицом друг к другу. Одни короче, другие выше, расширяющиеся книзу и словно отточенные сверху. Неровные, бесформенные, кое-где побелевшие от времени, но по-прежнему священные.

Невозможно даже представить, как такие камни можно было передвинуть, но их расположение тщательно продумано, и каждый из этих камней доставили сюда люди.

Жена объясняет мужчине, что эти камни датируются бронзовым веком. Когда-то они имели религиозное назначение, возможно погребальное или мемориальное. Или служили чем-то вроде календаря, отражающего движение Земли вокруг Солнца. В течение многих столетий люди проделывали огромный путь, чтобы прикоснуться к ним, постоять перед ними, впитать их благословение. И люди оставляли здесь что-нибудь на память.

Мужчина видит ленты для волос, цепочки, замочки, наваленные горкой перед некоторыми камнями. Сплетенные прутики, веревочки. Всякие нехитрые безделушки, оставленные здесь людьми в знак веры. О древних верованиях мужчине не известно ничего. Да и вообще многое в этом мире пока остается для него неизведанным.

Впереди на зеленом поле он видит пучки какой-то растительности, возвышающейся над травой. Пучки похожи на прибрежную осоку. Он видит коричневые лица из камня окружающих долину гор и безмятежную гладь залива у их подножия.

И на память ему приходит другой камень, тот, что стоит в далекой-далекой стране. Вернее, не камень, а небольшой памятник с именем его брата. Низина вокруг него постепенно засоряется отходами и уже не наполняется водой после муссонов. Теперь она превращена в твердыню, служит более практичным целям. Долгие годы мать мужчины каждый день преданно навещала это священное место, приносила погибшему сыну цветы. Она приходила туда до тех пор, пока истощенные старческие силы не отказали ей, лишив ее возможности воздавать эту последнюю дань.

А сейчас он стоит на этой новой для него древней земле, перед одинокими священными камнями, в ботинках, перепачканных запекшейся грязью. Он поднимает вверх голову и смотрит на серое нахмуренное небо, на низкие, ползущие над землей тучи.

А под серыми тучами нелепо синеет яркий день. На западе розовое солнце уже клонится к закату. Такая вот бескрайняя трехсоставная картина располагается перед его глазами.

Рядом с ним Удаян. Они идут по низине в Толлиганге, ступают по зеленым листьям водяного гиацинта, несут в руках клюшку для гольфа и мячики.

В Ирландии земля тоже пропитана влагой, земля здесь тоже неровная и бугристая. Он окидывает взглядом эти просторы. В последний раз, потому что знает: больше не попадет в эти края. Он идет к следующему камню и спотыкается, дотягивается до него, хватается за него рукой. За эту каменную веху в конце его пути — в конце того, что было дано, и того, что было отнято.

Глава 2

Он не слышал приближения полицейского фургона — только видел его. Просто сидел в это время на крыше. Пока он удирал задами, никто не мог его увидеть.

Это походило на прыжок через перила. После того взрыва внешний мир перестал быть стабильным. Земля под ногами больше не держала его, но и зловеще манила, когда ему случалось посмотреть под ноги.

Сейчас он увидел: их слишком много — трое полицейских уже во дворе. Он окинул взглядом соседние крыши. Где-нибудь в северной Калькутте можно было бы перепрыгнуть с крыши на крышу, но здесь, в Толлиганге, дома стояли слишком далеко друг от друга. И к тому же у него жутко кружилась голова.

Перед тем как отец открыл полицейским ворота, он успел сбежать вниз по лестнице. Успел незаметно слететь по ступенькам в новую, недавно выстроенную часть дома. В старой части дома, в их с Субхашем бывшей комнате узенькая дверь открывалась в сад.

В саду он перелез через стену, как делал это

в детстве, сбегая из-под надзора матери. Из-за больной руки у него не получилось быстро, но все-таки получилось, когда он встал на канистру из-под бензина. В теплом воздухе пахло серой.

Он бежал сломя голову мимо прудов к низине. Добежал до самых густых зарослей водяного гиацинта — шагнул в них, еще и еще, пока вода не скрыла его.

Он сделал глубокий вдох, закрыл рот и погрузился под воду. Старался не двигаться, не шевелиться. Пальцами больной перевязанной руки он зажимал себе нос.

Прошло несколько секунд, и дышать стало невозможно — легкие буквально горели, воздух, набранный в легкие, распирал грудь. И это нормально — здесь не недостаток кислорода, а переизбыток углекислого газа в крови.

Если бы человеческий организм умел сохранять дыхание до определенной степени, то он научился бы выживать до шести минут. За счет печени и кишечника, из которых кровь приливала бы к сердцу и к мозгу. Это рассказал ему доктор, лечивший его руку.

Он нащупал свой пульс. Жаль, конечно, что он перед этим бежал. Если бы не бежал, то пульс сейчас был бы медленнее. Он начал считать.

Отсчитал десять секунд. С трудом подавлял в себе потребность вынырнуть, заставил себя продержаться еще несколько секунд.

Под водой он не прислушивался к звукам. Ведь после того взрыва он немного оглох, часто не мог разобрать, что говорят люди, переспрашивал. Доктор сказал, что слух потом восстановится, шум и звон в ушах со временем пройдет. Просто надо немного подождать.

Но тишина под водой не была абсолютной. Какая-то вибрация все же проникала в голову. И эта тишина отличалась от глухоты, случившейся с ним после того взрыва. Вода, как он знал, лучше проводила звук, чем воздух.

На что она была похожа, эта подводная глухота? Если приедешь в чужую страну, то не будешь понимать тамошнего языка. Наверное, вот на это. Он никогда не был в других странах. Ни в Китае, ни на Кубе. Сейчас он вдруг вспомнил недавно прочитанные важные слова — последние слова Че, адресованные своим детям: «Помните, что самое главное — это революция, и каждый из нас в отдельности ничего не значит».

Но в его стране революции не суждено было произойти. Теперь он это понял. Теперь он знал это точно.

Но если он сам по себе ничего не значит, то почему же тогда он так отчаянно цепляется за жизнь? Почему тело не хочет подчиниться мозгу?

И тело в конце концов взяло верх над мозгом — он вынырнул. Ноздри щипало, словно огнем жгло, легкие жадно хватали воздух.

Двое в форме стояли, наведя на него дула винтовок. Один кричал в мегафон, Удаяну даже не пришлось напрягать слух.

Низину полицейские оцепили, его же окружили со всех сторон. Семью взяли в заложники. Голос в мегафоне прокричал: они начнут расстреливать его родных по одному, если он не сдастся. Эту угрозу слышал не он один, она прогремела на весь квартал.

Он поднялся в полный рост в мутной зеленоватой воде, доходившей ему до пояса. Он отплевывался, отхаркивался, заходясь в судорожных приступах кашля. Ему приказали выйти с поднятыми руками.

Его шатало и мутило, перед глазами все дергалось и ходило ходуном — и вода, и небо, и горизонт. Ему хотелось укрыться теплой шалью. Темно-бордовой шерстяной шалью, всегда висевшей у них в комнате на крючке, он накидывал

ее на плечи, когда спозаранок вылезал на крышу покурить. Шаль эта хранила запах Гори.

Он надеялся, что Гори с матерью еще не вернулись из города, куда поехали за покупками. Но он увидел, когда вылез из воды, что они успели вернуться.

Все начиналось в колледже, в университетском городке, по соседству с кварталом, где жила Гори. Сначала крамольные разговоры — в лабораториях, в студенческой столовой. С разговоров о стране и обо всем дурном, что с ней происходило. О загнивающей экономике, о падении общего уровня жизни. О неурожаях риса, из-за этого десятки тысяч людей оказались под угрозой голодной смерти. О пародии на независимость — когда половина Индии до сих пор пребывала в цепях. Только теперь в эти цепи заковали себя сами индийцы.

Потом он познакомился кое с кем из членов студенческих марксистских кружков. Они говорили о примере Вьетнама. Он стал ходить с ними по всей Калькутте, прогуливал занятия. Они приходили на фабрики, заходили в трущобы.

В 1966 году они организовали студенческую забастовку в Президенси, выступили против начальства общежитий, требовали увольнения

коменданта. Они очень рисковали — ведь за такие дела их самих могли выгнать из университета. Но благодаря их усилиям весь Калькуттский университет был закрыт в течение шестидесяти девяти дней.

Потом он стал ездить по провинциям, продолжал глубже знакомиться с марксистским учением. По заданию партийных товарищей он ходил от деревни к деревне, по пятнадцать миль ежедневно. Встречался с голодными крестьянами, которые вынуждены были питаться тем, чем кормили свой скот. Видел их детей, не знавших, что такое поесть за день два раза. Общался с несчастными, кто от отчаяния убивал своих близких перед тем, как покончить с собой.

Существование этих людей целиком и полностью зависело от землевладельцев и ростовщиков. От тех, кто наживался на них. От сильных мира сего. От непобедимой несправедливой системы, державшей их в повиновении и унижении, лишавшей их элементарного человеческого существования.

Он принимал их скудное угощение. Пустой рис, жиденькую чечевичную похлебку. Воду, никогда не утолявшую его жажды. В некоторых деревнях не было даже чая. Он редко мылся, справлял

нужду в поле — не самое удобное место, когда мучаешься расстройством желудка от сырой воды и нездоровой пищи. Но для него это были временные лишения, а многие люди другой доли и не знали.

Спали они с товарищами в тесных гамаках, а то и вовсе на мешках с зерном. Их поедом ели тучи москитов. А ведь некоторые из его товарищей были из очень состоятельных семей. Двое даже не выдержали — сбежали через несколько дней. По ночам, в тишине, расстроенный увиденным и услышанным Удаян предавался мечтам о своем единственном утешении. О Гори. Он представлял себе, как снова увидит ее, как снова будет разговаривать с ней. Все гадал, согласится ли она выйти за него замуж.

Однажды во время посещения больницы он увидел мертвое тело молодой женщины. Она была примерно возраста Гори, но уже имела много детей. По телу трудно было определить, отчего она умерла. Ни один из них так и не смог правильно определить, когда доктор предложил им высказать свои предположения. Оказывается, ее затоптали. Она попала в давку, когда пыталась раздобыть дешевого риса для своей семьи. У нее были раздавлены легкие.

Он представил себе, как люди в этой озверелой давке пихали ее, толкали, тыкали кулаками в спину, норовили сбить с ног. Возможно, это даже были ее односельчане, кого-то из них она, возможно, даже называла своими соседями и друзьями. И этот вопиющий, чудовищный случай лишь подтверждал полную несостоятельность государственной системы. Еще одно доказательство того, каким тяжким преступлением следует считать политику государства, доводящего людей до такой нищеты.

Им говорили о какой-то альтернативе. И все же поначалу это был главным образом вопрос формирования взглядов. Посещение митингов и съездов, самообразование. Расклейка плакатов и лозунгов на стенах по ночам. Чтение листовок с речами Чару Маджумдара, вера в учение Кану Санъяла. Вера в грядущие перемены.

Как раз в тот период, когда партия только была провозглашена, Субхаш уехал в Америку. Он критически относился к целям партии, по сути дела, не одобрял их. Это его неодобрение бесило Удаяна, но их временный разрыв наполнил Удаяна предчувствием, от которого он никак не мог отделаться, — они больше никогда не увидятся. А через несколько месяцев он женился на Гори.

Когда Субхаш уехал, единственными друзьями Удаяна стали его партийные товарищи. Постепенно задания становились все более важными и трудными: облить бензином кабинет чиновника в архиве колледжа. Изучать инструкции по изготовлению самодельных взрывных устройств, воровать из лабораторий ингредиенты для них. Обсуждать внутри своих звеньев потенциальные мишени расправы. Например, «Толли-клаб» за его буржуйскую сущность. Или полицейского — за то, что является представителем власти, и за его оружие.

После провозглашения партии он начал вести двойную жизнь. Жил в двух измерениях, подчинялся двум сводам законов. В одном из этих миров он был женат на Гори, жил в родительском доме, старался своими приходами и уходами не вызывать подозрений, преподавал, вместе с учениками в школе проводил простейшие лабораторные опыты. Слал бодрые письма Субхашу в Америку, делал вид, будто бросил участие в повстанческом движении, будто его революционный пыл охладел. Лгал брату в надежде, что это поможет им снова сблизиться. Лгал родителям, чтобы оградить их от волнений.

А в другом мире — в партийном — для него

считалось нормальным участие в убийстве полицейского. Тогда полицейские являлись ненавистными символами жестокости, злыми псами на службе у иностранцев. «Они не индийцы, они не принадлежат Индии!» — утверждал в своих речах Чару Маджумдар. Их следовало истреблять. И каждый акт такого истребления способствовал продвижению революции, воспринимался как еще один шаг вперед.

В заранее условленное время он пришел в переулок, где был намечен акт расправы. Нападение произошло средь бела дня, когда полицейский шел в школу забирать после уроков сына. Это был его выходной день на службе. День, когда он, как удалось установить с помощью Гори, не должен был иметь при себе оружия.

На собраниях своего звена Удаян с товарищами старательно изучал, как правильно наносить ножевой удар в живот, как правильно определить точку ниже ребер. Они хорошо помнили слова Синхи, сказанные им перед самым его арестом: революционное насилие это всего лишь ответ насилию со стороны государства. Что это вынужденная суровая мера, средство в борьбе за освобождение, в борьбе за счастье народа.

Тогда в переулке он чувствовал себя спокойно

и уверенно. Он видел, как потемнела от крови рубашка у полицейского. Видел изумленный взгляд, выпученные глаза, гримасу боли на искаженном лице. А потом полицейский просто перестал быть врагом. Перестал быть мужем и отцом. И больше уже не напоминал того блюстителя порядка, который когда-то сломанной клюшкой для гольфа стукнул маленького Субхаша по спине возле ограды «Толли-клаб». Он просто умер.

Чтобы убить его, понадобился всего лишь обыкновенный нож, каким режут фрукты. Нож, а не заряженная винтовка, чье дуло целилось сейчас в голову Удаяну.

Зарезал полицейского не Удаян — он только находился рядом и смотрел. Но его роль в этом задании была тоже важной. Когда все произошло, он наклонился, обмакнул руку в кровь убитого врага и вывел на стене буквы партийной аббревиатуры. Он писал буквы, и кровь липкой струйкой стекала по его запястью все ниже и ниже, до самого локтя. А потом они побежали.

И вот теперь он стоял на краю низины, в двух шагах от квартала, где прошла вся его жизнь. Был октябрьский вечер. Неделя накануне праздника Дурга-Пуджо. В Толлиганге смеркалось.

Его родители униженно умоляли полицей-

ских пощадить его, твердили, что он ни в чем не виноват. На самом деле они просто не знали о событиях, в которых он участвовал, о делах, которые он совершал.

Руки ему связали за спиной, веревка больно врезалась в кожу. Так больно, что он ни о чем больше не мог думать в тот момент. Ему приказали повернуться спиной.

Бежать или сопротивляться было поздно. Поэтому он просто ждал, стоял спиной к своим родным, представлял их себе, но не видел.

Но потом он все-таки увидел в последний миг своих родителей. Вернее, их ноги, когда ему велели поклониться и попросить у них прощения. Резиновые домашние шлепанцы отца. Подол материнского сари.

Одной только Гори он все-таки сумел заглянуть в лицо — изловчился в тот момент, когда ему связывали руки. Он просто не мог без этого уйти от нее навсегда.

Он понимал, как дурно поступил с ней. Лгал ей, использовал ее. Но ведь он любил ее. Любил эту девочку, помешанную на книгах, равнодушную к своей красоте и даже не подозревавшую о ней. Она собиралась прожить свою жизнь одиноко, но с тех пор, как они познакомились, он уже больше

не мог жить без нее. И вот теперь он покидал ее навсегда.

Или это она покидала его сейчас? Она смотрела на него сейчас так, как не смотрела раньше никогда. В этом взгляде читалось разочарование. Словно она пересмотрела заново всю их совместную жизнь и теперь видела ее по-другому.

Его затолкали в полицейский фургон, тот завелся и поехал. Сейчас его повезут куда-нибудь за пределы города, будут допрашивать, потом пустят в расход или бросят в тюрьму. Но мотор вдруг выключился, фургон остановился. Дверца открылась. Его опять выволокли наружу, на поле, куда они с Субхашем столько раз бегали играть в футбол.

Ему не задавали никаких вопросов. Развязали руки и приказали поднять их над головой.

— Идти медленно! — услышал он приказ. — После каждого шага останавливаться!

Он сделал, как ему было приказано. Шаг за шагом все удалялся от них. «Иди к себе домой!» — крикнули они. Но он понимал: они просто ждут, когда он выйдет на идеальную линию прицела.

Вот один шаг, потом другой… Он начал считать эти шаги. Сколько еще их надо будет сделать?

Он с самого начала знал, на какой риск шел.

Но только пролитая кровь того полицейского решила все. Эта пролитая кровь стала и кровью Удаяна. Тогда в переулке над мертвым телом полицейского он чувствовал, как его собственная жизнь начала неотвратимо убывать. С того момента он уже просто ждал, когда его собственная кровь тоже прольется.

Он услышал, как что-то молниеносное разорвало ему легкие. Звук, подобный хлынувшей воде или порыву ветра. Звук принадлежал незыблемым силам мироздания и теперь его из мироздания забрал. Теперь его окружало полное безмолвие. Ненарушаемое ни единым звуком.

Но он был не один. Перед ним стояла Гори в сари персикового цвета. Она немного запыхалась, на блузке под мышками проступили пятна пота. Это был яркий день, они стояли у кинотеатра во время перерыва. Первую часть сеанса они пропустили.

Она приехала к нему на свидание — еще пока не жена, а просто возлюбленная, — чтобы дождаться вечера и посидеть-помиловаться где-нибудь в укромном уголочке под покровом темноты.

Волосы ее блестели на солнце. Ему захотелось взять их в руку, почувствовать на ладони их шелковистую тяжесть. Они не просто блестели

— переливались на солнце радугой.

Напрягая поврежденный слух, он старался разобрать, что она говорит. Он сделал навстречу к ней еще один шаг, выбросил дымящуюся сигарету.

Потом прижал к себе, склонил к ней голову и сделал из ладоней зонтик — защиту от солнца для нее. Бесполезный жест. Только полное безмолвие. И солнце в ее волосах.

Благодарности

Я выражаю глубокую признательность Мемориальному залу Фредерика Льюиса Аллена Нью-Йоркской публичной библиотеки, Центру изящных искусств в Провинстауне, штат Массачусетс, а также Американской академии в Риме за их щедрую и неоценимую поддержку.

Составить более полное представление о движении наксалитов мне помогли такие ценные источники, как «Закипающая революция в Индии. Восстание наксалитов», автор Суманта Банерджи; «Движение наксалитов», автор Биплаб Дасгупта; «Третья Коммунистическая партия Индии» (в «Азиатском обозрении», 9-й выпуск, ноябрь 2011 г.), автор Маркус Ф. Фрэнда; «Багровая повестка дня. Маоистский протест и террор», автор Ранджит Гупта; «„Маоистская Весенняя Гроза“. Движение наксалитов 1967–1972», автор Арун Просад Мухерджи; «Движение наксалитов глазами полиции», автор Ашок Кумар Мухопадхья; «Наксалиты и их идеология», автор Рабиндра Рай; «Движение наксалитов в Индии», автор Пракаш Сингх; а также веб-сайт sanhati.com.

Я также выражаю огромную благодарность многим людям. Вот их имена: Гаутам Бхадра, Михир Чакраборти, Робин Дессер, Амитава Гангули, Авиджит Гангопадхья, Дэн Кауфман, Анируддха Лахири, Крессида Лейшон, Субрата Мозумдер, Рудрангшу Мухерджи, Эрик Симонофф, Арунава Синха и Чарльз Уилсон.